

СКАЗКА О ШУТЕ И ВЕДЬМЕ

ЗИКЕВСКАЯ ЕЛЕНА

Когда древние сказки оказываются правдой; когда твой дар совсем не тот, что ты думала; когда единственный, кому ты доверяешь, скрывает множество тайн и живёт ради смертельной Игры...

Когда у каждого находятся могущественные и безжалостные враги, которым вы — кость в горле; когда ты понимаешь, что уже выбрала свою судьбу...

...остаётся только идти по этой дороге до конца.

14. Равновесие

Утром я проснулась оттого, что солнечный луч светил мне прямо в глаза. Упавшая ель, в чьих замшелых корнях я ночевала, образовала в кронах просвет, через который солнце осветило крохотную полянку. Может, поэтому выворотень не приглянулся волкам под нору?

Я потянула на лицо край плаща, чтобы ещё чуть-чуть поспать, но тут же резко села, вспомнив вчерашнее.

— Джастер?

С замирающим сердцем я оглядывала место ночлега. Затухшее кострище... Мои вещи...

Шута не было.

Уже никуда не спеша, я закуталась в плащ. Солнечный день для меня погас. На душе стало очень горько и больно.

Он ушёл. Не смог простить и ушёл.

А чего я ждала?

Видела же сама, в каком он состоянии. Он же просто чудом к той свинье в придачу меня вместе со всей деревней в порошок не стёр...

А я, глупая, думала, что он просто обиделся...

Слёзы снова закапали из глаз, но я не вытирала лицо.

Какая разница теперь, как я выгляжу...

Джастер ушёл, я потеряла его навсегда. Из этой чащи мне не выбраться, я даже не знаю, куда идти. Такие дебри кругом, что жильём даже не пахнет.

Наверняка он опять короткими тропами шёл, пока я за ним бежала...

А значит, до ближайшей деревни может быть и неделя пути.

Да не проживу я столько. Этой ночью волки меня не тронули, потому что Шут здесь был. А следующей сожрут и косточек не оставят.

В Кронтуше я думала, что моя жизнь рухнула, потому что дар с изъяном оказался? Ха, девчонка глупая... Свою жизнь я угробила сама, своими руками в несчастной свинской деревне по собственной глупости...

Точнее, языком.

Слишком много знаю и много болтаю...

Нет, Джастер, ничего я о тебе не знала, а теперь и не узнаю. Потому что в самом деле болтала слишком много.

А надо было смотреть и слушать, как ты говорил...

Ну почему, почему я такая дура?!

Он ведь хорошо ко мне относился! Заботился обо мне! Столько всего для меня сделал! Таким вещам научил!

А я...

Великие боги... Да я бы теперь ему в рот заглядывала, язык бы за зубами держала и каждое слово, как откровение богов, слушала! Слова бы поперёк не сказала!..

Я рыдала в голос, уткнувшись лицом в колени.

Больше у меня ни на что сил не было.

Глухое рычание, вдруг раздавшееся в нескольких шагах, заставило вскинуть голову и испуганно уставиться на волчью морду.

Крупный зверь стоял между сосен, смотрел на меня и принюхивался. В следующее мгновение он облизнул нос и снова глухо зарычал.

Я обмерла, понимая, что всё.

Он сейчас прыгнет — и только пикнуть успею.

Или даже не успею...

— Не рычи. — Раздалось вдруг у меня за спиной, а затем из-за вывороченного комля показался обладатель знакомого баритона. — А ты сиди, где сидишь, — не глядя, пригвоздил он меня к месту.

От звучащих в голосе холода и металла вся радость потухла, не успев даже разгореться. Джастер, с котелком воды в руке, спокойно прошёл мимо, пристроил котелок в корнях, чтобы не опрокинулся, и достал из моих пожитков круг колбасы.

— Держи, — он отломил половину и бросил волку, словно это был домашний пёс. — Забирай и иди.

Хищник обнюхал угощение, снова облизнулся, подхватил подарок и скрылся между рыжих стволов, как его и не было.

Шут сунул остаток колбасы обратно, забрал котелок и отправился к сосне, под которой провёл ночь. Все его вещи оказались укрыты чёрным плащом в тени корней, и потому я их просто не заметила.

Я молча смотрела, как он разжигает костёр и ставит котелок на огонь. Живой меч на поясе под солнцем блеснул ледяным.

Вчерашняя стена вокруг Шута исчезла, но её место заняла хорошо знакомая мне стальная, покрытая ледяным куржаком.

Может, Джастер и успокоился, но меня точно не простил.

А значит...

Значит, лучше бы меня загрыз волк.

— Ты исполнила договор, ведьма, — Джастер смотрел не на меня, а в огонь. — И ты отказалась от моей помощи. Но снова пришла. Зачем?

Растерявшись, что он заговорил со мной, я не сразу сообразила, что он сказал.

Ис... Исполнила?!

— Но я... я не...

— Договор исполнен, ведьма. — Воин посмотрел на меня. Холодно и так пронзительно, что я снова почувствовала себя на острие фламберга. — Прекрасно исполнен. Мастерски, я бы сказал. Я оценил.

В сердце словно вонзился меч. Мир перед глазами потемнел и поплыл от потёкших слёз. Мастерски исполнила договор... Лучше он бы меня убил... чем... так... хва... хва-ли-и-ить...

Невидяще я зашарила рукой, чтобы хоть за что-то ухватиться и удержаться в реальности. Под пальцами осыпался песчаный край выворотня. Бессильно цепляясь за остающуюся в

руках горькую полынь, я ободрала ладонь о подвернувшийся шершавый корень.

Это не важно.

Бесполезно. Всё было бесполезно...

Он меня не простит.

Как мне теперь жить?..

— Итак, зачем ты пришла? Говори, не бойся. Я не буду тебя убивать. — Джастер не собирался терпеть мои рыдания.

Я вздрогнула, потому что поняла: он не шутил и не пугал. Он на полном серьёзе обдумывал такую возможность и принял решение оставить мне жизнь.

Слишком много знаю и много болтаю...

В глазах Шута текло и переливалось чёрное пламя, которое никуда не делось. Под этим тёмным и тяжёлым взглядом стало... жутко. Куда страшнее, чем пробираться за Шутом по непроходимой чащобе.

И в то же время Джастер стал... другим. Что-то сильно изменилось в нём за эту ночь, хотя я и не могла понять, что именно.

Но я точно знала, что дело не в его стене. И не в договоре. Совсем не в нём.

Зачем пришла... Нет, не о чувствах сейчас надо сказать. Совсем не о них. Иначе отмахнётся, и это уже будет... будет навсегда.

— Джастер... Научи меня быть ведьмой! Пожалуйста! — доверившись какому-то внутреннему порыву, я выпалила совершенно неожиданно для себя. — Я... я буду тебя во всём слушать, обещаю!

Шут смерил меня взглядом и хмыкнул, словно я угадала правильный ответ из множества ошибочных. Только это было ещё не всё.

— Объясни, почему я должен это делать, ведьма. Зачем мне учить тебя.

Вопрос без вопроса — такого я ещё не слышала...

Я решительно оборвала сама себя. Не о том думаешь, Янига. От твоего ответа сейчас зависит... всё.

Но что сказать? Что?!

Великие боги... Помогите...

— Потому что по судьбе, — на меня вдруг словно что-то накатило. — Ты сам это знаешь. И ты знаешь, что нужно сделать.

Джастер вздрогнул. Чёрное в его глазах уступило место изумлению. Шут отвел взгляд и опустил веки.

А когда открыл снова — чёрный вихрь... погас. Просто погас, как будто его и не было.

Глаза воина были обычными, серыми как сталь.

А я растерянно моргала, пытаюсь понять: что это вообще было?

Про какую судьбу теперь говорила... я?!

Что должен сделать Джастер, о чём он сам знает?

Шут бросил в кипящую воду горсть трав из своей торбы и хмуро ворошил огонь веткой.

— Джа... — я прочистила внезапно пересохшее горло. — Джастер... П-прости, я не знаю, что...

— Датри подсказала. Великая богиня подсказала тебе ответ. — Воин хмуро покосился на меня. — Что так смотришь? Боги живы, пока о них помнят люди, даже если и зовут их Забытыми или Древними. Я же говорил. Или ты не верила?

Я молча ловила ртом воздух, пытаюсь прийти в себя от неожиданности. Сама Датри —

Богиня, говорила через... меня? Неужели... неужели она меня услышала?! Боги и в самом деле... живы?!

Разве это возможно?!

— Они всё слышат, — мрачный Джастер помешивал отвар и не нуждался в моих вопросах. — Ты можешь говорить и вслух, и в мыслях, и в душе, как хочешь. И ответ придёт. Просто надо его понять. Иногда ты что-то увидишь, иногда услышишь. А иногда... Иногда они могут ответить и вот так. Шанак и Датри — источники магии людей, поэтому люди с даром — проводники их воли. Да ты и сама это читала в «Легендах», если помнишь. Поэтому Великие боги всегда отвечают людям. Всегда...

— И... и что теперь? Что ты должен сделать, Джастер?

Воин снял котелок с огня, достал свою чашку, а потом посмотрел на меня. Взгляд был очень усталым и... каким-то обречённым.

— Мы, ведьма. Мы друг другу по судьбе. И ты, и я пришли, чтобы изменить этот мир. И этот путь придётся пройти до конца.

Я только покачала головой, не в силах поверить услышанному. Нет, я конечно, всё понимаю, но это... это как-то...

Да не может такого быть! Не верю!

Изменить мир...

Это звучало... страшно.

— Джастер... Зачем его менять?! Мне нравится мир такой, как он есть! Мне нравятся города и деревни, мне нравится ходить по дорогам, нравятся реки, поля и озёра, мне даже эта чаща нравится! Я не хочу ничего менять!

— Над судьбой не властны даже Великие боги, ведьма. На то она и судьба. — Шул спокойно отпил отвар из чашки. — Тот, кто идёт против судьбы, живёт не долго и не счастливо.

— И... и что нам теперь делать? — я растерянно огляделась. — К-как его менять? Траву здесь посадить? Грядки вскопать?

— У тебя там была еда, если не ошибаюсь, — воин кивнул в сторону моих пожитков. — Давай поедим и пойдём. До дороги путь неблизкий.

— Джастер...

— Менять мир можно по-разному, ведьма. Иногда для этого свергают королей, а иногда — копают грядки. Всё, хватит об этом. Я есть хочу. Неси, что там тебе давали, пока не протухло на жаре и вся стая на запах не сбежалась. У меня ни сил, ни желания нет ещё и с волками разбираться.

Вспомнив утреннего гостя, я торопливо кинулась разбирать запасы, радуясь, что не зря всё это тащила вчера. Набрав полные руки, я обошла костёр и, не задумываясь, опустилась на колени рядом с Джастером, расстелила тряпицу и положила на неё хлеб, яйца, остатки колбасы и заметно увядшую зелень.

— Вот, пожалуйста...

Воин кивнул, спокойно отломил хлеб и кусок колбасы, неловко выбирая левой рукой луковые стрелки и петрушку позеленее. Великие боги... Он же и в самом деле три дня ничего не ел! И раны до конца не зажили! Да ещё и натерпелся столько из-за меня...

В порыве сочувствия я осторожно коснулась руки под чёрной шелковистой тканью. Горячий...

— Джастер... Ты... ты как?

Воин замер, коротко покосился на мою руку, а затем посмотрел мне в лицо.

Под тёмным и глубоким взглядом я смутилась и убрала ладонь. Судьба — судьбой, но... Одним взглядом он дал понять, что его прощение, как и доверие, мне ещё предстоит заслужить.

Шут перевёл взгляд на бледные язычки костра.

— Раньше люди знали, что в каждом человеке есть частички божественной тьмы и света. Так задумано Божественной Парой, чтобы у человека был выбор, чему он хочет служить. Внутренние свет и тьма нашёптывают мысли, подталкивают к поступкам, склоняя каждый в свою сторону. Когда человек говорит или делает что-то из этих частичек — он умножает свет или тьму, как в своей душе, так и вокруг себя.

Джастер говорил негромко, но каждое слово западало мне в самую душу.

— Сказанное в гневе или обиде можно пережить, забыть и простить. Сказанное в сердцах из тьмы... Оно легко толкает на самое дно души. В самые тёмные глубины.

Я закусила губу, виновато опустив голову и понимая, к чему он клонит.

Значит, она действительно сказала ему что-то похожее. А я попала в самое больное место, и старая боль и обида вспыхнули с новой силой.

Сказанное в сердцах из тьмы не забывается. А уж когда это сказано любимой... Да ещё и выбравшей в мужа другого...

Вот с какой болью он живёт, оказывается. Вот почему не хочет жить, грубит всем подряд, напрашивается на драки, чтобы смертельной битвой заглушить эту боль. Какие тут песни, когда хочется волком выть...

Сколько бы времени ни прошло — эта рана не заживала. Может, он и хотел её простить, но не мог.

И при этом не переставал любить.

А я, вместо помощи, ещё добавила своего.

Вот и довела до белого каления.

И не догони я его, не раскайся в содеянном, не попроси прощения — никогда бы больше его не увидела. Она же не просила прощения, как я...

— Прости... — прошептала еле слышно. Глупо, но больше мне нечего сказать в ответ.

— Внутренний демон всегда знает, куда и как ударить. И сделанное им не забывается. — Джастер тщательно взвешивал каждое слово. — Но иногда... Иногда такие слова или поступки можно... нет, нужно перешагнуть. Нужно поднять голову, чтобы понять: кто ты и где ты. Оставить прошлое в прошлом и не повторять старых ошибок. Когда есть, ради чего, можно склеить разбитую чашку, хотя целой она уже никогда не будет.

Я подняла голову и посмотрела на Шута, пытаясь сдержать снова наворачнувшиеся слёзы.

Слышал. Он всё слышал, что я говорила вчера.

И дал тот самый шанс, о котором я просила.

Шанс вернуть его доверие и доброе отношение. И... и шанс выжить.

Склеить разбитую чашку. Когда есть, ради...

И тут меня осенило.

То есть он смог переступить через такую боль и обиду ради... ради меня? Потому что... по судьбе?!

Да я всё для него сделаю! Наизнанку вывернусь, помру, но никогда больше его не предам!

— Я буду с тобой! — в избытке чувств я крепко обняла Джастера, прижавшись к нему

всей собой. — Я пойду с тобой куда угодно, что бы ты не задумал!

— Больно же, ведьма... — тихо прошипел воин. — И ты на хлеб сейчас...

— Прости! — я шарахнулась обратно, и в самом деле едва не снеся наш завтрак в костёр. — Прости...

Воин спокойно кивнул, ладонью потеряв шрам под рубахой и ничем не показав своего отношения к моему страстному признанию.

— Чашку свою носи и ешь давай. Идти долго.

Мы ели молча. Джастер как обычно, хмуро и отстранённо смотрел на огонь, а я размышляла обо всём, что мне открылось за это утро.

Вся моя жизнь и договор с Шутом вдруг предстали в совершенно ином свете. Все его странные поступки обрели глубокий и неведомый мне раньше смысл. И хотя я до сих пор многого не понимала, сомнений в том, что воин всегда знал, что делал, у меня больше не осталось.

Судьба...

Изменить мир...

Я передёрнула плечами. Мороз по спине от такого, хоть и день летний...

— Что не так, ведьма? — вдруг негромко спросил Джастер.

— Ты, правда, знаешь, какая у меня судьба?

— Вижу. Не только твою, а вообще любую. — Воин пригубил отвар и держал чашку в ладонях. — Я вижу это как нить, которая может быть разной. У кого-то эта нить лежит ровно и прямо, а у кого-то свивается в петли и завязывается в узлы, пока не оборвётся совсем. Иногда видно далеко и хорошо, иногда всё в тумане, потому что человеку надо сделать выбор. А иногда и знать ничего не хочется. — Он криво усмехнулся. — Вообще судьба подобна дороге. Дорога может идти через лес, через горы, через поля, да где угодно... Главное, что у неё есть границы и направление, которые ты не сможешь изменить. Можно идти по дороге, а можно попробовать свернуть и уйти в сторону. Только ни к чему хорошему это не приведёт. Жизнь закончится быстро и плохо. Это ты на себе проверила.

Я только вздрогнула, вспомнив эту проверку. Мой путь — не путь наставницы... Как же, забудешь такое ...

— Когда ты идёшь по судьбе... Нет, не так. Есть то, что человек создаёт в своей судьбе сам, совершая какие-то поступки. Например, посадила ты овощи и вырастила урожай — нитка у тебя идёт гладко. Обидела кого-то, и этот человек сделал тебе плохо в ответ — такие узелки и петли ты завязываешь и развязываешь сама. Но есть то, что уже записано в судьбе, как бусина, нанизанная на нить. Бусины бывают разными, но их не миновать, как ни крути. И когда ты с этим сталкиваешься... Бежать уже поздно.

Джастер снова пригубил отвар, пока я обдумывала услышанное. И только теперь вспомнила его странные слова по пути, узелки и судьбу в наш первый вечер. Значит, он уже тогда всё это... видел?

— И ты... ты знал, что всё так получится? С самого начала знал?! Поэтому тогда передумал?

— От судьбы, как и от прошлого, не убежишь, Янига, — Шут вздохнул, глядя на бледные язычки огня. — Знал ли я... И да, и нет. Ты не первый человек, который нуждается в моей помощи и ему это по судьбе. Я видел это, мне было достаточно.

— Узелки развязать и настройки поправить, да? — всхлипнула я, вдруг поняв,

насколько одной из многих была в его жизни. Ювелир с семейством, книжник со своим другом-архивариусом и любящей экономкой, племянник трактирщика... Сколько таких даже не бусин, а бисерин, он видел на своём пути? Пригоршню? Две? Или уже на целый прилавок хватит? Помог, спас, узелки распутал и пошёл дальше...

Вот почему он хотел разорвать наш договор. Только я навязалась со своим словом, да ещё и указывать начала... Сколько я ревела из-за него... И сколько всего он от меня перетерпел... Два раза чуть не убила только...

— Прости... ты со мной столько мучился...

Воин едва заметно повёл плечом, как отмахнулся от надоедливой мошки.

— Хватит извиняться, ведьма. Прошное — в прошлом. Тогда мне не было дела до будущего, да и до настоящего тоже.

— А сейчас? — я вытерла мокрые глаза. — Ты опять передумал? Надолго?

Джастер пошевелил веткой угли.

— Передумал насовсем, — хмуро ответил он. — Боги всегда разворачивают тебя на твой путь. Я несколько раз хотел уйти, но каждый раз ты не давала. Даже помереть не получилось. Думал, сейчас точно всё. А ты всё равно догнала и пришла. Куда уж яснее...

Даже помереть не получилось?! Несколько раз хотел уйти? Когда это было?!

Я напрягла память, и она тут же услужливо всё напомнила.

«Я передумал».

«Ты не виновата. Я сам...»

«От твоей руки умереть не судьба...»

И сейчас. Когда он решил уйти совсем, а я считала, что это обычная ссора, и пришла мириться...

Сил плакать у меня уже не было.

— Ты... — с трудом сглотнула комок в горле: не ожидала я такого откровения. — Ты жалеешь? Мне... мне уйти?

Он хмыкнул, не обращая внимания на мои слёзы.

— И куда ты пойдёшь, ведьма? К волкам на обед? Да даже если я тебя к людям выведу или на дороге оставлю, пару деревень ты, может, и переживёшь. Больше — вряд ли. Хозяйка этой милой зверюшки быстро тебя найдёт, сожрёт и не подавится. Тебе не хватит ни сил, ни умения, чтобы победить её.

Горько-то как... До слёз и до боли горько. И ведь не врёт, правду говорит... Потому что я... Я со своим даром ничего не смогу противопоставить ведьме этого надела. А она, судя по всему, на проклятиях не одну свинью съела... Холисса до такого никогда не доходила.

— У тебя нет выбора, Янига. Да и у меня тоже. — Он покосился на меня и приподнял бровь. — Или ты считаешь, я смогу оставшуюся жизнь спать спокойно, бросив тебя на верную смерть? Зная, что должен был помочь и не помог? Так ты обо мне думаешь?

Я замотала головой, размазывая по лицу слёзы. На такое он точно не способен.

Воин спокойно кивнул.

— Вот и хорошо. И хватит об этом. Собирайся. Полдень скоро, а мы ещё на месте сидим.

Хотя до полудня было ещё далеко, но спорить я не стала. Молча подняла оставшийся хлеб, немного зелени и пару яиц, стряхнула с тряпицы крошки, завернула наш будущий ужин и отнесла в свою торбу, укладывая всё получше, потому как помощь с вещами Джастер, судя по всему, предлагать не собирался.

Шут заглушил костёр, допил отвар и тоже собирал вещи. Левой рукой он пользовался почти как обычно, лишь иногда болезненно дёргая уголком рта, но перевязь, лютню и торбу повесил на другое плечо. Пояс с Живым мечом был немного приспущен на бёдра, чтобы край не попадал на свежий шрам.

Да уж... Ему своё бы донести, а не моё ещё на себя вешать.

Ничего, справлюсь. Я докажу, на что способна.

— Куда мы пойдём?

— Не знаю пока. Места здесь глухие, выйдем к дороге — посмотрим. Ах да, вот, — он протянул мне флягу. — Умойся, ведьма. А то ты зарёванная — смотреть страшно. И причешись уже.

Я сердито взяла флягу и плеснула в ладонь воды, протирая лицо.

Зарёванная... Смотреть страшно... Кто бы говорил! Сам на смерть похож! Щёки ввалились, под глазами круги, на руках не пальцы — кости! Отощал, как скелет, одежда, как на колу, болтается! Если бы не загар — вообще за покойника бы сошёл!

— А куда ты ходил? — я вернула ему флягу и достала гребень.

— За водой, — он знакомо усмехнулся, оглядываясь из-под руки... — Ну, вроде туда... Идём.

Целый день мы пробирались через чащу, которая только к вечеру стала светлее и реже. Ели исчезли, мхи и лишайники сменились папоротниками и хвощами. Иногда попадались кусты черники и ежевики, листья которых мы с Джастером собирали в запас.

Шут шёл впереди, легко и уверенно выбирая дорогу и, как обычно, указывая мне на травы. И я много раз ловила себя на том, что если бы не его вещи, собранные на одном плече, то можно решить, что мы только что покинули Стерлинг...

Только вот уже был Кронтуш, был бой на смерть, был Живой меч и был... Пеггивилль.

И по лесу теперь шёл другой Шут.

По-прежнему невозмутимый и спокойный, стройный и высокий воин в чёрном. Только теперь за этим спокойствием чувствовалась не скрытая боль, а холодная и непоколебимая решимость исполнить задуманное. Боль не ушла, но что-то изменилось в ней за эту ночь. Что-то очень важное, хотя я так и не понимала, что именно.

Видимо, госпожа Янига ещё не набралась достаточно разума, несмотря на все полученные уроки.

Ближе к вечеру Джастер начал искать нам место для ночлега.

В этот раз его выбор пал на высокий и крутой берег оврага, который сплошь зарос папоротником и по дну которого журчал узенький ручеёк.

— Мы тут надолго?

Я с удовольствием села на землю и вытянула уставшие ноги, но тут же начала отмахиваться от комарья. Очень хотелось пить, но обрыв был крутым, и я решила предоставить добычу воды опытному человеку.

— Переночуем и пойдём дальше. — Джастер, не обращая внимания на потревоженных кровопийц, прореживал заросли папоротника, накидывая охапки резных листьев в одну большую кучу между корней сосны. — Найдём место получше — остановимся подольше. Иди сюда, помогай.

Помощью оказалось застилание этой кучи пологом шатра, и в итоге получилась почти

настоящая постель, рассчитанная на двоих. Хоть Джастер и смирился с судьбой, ослабил стену и смог перешагнуть свою обиду, подпустив меня немного ближе, а любовные ласки ещё предстоит заслужить, я всё равно тихо радовалась тому, что спать мы будем рядом.

Костёр Шут разводить не стал, зато поставил свою защиту, и поужинали мы без надоедливого зудения. Воду он достал, просто привязав к котелку верёвку и закинув нехитрое приспособление вниз с обрыва.

— Джастер... — пользуясь случаем, я с удовольствием сидела с ним рядом, а не напротив.

— М?

— Почему ты и я? Почему я? Почему этим не может заняться кто-то ещё?! Ты же сам говоришь, что мой дар...

Шут усмехнулся.

— Разве ты забыла, что мир создан богом и богиней, ведьма? Это их любимое дитя, и каждый из божественной Пары отвечает за свою часть его воспитания. Так же и у людей. Новое рождается в соединении мужского и женского. Ты не сможешь всю жизнь продавать зелья... Что ты так смотришь?

— Ты... ты хочешь... ребенка?!

Джастер тихо застонал, возвёл очи горе и закрыл лицо ладонью. Я же отвела глаза, обругав себя за очередную глупость. Значит, он что-то другое имел в виду...

— Ты не моя женщина, Янига. — устало сказал воин. — Успокойся уже. Наши судьбы связаны иначе. Всё в мире находится в равновесии или стремится к этому. Твоя сила дополняет мою, а моя — твою. Представь, что у тебя есть серебряный рудник, но ты умеешь только добывать руду. А я умею добывать из руды серебро, которое сделает богаче не только тебя или меня, но и других людей. Наша встреча была предрешена.

— Поэтому ты сдержался?

Шут обхватил колени руками, сжав пальцы в кулаки, но я не успела пожалеть о сказанном.

— Убить очень легко, ведьма.

Джастер усилием воли разжал руки и откинулся на ствол сосны, как обычно смотря куда-то перед собой. Говорил он глухо, и каждое слово давалось ему с усилием.

— Легче всего убить тело, но, если постараться, можно убить и душу. Особенно, когда у тебя есть дар и ты умеешь им пользоваться. А вот вернуть к жизни мёртвое... Ты знаешь, что у тёмного дара много граней? Дар ведьм — одна из самых простых, а в таком виде, как он сейчас, — и самых безобидных. Ведьмы прошлого могли куда больше, и дела у них были очень... разными.

— Грязными... — почему-то переименовала я.

— И грязными тоже, — согласился воин. — Хорошо, что ты это понимаешь. Так вот, что такое проклятие ведьмы, ты знаешь не понаслышке. А есть ещё проклятие некроманта. Так в древности называли слугителей Смерти. В хрониках я читал, что задолго до Великой войны на границе двух королевств был богатый город, который принадлежал ордену некромантов. Но его слугителей обманом убили, и выжил только один. Этот обиженный некромант втёрся в доверие к одному из королей и обрушил на город, предавший его орден и бога, которому они служили, целую армию, пообещав королю сокровища ордена. Но, когда солдаты заняли город и предавались грабежу и насилию, некромант принёс в жертву невинную душу и проклял всех, кто находился в городе. Обратил их в живых мертвецов и

заставил трудиться на благо себя и своего бога. Понимаешь разницу в силе, ведьма?

Я кивнула, поражённая такой историей. Целый город ходячих мертвецов... Жуть!

Это не мужиков к свиньям приворожить...

— И что с ним стало потом?

— Основал орден заново. Люди-то с таким даром рождались. Богу были нужны служители, и им нужно было у кого-то учиться.

— Почему ты рассказал мне это?

— Жизнь — это всё, что есть у человека, Янига. А любовь — самое ценное в жизни. —

Джастер повернул голову, глядя прямо мне в глаза, словно желая убедиться, что я понимаю его правильно. — Однажды, очень, очень давно, я в приступе безумия утопил в крови целую деревню, потому что её охотники бросили мне вызов. Меня остановила она. Я увидел её и забыл обо всём. — Он прикрыл глаза и вздохнул, явно вспоминая свою возлюбленную.

Но это длилось всего несколько мгновений. На меня уже снова смотрел холодный и спокойный, как скала, воин.

— А теперь меня не остановит никто. Только я сам.

Пока я пыталась осмыслить услышанное, Джастер встал и скрылся за деревьями, бережно и бесшумно ступая по влажной земле, по колено утопая в папоротниках.

Я же сидела, открыв рот, ошеломлённая таким неожиданным признанием.

Да я вообще о нём ничего не знаю, оказывается.

Бедный мальчик-музыкант, сбежал от злых разбойников, воспитывался в богатой семье, влюбился в дочку хозяина и от несчастной любви подался в наёмники...

Х-ха... То-то он надо мной смеялся... Придумала красивую сказочку, глупая ведьма.

А не хочешь безумного убийцу, который вырезал целую деревню? И спасение уцелевших жителей чудесным появлением девицы, в которую он влюбился с первого взгляда?

Небесная любовь... Если он был таким чудовищем, конечно, она его отвергла и выбрала другого...

Очень, очень давно... Год, два, три? Мммм... Пять?

Конечно, за месяц, — всего месяц?! — путешествия с Джастером мне уже кажется, что прошла целая жизнь и даже не одна, но он же немного старше меня...

Нет, я не слышала о таком чудовищном преступлении за последние несколько лет. Хотя я и о резне под Упочкой не слышала...

И тут у меня в голове что-то щёлкнуло, и всё сложилось.

Ну конечно!

Вот оно в чём дело! У него — тёмный дар! Вот тебе и заговорённая рубаха, вот почему он носит чёрное, говорит, что не волшебник, и поэтому так много знает о ведовстве и даже о служителях Смерти!

Но в Эрикии не рождаются мальчики с тёмным даром! Только ведьмы!

Значит, Джастер действительно откуда-то... очень издалека.

И почему-то рядом с этим «издалека» даже Сурайя кажется мне соседней деревней.

И тут меня озарило снова.

Оставить прошлое в прошлом и не повторять старых ошибок...

Деревня тогда — деревня сейчас. Джастер в гневе — Джастер в ярости... Возлюбленная, которая его отвергает, — ведьма, которая прогоняет... А если ещё и слова похожие были...

Я закрыла лицо руками, поражаясь такому ошеломительному удару судьбы. Я даже представить не могу, что он пережил...

Клин клином...

Великие боги... Шанак, Датри... Может, когда-то он и был жестоким чудовищем, но сейчас он другой. Я видела, как он защищал простых людей и помогал им, ничего не ожидая взамен. Я знаю, как он страдает от той раны, что бы он там ни говорил про исполненный договор...

И про судьбу.

Не его женщина...

Я и не собираюсь занимать её место. Я просто хочу, чтобы он остался со мной и любил меня.

Я не знаю, что нас с ним ждёт. И... и не хочу знать.

Но я... я люблю такого Джастера. И хочу занять место в его сердце. Разве я многого хочу? Чем простая любовь хуже небесной?

Неужели в нашем будущем нет такой бусины? Хотя бы маленькой...

Только, пожалуйста, если вы меня слышите: я не хочу больше быть таким клином в его судьбе.

Воин вернулся, когда совсем стемнело и я уже устроилась на нашей постели, закутавшись в свой плащ. Воин молча лёг рядом, и сразу стало тепло.

— Доброй ночи, Джастер. — Я прижалась спиной к его спине, наслаждаясь теплом и снизошедшим умиротворением. Вот чего мне так не хватало эти дни...

— Доброй, — после короткого молчания тихо отозвался Шут, и я погрузилась в сон.

15. Ведьма-защитница

К утру я поняла, что спать на папоротниковой подстилке не только мягче, чем на земле, но и заметно теплее. Несмотря на соседство Шута, я закуталась ещё и в полог: утро было серым и промозглым, вокруг стоял туман, а от влажной земли ощутимо тянуло холодом.

Моя возня разбудила воина. Но не успела я подумать, что он сейчас встанет и уйдёт, как меня накрыло сверху чёрным, и сразу стало очень тепло.

Какой же у него чудесный плащ...

Пригревшись, я снова уснула.

Разбудил меня негромкий и спокойный голос, позвавший встать и завтракать.

Я села, протирая глаза и оглядываясь. Солнце уже стояло довольно высоко, и стало заметно теплее, хотя по небу бежали облака, обещая пасмурный день.

Пока я спала под чёрным плащом, Джастер успел сделать отвар и сварить кашу. Полные чашки и две дымящиеся миски ждали, когда мы их опустошим.

Я выпуталась из-под плащей и полога, быстро привела себя в порядок и взяла миску с тёплой кашей, сев обратно на подстилку из папоротника, с которой Шут успел убрать полог и плащ. Даже мой лежал аккуратно свёрнутым.

Эх, Янига... Не маленькая девочка уже, а взрослая ведьма. Пора вставать раньше и помогать ему в делах, а не спать до полудня и вставать на всё готовое.

Воин молча поел и так же молча дождался, когда доем свою часть и я. Забрав у меня миску и котелок, Шут скрылся за деревьями, а затем я услышала, как он спускается вниз, к ручью.

«Умойся, а то зарёванная вся...» — вдруг вспомнилось мне вчерашнее. Осторожно подойдя к обрывистому краю оврага, я увидела воина, моющего посуду в ручье.

— Джастер! А я могу спуститься?

Он оглянулся и покачал головой.

— Лучше не надо. Тут ноги переломать можно. И отойди от края. Навернёшься — костей не соберёшь.

Мне ничего не оставалось, как вернуться к костру и дожидаться Шута, расчёсывая волосы.

Новый день прошёл спокойно и почти привычно: лес стал куда приветливей, я собирала травы для зелий и духов, а Шут молчал.

Когда Джастер показал на притаившийся в тени крестоцветник, я спросила, зачем он мне теперь, если я не ведьма любовной магии.

Лучше бы я молчала.

Джастер прислонился спиной к ближайшему стволу, сложил руки на груди и смерил меня снисходительным взглядом.

— Скажи мне, Янига, — он сорвал травинку и зажал в зубах с задумчивым видом. — Какая сейчас луна?

— Луна сильных трав, — буркнула я в ответ. — Я помню! Но при чём...

— Хорошо, — невозмутимо перебил Джастер. — А теперь скажи, как ты собираешься зарабатывать на жизнь: продавать хорошие зелья за золото и серебро или спать с кем попало за медяки, потому что больше одного «листка» тебе не дадут? Это первое. И второе. Помнится, кто-то обещал меня слушать. Или нет?

Я сердито прикусила язык, не успев ничего сказать в ответ. Как он поймал меня на слове! А ещё обещала в рот заглядывать и слова поперёк не говорить...

И пусть он это не слышал, но... Боги всё слышат. А я, получается, им пообещала...

Но всё равно, мог бы и помягче сказать! А не сравнивать меня с гулящими девками!

Больше серебрушки никто не даст...

Какой же он... грубый! Нарочно же позлить меня решил! И ведь получилось...

Обижалась я на него до самого вечера, но Шута это нисколько не волновало.

К вечеру мы вышли на пологий берег маленького лесного озера. Когда воин осмотрелся и стал натягивать верёвки для шатра, я поняла, что мы здесь задержимся больше, чем на одну ночь.

Пока Джастер обустроивал лагерь, я занималась собранными травами, думая о том, что Шут в очередной раз оказался прав. Всё равно я бросила вызов хозяйке надела, значит, от продажи зелий хуже точно не будет. Не зря же Джастер столько сил потратил, чтобы о «госпоже Яниге» и её зельях весь Кронтуш узнал.

Только вот готовых зелий у меня мало, а пересушенные травы я потратила в Пеггивилле на свиней.

Когда шатёр был поставлен и дрова для костра принесены, я заканчивала разбирать травы и раскладывать их для просушки.

Обижаться мне тоже надоело, а вот вопросов было много.

Воспользовавшись тем, что невозмутимый воин сел с другой стороны будущего костра и

спокойно что-то искал в своей торбе, я решила начать разговор.

— Джастер... почему ты убил тех охотников?

Признаться, я боялась, что он опять помрачнеет и уйдёт в себя, но Шут даже не дрогнул. И я поняла, что он ждал от меня подобного вопроса.

— Дурак был, — он спокойно что-то перебирал в торбе. — Гордый, самоуверенный, самовлюблённый и сопливый дурак. И он дураком был, что решил по пьяни меня позадирать. Прилюдно сказал, что он лучший из лучших Охотников и с таким, как я, легко справится. Много ли горячему мальчишке надо, тем более когда драка — любимое дело? Вот и решил доказать, что он ошибается. Доказал.

«В безумии вырезал деревню...» Неужели... неужели он убил даже...

— А зачем... зачем ты убил всех?

Джастер вздохнул и покосился на меня.

— Я хотел убить только его. Пришёл к воротам и звал. Но он протрезвел, понял, что натворил, и выходить на бой отказался, а остальные меня просто не пустили в деревню. Лучше бы открыли ворота и не вмешивались. Остались бы живы. А так... Это была лёгкая победа, и вкус крови оказался слишком... пьянящим. Я убил всех мужчин, пытавшихся меня остановить или сбежать, пока искал своего обидчика. Этот болтливый трус прятался у себя дома. Я был очень горд собой и вытащил его на улицу показать, что сделал с его деревней. Он умолял о пощаде, но я оторвал ему голову. Потому что надо было раньше думать, кому бросаешь такой вызов.

Ничего подобного я услышать не ожидала.

«...не видишь, на кого пасть раззявил?!» — вдруг вспомнилось мне, и по спине пробежал холодок. И в самом деле, на... кого?

Где учат так жестоко и хладнокровно убивать с... с детства? Каким умелым и... и жестоким надо быть, чтобы в одиночку расправиться не с одним десятком взрослых мужчин?

Лёгкая победа...

— Сколько... лет тебе было?

Воин отложил торбу и посмотрел на меня. Взгляд снова стал тёмным и холодным, давая понять, что Шут больше не намерен делиться своими тайнами.

— Меньше, чем тебе, ведьма. А теперь хватит разговоров. Тебе пора учиться своему. Держи и читай. Ты должна знать историю магии хотя бы в таком виде. Вернусь — проверю, что ты успела запомнить.

Передо мной появилась забытая лампа, «Легенды», а Джастер взял тонкую бечеву, засохшую лепёшку и отправился вдоль берега прочь от нашего лагеря.

— А ты куда? — растерянно я смотрела ему в спину.

— Ужин ловить, — бросил он, не оглядываясь, и почти сразу скрылся за кустами и деревьями, оставляя меня в одиночестве и задумчивости.

Горячий мальчишка, для которого драка — любимое дело?

Да он и сейчас такой же... задиристый. Вспыхивает, как сухая солома, лишь повод дай... Только вот не гаснет так же легко, а почти сразу разгорается в лесной пожар и остывает очень долго.

«Никто меня не остановит. Только я сам»...

Да уж, слушать меня он точно не станет. И, судя по всему, на снисхождение в учёбе лучше не надеяться.

Вздыхнув, я зажгла лампу, взяла книгу и отправилась в шатёр, отмахиваясь от комаров.

Вопреки всему, книга не увлекла меня. Я поняла это, когда сообразила, что смотрела на одну и ту же страницу и даже название истории не прочитала, потому что все мои мысли о другом.

Я думала о Джастере.

Когда мы впервые встретились, он поразил меня настолько, что я не задумывалась об отдельных странностях. А потом как-то сразу приняла его таким и перестала обращать внимание на его непохожесть на других мужчин. Скорее, наоборот, сравнивала остальных с ним, придумывая сказки о его прошлом.

По-мальчишески искренняя и задорная улыбка вкупе с открытым взглядом, когда Джастер был в хорошем настроении, очаровывали женщин сразу и насовсем. Светлые пряди он подрезал, собирая отросшие волосы в кулак и чиркая ножом. От этого волосы впереди почти падали ему на глаза, скрывая при этом высокий лоб, широкие брови и умный взгляд, зато придавая немного небрежный, простоватый и совсем не опасный вид, который обманывал очень многих опытных мужчин.

«Эй, ты, щенок...»

Только за внешностью «щенка» скрывался матёрый «волчара» с такими зубищами и хваткой, что ему палец покажи — он сразу голову откусит. Или оторвёт...

Шут умело пользовался своей внешностью, и я обманулась ею, как и все. Повелась на его вид и чёрный шутовской наряд, который куда больше говорил о чудаковатости хозяина, чем о его опасности.

Хотя нет, Визурия не обманулся... Он единственный, кто понял, что с Шутом не стоит шутить. И, если бы не его люди, решившие устроить самосуд, верный «пёс» Саризулы ни за что не скрестил бы меч с Джастером.

Тогда я этого не понимала.

Но сейчас, когда он рассказал о себе такое...

Ещё вчера я думала, что он изменился, потому что добр и заботлив к другим людям, но сегодня его рассказ меня... напугал и заставил увидеть Шута иначе. Потому что говорил Джастер о прошлом не просто спокойно, а с каким-то едва уловимым удовольствием. Может, теперь он и считал тот поступок глупой мальчишеской выходкой, но...

Сколько раз я видела, как он насмешничает, нарываясь на драку? Сколько раз мимолётно удивлялась тому, как легко он расправляется с противниками, превосходившими его и грозным видом, и числом...

Я вспомнила, как он смотрел на охранников каравана, решивших вступить за своего пострадавшего товарища. Вспомнила, как он легко покалечил Махмара и как потом смотрел на обоих братьев. И как он играл — теперь я в этом не сомневалась — с «псами» Саризулы, вызвавшими его на прилюдный поединок.

Он был готов их убить. И сделал бы это с... с удовольствием.

Да ничуть он не изменился.

Он и в самом деле не красавчик-менестрель, как бы сладко ни пел, а... опытный убийца, которому нравится его работа.

Внешность, так очаровавшая меня, была обманчивой.

Я попробовала представить Джастера в обычном наряде наёмников, с усами и бородой

или хотя бы с короткой щетиной и только покачала головой над своей наивностью.

Без воинской брони и растительности на лице его мужская красота была красотой обнажённого меча. Он сам был, как Живой меч. Серые глаза всех оттенков металла, искренняя улыбка сияла, как солнечный луч на полированном лезвии. Да и характер под стать остро заточенному клинку: тронешь неосторожно — и обрежешься до крови...

У Живого меча не было ножен, а Шут отказался от всякой защиты. Зачарованная от дырок и грязи одежда не заменяла ему броню, как кожаная петля на поясе не была ножнами для меча. Уж не поэтому ли воин и оружие так спелись друг с другом, что были очень похожи?

Джастер явно не любил шрамы на теле, но сколько их было у него в душе, не считая той раны, которую я так наивно пообещала исцелить?

Глупая, Янига, глупая... Я ещё обижалась, что он говорит со мной, как будто в несколько раз старше. Неудивительно — с такой-то жизнью...

И ведь сколько раз понимала, как он опасен, но каждый раз забывала про это и велась на придуманную самой сказочку про несчастного музыканта, страдающего из-за отказа возлюбленной...

Хотелось бы мне сказать, что он меня обманул, только вот он... он не лгал. Наверняка мог бы придумать себе убедительную историю, и я бы поверила в любую ерунду! Но он не считал нужным этого делать и просто молчал или отвечал очень коротко и уклончиво, предоставляя мне догадываться о правде самой.

Кто ж виноват, что истина оказалась совсем другой, чем я себе представляла...

Он был не просто «псом», он был чудовищным убийцей, безжалостным и беспощадным. И при этом он искренне ценил жизнь и умел любить так, как ни в каждой балладе услышишь.

Это противоречие никак не укладывалось у меня в голове, и мне казалось, что я замерла над жуткой чёрной пропастью и пытаюсь удержаться от падения, стоя на лезвии Живого меча.

Джастер вернулся, когда над озером гасли последние краски заката. Услышав шорох в кустах, который отличался от обычного шелеста листьев на ветру, я осторожно отодвинула полог и выглянула в щёлку. Чёрная одежда Шута сливалась с листвой, и только на фоне неба я заметила мелькнувший тёмный силуэт.

Но воин и не таился. Он спокойно подошёл к приготовленному кострищу, что-то опустил рядом и начал разжигать огонь.

Мне было и радостно его видеть, и в то же время я... я боялась.

Боялась его, боялась себя и боялась ошибиться.

Ошибиться во всём.

— Что-то не так, ведьма? — спокойно поинтересовался Шут, снова что-то ища в своей торбе. — Ты во мне скоро дырки просмотришь.

Вздыхнув, я затушила лампу и выбралась из шатра.

— Тебя вообще можно обмануть? — Я села с другой стороны костра.

Джастер коротко и внимательно взглянул на меня

— Можешь попробовать, — он снова занялся поиском в своей бездонной торбе. — Только зачем?

В этот раз грустно усмехнулась уже я. И в самом деле: зачем? С ним лучше быть честной.

— Я ничего не читала сегодня. Прости.

— Я понял, — не глядя на меня, кивнул воин. — И почему?

— Я думаю, что нам надо поговорить.

Джастер перестал копаться в торбе и с интересом взглянул на меня.

— И о чём?

— Кто ты такой.

— Я — Шут. Говорил уже. — Воин спокойно встал и отправился к озеру за водой. — И даже дважды.

Я фыркнула.

— Ты такой же шут, как я — самая могучая ведьма королевства.

— И почему ты сомневаешься? — Джастер пристраивал котелок над огнём, пока я раздумывала над ответом.

— Ты мастерски владеешь оружием...

— А надо позволить себя убить первому встречному? — перебил он.

— Но ты ещё владеешь магией и разбираешься в ведьмовстве!

— А это запрещено? — Джастер откровенно усмехнулся, бросив в воду травы для отвара. — Или, по-твоему, шут должен быть неумехой-уродцем, наряжаться как петух и позволять себя шпынять всякому, кому не лень?

— Нет, конечно! — возмутилась я. — Но ты всё время мрачный и шутишь редко...

— И каким же, по-твоему, должен быть шут? — не стал он спорить.

— Весёлым, — я сама набычилась, рассердившись из-за его отговорок. — Улыбаться, радоваться, смеяться. Песни всякие петь, других веселить, в конце концов! И вообще, шуты ярко одеваются, а ты весь в чёрном, и бубенчиков у тебя нет...

— Да ладно? — он удивлённо приподнял бровь, а я вспыхнула от такого намёка.

— Джастер!

— Что? Они тебе разонравились?

— Это не те бу... Не та шутка!

— Разве?

— Прекрати!

— Что именно?

— Это! Тьфу! Отвечать вопросом на вопрос!

— А я отвечаю?

— Джастер! — я вскочила на ноги, но он и бровью не повел, поворошив веткой в костре и подкинув туда дров.

Та-ак... Всё ясно.

— Ты опять надо мной издеваешься.

— Нет, — он покосился на меня и еле заметно улыбнулся. — Я пошутил. Садись, не стой.

Я села, всё ещё сердитая на него. Шут снял котелок с огня и разливал отвар по чашкам. И тут меня осенило. Что если спросить по-другому? Вдруг он скажет что-то такое, что приоткроет завесу тайны?

— Может, тогда расскажешь, откуда ты?

Он внимательно взглянул на меня.

— Да ты прямо на глазах растёшь, ведьма. Уже начинаешь задавать правильные вопросы. — Джастер отставил котелок и взял свою чашку. — Зачем тебе это знать?

Настала моя очередь хмыкать и пожимать плечами. Вопрос как вопрос, что такого? Ничем от остальных не отличается.

— Мы столько прошли вместе, а я до сих пор ничего о тебе не знаю, кроме того, что ты шут, — я не спешила брать свою чашку — слишком горячо, пусть остынет немного.

— А я знаю о тебе, что ты ведьма, — усмехнулся воин. — Мы квиты, не находишь?

— Но ты про меня и так всё знаешь! С самого начала знал, больше чем я сама! А сам ничего не рассказываешь!

Джастер жёстко и в то же время горько усмехнулся, а его глаза снова потемнели.

— Разве? Ты уже знаешь обо мне намного больше, чем кто-либо ещё. Несколько лет назад я бы тебя убил за куда меньшие знания обо мне, — он помолчал, пока я осознавала всю глубину его откровенности. — Почему ты называешь себя ведьмой?

— Потому что я ведьма, это моя суть и призвание, — мрачно огрызнулась я, понимая, что он опять ушёл от ответов.

— Вот именно, — весомо подтвердил Джастер. — Я тоже тот, кто я есть.

— И всё равно ты не похож на обычных шутов, — пробурчала больше из чувства противоречия, но он неожиданно ответил. В своей неповторимой манере.

— Может, потому что они люди, которые изображают шутов? А я Шут, который пытался быть человеком?

С этими словами он замолчал, уставившись в огонь с таким видом, что ясно была поставлена точка в этом разговоре.

Но пищи для размышлений и без того было достаточно. Шут, который пытался быть человеком...

Странно-то как он сказал... Даже не по себе от такого.

Великие боги... Опять я ничего не понимаю. Хотела разобраться, а только запуталась ещё больше.

То он «пёс», то он шут, то не волшебник, то не менестрель...

Определился бы, что ли...

Если его с детства учили убивать, то почему он так настаивает, что его ремесло — шутовское?

На кого болотник раззявил пасть?

Неужели Джастер был шутом при дворе знатного вельможи и при этом из него готовили тайного убийцу? А когда он совершил такой проступок, то сбежал в другую страну, спасаясь от гнева своего покровителя?

Но к чему тогда фраза про людей, которые изображают шутов?

Я потёрла виски, посмотрев на хмурого воина, который укладывал в костёр какие-то большие куски глины и засыпал их сверху углями.

Кем бы Джастер ни был, в умении уходить от ответов и отвечать загадками ему не откажешь.

Как я и надеялась, он приподнял завесу тайны. Но ровно настолько, что вопросов только добавилось.

Выходит, скрытность и недоверчивость — это природные черты его природы, которые просто усилились из-за случившегося.

Одно я знала точно: свою любовь он встретил несколько лет назад, и её отказ сильно

изменил тогдашнего мальчишку.

Из каких же далёких далей ты пришёл, Джастер?

В полном молчании мы сидели у костра. Воин пил отвар да следил за огнём, вороша угли веткой и подкидывая новые, чтобы куски глины, которые он туда сунул, прогревались со всех сторон.

Я тоже пила отвар, думая над тем, что, кажется, рыбалка не удалась и ужин отменяется, поэтому воин такой... неразговорчивый. Но как и о чём спросить его снова, чтобы хоть немного разобраться в своём отношении к нему, я не знала.

Он окончательно меня запутал.

— Для чего ты живешь, ведьма? — неожиданно прервал молчание Джастер. — В чём смысл твоей жизни?

— Помогать людям, — не задумываясь, ответила я, удивлённо посмотрев на Шута.

Он крутил в пальцах веточку и нож, словно собирался делать игрушку. Только настроение у него было явно неподходящим для этого дела.

— Почему ты задаёшь такой странный вопрос?

— Просто спросил, — он снова замолчал, давая понять, что иного ответа не будет. Но я слишком хорошо его знала, чтобы поверить и оставить всё как есть.

— Джастер.

— М?

— Что с тобой?

— Ничего.

— Зачем живёшь ты?

— Потому что другого выхода нет, — неожиданно буркнул он.

И этот ответ меня напугал и озадачил прозвучавшей в нём глубокой безнадежностью. Это было неправильно. Жизнь — самое ценное, что есть! Он сам не один раз это повторял!

Так почему сейчас он переворачивает всё с ног на голову?

— Ты... — я невольно сглотнула, вдруг испугавшись, что он задумал что-то ужасное. — Ты хочешь умереть?

Он вздохнул и покачал головой.

— Хотел. Раньше. Теперь без разницы. Это ничего не изменит. Совсем ничего.

Великие боги! Я вообще ничего не понимаю...

— Что с тобой, Джастер? Ты не хочешь смерти, но и жить ты тоже не хочешь. Я не понимаю тебя.

Он снова вздохнул, но не замкнулся в себе, как я опасалась, а ответил.

— Я хочу жить. Но не вижу смысла. Так понятно?

На моё недоумение воин печально улыбнулся.

— У тебя хорошая цель: помогать людям. Я рад, что встретил тебя.

— А ты? — я чувствовала недосказанность. — Разве у тебя нет цели? Ты же сам говорил, что наши судьбы связаны и что мы должны изменить мир...

Он снова качнул головой.

— А что дальше, Янига? Сделаю я это, развяжусь с тобой — и? Я не вижу смысла жить. Просто не вижу. Мне скучно жить и бессмысленно умирать.

Ч-что?.. То есть ему мир изменить — это как... как рубаху переодеть? Развяжется со

мной — и... и всё? И уйдёт?! Вот так просто бросит меня и уйдёт?!

А как же я?!

— Ты же сам говоришь, что ты шут! — Я сердито сложила руки на груди, чтобы не выдать свою растерянность. — Чем тебе не работа — веселить и радовать других людей?

— Это не работа, ведьма. Долг Шута и Дурака — говорить правду, быть честным с миром и самим собой. Тогда душа будет светла и чиста. Веселье и радость идут из чистой души, это не цель, это состояние. А мне давно не весело и не радостно. У меня на душе тоска. Я чувствую себя, как оживший мертвец, Янига, — он отложил нож и ломал палочку пальцами, бездумно бросая кусочки в огонь. — Я потерял себя. И до сих пор не могу найти.

Великие боги... Как же ему плохо до сих пор...

Забыв про все свои страхи и опасения, я подошла и села рядом с ним.

— Расскажи мне, — я положила ладонь на горячее плечо. — Пожалуйста.

Джастер покосился на меня, но не прогнал, а перевёл взгляд на ночное небо, полное звёзд.

— Луна молодая, время хорошее... — негромко проговорил он. — А ты, как клещ, всё равно не отстанешь.

Ну что он за язва такая!

— Сиди, — коротко срезал Шут меня, не позволив встать и уйти. — Пока не передумал.

Одновременно радуясь его решению и обижаясь на грубость, я подобрала юбку, устраиваясь поудобнее.

Как клещ... Передумает он...

Воин же перевернул в костре веткой куски глины, куда больше похожие на обгоревшие поленья. И зачем они ему?

Но спросить я не успела.

Джастер снова сел прямо и обнял колени руками.

— Когда в мире жили маги и даром обладал каждый человек, — неожиданно начал он говорить, — боги свободно являли себя людям. Но и проход в мир демонов тоже был открыт. Далеко отсюда, очень далеко, есть огромная пропасть, чьё дно обычно скрыто мраком и туманом. Солнце очень редко разгоняет этот мрак. Издревле из этой Бездны выходили не только демоны, но и другие чудища, которые там обитают и любят закусить человечинной. Жуткое место, но, тем не менее, люди в Приграничье, как называли край Бездны, тоже жили издревле.

— Почему?

Я слушала, затаив дыхание и чувствуя себя маленькой девочкой. Этому Аурзусу бы у Джастера поучиться сложные вещи простыми словами объяснять! Истории Шута сами собой были куда интереснее тех же «Легенд».

— Там вся земля пропитана магией, ведьма. Тёмной, как понимаешь, и мощной. Творить там заклинания тьмы и мира демонов очень легко. Почвы в Приграничье были очень плодородны, там не бывает зимы и можно снимать по два урожая в год. Поэтому, несмотря на все опасности, люди строили там города и посёлки и искали себе могучих покровителей. Кто-то служил тёмным богам, кто-то — демонам, и это не одно и то же. Но было много людей, которые считали своим долгом не служить тёмным силам, а защищать мир от чудищ Бездны. Такие люди называли себя Охотниками. А ещё из Бездны добывали кристаллы моринита — это застывшая чистая тёмная энергия, и он очень ценился у всех тёмных магов. Например, такой кристалл нужен, чтобы сделать живое оружие.

Воин с улыбкой положил руку на пояс, и я поняла, что Живому мечу опять перепала порция ласки.

— Даже один кристалл мог сделать человека невероятно богатым, — продолжил рассказ Джастер. — А уж друза позволяла жить как король где угодно. Только добыть его невероятно сложно. Моринит встречается редко, и растут его кристаллы у самого дна. А ещё он привлекателен не только для людей, но и для обитателей самой Бездны. В древности всего несколько племён занимались его добычей. Лучшие из лучших, кто мог спуститься в Бездну и вернуться оттуда живым. Или договориться с её обитателями и купить кристаллы у них.

Каждое слово разворачивало перед моим воображением удивительные картины.

Мир и в самом деле оказался... намного больше, чем я привыкла думать.

И как же он велик и... пугающ.

— Но так было до Великой битвы. — Шут задумчиво смотрел на озёрную гладь, серебрившуюся в свете молодой луны. — Как понимаешь, вся мощь божественного удара обрушилась на Бездну и её окрестности. Там... там не осталось ничего живого. Только чёрная выжженная пустыня оплавленного камня... Люди стали называть эти земли Проклятыми. Прошли сотни лет, прежде чем мир смог затянуть этот чёрный шрам. Сейчас Проклятые земли снова плодородны и покрыты лесами, полными дичи. Там снова появились люди... Но...

— Но?

— Но люди забыли прошлое. Оставленная им магия слабела с каждой сотней лет, как истиралась память о Великой битве. Чем меньше помнят люди, тем слабее боги. Тем меньше рождается людей с даром и слабее их дар. С моими соплеменниками вышло так же. Когда-то метавитов знали, боялись и уважали во всём мире. Хотя боялись намного больше. В представлении людей они были где-то между тёмными богами и демонами. А теперь про них даже не помнят.

Воин устало потёр лицо рукой, словно желая избавиться от неприятных воспоминаний.

— Джастер... твоя родина... Это очень далеко отсюда?

— Очень. Мир намного больше, чем вы привыкли здесь думать. Но проблема везде одна... Людей с даром стало слишком мало, а они очень нужны этому миру, чтобы он жил. Да и сам дар заметно измельчал...

— И что мы должны делать?

— Всё в мире держится на равновесии сил. Когда это равновесие смещается в любую сторону — мир рушится. Мир нуждается в людях силы. И богам нужна помощь. Им нужны люди с даром. Поэтому вера и магия в мире должны возродиться снова. Сейчас Завеса богов ослабла, ведьма. Твари из Бездны снова стали приходить в мир. А за ними и демоны подтянутся. Только вот в этот раз никакой битвы богов не будет, а будет пир демонов. За людей некому заступиться, а сами люди с демонами не справятся, силёнок не хватит. И раньше-то против демонов выступали только или очень сильные маги, или специально обученные отряды. А теперь никого не осталось.

— Д-демоны вернутся? — я сама не заметила, как прижалась к плечу воина и в страхе косилась в темноту, стараясь не слишком громко стучать зубами. — Т-ты у-у...

— А ты часто встречала дохлых летающих свиней, Янига? — внезапно ошарашил он меня. — Или это обычное такое ведьминское проклятие? Как раз плюнуть?

Что?!

— Конечно, нет! — я возмущённо уставилась на невозмутимого Шута. — О чём ты го..!.. Так, стой! Хочешь сказать, что это... Нет, не верю! Ты опять шутишь! Да? Правда? Джастер, не смотри на меня так и не молчи! Скажи, что это была шутка!

— Это был демон, ведьма. Чутка недозревший, правда, но вполне себе... — воин и в самом деле отвернулся от меня. — На туше было проклятие и заклинание призыва. Чем больше люди оскотинивались, тем сильнее заклятия становились. Ещё бы пару дней — он дозрел бы окончательно, пошёл бы людей живьём жрать. И тогда возни с ним было бы намного больше. Так что ты очень вовремя вмешалась. Заклинание нужное не знала только, а так вполне бы с ним справилась.

Сказано было настолько спокойно и равнодушно, словно явление и убийство демона было для Джастера делом скучным, привычным и труда требовало не больше, чем смахнуть пылинку с рукава рубахи.

Но меня его слова потрясли до глубины души.

Великие боги... Это был демон-людоед?! На самом деле?! И... и если бы не Шут, то эта свинья сожрала бы... всех!

Включая меня.

И тут я поняла кое-что ещё.

— погоди, ты сказал, что я... я бы с ним справилась?!

— А кто ещё? — хмуро ответил он. — Я, что ли, там стоял, руками размахивал и «изыди» на всё озеро орал? Если бы ты нужное заклинание знала, я бы и пальцем не пошевелил. Что так смотришь? Ты не ведьма любовной магии. Ты ведьма-защитница. С боевым крещением, Янига. И не смотри на меня так. Ты хотела стать настоящей ведьмой — у тебя для этого есть все возможности. Или ты уже не рада?

Рада? От таких новостей?! Да он издевается! Чтобы я! Сражалась?! С демонами?!

Да никогда!!!

От избытка чувств я вскочила, заметавшись от костра к шатру и обратно. Воин невозмутимо сидел на своём месте, наблюдая за огнём, пока я пыталась унять обуревавшие меня чувства.

«У тебя есть серебряный рудник... Я умею добывать серебро, которое сделает богаче не только тебя, но и других людей...»

Нет! Я не согласна! Не надо мне такого богатства!

Ведьма-защитница! Госпожа Янига — демоноборка! Демоноборщица!.. Демонобориня... Тьфу! Даже слова приличного для такой работы нет!

А этот... Этот!.. Сидит, как ни в чём не бывало!

— Ты точно не пошутил?! — я почти нависла над ним, не в силах справиться с собой.

— Точно, — невозмутимо подтвердил воин.

— Точно-точно?

Ответом был такой взгляд, что я поняла: не пошутил.

— Джастер... и... и что мне с этим делать? — растерянно спросила я, без сил опустившись на землю рядом с ним.

— Жить. Или не жить, — глубокомысленно изрёк Шут. — Это уж ты сама решай.

— Джастер!

— Что?

— Я серьёзно!

— Я тоже. — Шут без улыбки посмотрел на меня. — Это твой дар, Янига. И что с ним

делать — решать тебе. Можешь учиться и помогать людям, защищать их от зла и всякой нечисти. А можешь этого не делать и попробовать жить как прежде. Но не долго. Никто не запретит.

Ну конечно, никто. Можно подумать, у меня выбор есть. Стал бы он мне всё это рассказывать, если бы именно такого решения ждал.

— Это про такую судьбу ты всё время говорил? То есть я совсем зря училась столько лет? И ведьма любовной магии из меня совсем никудышная...

— Что-то я тебя не пойму, ведьма. То ты хочешь стать лучшей ведьмой королевства, то не желаешь даже травы для зелий собирать. То тебя научи, то зачем мне эта наука. Ты уж определись, чего ты хочешь.

Травы собирать не хочу... Я покосилась на запасы для будущих зелий, сохнувшие под молодой луной. И что у меня за жизнь такая?

— Жить я хочу, — я подобрала ноги, обнимая колени. — Спокойно. Как все нормальные ведьмы. По дорогам ходить, зелья продавать, любовной магией заниматься...

Воин хмыкнул.

— Ну, извини, Янига. Зелья продавать ты можешь, а остальное не судьба.

Я только вздохнула, потому что возразить было нечего. Опять он оказывался прав, как ни крути...

— И как защищать людей от демонов? — я посмотрела на Джастера, лениво жующего травинку.

— Да уж не любовной магией точно, — тут же усмехнулся он. — Боевой божественной, разумеется.

— Боевой боже... Но это светлая!..

— А как же, — согласился Джастер. — А ещё дохлые свиньи сами по воздуху летают. От нечего делать.

- Ты невыносим! Вот как с тобой разговаривать?

— Словами, — невозмутимо парировал он. — По-человечески. Всегда помогает.

Я закрыла ладонью лицо и покачала головой, понимая, что в очередной раз проиграла спор.

— Ты меня научишь?

— Ты меня ни с кем не пугаешь, Янига? — он вопросительно приподнял бровь. — Я — Шут, а не...

— Джастер! Ты очень много всего знаешь!

— Не так и много, — пробурчал воин в ответ. — Так, по мелочи, кое-что...

— Но ведь у тебя тёмный дар! Разве я не права?!

Джастер усмехнулся.

— Я думал, ты раньше догадаешься, Янига. В Проклятых землях это обычное дело. Е моём племени он есть у всех. Сила Бездны у нас в крови.

Воин доставал веткой окончательно почерневшие от копоти куски глины, а я пыталась уложить в голове всё, что он рассказал.

В который раз он сумел меня удивить и заставить взглянуть на него и на всё остальное по-другому.

«Кронтуш для меня слишком велик...» — «А может быть, слишком мал...»

Девчонка, которая дальше своей деревни носа не казала, и воин из Проклятых земель, за плечами которого оказался целый мир. Огромный и необъятный, страшный и прекрасный

одновременно.

Что ему какая-то очередная «деревня»? Что ему даже Кронтуш? Так, мелочь...

Воин забытого племени видел столько всего, что у меня даже не умещалось в голове.

Сила Бездны в крови... Мужчины, которые в глазах других людей стояли между богами и демонами... Я вспомнила, как Живой меч видел силу раненого Джастера. А с учётом того как его воспитывали...

Разбойники, болотник, водяницы, свинья эта жуткая... Да он на них и внимания-то обращал не больше, чем на назойливую мошкару. Отмахнулся и пошёл себе дальше...

— Бедный Визурия... — я не заметила, как подумала вслух.

— Почему? — удивился Джастер.

— Шутишь? Да ты же мог!..

— А, ты об этом, — с полуслова понял он, пододвигая мне два куска глины. — Ну, во-первых, я тогда не в самом лучшем состоянии был. А во-вторых, зря ты его так низко ценишь. Для человека он очень даже неплох и звание мастера меча носит не зря. Хотя пришлось попотеть, чтобы его не убить. Всё, хватит болтать, Янига. Давай ужинать, готово всё.

Запеченная в глине рыба оказалась сочной и очень вкусной.

— Что ты хочешь делать, Джастер?

Мы доедали рыбу, когда я решила продолжить наш разговор. Признаться, я не ждала, что поглощённый ужином Шут сразу ответит, но он отвлёкся от еды.

— Нужно вернуть в мир магию. А для этого вернуть богам силу. А для этого — разбудить людей и вернуть им память.

— Но почему я? Почему этим не могут заняться волшебники, например?!

— Потому что их дар другой. — Воин доел, облизал пальцы, а затем спокойно и устало посмотрел на меня. — Ты же не будешь ковать меч или забивать гвоздь глиняной тарелкой? Ты возьмёшь для этого молот. Ну вот. Кто, если не мы, Янига? Кому много дано, с того много и спросится.

Кому много дано... Меня и простой дар любовной магии вполне бы устроил...

— Ты же не любишь людей, — это было последнее возражение, какое я смогла придумать.

Джастер усмехнулся и почесал кадык.

— Если выбирать между людьми и демонами, то демоны вкуснее. Но с людьми — интереснее.

«Говорят, человечина напоминает свинину...»

— Вкуснее?!

— Это поговорка метавитов, ведьма. Что ты на меня так смотришь? Я людей не ем. А вот демоны их очень даже любят.

— У тебя отвратительные шутки. И поговорки ужасные.

— Какие есть, Янига, — довольно ухмыльнулся он в ответ. — Какие есть.

— И как я должна буду себя называть? — мне ничего не оставалось, как смириться со всей этой историей. — Даже слова приличного для этого нету...

— Госпожа Янига, ведьма-защитница, — спокойно ответил Шут. — Чем тебя не устраивает?

Ведьма-защитница... Ведьма-защитница... Звучит странно, но не хуже, чем ведьма

любовной магии или ведьма-целительница. И точно лучше всяких «демоноборок».

— Что ты знаешь про хозяйку этого демона, Янига?

— Только то, что она старая и некрасивая. И ещё злопамятная, — пожала я плечами. —

Где она живёт, я не знаю.

— Понятно, — Шут задумчиво тёр подбородок. — Тогда доберёмся до ближайшего города и попробуем разузнать про эту старую каргу. Мне очень интересно, где эта хрычовка откопала чёрный гримуар и как разобралась в заклинании... Всё, ведьма, хватит. Давай спать. Дел завтра предстоит много. Иди, ложись. А мне надо подумать. Давно я в эти игры не играл...

Мне ничего не оставалось, как отправится в шатёр, оставляя задумчивого и хмурого Джастера в одиночестве у костра.

Заснуть мне не удавалось. Слишком много всего вдруг свалилось на меня за один вечер. В голове была полная каша, и мне то хотелось бежать к Джастеру с новыми вопросами, а то наваливались страх и отчаяние от предсказанной мне судьбы. Проворочавшись в темноте, я уж совсем собралась встать и пойти к воину, как услышала музыку.

Пела свирель.

Приоткрыв полог, в щёлку я увидела, что Джастер сидит почти у самой воды. Нежный и красивый голос свирели разлетался над озером, и даже ночные птицы притихли, внимая красивой музыке. Дивная плавная мелодия уносила тревоги и успокаивала ум и душу. Я прилегла у приоткрытого полога, любуясь тёмным силуэтом музыканта и отдаваясь чарам свирели.

Джастер... Как же он красив всё-таки...

И какая разница, что у меня там за судьба, если Шут будет со мной?

Рядом с ним можно никого и ничего не бояться...

Я уснула, сама не заметив как.

16. Приглашение в Игру

Утром Джастер спал, завернувшись в плащ, а я тихо занималась привычной работой.

В небе едва брезжил рассвет. Так как легла я затемно, поспать удалось совсем немного, и я отчаянно зевала, с завистью косясь в сторону сладко спящего Шута. Над озером стоял туман, мой плащ не спасал от прохлады, и я время от времени ёжилась, обнимая себя руками. Когда костёр разгорелся, стало немного теплее.

Под тихое потрескивание веток и утреннее негромкое посвистывание птиц я варила зелье, заговаривая травы. Сила лилась легко и привычно, но мне казалось, что зелье и в самом деле получается сильнее, чем раньше.

Луна сильных трав...

Ох, Джастер... Сколько же ты знаешь и сколько всего скрываешь...

Засмотревшись на спящего Шута, я не глядя начала ставить котелок на землю и едва не опрокинула уже полные склянки, в последний момент услышав, как стекло звякнуло под железом. Вот ведь! Чуть вся работа насмарку не пошла!

Наругав себя за невнимательность, я постаралась не думать больше о воине и сосредоточиться на работе.

Джастер проснулся, когда я заканчивала разливать последнее зелье по склянкам. Туман

над озером почти развеялся, вставшее солнце ласково проникало между стволами деревьев на том берегу и едва золотило макушки берёз на нашем.

Не глядя на меня, воин выбрался из-под плаща и скрылся за кустарником и деревьями. Я подумала, что он скоро вернётся, когда услышала вдруг громкий всплеск воды и довольное уханье.

На берег плеснула волна, за ней ещё и ещё.

Он что, купается?! Без... без меня?

Пустой котелок выпал из рук, а в глазах защипало от обиды. Не то чтобы я горела желанием лезть в холодную воду, но он мог хотя бы предложить...

Ага, после всего, что я натворила. Да если бы не эта самая судьба, он бы со мной и разговаривать даже не стал.

Сердито вытерла рукавом глаза, подняла упавший из рук котелок с остатками травы и оправилась к воде.

Купаться я не собиралась, а вот умыться, чтобы он не заметил следов от слёз, точно стоит. Да и завтрак надо приготовить.

Но обидно-то как...

Вода закипала, когда ветви ивняка раздвинулись и Джастер вышагнул на поляну. С мокрых волос на голые плечи капала вода, в руках он нёс что-то завернутое в рубаху. И это что-то яростно трепыхалось.

— Ты рыбу поймал?

Он ухмыльнулся, вытряхивая возле костра свою добычу: окуня и двух подъязков, тут же забившихся на земле.

— А ты против? — Шут, с рубахой в руках, отправился к воде. — По-моему, отличный завтрак будет.

— Не против, — я взяла сумку с готовыми зельями и пошла в шатёр. Ну не смотреть же в самом деле, как он, полуголый, одежду стирает?

— Только ты сам её готовь.

— А ты «Легенды» иди читай, — отозвался воин, не оборачиваясь. — За вчера и за сегодня.

Я вздохнула и откинула полог. Иди читай...

Нашёл способ, как меня прогнать...

— Вслух читай, ведьма! — догнал меня окрик. — Чтобы я слышал.

Ну вот как он умудряется мне настроение сначала испортить, а потом поднять сразу?!

Я взяла книгу и отправилась обратно к костру.

Джастер стоял по колени в воде и выжимал чёрный мокрый комок.

— Зачем ты её стираешь? Она же у тебя...

— Рыбой воняет, — фыркнул он и снова бросил рубаху в воду. — Читай давай.

Пока воин чистил рыбу и варил уху, я успела прочитать несколько историй. Джастер слушал молча и не торопил меня, даже когда я задумывалась над прочитанным. Конечно, непонятные слова из примечаний я могла бы спросить у него, но мне захотелось разобраться во всём самой.

В конце концов, я же взрослая ведьма, а не маленькая девочка, чтобы ему всё время в рот заглядывать!

К тому же после того, что я узнала за последнюю пару дней, многое в легендах стало

понятней.

И я ловила себя на том, что благодарна за такое обучение. И благодарна за возможность сидеть возле этого костра и украдкой любоваться тем, как Шут что-то вырезает из веточки и иногда помешивает похлёбку. Его светлые волосы просохли и золотились даже в тени, рубаху Джастер развесил сушиться на кустах, обувь тоже снял и сидел у костра в одних штанах, легко подобрав под себя ноги и ничем не напоминая грозного воина.

Мальчишка...

Нет. Не мальчишка. И даже не юноша. Он — мужчина, у которого за плечами... много всего. Воин забытого племени, пришедший из Проклятых земель. А ведь его родина далеко отсюда. Очень далеко. Сколько же он пережил, прежде чем добрался до Эрикии?

— Что ты так смотришь на меня, ведьма?

Шут даже не поднял головы, что-то вырезая ножом, но я смутилась, поняв, что и в самом деле забросила книгу и довольно долго смотрю на него.

— Тебе что-то не понятно?

— Джастер... сколько тебе лет? Или вы считаете в зимах?

Я ждала, что он или отшутится, или отмолчится, но он неожиданно ответил. Спокойно и невозмутимо, словно я спросила, готова ли уха.

— В сезонах. Один урожай — один сезон. Сколько их всего — не знаю, я не считал. В моём племени живут долго, по сравнению с обычными людьми — очень долго. Но от старости умирают редко, куда чаще гибнут в поединках или на охоте.

— Но ты выглядишь очень... молодо. У тебя даже...

— Усы и борода не растут? — Шут усмехнулся и провёл рукой по гладкому подбородку. — А зачем они мне? Я не прячусь и не охочусь... Янига, хватит так на меня смотреть. Не растут, потому что не хочу. Это во-первых. А во-вторых, магический дар раскрывается долго. Ему нужно время, чтобы набрать силу, а человеку — опыта и понимания. Да, учить ребёнка лучше с детства, но настоящую силу он обретает совсем не сразу. — Воин отложил поделку, помешал уху и снял пробу. — Ещё есть вопросы, ведьма? Только поторопись, еда почти готова.

Он снял котелок с огня и поставил возле костра остывать и настаиваться. Пахло так, что я проглотила слюну, а в животе выразительно забурчало.

Только вот уха не убежит, а Джастер вполне может передумать.

— Получается, что раньше дар был у всех. Почему сейчас у ведьм дар передаётся по наследству, а у волшебников нет? Или я не дочитала ещё?

Воин спокойно убрал поделку и нож в торбу.

— И не дочитаешь, — он поставил рядом с котелком миску и чашку. — В легендах этого нет. Об этом раньше знали все, но потом забыли. Дело в том, что есть дар личный, а есть дар рода.

Я недоуменно смотрела на него. Как так?

— Ты же только что говорил, что дар есть у всех...

— Да. — Джастер невозмутимо кивнул. — Только есть дар, который человек получает по праву крови, а есть его личный, которым его могут наградить боги. Вот у волшебников дар личный. А ведьмы наследуют свою силу по праву крови. И поскольку дар сильно ослаб, то и рождаются ведьмы тоже не часто. Сколько всего наделов у вас?

Неожиданный вопрос заставил меня задуматься, вспоминая, что рассказывала Холисса, и даже несколько раз посчитать по пальцам.

— Двенадцать получается. Или тринадцать... А что? Это важно?

— У тебя братья — сёстры были?

Я пожала плечами. Всё, что было до того, как меня забрала Холисса, я почти не помнила.

— Были вроде. А что?

— А то, что дар проявился только у тебя. Ты продолжательница рода. И только через твоих детей он может передаться дальше в чистом виде.

Через моих...

— Я не хочу детей, — закусив губу от обиды, я отвернулась. Даже представлять себя с другим мужчиной для этого не хочу! Сам же знает, что мне никто другой не нужен!

Только вот я для него просто обуза...

— Ну, не хочешь — не хочешь, — спокойно ответил он. — Если у тебя детей не будет, значит, дар проснётся в ком-то из твоих сестёр. Хотя его тогда и даром-то уже не назовёшь, скорее дурным глазом...

— Дурным глазом?

— Искажённый дар тёмной силы. Когда человек невольно проклинает всё, о чём говорит или на что недобро посмотрит.

Проклинает всё, на что посмотрит или о чём скажет?! Великие боги... Так же жить нельзя! Это же жуть какая-то! И ведь он не пугает...

Нет, такого «подарка судьбы» я и врагу не пожелаю, не то что родным сестрам, хоть и в глаза их никогда не видела. Лучше и в самом деле ребенка родить... Когда-нибудь потом. И очень желательно от Джастера.

Но ведь Холисса рожать тоже не хочет. И настойку нужную каждый месяц пьёт. Она всегда говорила, что ей одной меня хватило и, вообще, без детей жизнь ведьмы намного легче...

А вдруг у неё сестёр нет? Тогда, получается, её род погаснет и дар тоже?

Бррр! Не хочу об этом думать. Не по себе от таких мыслей.

— А может у одного человека два дара быть?

Я спросила, только чтобы Джастер не догадался, о чём я думаю, но ответ меня удивил.

— Может, только очень редко. Такие люди становились знаменитыми магами. И ученики у них были сильными. Потому что рядом с сильным даром слабый тоже набирает силы быстрее.

— По... подожди... Это получается, что если у тебя дар сильный, то и мой рядом с твоим усиливается?

Шут кивнул.

— Верно. И ты тоже сможешь усиливать тех, кто слабее.

— Даже если у них дара нет?

— Люди — дети богов. Ты же сама это читала, Янига, — ухмыльнулся он. — Искра божественного дара есть у каждого человека даже сейчас. Но дар как источник: он может быть расчищен и разливаться ручьем или рекой, а может быть родником, или быть заваленным камнями, загнить, или вообще быть погребённым глубоко под землёй.

Я вдруг вспомнила, как неожиданно по-другому почувствовала свой дар тогда, в лесу, перед Кронтушем, когда он сказал, что моя судьба исполнима...

И в самом деле, с того времени я ощущала свою силу как сильный и глубокий источник...

- Ты... ты усилил мой дар? Но разве это возможно? — я с сомнением смотрела на воина. Звучало все очень логично, но в то же время непонятно.

Нельзя же просто постоять, пообниматься, и дар возьмёт и усилится? К тому же мы до этого не один раз были вместе, но ничего подобного не было...

Джастер оглянулся, протянул руку и взял лютню. Бережно и ласково пробежался пальцами по струнам, прислушиваясь и настраивая инструмент, а затем поманил меня.

— Смотри, — Шут зажал одну из струн и тронул её пальцем. Струна запела, и вместе с ней задрожала ещё одна!

— Но ты же её не трогал?! Как так? — я изумленно уставилась на Шута. — Это колдовство?

— Это не колдовство. Это баналь... — воин оборвал сам себя, потёр лицо рукой и посмотрел на меня. — Скажи, ведьма, когда вода зимой замерзает на морозе — это колдовство?

— Конечно, нет! Но при чём...

— Вот и это не колдовство. Это отклик одной струны на голос другой, потому что их голоса в этот момент звучат одинаково, хотя на самом деле — они разные. Понятно?

Я кивнула, поражаясь такому удивительному чуду, которое скрывалось в простой лютне. Никогда о таком не думала. И в самом деле — струны разные, а поют — не различишь... Неужели и с людьми так же?

— Хочешь сказать, что если мой дар будет... — я замялась, не в силах подобрать правильное слово.

— Звучать, — подсказал Джастер, легко и любовно касаясь пальцами струн, наигрывая тихую мелодию.

— Звучать, то на него откликнутся те, у кого...

— Голос дара звучит так же или очень похоже. Именно.

— А что будет, если у человека вдруг откроется дар? Его же никто не учил им пользоваться!

— Значит, научит, — воин спокойно перебирал струны, и тихая музыка вплеталась в птичий гомон летнего утра. — Боги каждому дают учителя, главное, чтобы человек захотел учиться.

— А если он не захочет учиться? И даром пользоваться не захочет?

— Ты не можешь не использовать дар, когда он у тебя пробился наружу. Как ты будешь это делать — другой вопрос. А вот способности — это уже на твоё усмотрение.

— Не понимаю. Ты опять меня запутал!

— Попробуй не колдовать, Янига, — ухмыльнулся он. — Можешь себе такое представить?

Я задумчиво обняла колени руками. Хмм... Не колдовать? То есть не делать зелья, не использовать свою силу, а... А что тогда? Как жить-то?!

— Я же ведьма! — я посмотрела на Шута, с едва заметной улыбкой склонившегося над лютней.

Как он её любит... Даже про еду забыл...

— Я не могу не...

— Верно, — кивнул он. — А не сочинять про меня истории ты можешь?

Нашёл же, что вспомнить!

— Я давно не сочиняю! — сердито буркнула в ответ. — И ты...

— Сейчас не сочиняешь, потому что не хочешь или уже знаешь правду. — Джастер отложил лютню и смотрел без улыбки. — А когда правду не знаешь, но очень хочется найти объяснение — ты его придумаешь. Как и все люди. Это нормально.

— К чему ты всё это сказал?

— Чтобы ты поняла разницу между даром и способностями что-то делать. А теперь хватит болтать, уха остыла уже.

Мне не оставалось ничего другого, как отнести книгу в шатёр и поспешить обратно с миской, потому что есть и в самом деле очень хотелось.

Завтракали мы молча, но я не жалела об этом. Уха получилась на славу, и я только успевала черпать ложкой из миски, потому что воин явно захочет добавки, и я тоже не откажусь.

Кроме того, на сегодня больше ничего нового в меня просто не влезет. Доедая вторую порцию ухи, я думала только о том, что хочу лечь в теньке и подремать, давая отдых уму и телу...

Но, как оказалось, Джастер считал совершенно иначе.

— Раздевайся.

Воин сказал это так внезапно, спокойно и холодно, что я чуть не упустила в озеро миску, которую мыла после завтрака.

Свою Джастер уже помыл вместе с котелком и теперь готовил отвар.

— За... зачем? — я оглянулась на него через плечо.

— Будешь учиться магии, ведьма, — он даже не улыбнулся. — Настоящей.

В полном недоумении я отнесла миску в шатёр и вернулась к костру.

— Совсем раздеваться?

Он коротко покосился на меня и бросил в воду очередную порцию трав.

— Сегодня совсем. А там видно будет.

Пока я избавлялась от платья и рубахи, Шут встал, прошёлся туда-сюда по берегу и остановился так, чтобы солнце освещало его целиком. Обувь он так и не надел, предпочитая ходить босиком. И я тоже сняла.

Потому что странно это было: стоять без одежды и в побитых жизнью туфлях...

— Иди сюда.

Хотя Джастер смотрел в сторону озера, я всё равно прикрылась рубахой. Было в его тоне что-то такое, отчего я чувствовала себя робко и боязно. Он не на любовные игрища меня звал, а... а для чего-то другого.

— Садись здесь, лицом к солнцу и чтобы тебе удобно было. Можешь рубаху подстелить, если хочешь.

Опять он меня краснеть заставляет!

— Но я же так сгорю! У меня вся кожа красная будет! И лицо! И весну...

Я замолчала, потому что он взял меня пальцами за подбородок и заставил посмотреть на него. Взгляд тёмных глаз был мягким и заметно усталым.

— Так они у тебя были? Это хорошо... Веснушки — это поцелуи солнца, Янига. — Он провёл большим пальцем по моей щеке, отведя прилипшую прядку, и я чуть не захлебнулась от едва уловимой ласки. Ох, Джастер...

— Да, теперь вижу. Здесь, здесь и здесь... — воин легко касался моего носа, щёк, плеч и ключиц. — Сколько знаков у тебя... Удача, тонкое чутьё, сложная молодость и награда в зрелости за преодоленные трудности... Доброта и отзывчивость... Солнце поцеловало тебя в

самое сердце, Янига. Не стоит прятать знаки его любви. Они тебе к лицу.

Я молчала, опустил глаза и кусая губу, потому что от его слов, под его взглядом и этими лёгкими прикосновениями всё в душе переворачивалось, становясь каким-то тонким, звенящим, прозрачным и радужным одновременно. Больше всего мне хотелось обнять Джастера и плакать от избытка охвативших чувств, но я понимала, что именно этого не стоит делать.

В его взгляде и словах не было ни похоти, ни желания, только мягкость и какая-то затаённая нежная грусть. Но эта тень его прежней близости была для меня намного важнее любовных утех.

Веснушки мои ему нравятся...

Может, солнце и поцеловало меня в сердце, а вот он поцеловал в самую душу.

Джастер опустил руку и отступил, снова становясь отстранённым и невозмутимым наставником.

Но в моём сердце уже зажглась непоколебимая искра надежды.

Чутьё или нет, но теперь я твёрдо верила в то, что моя мечта может исполниться.

— Солнце — твой покровитель, оно освещает твой путь и твою судьбу. — Джастер стоял рядом и смотрел на озеро. — Я понимаю, что твоя наставница учила тебя иному, и не собираюсь с ней спорить. Я хочу, чтобы ты научилась доверять себе и слышать голос своей судьбы.

Солнце — мой покровитель... Я взглянула вверх и прищурилась от потока тёплого яркого света. И вдруг вспомнила: там, в Кронтуше, Джастер предложил мне самой достать чудесные картинки, и там было солнце...

Я покосилась на Шута, молча подставлявшего лицо тёплым лучам. Глаза закрыты, чёткие резкие черты обрисованы светом и тенью, и волосы словно золотистое облако...

Два солнца. У меня — два солнца. Даже если он с этим не согласен.

На душе вдруг стало так легко и радостно, что я не сдержала счастливой улыбки. И даже заметно белеющие шрамы на груди и боку Шута не испортили мне внезапной радости.

Я согрею его сердце. Обязательно согрею. Если всё так, как он говорит, то я хочу стать солнцем для него.

Шут, словно почуяв моё изменившееся настроение, приоткрыл глаз и покосился на меня.

— Садись, ведьма.

Я бросила на землю рубаху и села, устроившись, чтобы было удобно. Солнце уже взошло над деревьями и даже так светило мне в лицо. Не горячо, как в полдень, а мягко и ласково грея обнажённую кожу.

Хорошо-о... И чего я боялась, глупая?

— Закрой глаза и делай, как я говорю, — раздался мягкий и негромкий голос, а к пению птиц добавилась тихая и журчащая, как ручеек, мелодия. — Расслабься. Почувствуй своё тело и своё дыхание...

Я подчинилась, следуя за его словами, и затем мир исчез.

... солнце было во мне, и солнце было в небесах. Его свет разливался по телу, наполнял меня удивительной радостью и предвкушением чудесного. Что-то восхитительно горячее упруго текло по жилам, даря полноту и вкус самой жизни...

Счастье и восторг наполняли меня.

И в то же время во всём этом было что-то такое великое, спокойное и родное, словно

кто-то очень могучий ласково смотрел на меня, как на любимое дитя...

Мне казалось, что я уже испытывала что-то похожее, но сейчас не могла вспомнить, где и когда, и это было не важно.

Я была солнцем, и солнце было мной...

... - возвращайся, Янига, — позвал откуда-то мягкий и глубокий голос. — Возвращайся. Хватит на сегодня.

Солнце неохотно вернулось в небеса, но моё внутреннее не погасло. Я чувствовала его в себе, оно сияло, и его горячее тепло всё ещё бежало по жилам. Счастье и радость отступили, но не покинули меня.

— Что... что это было? — я оглянулась на Шута, моргая и протирая глаза руками, чтобы привыкнуть к обычному зрению.

— Понравилось? — судя по голосу, он усмехнулся. — Всё ещё не согласна со своей судьбой?

Я только вздохнула, вставая, и тут же запрыгала, тихо шикая: ноги закололо множеством иголок. Не так удобно я сидела, оказывается. Но всё равно — как удивительно приятно на душе...

— Ты познакомилась с покровителем своей судьбы, ведьма. — Воин даже не смотрел в мою сторону. — Ночью познакомишься с богиней.

Чего? С кем я познакомилась?!

Всё мое благостное состояние как ветром сдуло.

— Подожди, я не поняла! — Я торопливо натягивала на себя рубаху, стряхнув с неё налипший мусор. — Но ведь в легендах говорится, что солнце — это символ...

— Шанака? Да, и что? — Джастер спокойно смотрел на меня. — Что тебя смущает? Все люди — дети божественной пары. Дар — это твоя связь с богами, понимаешь, ведьма? Чем больше и чаще ты обращаешься к божественной паре, тем лучше они тебя слышат и яснее отвечают. Чем сильнее боги, тем сильнее ты. И чем больше твоя сила, тем сильнее дар растёт и развивается как цветок, куст или дерево, в зависимости от того зерна, что у тебя есть. Человек с сильным даром — прямой проводник божественной силы, только воплощает он её через свою личность.

Я кивнула, пытаясь уложить в голове картинку сказанного. Вот интересно, Живой меч это так же видел, как его хозяин рассказывает?

Но тогда мой дар размером с... кустик? А у Джастера выше сосен? Обидно...

Хотя... Грех мне жаловаться. У других людей и былинки нету...

Интересно, а у Холиссы какой дар?

Так, стоп! Опять я не о том думаю!

— Но у меня же тёмный дар! Как я могу...

— А здесь, ведьма, начинается самое интересное, — Шут ухмыльнулся и встал, потянувшись. — Демоноведение и боевая божественная магия. Готова к уроку? Нет? Не...

Странный крик, похожий на металлический скрежет, пронёсся над лесом, и с лица Джастера сразу сошла улыбка. Перемена была так резка и разительна, что мои вопросы закончились, не начавшись. А воин вытянул правую руку ладонью перед собой и, прищурившись, сосредоточенно смотрел в небо над вершинами деревьев на том берегу озера.

— Ко мне, Янига, — очень ровно произнёс Джастер. — Иди обычным шагом. Смотри на меня и дыши на четыре шага: вдох, задержать дыхание, выдох. Поняла?

Я кивнула, пытаясь понять, что же такое высматривает воин, и давя поднимающуюся

внутри панику. Спокойно, Янига, спокойно... Джастер рядом, бояться нечего...

— Вот ведь кшссста... — тихо прошипел Шут.

Крик-скрежет повторился, пронзая уши и тело, и среди тонких белых облаков я вдруг увидела чёрную точку, которая довольно быстро приближалась к озеру. Она была похожа на птицу, только вот птицы не бывают такими большими и быстрыми.

И у них нет змеиных хвостов!

Посреди солнечного дня вдруг наступила ночь. Тёмная тень закрыла солнце. Страх сковал меня по рукам и ногам, лишая сил и парализуя волю. Важны только три алых глаза на чёрной бугорчатой коже. Только узкая распахнутая пасть, щерившаяся иглами зубов...

— Не смотри на него, ведьма! Смотри на меня! На меня, Янига!

Что-то сверкнуло, рассекая тёмную пелену, как солнечный луч разрывает тучи. Я вздрогнула, приходя в себя, и оглянулась в поисках своего спасителя.

Джастер, такой родной и близкий, стоял на границе тьмы и протягивал мне левую ладонь. А над его правым плечом сияло солнце.

— Д-д...

— Иди ко мне, Янига, — улыбнулся он. — Четыре шага — вдох, четыре — выдох. Давай, девочка. У тебя получится...

Сама не понимая как, я шагнула вперёд, еле переставляя ноги и стараясь дышать, как он сказал. Вдох... выдох. Вдох... выдох... вдо...

В спину ударила горячая воздушная волна, и я в панике рванулась вперёд, хватаясь за протянутую руку. Шут легко дёрнул меня к себе, я словно пересекла невидимую границу и в следующий миг уткнулась в горячее обнажённое плечо, чувствуя, как он обнял меня за талию.

— Джа... — Я подняла голову, только чтобы увидеть стиснутые челюсти, растянутые в ухмылке губы, побелевшие скулы и немигающий взгляд полуприкрытых чёрных глаз, устремлённый вверх моей головы.

Правую руку он по-прежнему держал перед собой ладонью вперёд.

Значит, граница мне не почудилась...

— Ч-ч-ч, — он крепче прижал меня, зарывшись ладонью в волосы, и я, закрыв глаза, обняла его в ответ, прижавшись щекой к белому шраму на груди.

Как у него сердце стучит... спокойно и уверенно...

Великие боги, как же мне этого не хватало...

Рядом с ним ничего не страшно.

Скрежещущий металлический крик раздался за моей спиной, и я вздрогнула от прозвучавших в нём ярости и разочарования.

— Тихо, тихо, — воин легко погладил меня по спине. — Не бойся, всё хорошо.

Всё хорошо... Всё очень хорошо, потому что он сейчас со мной.

В спину ударил горячий ветер, разметав мне волосы. Порывы ветра усилились, затем что-то большое и тяжёлое ненадолго снова закрыло солнце. и, наконец, в небе вновь прозвучал скрежещущий крик, нагонявший на меня ужас.

Только теперь он удалялся от нас. Но смотреть на это жуткое чудовище я больше не собиралась.

- Скссари харрри саха всксэ! — впервые выругался Джастер на неизвестном языке, отпустив меня и глядя вслед исчезающей точке. — Вот же старая карга!

— В чём дело? — робко поинтересовалась я, жалея, что опасность миновала так

быстро. — Почему ты ругаешься?

— Всё куда хуже, чем я думал, — Шут хмуро посмотрел на меня. — Времени на твоё обучение почти нет. Как ты понимаешь, эта милая старушенция уже тебя ищет. И ищет не абы как, а с помощью кхвана.

— Кхвана?

— Эта чудесная зверюшка, которая чуть тобой не позавтракала. — Воин прошёлся по берегу, выглядывая что-то на земле, и поманил меня. — Вот, полюбуйся на коготочки.

Я подошла и увидела глубокие следы, словно в землю сразу воткнули несколько ножей. Моя ладонь легко помещалась между ними. А ведь совсем недавно я грелась здесь на солнце, и всё было так хорошо...

Великие боги...

Как будто это было в другой жизни.

— Ты его не...

— Кхван — это тварь Проклятых земель, ведьма. — Воин вернулся к костру. — Он ищет добычу не только по запаху, но и по её силе. На кхвана нельзя смотреть прямо и тем более нельзя смотреть ему в глаза, как и любой другой твари Бездны, запомни, ведьма. Демонов это тоже касается. Не смотри им в глаза. Никогда и ни при каких условиях. Прямой взгляд — это знак добычи. Они сразу тебя почуют и уже не отпустят. Это первый урок, которому учат...

Я только вздохнула, понимая, что и в самом деле не просто стояла и ждала, когда меня сожрут, но и сама была готова залезть в пасть к этому кхвану.

— Почему ты уверен, что он меня искал?

— Потому что меня он не видел, — воин усмехнулся. — И тебя бы не увидел, если бы ты сразу сделала, как я сказал.

То есть он за своей защитой спрятался, а я опять виновата, получается?!

— Ты мог бы его и убить, между прочим! А не ждать, когда он меня жрать будет!

— Не сожрал же, — невозмутимо парировал этот грубиян. — Если бы я его убил, я бы нас выдал. И поверь, стало бы только хуже.

Я хлопала глазами, и не понимала ничего. Джастер посмотрел на меня и кивнул, приглашая сесть рядом с собой.

— Садись, Янига. Давай объясню, что произошло. Во-первых, в той деревне ты очень ярко проявила себя. Если бы это был простой демон, то всё закончилось бы его смертью. Но так как это демон призыва, то между ним и его хозяйкой была магическая связь. Я не знаю, как эта карга планировала его использовать дальше, но явно рассчитывала, что его рождение существенно добавит ей силы. И тут вмешалась ты.

— И ты, — насупилась я: ну не мне же одной отдуваться за эту свинью?!

— И я, — не стал спорить Шут. — Тем не менее, вместо долгожданной силы демона эта старушенция получила мощный откат от разрушенного заклинания. И теперь ищет ту, кто это устроил. Что?

— Я же не настолько сильная ведьма, — нервно рассмеялась я. — Это же твоя сила была!

— Я всего лишь убил демона, потому что ты пока не владеешь нужными знаниями. — Воин спокойно смотрел на меня. — Но до этого ты разрушила заклинание и заставила демона проявиться раньше положенного срока.

Мне захотелось тихо взвыть от такой новости. Великие боги! Ну зачем нас в ту

проклятую деревню занесло?!

Столько неприятностей из-за каких-то свиней!

И это только «во-первых»!

— И что у нас «во-вторых»?

— А во-вторых у нас то, что эта ведьма не просто где-то откопала чёрный гримуар и освоила простенькое заклинание призыва. У неё есть покровители, Янига. И очень... очень могущественные и очень богатые покровители. И вот это... Это намного хуже любых демонов.

Джастер сплёл пальцы и опёрся на них подбородком, задумчиво смотря куда-то перед собой.

— Если в этом замешан ещё и он...

— Он?

Шут вздрогнул, явно забыв о своём существовании.

— Кто — он?

— Не сейчас, ведьма, — Джастер криво ухмыльнулся. — Давай надеяться, что всё не так плохо, как я подумал.

Опять у него от меня тайны...

— Почему ты решил, что у неё есть покровители, да ещё и такие?

— Поймать и подчинить кхвана — дело непростое. Даже раньше такие твари стоили дорого и покупали их только очень состоятельные люди. Кхваны — это отличные гончие на людей с даром. Это первое. Второе. Отсюда до Проклятых земель очень далёкий путь. Доставить по нему обученного кхвана, да ещё и незаметно, стоит огромных денег. Огромных, ведьма. Третье. Чудовищная тварь, порождение Бездны, совершенно спокойно летает днём, а по пути прихватывает на обед любого, кто попадётся. По-твоему, можно делать это безнаказанно со стороны власть имущих? Или ты считаешь, что ваши волшебники эту зверюшку в качестве домашней завели, поэтому её на охоту выпускают спокойно?

Я только открывала и закрывала рот, потому что возразить было нечего, а рассказанное пугало своей чудовищной правдой.

— Но есть вариант и хуже, — воин снова сложил руки «домиком». — И если это он... Тогда в вашем тихом и мирном болотце скоро будет жарко, Янига. Очень жарко.

Всё. Не могу больше бояться...

— Хорошо, я поняла, что у нас всё плохо. Что нам теперь делать?

Джастер задумчиво погладил подбородок, посмотрел на ладонь, а потом на меня, и на его губах расцвела неожиданная улыбка.

— Кажется, твоя мечта увидеть меня бородатым очень скоро осуществится, ведьма. Ты петь или танцевать умеешь, кстати?

Чего? Это ещё зачем?!

— Нет, не умею, — я покачала головой. — Я же ведьма, ты забыл! А ведьмы не танцуют как... Что?!

— Жалко мне вас, — Шут трагически изогнул брови. — Жить как все — нельзя, родителей нельзя, мужа и детей — нельзя, петь нельзя, танцевать нельзя... Даже платья, кроме чёрных, нельзя. Понятно, почему вы на любовников падки — одна радость в жизни осталась...

— Прекрати! — я вскочила на ноги, до глубины души оскорблённая услышанным. — Хватит так говорить! Это неправда! Быть ведьмой — это почётно! Это уважаемое ремесло

свободной женщины! Мы помогаем другим людям! И... и... И все ведьмы так живут, потому что это тра!..

— Значит, будешь первой ведьмой, которая начнёт жить по-другому, — спокойно припечатал он. — Если, конечно, ты вообще жить хочешь.

— Джастер!

— Ну мало ли, вдруг тебе традиции дороже...

— Джастер!

— А как ты к коричневому цвету относишься, Янига? Думаешь, тебе подойдёт? — с невинным видом поинтересовался он. — По-моему, с голубым будет вполне неплохо смотреться... Вполне себе симпатично и достойно приличной девушки. Или ты предпочитаешь другую роль?

Нет, он совершенно невыносим...

— Что ты задумал? Только скажи прямо, без этих твоих...

Джастер посмотрел на меня снизу вверх и довольно улыбнулся.

— Если я прав в своих худших подозрениях, то нас, точнее меня, пригласили в Игру. В качестве добычи. Ставка — жизнь, как понимаешь. Противники — очень опытные и смертельно опасны и для меня, и для тебя. Правда, здорово?!

Вот теперь я поняла, как он пугает по-настоящему.

Потому что улыбка у него была по-детски счастливой, а серые глаза горели от азарта и предвкушения.

17. Браслет двух судеб

В себя я пришла не сразу.

Джастер, закинув руки за голову, а ногу — на ногу, лежал на траве, смотрел в небо и счастливо улыбался, как деревенский дурачок.

— В качестве добычи?! Я не ослышалась?

— Ага, — он беззаботно кивнул, нашарил одной рукой какую-то веточку и приложил к голове. — Похож я на оленя? Ме-ме-ме?

Второй рукой он изобразил, как олень копает снег копытом.

Я закрыла лицо ладонью, не веря глазам. Нет, не может быть... Ну не сошёл же он с ума, в самом деле?

— Ставка — жизнь?

— Ага.

— И чему ты радуешься?! Тому, что тебя и меня хотят убить?!

— Ага, — снова улыбнулся он, сорвал травинку, сунул в зубы и соизволил обратить взор на меня. — Ты что так напрягаешься, ведьма? Весело же.

Весело?! За нами охоту открыли, меня чуть не сожрали, а ему — весело?!

— Это не смешно и не весело! Я не желаю участвовать в таких Играх! И ни в каких других тоже не желаю! — Я нависла над воином не хуже кхвана. — Это же не шуточки, это всё серьёзно! Меня такая судьба не устраивает! Я не хочу сражаться с демонами и всякими тварями из твоей Бездны! Я хочу жить спокойно и продавать зелья, как нормальная ведьма! Если тебе жизнь не дорога, то играй без меня!

Шут лениво прищурился и пережевнул травинку с одного уголка рта на другой.

— Хорошо, Янига. — безмятежно ответил он. — Я тебя не задерживаю, можешь идти, куда хочешь. Доброго пути.

Он ещё издевается! Ни стыда, ни совести!

— Это ты себе смысл жизни нашёл, выходит?! Помереть самому и меня?!..

Джастер вздохнул, покрутил в пальцах «оленьи рога» и сел.

— Ну что ты раскудахталась? — он смотрел на меня искоса, наклонив голову на бок. —

То тебе славы подавай, а то готова голову под подушку прятать от малейших трудностей.

Малейшие трудности?! Это?! И он ещё меня курицей обзывает?!

Великие боги, как же он меня злит!

— Личных врагов не выбирают. Они находят тебя сами. Так что успокойся и прими это как знак судьбы.

— Да к демонам такие знаки! Я!..

— Что ты? — невозмутимо перебил воин. — Не согласна с такой судьбой? Это я уже слышал. Лучше скажи, что изменилось от твоего несогласия?

— Да если бы я знала, что всё так...

— То бросила бы деревню на растерзание демону? — Джастер с интересом прищурился. — Или бросила своё ремесло? Зачем ты вообще полезла снимать это проклятие? Ты же понимала последствия своего вмешательства. Разве нет?

Я сердито замолчала, нахмурившись и отвернувшись. Зачем, зачем... Дура была! Нет бы поступить, как Холисса учила: не вмешиваться в чужие дела! Нет, пожалела дур этих... И даже не столько их, сколько девчонку ту...

— Но я же не думала, что всё так обернётся! Я думала, что...

- У тебя был выбор, и ты его сделала, Янига, — воин лениво почесал веточкой затылок. — Ты встала на защиту людей. И это был выбор в сторону твоей судьбы. У тебя больше нет пути назад. Только вперёд. Ты же понимаешь, что эта карга не успокоится, пока из тебя душу не вытрясет?

Ну зачем он так?! Я и без того напугана до полусмерти...

— А что-нибудь доброе ты сказать можешь? — я обернулась, стараясь сдержать злые от обиды и страха слёзы. — Для разнообразия!

— Сильный враг — это хорошо, — улыбнулся он. — Значит, ты тоже сильна, раз тебя сочли достойным противником. Но одной силы недостаточно. Тебе надо очень многому научиться. Тебе полегчало? Нет? Тогда хватит сверкать глазами, неси свою новую книгу, будешь писать.

Что?

— Писать? А разве не...

— Сначала писать, — Джастер перестал улыбаться, отбросил веточку и сплюнул травинку. — У тебя очень мало времени для обучения, поэтому так. Я расскажу всё, что тебе необходимо знать, а ты это запишешь. Понимать всё написанное прямо сейчас тебе не обязательно, потом разберёшься. Практику походу освоишь, главное, чтобы ты знала и понимала, что делать.

Это он намекает, что стоит ждать скорой встречи с демонами?

— Он вернётся? — я невольно оглядела небо.

Джастер нахмурился и пожал плечами.

— Смотри, кто у него ловчий. Если — твоя старуха, то, скорее всего, нет. А если он... Непременно вернётся.

— Почему ты так уверен?

Хотя мне не хотелось, чтобы это чудовище вернулось, за неизвестную и опасную ведьму

стало почему-то обидно. Как будто Шут её ни во что не ставит...

Воин хмуро посмотрел на меня.

— Твоя карга пока знает о тебе не больше, чем ты о ней. Скорее всего, она видела, если видела, только отблеск твоей силы, которой ты пыталась убить демона. Ты вложила в заклинание очень хорошо, и оно было очень ярким. Как вспышка в ночи. Кхван искал такую силу. Но сейчас ты не колдовала, и он просто охотился. Понимаешь?

— Не очень, — хмуро буркнула я в ответ. — Почему ты решил...

— Если гончий кхван не взял след сразу, он будет летать кругами, всё шире и шире, пока не найдёт нужное. Сбить со следа его очень сложно, убить проще. Когда он находит добычу, то приносит её хозяину. Обычно этого достаточно.

— Но?

— Но, если ловчий тот, о ком я думаю, то он проверит память кхвана и узнает всё, что тот видел. Теперь понимаешь?

Я кивнула, представив, что видело это чудище. Лагерь на берегу лесного озера и рыжая молодая ведьма, которая вдруг исчезла у него из-под пасти.

Конечно, это очень подозрительно.

— Прекрасно. Теперь носи книгу и садись, пиши.

Урок затянулся за полдень.

Рассказ о демонах и тварях Проклятых земель оказался интересным настолько, что я забывала писать. Каждый раз, когда я заслушивалась, Джастер с едва заметной усмешкой кивал мне на раскрытые страницы, а я думала о том, что прежде не видела его таким довольным.

Нет, он больше не улыбался, как ребёнок, и не говорил, что всё это весело. Он даже не шутил, и рассказывал о страшных тварях, не умаляя их опасности.

Но он изменился.

Неведомая Игра не разогнала серых туч на его душе, но теперь за ними отчётливо ощущалось яркое солнце.

Впрочем, скоро мне стало не до посторонних мыслей. Писать пришлось очень много, а рисовать знаков — ещё больше. Перелистнув очередную исписанную страницу, я поняла, что всё. И буквы не напишу.

Никогда в жизни я столько не писала, как сегодня. Даже запястье болит и пальцы сводит... И больше в меня уже просто не влезет.

— Может, хватит? — я жалобно посмотрела на Джастера, который все это время то разгуливал по берегу, то стоял, глядя на озеро. — Я уже совсем ничего не понимаю. У меня сейчас голова лопнет.

Воин покосился на меня, взглянул на солнце и смилостивился.

— Хорошо, отдыхай. Потом продолжим.

Не сдержав радостного вздоха облегчения, я захлопнула книгу с записями, закрыла чернильницу и поспешила к шатру.

Как хорошо, что Джастер его в теньке поставил...

Вытянувшись на покрывале, я обхватила подушечку руками, закрыла глаза, наслаждаясь прохладой, и сама не заметила, как уснула.

Когда я открыла глаза, солнце пересекло озеро, и теперь висело над вершинами

деревьев, освещая наш лагерь полностью. Это ж сколько я спала?

— Джастер? — я выбралась из шатра, протирая глаза, зевая и оглядываясь в поисках Шута. — Джа...

Костёр был потушен, обуви и рубахи война не было. Как не было и их хозяина. Фламберг, лютня и торба лежали на прежнем месте.

Хотя я больше не боялась, что Шут меня бросит внезапно и без всяких объяснений, но теперь, после утреннего налёта кхвана, стало очень не по себе.

Это же хуже, чем с водяницами было... Хоть Джастер тогда полумёртвый лежал, но всё равно спокойнее, чем вот так...

Постоянно косясь на небо, я вернулась обратно под защиту деревьев и шатра.

Интересно, куда Шут ушёл? Хоть бы предупредил...

Делать было нечего, от жары хотелось искупаться, но гулять по берегу я опасалась. Вдруг эта жуть вернётся, пока я одна? Джастер, конечно, рассказывал, что делать, но в голове была такая каша, что при одной мысли о книгах, заклинаниях или чтении меня начинало мутить.

Лучше уж посижу в тенёчке тихонечко, подожду его возвращения.

Джастер объявился, когда солнечный луч, освещавший вход в шатёр, успел переползти на откинутый полог, а я снова задремала.

— Выходи, ведьма, — негромко позвал он меня, и я вздрогнула, просыпаясь.

— Где ты был?

Я выбралась из шатра и подошла к костру. Шут спокойно доставал из-за пазухи грибы, и складывал горкой рядом с охапкой трав для меня.

— Прогулялся немного, — он отряхивал рубаху. — Давай, разбирай побыстрее травы, и займёмся твоим обучением дальше.

— Я даже закорючку не нарисую, — я взяла травы и понесла к шатру. — У меня рука болит и тошнит от...

— Не волнуйся, мы займёмся практикой, — «успокоил» он меня.

— Какой?

— Этой, — воин извлёк откуда-то пояс с моим мечом и кинжалом. — Забыла?

— Ты шу...

— Разве похоже? — он знакомо хмурился. — У меня ещё дел полно, да и тебе их хватит. Ужин сегодня с тебя. А потом будешь учиться манерам, танцам и знакомиться с силой Датри.

Я покосилась на кучку грибов и вздохнула, привычно сортируя травы и раскладывая на просушку.

Возиться с грибами мне не хотелось, но и всё время быть обузой на шее Джастера тоже.

— А когда он может вернуться?

— Не сегодня точно, — воин спокойно осматривал своё оружие. — До дороги не близко, а до города тем более. Думаю, пара дней у нас есть, но потом нужно уходить отсюда.

— Так ты дорогу искал?

— Что её искать-то, — Шут покосился на меня. — Вон там она.

Он махнул рукой в сторону озера, показывая куда-то правее, чем направление, откуда прилетел кхван.

— По тропам быстро дойдём. Всё, ты закончила? Давай, надевай, подними юбку

повыше, чтобы в ногах не путалась и доставай оружие.

Вздыхнув, я застёгивала тяжёлый пояс. По тропам быстро дойдём...

Ещё утром я бы этому обрадовалась. А сейчас идти в ту сторону совсем не хотелось.

Но, хотя бы пару дней появления чудовищ можно не бояться...

Живой меч в руке Шута уже приглашающе блестел в солнечных лучах. Судя по всему, на пощаду или снисхождение можно не рассчитывать.

К концу урока, кроме запястий, болело и всё остальное.

Джастер гонял меня беспощадно. Хотя он и сдерживал силу и скорость ударов, но мне более чем хватило.

Зато потом я вдоволь накупалась прямо в рубахе.

— Зачем мне учиться манерам и танцам?

Я сидела у костра, греясь и обсыхая после купания, и едва удерживала в трясущихся руках грибы и нож. От попытки сжать пальцы сильнее, запястья почти сводила судорога.

А ведь он ещё обещал учить танцам и боевой магии на практике...

Изверг...

— Ведьма любовной магии из тебя никудышная, так может, хоть женщина поприличней получится, — хмыкнул он, расстилая на утоптанном берегу бычью шкуру, купленную на ярмарке.

— А из тебя шут хуже, чем... чем из этой шкуры платье! — сердито огрызнулась я.

— Так я из неё и не платье шью, — ухмыльнулся он, стоя над шкурой и разглядывая её.

— Ты очень грубый, — я дочистила последний гриб. — Лучше бы сам манерам поучился.

— Помнится, ты спрашивала, не жил и я во дворце, — Джастер подошёл к костру и веткой выкатил уголёк, пока я смотрела на него во все глаза.

— А ты жил?!

— Я везде смогу за своего сойти, ведьма. Если захочу или нужда будет, — воин подобрал уголёк и вернулся к шкуре. — А вот ты — нет. Тебя издалека видно.

— И что? Это плохо? — я резала грибы в котелок. Везде он за своего сойдёт...

И ведь не врёт, скотина... Вот тебе и пьяный менестрель в трактире, вот тебе и грубиян-наёмник, вот тебе и слуга-управляющий, который даже магистрат уболтает...

— Что ты так на меня смотришь?

— Сейчас — плохо, — Джастер снова отвернулся и начал рисовать угольком по шкуре. — Пока не разузнаем, кто открыл охоту, лучше тебе не быть ведьмой.

— А кем я должна быть?

— Обычной девушкой, кем ещё-то? — отозвался этот нахал. — Можешь, конечно, городскую попробовать изобразить, но деревенская из тебя лучше получится. Если танцевать научишься. Хотя бы плохенько.

— Деревенская девка? Я?!

— Загоришь ещё, и самое оно будет. Для служанки у тебя манер и учтивости не хватает. И спину гнуть ты не умеешь. А на гулящую девку ты не потянешь, гордая слишком.

Вот ведь язва!

— А ты у нас кем будешь? Сыном герцога? — огрызнулась я, даже не сомневаясь, что Джастеру нет никакой нужды притворяться кем-то ещё.

Одежду поменять на обычную для «псов», и всё. Мало ли наёмников по дорогам

ходит...

— Посмотрим, — неожиданно ответил он. — Как пойдёт. А теперь не мешай.

Вот ведь... хам!

Остаток вечера я с ним не разговаривала.

Ужинали мы молча. Учить танцам он меня почему-то не стал, предпочтя продолжить возиться со шкурой, вырезая из неё какие-то заготовки. Я же сидела у костра, обхватив колени руками, и сердилась на Шута из-за последнего разговора. И сыном герцога он быть может, и во дворце за своего... А я даже в служанки не гожусь! Девчонка я ему деревенская! Наглец!

Только вот достойных возражений я придумать не могла, и это злило ещё больше.

Когда в сумеречном небе появился серп молодой луны, Джастер отвлёкся от своей работы, коротко объяснив, как познакомится с силой Датри.

Магия луны и ночи наполнила меня умиротворением и мягкой, неведомой прежде силой. Она отличалась от силы Шанака, как вода отличается от огня, но при этом я чувала, что мощь Датри так же велика и разрушительна, как её божественного супруга.

Однако сейчас меня наполняли безмятежность и спокойствие, прогоняя все страхи и дурные мысли. Мой дар нежился в лунных лучах, как вода в озере, напитываясь этой благодатью. В состоянии глубокого умиротворения я надела рубаху, и, не сказав ни слова Шуту, по-прежнему сидевшему у костра, отправилась спать.

Мы провели на берегу озера ещё два дня. Всё это время Джастер посвятил моему обучению. В лес он уходил в полдень, но иногда и ночью, кроме трав для зелий принося то зайца, то птицу, а то грибы или ягоды.

Пока я читала легенды или заучивала боевые руны, Шут готовил еду и что-то шил из той самой огромной шкуры, которую купил в Кронтуше. Рассмотреть, что именно он делал, я не смогла, а спрашивать не решилась, потому как Джастер тщательно сворачивал все детали и убирал по окончании работы обратно в торбу.

Ещё он и в самом деле начал отращивать бороду. Светлая щетина золотилась на солнце, а воин недовольно тёр щёки и шею. Я же украдкой разглядывала его лицо, не в силах понять, каким он мне нравится больше, и думала, сколько ещё у него тайн, о которых я даже не догадываюсь.

Но дел мне хватало. За это время я, к своему удивлению, не только пополнила запасы мазей и духов, но и дочитала легенды, исписала всю новую тетрадь, выучила десяток боевых рун, загорела и даже стала получать удовольствие от тренировок на мечах. И хотя каждый раз, закончив урок, Джастер нарочито внимательно следил, как я убираю оружие в ножны, я понимала, что это просто шутка.

Между нами была другая стена.

Не стальная и тем более не ледяная, но она была. Из-за нашей судьбы Джастер позволил мне быть рядом, учил меня, и даже разговаривал почти не подшучивая, но той необыкновенной близости и тепла, что случались раньше, не было.

Даже обучая меня простым уличным танцам и манерам поведения, он не разрешал прикасаться к себе и каждый раз давал понять, что ближе, чем на вытянутую руку, к нему лучше не подходить.

Нет, он не ругался и даже не шутил. Он просто смотрел холодно и спокойно, но у меня

ноги прирастали к земле.

Что уж говорить о ночах, что я проводила одна в шатре? Хоть к ночи я и падала почти без сил, но как же мне хотелось снова уснуть рядом с ним! Хотя бы просто рядом...

Тень былой близости, что проскользнула, когда воин знакомил меня с силой Шанака, оставалась единственным лучиком света, питавшим мою надежду.

Но что сделать, чтобы этот лучик стал ярче, — я не знала.

К концу пятого дня, как я покинула Пеггивилль, наша мирная лесная жизнь подошла к концу.

— Всё, пока достаточно, — воин удовлетворённо кивнул, убирая Живой меч в петлю на поясе. — Для начала тебе хватит, остальное по возможности.

— Мы уходим? — я тоже убрала оружие в ножны. Это движение, как и тяжесть меча и кинжала на поясе, стало почти привычным.

— Да, — Джастер кивнул, глядя на клонящееся к закату солнце. — Пора отсюда убираться. Время пришло.

Хотя я ждала этого, но сердце предательски забило от волнения.

Время пришло...

Мы всего лишь покидаем берег безымянного лесного озера, но такое чувство, что я отправляюсь на войну с демонами, и ближайший уже поджидает меня у дороги. А Джастер отойдёт в сторону и будет наблюдать, хорошо ли я усвоила его уроки...

Я потрясла головой, прогоняя глупые мысли. Что за ерунда в голову лезет!

Не верю я в это.

Он так не сделает. Может, конечно, но не сделает.

— Осталось кое-что сделать, и можно собираться. — Джастер повесил над костром котелок с водой и кидал туда кусочки коры, листья шалфея, в завершение насыпав какой-то тёмный порошок и помешав это всё веточкой.

— Что это? — Я с удивлением смотрела на чернеющее на глазах варево.

— Зелье для красоты волос, — усмехнулся он. — Намажем тебе голову, и никто тебя не узнает.

— Что? — я невольно схватилась за голову, убеждаясь, что мои волосы в порядке. — Что значит — никто не узнает?

— Увидишь, — Джастер спокойно мешал чёрное варево. — Не бойся, ничего с твоей шевелюрой не случится. Переоденься пока в платье, чтобы рубаху не испачкать. И носи гребень и зеркало, пригодятся. Заодно волосы намочи, чтобы влажные были. Так надо.

Переодевшись, я принесла необходимое и намочила волосы. Сев возле костра и опаской косясь на неведомое зелье, я ждала, когда Джастер закончит его приготовление.

— Ты уверен, что без этого никак?

— Уверен, — он спокойно снял котелок с огня. — Иди сюда и садись. Не бойся, в Сурае все богатые красавицы так делают.

Пытаясь понять, шутит он или нет, я села на указанное место и поняла, что зря боялась.

Джастер легко оделял прядь за прядью, смазывал их зельем, расчёсывая гребнем, и убирал в сторону. От его ловких и бережных касаний было очень приятно. Хотя он стоял за моей спиной, я старалась не улыбаться слишком заметно от неожиданного удовольствия.

— Вот и всё, — воин собрал все мои волосы на макушке, скрутил в узел и заколол гребнем. — Теперь просто сиди и жди. Ах да, чуть не забыл.

Он встал передо мной и провёл пальцем по бровям, нанося зелье и на них.

— Теперь порядок. Можешь на себя посмотреть, если хочешь. Только недолго, мне зеркало нужно.

Я кивнула и достала из кожаного мешочка свою покупку.

Великие боги... Разве это я? Совсем на меня не похоже... И хотя узел на голове — непривычно и тяжело, но зато лицо стало выглядеть неожиданно утончённей. Даже с этими двумя тёмными полосками вместо бровей. И веснушки снова появляться начали...

— Долго сидеть?

— До темноты. Всё, дай зеркало, потом на себя налюбуйешься.

— Зачем оно тебе?

— Тоже хочу быть красивым, — ухмыльнулся он, забирая зеркальце и котелок. С мокрых волос капала вода. — Не тебе одной мужские сердца разбивать, ведьма.

— И ты тоже?! — я с изумлением смотрела на Джастера, пропустив очередную сомнительную шутку мимо ушей.

— А как же. — воин ухмыльнулся. — Искать будут не только молодую рыжую ведьму, но и её «пса». Мы с тобой оба приметные, а так немного погоню с толку собьём.

Вот оно что... Я вздохнула.

— Ну почему нет заклинания, чтобы нас никто не узнал...

— Есть, — неожиданно отозвался Джастер, — много разных. Только как раз это нас сразу и выдаст. Любая магия будет сигналом для кхвана. У вас ведь не каждый первый и даже не каждый второй с магическим даром ходит, чтобы среди них затеряться. Чем меньше мы будем пользоваться силой — тем безопаснее.

Он смотрелся в зеркало и намазывал волосы краской из котелка, а я думала: уж не поэтому ли он скрывал свои способности? Конечно, красивых и дерзких наёмников с фламбергами и лютнями ещё поискать, только... Только вот половина Кронтуша наверняка помнит лишь про наглого «щенка», которого Визурия в поединке победил, а вторая половина помнит просто ведьминоho охранника, который в чёрном ходил. Фламберг с лютней Джастер в комнате держал, уходили мы из города почти на рассвете, да и на лютне он всего один раз в «Гусе» играл, в тот вечер, когда госпожа ведьма двух похитителей по стенкам размазала...

Как ни крути, а всё равно его запомнили как обычного наглого «пса». А вот меня помнят как могучую госпожу ведьму.

— А это чудище точно нас не найдёт, если мы силой пользоваться не будем?

— Точно, если ловчий — эта карга.

Успокоил, называется...

— А если...

— А вот если «если», то тогда тем более, силой лучше не светить, — хмуро откликнулся он, намазывая остатками краски усы, бороду и брови. — Я не собираюсь играть в «поддавки», по крайней мере, пока.

— Подожди, а зелья?!

— Что — зелья?

— Ну, они же тоже...

Джастер ухмыльнулся и извлёк из-за спины кожаную сумку и бросил мне.

— Держи, ведьма.

Я поймала и с удивлением разглядывала неожиданный подарок.

Размером чуть меньше моей торбы, клапан с язычком, который просовывается в пришитую для него петельку. Боковины шириной с ладонь, широкий ремень через плечо с пряжкой и его можно перестегнуть, как перевязь, подстраивая под себя. Внутри удивительная сумка оказалась разделена пополам, чтобы содержимое не путалось.

На душе стало очень тепло и приятно. Вот что он шил, оказывается...

— Что это? — я постаралась сдержать чувства, хотя больше всего хотелось кинуться Джастеру на шею и расцеловать за такой чудесный подарок.

— Сумка тебе, — он спокойно взял котелок и отправился к озеру. — В неё всё твоё добро влезет. В одну половинку магическое убери, а в другую — всё остальное. Чтобы достать, просто подумай о том, что тебе нужно, оно появится. А то ходишь, как не пойми кто, обвешалась кулями, смотреть больно.

Всё моё влезет... Чтобы достать нужное — просто подумать... Значит... Значит, это почти как его торба?!

— Джастер... Ты лучший мужчина на свете! — Я не сдержалась, высказав свои эмоции, но еле усидела на месте, так сильно мне хотелось обнять его.

— Ты ошибаешься, Янига, — он холодно бросил через плечо, отмывая котелок. — Своего мужчину ты ещё не встретила.

Вот обязательно ему надо мне настроение испортить...

— Я совсем не интересую тебя как женщина?

Шут обернулся. Тёмная краска, хоть и неровно размазанная, очень ему шла, сделав лицо ещё ярче и выразительней. Под хмурым и суровым взглядом я снова прикусила губу, понимая, что приятного ответа можно точно не ждать.

— Ты что, до сих пор считаешь, что женщина нужна мужчине только для постели? Тебя твоя ненаглядная Холисса обычной жизни совсем не учила?

Я опустила глаза, смаргивая навернувшиеся слёзы. Стыдно, больно и... и я не понимала, чего он так на меня взъелся. Хорошо меня Холисса учила. Всему, что надо знать добропорядочной ведьме!

Только вот такой ответ Джастера явно не устроит.

— И зачем? — тихо спросила я, предчувствуя новую волну гневной отповеди.

— Чтобы жить, ведьма, — неожиданно спокойно ответил воин. — А ты как думала? Мужчина и женщина выбирают друг друга, чтобы жить вместе, одной семьёй. Помогать друг другу во всём, радоваться и горевать вместе, растить детей с тем, кого любят. Разве ты сама этого не видишь вокруг?

Жить одной семьёй... растить детей...

Вижу, конечно, как люди живут, не слепая! Просто я об этом не задумывалась никогда. Это же не путь ведьмы...

— Мужчина для женщины защита и опора, она для него — честь и совесть. Ведьмы живут иначе. Я ещё не слышал ни про одну ведьму, которая бы отказалась от своего ремесла ради простой жизни с любимым мужчиной, — подтвердил мои мысли Джастер. — К тому же, ведьмы очень легко меняют любовников. Как модницы платья. Разве нет?

Уел. Моими же словами так уел, что даже голову поднять стыдно...

И почему я уверена, что он осуждает то, как живут ведьмы? Что в этом не так?! Этой традиции тысяча лет! Подумаешь, любовников меняют... Любовник он же для этого и нужен! Это же просто для удовольствия! Там же нет никаких серьёзных отношений!

— Можно подумать, мужики по бабам не бегают... — тихо огрызнулась я. Слёзы

капали на подаренную сумку, скатываясь с кожи в траву.

— Быть для мужчины любовницей и быть для него его женщиной — это разные вещи, Янига, — невозмутимо добил меня Джастер. — Запомни это. Навсегда запомни.

Не нуждаясь в ответе, он отвернулся, домыл котелок и вернулся на своё место, не глядя на меня.

А я сидела, в обнимку с подарком, ставшим неожиданно горьким, и вытирала мокрые глаза.

Быть любовницей... Что плохого в том, чтобы быть любовниками?! Я же не прошу его забыть его бывшую и жениться на мне! Ведьмы не выходят замуж и не заводят семей. Я просто хочу, чтобы он остался со мной и любил меня, когда всё закончится...

Великие боги, разве я многого хочу?

Обнимая подарок, я ушла в шатёр, собирать вещи в новую сумку.

Из остатков крупы, которую я нашла в своей старой торбе, Джастер сварил похлёбку.

Ужинали мы молча.

Закончив после ужина со всеми делами, я решила что уже достаточно стемнело и можно идти купаться.

Когда я отмыла волосы — по крайней мере, мне они казались чистыми, то решила искупаться. Солнце уже зашло и серп молодой луны приближался к половинке. Тёмная поверхность озера серебрилась под его лучами, мой дар легко откликнулся на силу Датри, и я отдалась воде и лунному свету, позволяя им проникнуть в себя и напитываясь мягкой и текучей силой...

На берег я выходила, чувствуя себя хрустальным сосудом, полным текучего лунного серебра. Сила переливалась по венам, щекотала кончики пальцев, искрилась в каплях воды на коже. Волосы, тёмные в сгустившихся сумерках, падали на плечи и спину тяжёлыми прядями. Даже виться почти перестали. Я наклонила голову на бок, чтобы отжать воду, когда вдруг увидела...

Джастер стоял и смотрел на меня. Мокрые волосы прилипли ко лбу, капли воды стекали по коже и падали на обнажённые плечи, но он даже не замечал этого. Тёмная щетина скрывала часть лица, но глаза... Глаза были широко распахнуты.

И взгляд...

Неотрывный. Долгий. Вбирающий в себя малейшую деталь. И... Присваивающий меня себе.

Никогда он на меня так не смотрел.

Под этим взглядом стало жарко. Мне одновременно хотелось и опустить глаза от внезапного смущения, и сделать что-то такое, чтобы он смотрел так дальше... И не только смотрел.

Я не успела даже вздохнуть, а он шагнул ко мне, не отводя этого удивительного взгляда.

И я замерла, глядя ему в глаза, боясь пошевелиться и всё испортить. Потому что очень желала того, зачем он шёл.

Воин остановился в полушаге от меня. Тёмные глаза горели и этот же жар исходил от него самого. По телу прокатилась дрожь, а в коленях появилась слабость. Джастер поднял руку, и я замерла в предчувствии прикосновения.

Горячие пальцы невесомо скользнули над моей щекой, едва не коснулись губ и очень легко тронули мокрые пряди надо лбом. Воин наклонился, прикрыв глаза, и его дыхание коснулось моей шеи, вызвав такую дрожь желания, что я еле устояла на ногах.

Великие боги, что он со мной делает...

— Не простудись, — низко и хрипло вдруг сказал Шут и на мои плечи внезапно опустился его плащ.

Ч... что?

Совершенно ошеломлённая, я смотрела, как он резко развернулся и скрылся за деревьями.

И только когда я услышала громкий плеск воды, то поняла, что всё.

Ничего не будет.

Совсем ничего.

В одно мгновение всё волшебство растаяло, словно ничего не было.

Я стянула его плащ, отнесла к костру, отжала волосы и надела рубаху. Старого платья я не увидела, да и ладно: утром найду.

— Сам не простудись, — буркнула я и отправилась в шатёр.

Всё равно сидеть и ждать его бесполезно.

Лёжа в темноте и пытаясь уснуть, я вспоминала его взгляд, от которого пробирала сладкая дрожь, и пыталась понять, что же это было? Он смотрел так, словно впервые меня увидел. И в то же время так, как будто... увидел кого-то из прошлого.

Закутавшись в плащ, я сердито нахмурилась, ругая себя за собственную недогадливость. Ну конечно! Вот почему он так смотрел. Я просто напомнила ему его любовь.

Вот и всё.

А до ведьмы Яниги ему нет дела.

Разбудил меня вкусный запах ухи. Зевая и протирая глаза, я выбралась из шатра. Солнце светило сквозь деревья, но достаточно высоко. У костра сидел мужчина, помешивая наш завтрак, и я не сразу поняла, что не так.

— Д...джастер? Ты?!

— Что, не похож, ведьма? Это хорошо, богатым буду, — знакомо ухмыльнулся смуглый тёмноволосый и бородатый мужчина в пёстрой лоскутной рубахе, теперь действительно походивший на бродячего шута. — На себя полюбуйся.

Сон как водой смыло. С замирающим сердцем я кинулась к озеру и с изумлением уставилась на отражение. Великие боги...

— Это навсегда? — дрожащей рукой я подняла к лицу тёмно-коричневую прядь. — Я не хочу быть такой!

— Не навсегда, успокойся, — он невозмутимо попробовал уху. — Отмоется за несколько раз. Так что надо будет повторить, если нужда наступит.

Я снова взглянула на отражение. Кто бы мне сказал, что из рыжей и белокожей я вдруг стану тёмноволосой и загорелой. И опять с веснушками.

Обсмеяла бы дурака.

— Мне не нравится, — я села у костра и стала расчёсывать тёмные пряди. — Я хочу свои волосы обратно.

Шут коротко взглянул на меня, но ничего не ответил, снимая котелок с огня.

— Не знала, что у тебя другая рубаха есть, — я принесла свою миску и села у костра.

— Это та же, — отозвался он, протягивая полную миску обратно, и посмотрел на меня. — Я её просто постирал.

— Ты дурак, а не шут! — рассердилась я, едва сдержавшись, чтобы не опрокинуть горячую уху ему на голову. — Ничуть не изменился!

Воин негромко рассмеялся.

— Да ты тоже не изменилась, ведьма, — он налил ухи себе и начал есть.

Разговаривать я с ним больше не собиралась, но пришлось.

— А где моё платье? — я помыла посуду и сообразила, что так и гуляю в рубахе, словно мы никуда не собираемся, хотя Шут явно был готов к путешествию.

— Здесь, держи, — Джастер достал из торбы свёрток и бросил мне.

Я развернула ткань и удивилась второй раз за утро.

— Но это же...

— Цвет твой, не волнуйся, — воин спокойно что-то искал в торбе. — Одевайся.

— Но оно же... синее! Только не говори, что ты его тоже постирал!

- Да, два раза. Как ты догада... Тихо, тихо Янига! Я его купил!

— Зачем? — я разглядывала платье. Простое льняное, какие носят небогатые девушки в городе или крестьянки по праздникам. — У меня же...

— Ничего нет, чтобы из леса в люди выйти, — обрезал он мои возражения. — Так что одевайся, косу заплети и это тоже возьми.

К платью добавились узкая красная лента и мой пояс, но без меча, только с кинжалом.

— Это обязательно? — я хмуро смотрела на Джастера. Он и в самом деле решил из меня девку деревенскую сделать?

— А как ты защищаться собираешься, если к тебе приставать начнут? — он вопросительно приподнял бровь.

— Приставать? — такой ответ поверг меня в полное недоумение. — Но ведь ты же...

— Я просто дурак и шут, ведьма, — улыбнулся он, и я только сейчас обратила внимание, что оружия при нём не осталось. Ни фламберга, ни Живого меча. Только торба, лютня и потрепанный обычный плащ. Даже ножа на поясе нет.

— Ты серьёзно?

— Разумеется, — он спокойно сворачивал наш шатёр. — А ты как думала?

Глядя на него, я вообще не знала, что думать. И потому решила выбросить все мысли из головы и отправилась одеваться.

Обувки к новому наряду мне не полагалось. Шут ночью сжёг мои старые туфли, а других у меня не было.

Волосы я заплетать не стала. Джастер ничего не сказал, а я не решилась признаться, что не умею плести косы.

Уходили мы молча.

Хотя платье и в самом деле подошло к новому цвету волос и мне нравилось, но я всё ещё сердилась на Джастера за его выходки. Но, кроме этого, в глубине души мне было страшно.

Потому что он, тёмноволосый, бородатый и в лоскутной рубахе, шёл впереди меня без оружия, только с торбой, лютней и моим шатром за спиной.

И безмятежно насвистывал какую-то песенку.

Хотя сейчас он действительно куда больше походил на обычного шута, я жалела, что он так изменился.

К хмурому и мрачному язвительному воину, одетому в чёрное и вооружённому до зубов, я привыкла и достаточно хорошо его знала.

Но такой Джастер меня пугал.

Потому что отправится навстречу смертельной опасности без оружия, без магии, и насвистывая легкомысленную песенку мог только... Шут на всю голову.

Или сам Шанак, если бы он вдруг решил заняться человеческими делами.

До дороги мы добрались к полудню. Выбравшись на колею, Шут огляделся из-под руки и свернул влево.

На вопрос, почему он так решил, Джастер только усмехнулся и ответил «надо».

Этим «надо» оказалась крестьянская телега с нехитрым скарбом, запряжённая сивым от старости меринком и застрявшая без колеса посреди дороги. Колесо лежало в пыли, а возле него стоял и чесал в затылке хозяин этого добра.

— Помощь нужна? — Шут не нуждался в ответе, он вежливо обозначил наше появление.

— А как же, добры че... — обрадованный мужичок обернулся и осёкся на полуслове, разглядев нашу колоритную пару. — Э-э, трубадур, толку — то с тебя... Сам управлюсь.

- Ага, а жена на сносях помогать будет, — фыркнул в ответ Джастер. — Ты от помощи нос не вороти, а то могу и мимо пройти. Как потом ни позовёшь, а удачу не вернёшь.

Шут подошёл к телеге, а я только теперь увидела прятавшуюся за спиной смутившегося мужа молодую женщину. Свободное платье не скрывало, что она действительно на сносях. Женщина стискивала пёстротканную шаль, но разглядев меня, немного успокоилась.

— Говори давай, чем помочь, — Джастер остановился перед крестьянином. — Я в телегах не разбираюсь, на своих двоих хожу.

— Колесо вот...

— Назад надеть надо?

Крестьянин кивнул.

— Так бы и сказал. Давай, надевай. — Джастер взялся за задник и с видимым усилием приподнял телегу над дорогой. Крестьянин охнул, но тут же схватил колесо и занялся ремонтом.

Его жена от волнения то стискивала руки на груди, то обнимала живот.

Когда ремонт был закончен, крестьянин помог своей ненаглядной забраться в телегу, взял мерина под уздцы и обернулся к нам.

— Благодарствую за помощь, трубадур. Чем отблагодарить вас?

— Хорошим людям помочь не жалко, — улыбнулся Шут. — Поблагодарил и будет с тебя.

Крестьянин с женой снова переглянулись. Кажется, друг друга они понимали без слов.

— А вы откуда будете, люди добрые? — спросила женщина.

Я поняла, что не знаю, как ответить на этот вопрос, но Джастер и глазом не моргнул.

— Да вот сами бы хотели знать, — он растерянно огляделся. — Из Пеггивилля шли, хотели дорогу скоротить, трав целебных набрать, да заблудились. Насилу вышли, даже не знаем куда.

— Из Пеггивилля? — недоверчиво сощурился крестьянин. — И сколь же вы по лесу плутали?

— Да демоны ведают, — Шут задумчиво почесал бороду. — А только слышали несколько дней назад крик страшный, да чудище жуткое видали в небе. Мы в кусты залегли и шелохнутся боялись, пока не стемнело.

Мне очень хотелось закрыть лицо ладонью, потому что слушать это было... невыносимо.

Однако крестьянин с женой переглянулись, и к моему изумлению женщина улыбнулась, а её муж негромко рассмеялся и похлопал Джастера по плечу.

— Эх, молодо-зелено. Сманил девку из дому, твоё дело, трубадур. Слышал я от людей, что в деревне той недоброе творится, а что за беда — никто не ведаёт, — крестьянин многозначительно посмотрел на меня.

Но я снова не успела и рта открыть.

— Да что ж там ведать: проклятие было ведьминское, страшное, — Шут, как ни в чём не бывало, обошёл телегу и взял коня за повод. — Сняла его молодая ведьма. Я как раз там был, своими глазами всё видал. Ух, и жутко было! Силища у неё — ого-го какая! Коли хошь, расскажу по дороге.

— Неужто проклятие? — женщина всплеснула руками. — Сохраните, боги!

— Но-но, ты энто, мне жону не пужай! — крестьянин перехватил у Джастера повод мерина. — Она у меня на сносях!

— Что ж ты её по такой погоде от дома увёз? — Шут совсем не собирался молчать, удивляя меня всё больше и больше.

Крестьянин оглянулся на жену, робко ему улыбнувшуюся, посмотрел на меня и решился.

— К лекарю в город ездили. Наш-то, деревенский Заруба, по неделю назад утоп, а он настрого велел Вольте беречься. До сроку-то совсем ничего осталось...

— Пошли тогда, что время-то зря терять? Солнце-то на месте тоже не стоит.

Крестьянину ничего не оставалось, как потянуть мерина за поводья, и наш маленький караван тронулся в путь. Джастер, к моему удивлению, так и шёл по другую сторону от коня. Мне ничего не оставалось, как идти пешком за телегой. Солнце заметно припекало, и я радовалась, что на дорогу падает какая-никакая тень. А вот будущая мать в телеге явно чувствовала себя не слишком хорошо.

— Первый, поди? — Джастер так легко и непринуждённо перешёл на деревенскую речь, что крестьянин перестал обращать внимание на его пёстрый наряд.

— Первый, — неожиданно откликнулась с телеги будущая мать. — Пять лет ждали...

— Да уж, — её муж виновато и растеряно заморгал, пока я удивлялась про себя такой откровенности. Такое лекарю рассказывать, или мне, на худой конец, я всё-таки ведьма по лю... почти по любовной части.

Хотя нет, какая я сейчас ведьма... Так, девка деревенская... Которая с бродячим трубадуром из дому сбежала.

Но всё равно! Почему они как на духу всё выкладывают... кому?!

— Вот, значит, Заруба Вольте отвары давал всякие, ну и... Эх, утоп он не вовремя... Хороший лекарь был... Любую болячку заговорить мог, зелья какие делал, да мази... А уж настойки у него какие! На душу примешь — и как заново родился...

— Повитуха-то есть в деревне? — Джастер невозмутимо выяснял интересующие его вещи.

— А то как же, — обрадовался будущий отец. — Бабка Коина! Уж такая бабка, такая, что ух! Меня ещё у мамки моей принимала, и ещё сколь народу — не перечеть! За ней ажно с Заречинской присылают, и с Выселок. Ух, бабка!

— Это хорошо, — Шут серьёзно кивнул. — А коль не успеете до дому-то доехать?

Крестьянин даже с шага сбился.

— Ты это брось, шутки такие! Нельзя уж так-то, — он нервно замял в руках поводья. — Как же в дороге-то...

— А ты не переживай, — Джастер дружелюбно хлопнул изумлённого крестьянина по плечу и широко улыбнулся. — Вона, травница есть, справится.

- Травница... — подозрительно насупился крестьянин. — Да рази ж это повитуха?

— Я тебе что сказал? — тут же фыркнул Шут. — Пока в дороге — не вороти нос от подмоги! Какая ни есть, а помощь тебе.

Ну, Джастер! Какие ещё роды в дороге?! Я не повитуха! И не травница! Я ведьма!

Будущий отец кинул на меня настороженный взгляд, и я постаралась мило ему улыбнуться.

Наверно получилось не очень, потому что крестьянин недовольно покачал головой и дёрнул повод, понукая мерина прибавить шаг. Зато его жена, наоборот, успокоилась. По крайней мере, она перестала судорожно стискивать концы шали, а положила ладонь на борт, устраиваясь поудобней.

— Не бойсь, — Шут как будто спиной понял моё настроение. — Всё будет хорошо.

Уж не знаю, кого он успокаивал: меня или наших попутчиков, но мне при мысли о возможных родах становилось не по себе.

Подумать только, всего неделю назад я думала сделать зелье изгнания, а сейчас, не приведи боги, и в самом деле роды принять...

До вечера мы медленно брели по дороге, вившейся по лугам и перелескам. Джастер незатейливыми шутками и короткими простыми песенками развеселил семейную пару, и я вынужденно выслушивала деревенские истории, до которых мне никакого дела не было.

Однако солнце ещё не садилось, когда Шут скомандовал привал.

Точнее, невзначай поинтересовался у Вольты, не растрясло ли её в телеге, и не хочет ли она уже отдохнуть. Женщина с радостью согласилась, и её муж свернул с дороги и повёл коня к небольшой берёзовой рощице.

— Можно и до Выселок добраться, но это только к ночи, и крюк на полдня, — крестьянин вёл мерина по накатанной колее. — А тута и озерцо имеется, и дровишки собрать можно. Но, коли вам под крышей ночевать...

— Ох... — раздалось вдруг с телеги. — Кажется, началось...

Крестьянин бросил поводья и кинулся к жене, а у меня сердце подпрыгнуло к горлу.

Нет... Только не это!

— Боишься, ведьма? — насмешливый шёпот холодком прошёлся по коже.

— Я не справлюсь! — я обернулась к возникшему за спиной Джастеру и зашипела в ответ. — Я не повитуха! Я никогда роды не принимала!

— Справишься, — он усмехнулся. — Ты — ведьма. Помогаете детей делать, помогай и рожать. Ничего сложного.

— Джастер! — я зашипела рассерженной кошкой, но он даже бровью не повёл.

— Твоя задача — её словами поддержать, потом кровь остановить и отваром напоить. А уж ребёнка помыть и пуповину перерезать — даже я смогу.

Я не успела ничего ответить, как Джастер взял всё в свои руки. Отозвав крестьянина, он заставил того срочно разводиться огонь, греть воду и искать во что завернуть ребёнка. Стонущую роженицу Шут заставил выбраться из телеги и ходить вокруг оной со мной под руку. Я же постаралась сделать вид, что и в самом деле знаю, что делаю, и как могла, подбадривала будущую мать. Не знаю, сколько продолжалось это хождение по кругу, пока

женщина не схватила за живот и не закричала, что больше не может.

— Ложись! — теперь я и сама сообразила, что делать. — Тужься! Тужься давай!

В сгущавшихся сумерках, при свете костра, глядя на рожавшую женщину, я вдруг подумала, что становлюсь свидетелем настоящего чуда.

— А-а! — закричала роженица и маленькая головка, а затем и всё окровавленное тельце младенца выскользнули прямо в руки поджидавшего Шута.

Женщина без сил уронила голову на землю, и я только сейчас увидела, что бледный муж сидит с другой стороны, крепко держит её за руку и с тревогой смотрит на окровавленный синюшный комочек, вокруг шейки которого была обмотана пуповина.

Первенец, которого они так ждали, молчал.

Нет... Не может быть... После стольких трудов... В глазах резко защипало. Нет...

— Он... — крестьянин сглотнул, не желая признавать страшную правду, и сжал руку жены, которая ещё ничего не знала. — Он... не плачет...

— А чего ей плакать? У неё судьба счастливая, — Джастер уложил девочку на левую руку и невозмутимо начал разматывать удавку на шейке, тихо и напевом приговаривая странное:

— От беды и от невзгод путь-дорога уведёт. Месяц на небе встает — счастье за собой ведёт. Солнце на небе встает, радость под руку ведёт. Ни к чему тебе дорожка быть больною хромоножкой. Будешь умницей расти, радость — счастье в дом нести.. На растущую луну не пушу тебя одну, через ножик ведьмовской возвращайся ты домой...

С каждым словом он легко гладил головку и грудку младенца и за его пальцами на крохотном тельце истаивал золотистый свет. Судьба счастливая... Путь-дорожка... Я едва не ахнула от внезапного понимания того, что он сейчас делал.

Не может быть... Это невозможно! Это...

Кто ты такой, Джастер?!

— Вот какая умница, — он зачерпнул воды из стоявшего рядом ведра и стал умывать младенца. — Вырастет, ещё и красавицей станет. Мужа хорошего найдёт, детей нарожает...

Я не верила глазам, но мёртвый ребёнок оживал в его руках. Кожа на глазах становилась розовее, зашевелились крохотные кулачки, а затем и ножки. А Джастер с удивительно мягкой улыбкой легко подул в крохотное личико, и ребёнок открыл глаза.

— Ну, здравствуй, красавица, — Шут тепло и удивительно душевно улыбнулся девочке. — Янига, что смотришь? Нож давай, пуповину обрезать.

Я достала кинжал и молча протянула ему.

На растущую луну через ножик ведьмовской...

Не отказывайся от помощи в дороге, да?

На мгновение кинжал скрылся в его руке, но я заметила, что по лезвию проскользнули отблески очищающего пламени. А может и показалось: одним движением пуповина была перерезана, и воин, не глядя, вернул мне оружие.

Пока я убирала кинжал, Джастер устроил ребёнка на чистой тряпице, и я не видела, что он делал.

— Вот и узелок тебе на счастье, — он пальцем чуть придавил животик с завязанной пуповиной. По тельцу ребенка разбежались и исчезли золотистые узорные линии. Девочка взмахнула ручками и издала звук, похожий на весёлый смех.

Знающий судьбы, да? Узелки развязывал и настройки менял...

Роженица пришла в себя и застонала. По лицу её мужа бежали слёзы счастья. Видел он,

что делал Шут или нет, он понял главное: их долгожданный первенец жив.

— Молодец. — Джастер обращался к молодой матери. — Дочка у вас.

— Д-дай... — женщина попыталась протянуть руки.

— Послед роди, потом дам, — грубовато оборвал её Шут, заворачивая девочку в ткань. — Имя-то придумали?

— А... А... не... — растерянный от счастья отец замотал головой, пытаясь совладать с чувствами. — Сгла... бо...

— Сглазить боялись? — понимающе кивнул Джастер. — А назовите Фелисия. Хорошее имя для такой умницы.

— Фе... Фелисия... — простонала роженица. — Доченька...

Девочка снова издала звук, похожий на смех.

— Ишь ты, ей тоже понравилось, — Шут снова взял ребёнка на руки и тепло улыбнувшись, легко коснулся губами крохотного лобика.

Я была потрясена до глубины души. Никогда не думала, что мужчина может быть таким... по-отечески любящим.

— Держи, — Джастер отдал ребёнка счастливому отцу, пока роженица избавлялась от последа.

— Вы... вы спасли её, — крестьянин прижимал девочку к груди. — Чем... как...

— Хорошим людям помочь не жалко, — Джастер усмехнулся и встал, снова становясь язвительным. — Теперь дело за тобой, Янига.

Мужчины с ребёнком отошли от роженицы, оставляя меня заниматься грязной и ведьмовской работой. Остановить кровь оказалось труднее, чем обычно, так ведь и рожать не раз в месяц пострадать... Но теперь у меня были очень хорошие и проверенные снадобья и я не сомневалась в их силе.

Смыв кровь, я помогла женщине переодеться в чистое и напоила её отваром. Лишь после этого мужчины вернулись от костра: ребёнок хныкал, прося грудь.

Крестьянин протянул женщине ребёнка, как величайшую драгоценность. Девочка жадно присосалась к материнской груди, а счастливый отец обнимал жену.

Я смотрела на эту пару и вдруг остро и по-доброму им позавидовала. Какое же это чудо, когда тебя любят... И какое же счастье иметь ребёнка, оказывается...

Никогда раньше я не задумывалась о семье и детях. Но сейчас...

Впервые я подумала о том, каково это: девять месяцев носить дитя под сердцем, рожать в муках, а потом отдать чужим людям...

Я покачала головой, понимая для себя простую истину. Джастер тому виной или я сама стала неправильной ведьмой, но... Я так не хочу.

Не смогу я отдать своего сына или дочь чужим людям и пойти дальше бродить по дорогам, как будто дитя никогда не было.

Нельзя так. Неправильно это.

Джастер сидел у костра и невозмутимо ужинал похлёбкой. Я села рядом и достала миску, тоже накладывая себе ужин. Задать вопрос, который раньше меня никогда не волновал, я не спешила. Сначала надо как следует всё обдумать. Поэтому спросила о другом.

— Что ты сделал?

— Ты о чём? — он даже не покосился в мою сторону, уминая ужин.

— Ты её оживил? — я понизила голос. Ни к чему такие разговоры другим слышать.

— Да нет, помог просто, — он доскребал остатки похлёбки из миски. — Она не мёртвая

была, придушенная чутка. Делов-то, пуповину убрать и дыхание восстановить...

— А это свечение?

— Какое свечение? — он удивлённо приподнял бровь.

— Из твоих пальцев, я видела. — Я говорила тихо, но не собиралась отступать. — Это твоё волшебство? Ты со мной в первый раз тоже это делал? И потом, в Кронтуше? Ты же говорил, что нам нельзя...

— Ты переволновалась, Янига, — он усмехнулся с таким видом, что стало ясно: права я или нет, но иного ответа не получу. — Лучше поешь и ложись спать. Завтра пойдём в Костиноград.

— Почему туда? — по опыту я знала, что спорить бесполезно.

— Почему нет? — он пожал плечами и впервые за весь разговор посмотрел на меня. — В деревне мы всё равно ничего нового не узнаем. А это ближайший город, всего пару дней пути. По дороге.

— То есть свои дела ты здесь закончил? — я не удержалась от ехидства.

— Да, — обезоруживающе согласился он и встал с пустой миской. — Доброй ночи, травница.

Опять он надо мной издевается!

Мне ничего не оставалось, как пойти за своими вещами, чтобы последовать его примеру.

Счастливого семейство уже спало.

Уснуть не получалось. Такое обычное для простой женщины дело, как роды, вдруг потрясло меня.

Впервые задумавшись о детях, я осознала, насколько ошибалась, когда паниковала из-за своей мнимой беременности в Кронтуше и думала, как скрыть это от Джастера.

Оказывается, он совсем не против детей.

Вон как уверенно роды принял. И с такой любовью ребёнка на руках держал... Неужели, семья и дети важны для него? Он так смотрел на этого ребёнка... С такой нежностью... Ох, Янига, Янига... Как же мало я ещё понимаю в людях!

Боялась, глупая, что он меня бросит. Думала, как тайком зелье изгнания сделать... А он...

От этих воспоминаний меня пронзило новое озарение. А вдруг у него... У него тоже была семья? И... дети? Если всё так, то никаким клином, то бишь другой женщиной такие воспоминания не вышибить...

«Я увидел её и забыл обо всём»...

Я тихо застонала, ругая сама себя. Нет, не было у него семьи. Она же его сразу прогнала...

А если бы у нас с ним... Он бы остался?

Не в силах уснуть, я встала и тихонько подошла к Шуту.

— Джастер, — тихо прошептав, я осторожно положила руку на его плечо. — Ты не спишь?

— Уже нет, — буркнул он недовольно. — Тебе чего не спится?

Я закусила губу и невольно положила руку на плоский живот.

— А мы... У нас...

Он сел так резко, что я невольно отшатнулась, почувствовав, как мгновенно

переменилось сонное настроение на холод непробиваемой стены.

— Янига, — Джастер решительно взял меня за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. В темноте они показались огромными и полными тьмы. — Всё у тебя будет. Но всему своё время. Поняла?

Сглотнув, я молча кивнула.

— Вот и хорошо, — процедил он сквозь зубы, и разжал пальцы. — А теперь иди спать. И не забивай себе голову всякой ерундой.

Мне ничего не оставалось, как встать и отправиться восвояси. Джастер ещё немного посидел, потом встал и с лютней в руках скрылся за деревьями.

Я слушала печальную мелодию и ругала себя за то, что снова растравила ему душу.

Спала я плохо. Ребёнок время от времени хныкал, но быстро успокаивался. А я находила взглядом спящего с другой стороны костра Джастера и снова погружалась в мрачные мысли.

Мне удалось задремать только под утро, но ненадолго.

Счастливым отец семейства торопился поскорее добраться домой и поднялся с первыми лучами солнца.

Под его возню я проснулась и села, завидуя крепко спящему Шуту. Сделал своё дело и спит довольный...

— Жона просила узнать, нет ли ещё зелья лечебного? — подошёл ко мне крестьянин, заметив, что я уже проснулась. — Волнуется она очень.

Я кивнула, протёрла глаза, нашла в сумке нужные травы и пошла к роженице, чтобы рассказать, как готовить отвар.

— Благодарствуем вам, — крестьянин помог жене с ребёнком забраться в телегу. — Завсегда в нашем доме дорогими гостями будете!

— Доброй дороги, — вежливо прощалась я за себя и спящего Джастера. — Счастья вам!

Телега тронулась прочь, а я вернулась обратно к костру, посмотрела на Шута, махнула на всё рукой, и, завернувшись в плащ, легла досыпать.

Разбудило меня что-то холодное и настойчивое.

— Дождик-дождик поливай, ведьма добрая вставай... — негромко напевал знакомый голос, а мне на лицо и в самом деле что-то капало.

— Джастер! — я открыла глаза и села, только для того, чтобы накинуть на голову капюшон плаща и понять, что у меня замёрзли босые ноги: оказывается, накрапывал настоящий дождь.

— И тебе доброе утро, ведьма, — отозвался Шут, прятаясь под плащ лютню. — Раз уж встала, пошли под деревья, дождь переждём, заодно перекусим. Нам с тобой вчера за помощь хлеба и сыра дали.

Я молча кивнула, подхватила свою сумку и мы поспешили в рощицу. Там пока было сухо, и даже земля казалась теплее.

Завтракали мы молча, запивая сухомятку водой. Я куталась в плащ и прятала ноги под подолом, чтобы согрелись.

Хотя Джастер привычно молчал, сейчас у меня это молчание как-то не вязалось с его яркой рубахой и тем, как он себя вчера вёл. словно совсем другой человек...

— Он не вернулся, — я сказала, чтобы хоть как-то разбавить тягостную тишину серого утра.

— Тебя это огорчает? — воин хмуро покосился в мою сторону. — Рано радуешься, ведьма, ещё не вечер.

— А ты жалеешь? — мне стало обидно. — Или ты меня нарочно напугать хочешь?

— Твоё обучение надо закончить, — спокойно ответил он, закидывая крошки с ладони в рот. — Кажется, дождь перестал. Можно идти.

И тут меня осенило. Моё обучение... Вдруг, если я и вправду сама справлюсь с каким-нибудь демоном, Шут решит, что я больше не нуждаюсь в его помощи?!

И... и уйдёт?!

Он же сказал, что я записала всё необходимое, только практику наработать...

— Джастер! — в панике я схватила его за рукав, не обращая внимания на мелькнувшее недоумение и нахмурившиеся брови.

— В чём дело, Янига? — довольно холодно поинтересовался он.

— А мы... — я отпустила его рукав и отвела глаза, виновато вздохнув: ну что я, как маленькая, в самом деле? — Наши судьбы, они надолго связаны?

Джастер перестал хмуриться, немного помолчал, а потом протянул раскрытую ладонь.

— Дай, чем там с тобой расплатились.

— Украшения?

Воин кивнул и откинулся спиной на ствол берёзы.

Я нашла тяжёлый узел, подумав, что за всё время даже ни разу в него не заглянула. Просто взяла в качестве платы и забыла.

Узел был плотный, туго завязанный и комковатый. Надеюсь, они не камней туда положили...

Бабы не обманули. Урок хозяйки надела пошёл им на пользу.

Джастер положил узел на землю, развязал концы платка и некоторое время задумчиво водил пальцами по россыпи разноцветных бус из бисера, стекла, серебряных привесок и недорогих камней, медных и даже серебряных колец и серёг. Больше всего было жёлтого бисера, хотя были и белые, и красные, и голубые, и даже синие бисерины. А вот камни были разноцветные.

Я смотрела во все глаза, затаив дыхание и пытаюсь понять, что же он задумал.

Джастер подцепил пару ниток — из разноцветного бисера вперемешку с разными бусинами. Посмотрел их на свет, перебирая между пальцами, и удовлетворённо кивнул сам себе. По-прежнему не говоря ни слова, он достал из своей торбы кожаный мешочек и ножом разрезал нити бус. Я и ахнуть не успела, а Шут спокойно сыпал бусины в мешочек, что-то при этом зажимая в левую ладонь. Когда в его руке остались две пустых нити, он связал их концы вместе, оставив после узелка длинные хвостики. На один хвостик он привязал серебряную подвеску, похожую на бубенчик, а на другой очень красивую, почти солнечную бусину. Затем раскрыл ладонь, где оставалось несколько разных бусин и бисеринок, и, спокойно и вдумчиво выбирая нужное, начал нанизывать их на связанные вместе нити.

И только теперь я поняла, что он делал.

Две нити. Две судьбы. Бусины на них...

Закончив, Шут высыпал оставшееся в мешочек и посмотрел на меня.

— Руку дай. Левую.

Я послушно протянула руку, с замирающим сердцем глядя, как он завязывает на моём запястье браслет наших судеб. Четыре бисерины и две бусины. Первая бисеринка на нитке — белая, как молоко. За ней круглая бусина с горошину — тёплая, в рыже-белую полоску, а

вторая... Вторая как крупная смородина, и почти такая же чёрная. Бисерины между ними две, обе красные, словно спелая рябина. Или... или кровь.

И последняя бисеринка — как застывшая капля мёда.

Чёрную бусину я понимала, сложно такое не понять. А вот остальные...

— Как закончится — так и закончится. — Джастер спокойно посмотрел на меня, не сомневаясь, что других объяснений не требуется.

— А...

— Сама поймёшь, — воин убрал нож и снова рассматривал оставшиеся украшения, но уже оценивая как товар на ярмарке. — Ты же ведьма.

Я только вздохнула, пальцами тронув прохладные камни неожиданного подарка. Сама пойму, когда добавить новую бусину... И какую.

— Он не потеряется?

— Как может потеряться твоя жизнь, Янига? — усмехнулся Шут. — Всё, что ты сделала и пережила, — всегда с тобой.

От этих слов тонкий браслет потянул руку вниз железными кандалами. Всегда со мной... Утешил...

— Я... столько плохого тебе сделала, да?

Как я ни старалась, голос в конце предательски дрогнул.

Воин отвлёкся от своего занятия и посмотрел на меня. Внимательно и долго. Я же только шмыгала носом, стараясь не разреветься в очередной раз.

— Нет, Янига. Дай руку.

Я послушно выполнила просьбу. Шут легко взял меня за запястье, поднимая бусины вверх.

— Эта — наша первая встреча на дороге, — молочная бисерина скользнула вниз, уступая место полосатой бусине. — Эта — наш договор. Это...

— Когда я тебя...

— Нет, это когда я тебя чуть не потерял. В Кронтуше. А вот эта — когда ты меня чуть не убила.

— Давай про эту не будем, — я торопливо сдвинула чёрную бусину вниз.

— А это ты пришла, — воин спокойно коснулся пальцем медовой бисерины и отпустил мою руку. — Разве всё плохо, Янига?

Я покачала головой, обхватив ладонью запястье, где ещё ощущала тепло его пальцев. Не всё. Совсем не всё. Попролам получается и хорошего, и... и такого, что вспоминать не хочется.

— Вот и отлично, — Джастер снова вернулся к изучению моей оплаты, пока я привыкала к необычному украшению на запястье.

Браслет наших судеб...

Сколько и каких бусин ещё появится на нём?

И... и как скоро он закончится?

Этот вопрос волновал меня сильнее всего, но я понимала, что всё, что хотел, Джастер уже сказал. Мне оставалось только надеяться, что браслет не скоро пополнится.

И что к тому времени я смогу вернуть не только доверие Шута, но и завоевать его любовь.

Тем временем воин выбрал ещё пару нитей и так же распустил в кожаный мешочек.

— Возьми себе, — он затянул завязки и передал мешочек с бусинами и бисером мне. —

А остальное продадим.

Я убрала увесистый мешочек в магическую половину сумки, пока Шут завязывал оставшиеся украшения обратно в узел и убирал к себе. Кажется, я научилась принимать его решения как данность...

Хвостики с серебряной и медовой бусиной сплетались и расплетались от каждого движения, тихо постукивая друг о друга. Нанизанные бусины занимали места всего на два пальца. Для простого браслета слишком мало. Но для этого... уже очень много. Потому что каждая новая бусина будет приближать момент моего расставания с Джастером.

Не хочу. Шанак, Датри, я не хочу его терять! Слышите?! Не хочу!

Сколько... сколько времени у меня осталось, чтобы завоевать его сердце?

Ну почему у меня рука такая тонкая?!

Нет бы — нитку на шею повесил...

18. Игра началась

День так и стоял пасмурный. Дождь иногда накапывал, но дорога, на которую мы свернули с развилки, увела с полей в лес, и здесь было сухо, что меня очень радовало.

Шут молчал, но я к этому привыкла и шла следом, думая о разных мелочах.

Попросить что ли у Джастера, чтобы обувку мне сшил? Хоть простенькие чуни... Наверняка ведь он умеет, и от той шкуры что-то тоже осталось...

Ладно по тёплой земле босоножкой идти, а в дождь мало приятного. И ночью ногам холодно...

Но прервать молчание я не успела.

Гортанные голоса, ритмичные удары по металлу, ржание коней и детский смех были слышны издалека.

Не зная, хорошо это или не очень, я посмотрела на Шута, а он довольно ухмыльнулся.

— Кажется, ужин нам сегодня обеспечен, ведьма.

— Почему ты так уверен?

— Домэр у дороги стоит.

— Кто?

— Караван домэров. Никогда не слышала? — Джастер поправил лютню и свёрток с шатром за плечами. — В Сурае их караваны — обычное дело. Не думал, что они и сюда добираются... Народ такой, всю жизнь по дорогам кочуют. Танцами и пением на жизнь зарабатывают, с ножами и огнём представления устраивают. Ещё коней продают. Или крадут, это кому как повезёт.

— А нам повезёт?

— Коней у нас нет, красть нечего, — усмехнулся он в ответ. — А от общего костра домэры гостей не прогонят. Главное, ты помалкивай, я сам со всем разберусь.

Мне не оставалось ничего другого, как молча кивнуть, гадая про себя, сколько ещё удивительного в мире, о котором я так мало знаю.

После очередного поворота дороги я увидела широкую луговину, на которой полукругом стояли удивительные повозки. Низ повозок был похож на телегу, но вместо невысоких бортов были настоящие стенки и крыша из натянутой на ободья ткани. Но были домики и полностью из дерева. Все повозки ярко разукрашены и разрисованы цветами или разноцветными полосами, точками и разными фигурами. Мужчины и женщины, смуглые и

черноволосые, занимались делами вокруг большого костра и не уступали в пестроте нарядов своим удивительным домам. Даже дети одевались ярко и пёстро. Такое впечатление, что я попала в оживший цветущий сад или на какой-то праздник.

Дальше за повозками на берегу протекающего через луговину ручья, щипали сочную траву красивые кони.

Увидев нас, несколько мужчин переглянулись и пошли навстречу. Одеты они были в яркие рубахи, поверх красовались вышитые цветами жилеты, а вот штаны и сапоги у всех были тёмными. А ещё все мужчины носили усы, но без бороды.

— Дэкусаре лачо, — сказал вдруг Джастер, выступая вперёд и слегка склонив голову. — Дозвольте у вашего костра погреться.

Мужчины переглянулись, и один из них обратился к Шуту:

— Сыр тут кхарэн?

— Ман кхарэн Джастер, — с обезоруживающей улыбкой ответил воин. — Ада Янига, травница.

— Откуда язык наш знаешь? — подозрительно смотрел на нас говоривший. — Ты не домэр.

— Друг у меня был из домэров, — спокойно ответил Джастер, поразив меня новой деталью из своей жизни. — Он научил.

— А она почему не знает?

— Так он не с ней дружил, — усмехнулся Шут.

Мужчины переглянулись и засмеялись.

— Мишто явьян! — говоривший широким жестом указал в сторону костра. — Друг домэра — наш друг!

«Я везде за своего сойду...»

— Постой, Дробган, — остановил его другой. — Пусть скажет сначала, знает ли песни наши?

— А как же! — лютня в руках Джастера оказалась быстрее, чем я успела открыть рот от удивления.

Воин же провёл пальцами по струнам, чуть подстроил, и над дорогой зазвенела быстрая и зажигательная мелодия, сразу привлекая к нам внимание всего лагеря.

— Ай, домарэ-э, да пошунэнти, ох, сыр ило мэ на-я-ша-я-дём. Ай, мири миленько, да барвалэндыр, ой, чяёрья мэ да ли чёрдём!

Мужчины переглянулись, посмотрели на меня, а затем дружно подхватили припев. И почти сразу к ним присоединились и женские голоса.

— Ой-ой-ой-ой-ой, да пошунэнти. Ай-ай-ай-ай-ай, со тэ кэрав? Ой-ой-ой-ой-ой, да подпхэнэнти. Ай, сыр про свээто мэ тэ дживав?

Джастер пел дальше, а я невольно краснела под взглядами, какие с улыбками на меня бросали и женщины, и мужчины, окружившие нас. Кто-то из женщин носил пёстрые платки, кто-то — две косы или распущенные по плечам волосы. Одевались они в яркие пышные юбки и блузки. И у всех множество украшений из серебра и камней на руках, шее, в ушах и даже в волосах.

Я рядом с ними чувствовала себя деревенской простушкой. Неужели в Сурае все женщины так красиво одеваются?

Ну почему ведьмам нельзя так же?

Джастер вот в своей лоскутной рубахе и в самом деле, почти как один из них...

— Ай, нэ сарэ-е-са ёй сы лачи, лачи, нэ дриван хара-я-ктерно. Ай, то традэл ёй, ай, ко бэнга, бэнга, то дриван ласка-я-тельно.

Под одобрительные возгласы Джастер закончил петь, мужчины смеялись, хлопали его по плечам, и повели к костру, о чём-то говоря на своём языке.

И в самом деле, за своего приняла... Но загрустить я не успела.

— Пойдём, красивая, — одна из женщин потянула меня за руку. — Пойдём к костру!

Под смех и непонятные мне разговоры я шла в окружении женщин в другую сторону лагеря, туда, где кипел большой котел, и готовилась еда.

Когда мне удалось мельком увидеть Джастера, он сидел у костра с мужчинами, они пили и громко разговаривали, время от времени весело смеясь.

— Вот, помоги, — одна из женщин протянула мне большой черпак. — Помешай суп. Вэнзло свой можешь в вардо оставить, не потеряется.

Я кивнула, сняв сумку и положив на «крыльцо» повозки, так чтобы не мешалась. За её содержимое я не беспокоилась. За эти дни я успела выяснить, что вещи, которыми пользовалась постоянно — посуда для еды, гребень с зеркальцем, и мешочки с сушёными травами для отваров, — из неё не исчезали, а такая «добыча» вряд ли кого заинтересует.

И почему такая несправедливость? Джастер сейчас сидит как гость, а я работаю, как прислуга. Но, кажется, это никого не смущало.

Приглядевшись, я поняла, что лагерь делился на мужскую и женскую часть. Кто-то из женщин молот зерно ручными жерновами, кто-то кормил детей, кто-то шил. Девушки с непокрытыми головами сидели в стороне и наряжались, украшая себя цветами, бусами и браслетами. Они смеялись, глядя, как младшие девочки возле них пытались танцевать.

— Ай, постой, Гавалэ, — другая спешила к нам. — Одна же ромнэ, дай дыкхлэ повяжу.

Мне на голову опустился яркий голубой шарф из тонкой ткани, концы которого были украшены серебристыми круглыми пластинками, красиво звеневшими при каждом движении. Длинные стороны были обшиты яркой бахромой.

Женщина покрыла мне голову, убирая волосы с лица, и завязала концы шарфа на затылке.

— Ой, красавица! — всплеснула она руками. — Ой, хороша!

Я осторожно ощупала знак замужней женщины. Не знаю, что Джастер им там всем напел, но мне нравилось это украшение, хоть и никаких прав на него у меня не было. Зато удобно, волосы в лицо не падают...

Даже жаль будет обратно возвращать. Может, попробовать лентой волосы перевязывать?

Конечно, это не по ведьмовским традициям, но и не деревенские косы, которые я всё равно плести не умею.

— Помогай, красивая! — засмеялась та, что повязала мне шарф. — Праздник скоро, петь, танцевать будем!

Праздник и в самом деле начался, едва стало темнеть. У костра собрался весь домэр. На земле постелили длинное полотнище, на которое женщины ставили угощение. По центру сидело несколько мужчин в возрасте, за ними молодые, среди которых затесался и Шут, потом парни. На другом краю сидели женщины с детьми и девушки. Отдельное место было приготовлено для ещё одной женщины, Даэ Нану, кхэратун домэр, как я успела узнать из разговоров.

Когда я спросила кто это, мне объяснили, что это мать домэр, самая старая и мудрая женщина.

Даэ Нану сопровождали двое молодых мужчин, которые почтительно вели её под руки. Лицо и руки у кхэратун домэр были в морщинах, из-под яркого платка выглядывали седые волосы. По красоте и наличию украшений её наряд не уступал другим женщинам. И по тому, как Даэ Нану держалась, было ясно, что она не нуждается в помощи, а принимает знаки уважения.

В мою сторону кхэратун домэр взглянула один раз, но взгляд был внимательный и мудрый. Такого же удостоился и Джастер, если вообще это заметил.

С позволения Даэ Нану один из пожилых мужчин что-то сказал, ему ответили радостными криками и праздник начался.

Очень скоро мужчины, наверняка до этого изрядно подогретые вином, запели и в их руках появились незнакомые мне инструменты, похожие на лютни, только маленькие. Играли на них неким подобием детских луков, водя «тетивой» по струнам. Кто-то звонко бил в бубен, Джастер обласкивал свою лютню, а двое мальчишек играли на глиняных флейтах.

Женщины подпевали мужчинам, а девушки и парни начали плясать, красуясь друг перед другом и перед старшими. Таких танцев, дерзких, манящих и очень... очень удивительных я не видела никогда.

Танцующие не казались друг друга, но всё за них говорили движения, взгляды, улыбки... Младшие девочки, подражая старшим, танцевали в стороне, у бочки с водой.

Я заворожено смотрела на это буйство цвета, голосов и музыки. Юбки, платки и яркие шали на плечах и бёдрах кружились, волосы и косы развевались, украшения звенели, улыбки и глаза сверкали...

А как на них смотрели парни!.. И... И Джастер тоже смотрел.

Смотрел, улыбался и...

Великие боги!

Почему я так не умею! Вот бы тогда он на меня тоже так посмотрел...

И что я гордилась тем, что ведьмы не танцуют? Глупая...

В следующее мгновение я увидела, что Шут отложил лютню и тоже присоединился к танцующим. Признаться, парням он в этом ничуть не уступал.

Женщины рядом зацокали языками, выражая своё восхищение, а мне стало горько и обидно.

Так он и плясать умеет, оказывается... Везде за своего...

Только я такая никчёмная...

Я встала из-за «стола» и побрела в сторону «кухни», где на крыльце одной из повозок, вардо, как их называли, осталась моя сумка. Стянув с головы шарф, я положила его на ступеньки, а сама села рядом, обхватив колени руками.

Вот мог бы он сначала шатёр нам поставить, а потом сюда на праздник идти...

А теперь сиди, жди, когда он натанцуется...

— Ой вэй, что грустишь, красавица? — Даэ Нану села возле меня. — Почему не танцуешь со всеми? Ой как мурш твой отплясывает, как бы с парнями нашими не перессорился!

Я только вздохнула, глядя, как танцуют вокруг Джастера девушки. А он плясал, улыбаясь и подмигивая им всем, и ничуть не беспокоился о косых взглядах парней.

— Не перессорится, — я хмуро отвернулась, чтобы не видеть этого. — А и перессорится, поделом ему.

— Что-то прохладно стало, — Даэ Нану закуталась в яркую шаль. — Стара я уже стала, кости болят. Не проводишь ли до вардо, хорошая? Слыхала я, ты в травах разбираешься, не посоветуешь ли настой целебный старой женщине?

— Конечно, — я постаралась улыбнуться и встала, протягивая ей руку. — Пойдёмте, я сделаю вам отвар.

Не оглядываясь на танцующих, я забрала свою сумку и повела кхэратун домэр в её вардо.

Внутри этого дома на колёсах было красиво.

Дверь прикрывала занавесь из зелёной плотной и мягкой ткани, обшитой красной бахромой. Пол застелен домоткаными дорожками. Над головой горела лампа, на треножнике слева от входа стояла жаровня с угольями. В паре шагов от входа стоял невысокий столик с двумя подушечками для сидения, справа от него шкафчик с множеством ящичков. Всё остальное скрывала такая же плотная занавесь, отделившая «прихожую» от жилой части вардо.

Хозяйка скрылась за занавесью и почти сразу вернулась, неся чашки и железный чайник. Даэ Нану поставила чайник на жаровню, помешала угли.

Пока я искала нужные травы, женщина накрыла столик узорчатой бордовой тканью, тоже обшитой бахромой, поставила на него две маленькие плоские тарелочки, на них — чашки, и села на подушечку, подобрав под себя ноги в узорчатых туфлях

Мне за свои босые и грязные от пыли ноги стало стыдно, но делать было нечего.

Я заварила травяной сбор и наливала в чашку, когда Даэ Нану протянула мне ещё одну.

— Посиди со мной, красивая, — улыбнулась она в ответ на мой удивлённый взгляд. — Куда тебе спешить?

Вдохнув, я стала наливать настой во вторую чашку. И в самом деле: куда? Смотреть, как он другим девушкам улыбается да парней дразнит?

Я поставила чашки на низкий столик и села спиной к входу, спрятав босые ноги под подол.

Вот не думала, что встречу тех, для кого такой способ сидеть привычен...

Сурайя... Интересно, сколько Джастер там прожил, что так хорошо все их обычаи знает? И даже друг у него из домэров был...

А я как была деревенской простушкой в его глазах, так ей и осталась.

— Пей, хорошая, — кхэратун домэр пригубила настой, — пей.

Я кивнула, взяла чашку, но вкуса не почувствовала.

— Тяжело на сердце, когда милый на других смотрит?

Вздыхнув, я снова кивнула и только тут поняла, что неожиданный вопрос застал меня врасплох.

— А...

— Ой вэй, ласковая, — улыбнулась Даэ Нану. — Я не первый десяток лет на свете живу, девичью любовь да ревность по глазам вижу. И собой он хорош, и поёт, как птица, и в танце за душу берёт. А ты недовольно на него глядишь. Что за собака меж вами пробежала?

Я поставила чашку на блюдце и разревелась, не в силах больше сдерживаться.

— Поведай мне, ласковая, — тёплая ладонь погладила меня по плечу. — Облегчи душу.

Глядя в добрые чёрные глаза, окружённые лучиками морщин, впервые в жизни я почувствовала невыносимое желание выговориться.

— Не нужна я ему... И другие не нужны... У него есть любимая, он по ней с ума сходит, а я для него пу... пустое место...

— Ой вэй, неправду говоришь, красивая, — покачала кхэратун домэр головой. — Он совсем другое пел.

— Не знаю я, что он там пел, — зло вытерла слёзы. — И знать не хочу, неправда всё это! Никто я ему!

— Эй, как оно... Краденый конь красивый, да нрав спесивый... — Даэ Нану задумчиво качала головой, пока я вытирала зареванное лицо и пила тёплым отваром, держа чашку дрожащими руками. — Не он тебя, а ты его увела? Другая у него на сердце?

Я покачала головой, вытирая лицо рукавом.

— Не краденый он, а брошенный. Она его прогнала давно. А он всё равно о ней думает. И мне говорит всё время, что я не его женщина... А я... я...

Глаза снова наполнились слезами, и я зашмыгала носом, стараясь опять не разревется.

— Э-э-э, хорошая, дым от огня идёт, — покачала головой кхэратун домэр. — У плохого коня прыти нет. А твой так танцует — меня, старую, за душу берёт, молодость вспомнить заставляет. Не верю я, что у него горит, да не греет.

— Не горит у него ко мне ничего, — я хмуро отпила из чашки. — Он на меня и не смотрит даже. И характер у него ужасный.

Кхэратун домэр мягко улыбнулась и покачала головой.

— Ой вэй, неправду говоришь, красивая. Так уж и не смотрел ни разу? И слова ласкового не сказал? И подарка не подарил?

Я вздохнула, понимая, что она права. Хоть я не могла вспомнить ни одного ласкового слова, зато очень хорошо помнила его руки и губы...

И подарки. Вот он, последний, на запястье красуется...

— Это было давно, — я поставила чашку на стол и обхватила колени руками. — И то он редко на меня смотрел. И он не ласковый. Он очень грубый.

Взгляд чёрных глаз недоверчиво скользнул по мне сверху вниз и Даэ Нану снова улыбнулась.

— Тот не конь, что узды не грызёт, землю не роет, копытами не бьёт. Дым от огня идёт, дымок к костру приведёт.

Приведёт, как же... К затушенному. И я даже знаю кем...

- Он меня к себе даже близко не подпускает. Сам говорит, что нас судьба свела, а сам... Только и слышу, что я не его женщина...

— Судьба, говоришь? — Даэ Нану оставила свой чай и встала, подойдя к невысокому шкафчику с множеством ящичков. — Эвон, какой у тебя конь вороной да горячий. Так и быть, посмотрю, что тебе с ним по судьбе. Только никому про то, что узнаешь, говорить нельзя, поняла?

Каким чудом я не уронила чашку — сама не знаю. Посмотрит, что мне по судьбе?! С... с Джастером?!

— А вы это умеете?

Старая женщина оглянулась, что-то доставая из одного ящичка. Но из-за укрывающей её плечи шали, я не видела, что и откуда она взяла.

— Есть способ, — с негромким стуком она задвинула ящичек и вернулась к столику,

пряча руки под шалью. — Давным-давно домэрам его поведали как тайну великую, и знания эти от матери к дочери переходили из рода в род. Мужчинам к этим знаниям ходу нет и из домэров мало кто им владеет уже.

— Что это? — я во все глаза смотрела на Даэ Нану. Никогда не думала, что кто-то ещё умеет видеть судьбы, как Джастер...

Даже не так. До Джастера я вообще никогда о таком не слышала. Судьба, как боги и демоны, были для меня просто обычными словами, а не чем-то реальным.

Женщина мягко улыбнулась, разгладила ладонью покрывало на столике и я увидела, что во второй руке она держит толстую и потрёпанную стопку...

Не... Не может быть! Откуда?!

— Кто... кто вас научил этому?

Даэ Нану улыбнулась, но чёрные глаза смотрели очень внимательно.

— Матери наших матерей и отцы наших отцов звали его Дэвэл. Он тот, кто всё знает и поёт, как птица. Так ты готова узнать, что на сердце у твоего милого?

Я кивнула, понимая, что от Джастера такого признания точно никогда не дождусь.

— Тогда подумай о нём, красавица. Вспомни его, когда он с тобой рядом.

Вспомнить, когда он рядом... Как он смотрел... Как обнимал... Ох, Джастер...

Кхэратун домэр кивнула, прикрыла глаза и что-то зашептала, мешая колоду. Замерев, она открыла глаза, и с сосредоточенным видом начала выкладывать картинку на стол рисунками вниз. Закончив, она с улыбкой положила карты по левую руку и взглянула на меня.

— Не бойся, красавица, — она стала переворачивать карты рисунками вверх. — Думаю, что всё у вас будет...

Глядя на то, как с каждой открытой картинкой исчезала улыбка, я поняла, что если у нас с Джастером что-то и будет, то одни неприятности.

Эти картинки не были похожи на те, что я видела у Шута. Они были совсем другими.

И сердце неожиданно успокоилось.

- Ничего не понимаю, — Даэ Нану хмурилась, вода морщинистой рукой над разложенными картинками. — Что за глупости они мне говорят?

— Глупости? — я рассматривала картинку.

На самой первой — я едва не покраснела от такого бесстыдства, — были обнажённые любовники в густом лесу. И ладно бы, они лежали ко мне вверх ногами, а то ведь я видела их как есть...

Ниже этой парочки лежали две карты. Прямо на меня смотрел суровый мужчина с кинжалом и коротким жезлом в руках. Он сидел на ступеньках вардо, за его спиной висело колесо, а рядом стояла чашка. В паре к нему была девушка в богатом наряде, в окружении цветов, с кинжалом и кнутом в руках. Но она смотрела на кхэратун домэр.

Ниже под любовниками лежала картинка с разноцветным колесом, и последней красовалась картинка, на которой кузнец подковывал лошадь.

Отдельно в два ряда лежали ещё восемь картинок.

В верхнем ряду первой была женщина, плачущая на могиле. За ней двое мужчин играли кости на деньги. На третьей снова была печальная женщина, и замыкал ряд мужчина в красивых доспехах.

Второй ряд начинался с больного, лежащего в постели. Дальше человек в богатой одежде стоял над раскрытым сундуком с деньгами и держал в руках набитый кошелёк. За

ним мужчина с задумчивым видом сидел под деревом. А на четвёртой... На четвертой был жутковатого вида скелет в белых лохмотьях.

— Ой вэй, кто-то из вас двоих говорит мне неправду, — кхэратун домэр постучала пальцами по бесстыдной парочке. — Не смотрел он на тебя, красивая? Боро Лил мне другое говорят. Совсем другое.

Щёки стали наливаться краской. И почему эта картинка тут оказалась?! Вон же их сколько, могла бы и другая быть...

— Это давно было, — я рассматривала домотканую дорожку, потому что смотреть на Даэ Нану было стыдно. — И всего несколько раз. Я ему не нравлюсь.

— Ай-яй-яй, — поцокала языком моя собеседница. — Нехорошо старую женщину обманывать, красавица. Вижу-вижу, что есть у него чувства и к тебе, и к сопернице твоей. И не может он решить, кого из вас предпочесть. Конь у тебя норовист, так и ты не так проста, как себя показываешь. Гордая ты и цену себе знаешь, и в себе уверена. Есть у тебя сила повлиять на него. И пользуешься ты ею успешно. Только сейчас оба вы недовольны друг другом. От несправедливости оба страдаете, друг от друга отвернулись.

— Больше они ничего не говорят? — я сердито покосилась на картинки. Тоже мне, новости. Это я и так знаю. Только вот влиять на Джастера я не умею. Врут они всё.

— Как же не говорят, ласковая, — палец женщины скользнул по картинкам ниже. — Уж не знаю, откуда возлюбленный твой про судьбу проведал, но правду тебе сказал, связаны вы. К лучшему ваши пути сошлись, Боро Лил так говорят, — узловатый палец постучал по разноцветному колесу. — А они никогда не лгут. Вот, видишь, кузнец? Это большое счастье и удача во всех делах. Счастливое замужество тебя ждёт, красавица, зря слёзы льёшь.

В полном ошеломлении я переводила взгляд с картинок на довольную кхэратун домэр и обратно.

Замужество?! Меня?!

Чтобы я и Джастер...

Да никогда в жизни!

Я не хочу замуж! Даже за него! Я — ведьма, в конце концов!

Я просто хочу, чтобы он...

— Вижу, сомневаешься ты в моих словах, красивая? — усмехнулась Даэ Нану. — И верно, есть у тебя повод поволноваться. Не всё так просто с милым твоим. Вижу, когда встретились вы, плохо ему было, ой, плохо, — палец женщины скользил по верхнему ряду. — Поражение он потерпел от женщины, соперник его вверх взял в битве любовной. Вот и глодали его обида и тоска сердечная. И с тобой у него поначалу не любовь, а дела ненадёжные да рискованные были. Много забот вижу, тревогу и беспокойство вижу, и вижу, что в деньгах он потерял из-за тебя много.

Я сидела с открытым ртом. Ничего подобного просто не ожидала услышать. Это было слишком... слишком невероятно. Откуда-то эти картинки рассказывали нашу историю так, что я сама лучше не рассказала бы.

Много потерял... Да уж, Кронтуш Джастеру во всех смыслах не дёшево обошёлся.

Да и мне тоже.

Даэ Нану взглянула на меня и удовлетворённо кивнула.

— По твоему лицу вижу, и Тарно Лил правду говорят. Не так ли, хорошая?

Я только кивнула, закрыв рот и давая понять, что готова внимательно слушать дальше.

— Печалят его отношения ваши, — женщина указала на третью карту. — Огорчает и

обижает его что-то.

На её вопросительный взгляд я только пожала плечами.

— Я его не обижаю. Он сам...

— Не права ты, красивая, — покачала она головой и постучала пальцем по четвертой картинке, где был нарисован мужчина в парадных доспехах. — Нет у него к тебе зла. На сердце ты у него, о тебе он заботится. Во всём можешь на него рассчитывать, во всём он тебе поможет.

Сердце взволнованно билось и мне очень хотелось, чтоб всё сказанное оказалось правдой, как и до этого.

— Почему он тогда...

— Непокойно у него на сердце, красавица. Ох, непокойно. Вот, видишь, болен он и не только прошлым, — она постучала пальцем по рисункам с больным и богатым мужчинами. — Душа и сердце у него болят. Думает он о тебе, много думает и хорошо думает. Всем ты ему нравишься. И умом, и лицом, и характером непростым.

Великие боги... Я верила и не верила тому, что слышу.

Я у него на сердце и ему нравлюсь... Неужели это правда?!

— А ещё что они говорят? — взволнованно смотрела я на картинки. — Что?! Почему всё не так, как...

— По сердцу ты ему, тянет его к тебе, сильно тянет, — кхэратун домэр довольно улыбалась. — Только своим чувствам он воли не даёт. О себе плохо думает. Сердится на себя за чувства свои. Не верит он, что любви достоин, и что ты с ним быть захочешь. От неверия он к тебе не идёт.

Я горько опустила голову и невольно обхватила ладонью левое запястье. Вот она, чёрная бусина, гладкая и холодная под пальцами.

Правду картинки говорят. Вот она, обида его.

«Когда есть, ради чего, можно переступить»...

Переступить он преступил. Только не из-за меня, а из-за судьбы.

Меня он не простил. А без прощения и доверие не вернуть...

Потому что одна глупая ведьма умудрилась сама всё испортить.

Никогда не забуду.

— Только вот и сам не тронет, и других не подпустит. — Даэ Нану водила рукой над картинками. — Как пёс на сене сидит, охраняет.

— Других? — недоумённо уставилась я на кхэратун домэр, чувствуя, как вдруг тревожно забилось сердце.

Как «пёс»... Неужели... неужели это тоже картинки знают?!

— Ревнует он, красивая. А уж к кому и почему, тебе вернее знать.

Меня словно водой окатили.

Джастер? Ревнует?! Меня?!

И к кому он ревнует?! У меня же нет никого! И не было! И не нужен мне...

«Ты ему понравилась»... «Нужен тебе такой — дело твоё»...

Да ладно?! Не может быть! Он же это не...

— А ещё не главный он с тобой. Ты впереди него стоишь, он за тобой следует. С виду твой конь смиренный, а на шею не сядешь. Уж не знаю, почему, но пока это его устраивает, хоть и не по нраву такое мужчинам. В семье муж — голова, а жена шея. А у вас всё не людски.

Под внимательным взглядом чёрных глаз я снова смутилась и отвела взгляд. За мной идёт. Как и положено «псу» при госпоже...

Но ведь это на людях только! А когда мы вдвоём, это я за ним...

— На распустье он стоит, — Даэ Нану показала на страшный скелет. — Не может решить: с тобой остаться или другую искать пойти. И хорошо ему с тобой и тяжело тоже. Характер у тебя что огонь, и обогреть, и обжечь может. Да и тебе с ним непросто. Много волнений и тревог между вами вижу. Не знаю, что ты скрываешь, красавица, а только вижу, что из-за него от своего прошлого тебе отказаться пришлось.

Моему изумлению не было конца. Вот как?! Откуда она всё это узнала?! Из этих картинок?! А они откуда это всё знают?!

— Непросто тебе придётся, коли приручить его хочешь, — усмехнулась Даэ Нану. — Ласковой с ним будь, хитрость и мудрость женскую прояви. А лучше подумай, нужен ли тебе такой конь норовистый, или другого взять, поспокойнее да помирнее? Характер-то не переломишь. Чёрный конь удачливый, от беды уносит, а только сивый конь вынослив и дом чует.

Спросить, что это значит, я не успела.

Пронзительный скрежет-крик накрыл лагерь, а в следующее мгновение раздались людские крики.

Забыв обо всём, я вскочила и кинулась из вардо на улицу, чтобы найти того, кто сможет остановить этот ужас.

Тёмная тень кхвана и змеиный хвост промелькнули над моей головой, и я испуганно вжалась в стенку вардо, оглядываясь и пытаюсь понять, что происходит.

В сумерках метались тени. Костёр, вокруг которого только что шло веселье, был разбросан по луговине, умножая хаос и угрожая спалить весь лагерь. Перевернутые миски, раскиданная еда, смятое полотно «стола». Кони метались и ржали, стремясь вырваться на волю, женщины наперебой звали ревущих детей. Кто-то из мужчин пытался успокоить коней, кто-то помогал женщинам и детям добраться до вардо. Но кто-то стоял столбом, с ужасом глядя в тёмное небо, и я знала, что это значит.

— Не смотрите на него! — закричала я, надеясь, что моё предупреждение услышат. — Не смотрите! Уходите в лес!

Джастер?! Где же он?! Почему ничего не...

И тут я поняла ужасную истину: кхван вернулся.

А значит... Значит...

— Юнэ! — раздавшийся рядом крик Даэ Нану привёл меня в чувство. — Сюда, Юнэ!

— Баби! — девчонка лет семи сжалась в комочек у бочки с водой, что стояла возле костра. — Баби!

Кхэратун домэр кинулась к ступенькам, но новый крик кхвана взрезал воздух как острый клинок, заставляя людей кинуться в рассыпную. Тех, кто стоял, не в силах отвести взгляда от чудовища, хватали за плечи и тянули за собой, уводя от опасности.

— Ой вей... — тихо прошептала Даэ Нану, бессильно опускаясь на ступеньку. — Юнэ...

Я с ужасом наблюдала, как длинношеее чудище приземлилось на луговину, неловко расставив в стороны огромные крылья, голые, как у летучей мыши. Змеиный хвост бил из стороны в сторону, а три алых глаза на маленькой голове горели не хуже огня. Узкая длинная пасть, усеянная зубами и способная легко перекусить человека, распахнулась и

кхван снова закричал, повернувшись мордой ко мне.

Но я не смотрела на него, я смотрела на бледную и перепуганную до ужаса девчонку.

— Ба...би... — испуганно пискнула Юнэ, потому что пасть чудовища нависла прямо над ней.

Не нужно было раскладывать картинки и видеть судьбы, чтобы понять, что случится дальше.

И на меня накатило. Страх, злость, гнев, ярость — все мои чувства сплелись в неразрывный клубок, дар отозвался на зов, и горячая волна прокатилась по жилам, истекая в огненный знак Пламени Шанака.

— А ну отвали от неё, тварь! Айшарэ ду эст!

Я не промахнулась. Уроки Джастера не прошли даром.

Пламя Шанака ударило прямо в морду твари, и кхван взвился, махая крыльями и тряся головой, чтобы сбить моё заклинание. Но прежде, чем он снёс укрытие Юнэ, легко раздавив когтистой лапицей бочку, через луговину метнулась тень и я вздрогнула, когда поняла, что у соседнего вардо выпрямилась знакомая фигура.

— Тут сиди. — Джастер не сводил взгляда с беснующегося чудовища, и держал в руке перевязь с метательными ножами.

У меня отлегло от сердца. Вот почему его не было. За оружием ходил.

— Да, дади. — отозвалась из-под вардо спасённая Шутом Юнэ.

— Ой вэй... - тихо пробормотала Даэ Нану, закрыв рот ладонями и переводя испуганный взгляд с меня на воина и обратно. — Ой вэй, шавхани...

Кхван перестал трясти опалённой мордой, утвердился на лапах и два оставшихся глаза злобно засверкали. В следующее мгновение что-то изменилось. Вместо яростного рыка раненого зверя кхван тяжело шагнул вперёд, опираясь на согнутые крылья, а в алых глазах возникла искра разума.

Чужого разума.

И этот разум управлял чудовищем.

Чудовищем, которое смотрело на меня совершенно ледяным взглядом.

— А ты ж сскрашшш... — прошипел Джастер, мгновенно метнувшись за угол и прижимаясь к стене вардо. — Отвлеки его, ведьма.

- К-как? — еле прошипела я в ответ, не в силах даже пошевелиться под изменившимся взглядом кхвана. От всей моей боевой ярости не осталось и следа. Я едва держалась, чтобы не сесть рядом с окаменевшей от ужаса матерью домэр.

— Не смотри на него! — зло прошипел Шут. — Я что, зря тебя учил?! Глаза закрой, дура!

Да сколько можно ко мне так относиться!

Я сердито моргнула и вдруг поняла, что оцепенение спало. В следующее мгновение раздался яростный крик чудовища, и меня окатило волной смрада.

Распахнув глаза, я с ужасом увидела, что разъярённый кхван мечется по луговине, ударяясь о вардо и стараясь сбросить Джастера, вцепившегося за его шею прямо за головой. Из одного глаза чудовища торчал метательный нож и текла кровь. Ещё несколько ножей были в теле и шее твари. Перевязь с остальными ножами вместе с остатками пиршества втоптана чудовищем в землю. Если Джастер хотел достать нож из глаза, то добраться до цели не мог. Все его силы уходили на то, чтобы удержаться на чудовище и не подпустить его ближе к стоянке.

Но даже так горящие дрова искрами разлетались в стороны из-под лап и хвоста, падали на полотняные стены и вардо вспыхивали, добавляя хаоса. Люди спешно выбирались из огня, помогая друг другу и спасая пожитки.

— Баби! — зареванная и испуганная Юнэ дёргала Даэ Нану за руку. — Баби!

— Вставайте! — очнулась и я. — Вставайте, надо уходить!

Кхэратун домэр вздрогнула, приходя в себя, и ухватилась за руку внучки.

— Юнэ!

— Уходите! Скорее!

Я помогла женщине встать. К нам уже спешили трое мужчин. Один схватил девочку и побежал в лес, а двое ждали, когда Даэ Нану спуститься со ступенек.

— Шавхани? — оглянулась она на меня.

«Кто, если не мы?»

Кто, если не я?

— За меня не беспокойтесь, — я постаралась выпрямиться и уверенно улыбнуться испуганным людям, хотя больше всего хотелось бежать отсюда куда подальше.

Но разве я могу бросить Джастера?

— Это моя работа.

Они кивнули и поспешили в укрытие, а я сосредоточилась на новом заклинании. Мне всего лишь надо отвлечь это чудище. А Джастер его прикончит.

Конечно, лучше бы подойти поближе, но я боялась покинуть место, откуда было хорошо видно происходящее на поляне. Да и безопаснее здесь, хотя соседнее вардо полыхало огнём.

Новое Пламя Шанака вышло слабее, зато удар пришёлся в поднятое крыло, где оно крепилось к телу. Этого оказалось достаточно.

Опалённый новой атакой, кхван закричал и покачнулся, повернув голову в мою сторону. Последний уцелевший глаз полыхал такой злобой и яростью, что я поняла: тварь доберётся до меня любой ценой.

Но Джастер обхватил пасть руками, рывком притягивая голову кхвана к шее и заставляя тварь Проклятых земель встать на дыбы, распахнув крылья. В следующее мгновение из-за ближайшего уцелевшего вардо возникло несколько мужчин. Кинжалы и ножи мелькнули в воздухе, впиваясь в тушу кхвана и рассекая кожистые перепонки, но один вонзился в последний глаз чудища.

Тварь Проклятых земель замерла, зашаталась, в его горле заклокотало, и мёртвое тело стало падать туда, куда свесился с его шеи Шут.

Я же стояла и смотрела на догорающий в ночи лагерь. Перепаханная и погоревшая луговина. Два вардо сожжены полностью, ещё четыре обгорели, где больше, где меньше. Уцелели те, что стояли дальше всех от ярящегося чудовища.

Мужчины, женщины и дети медленно выходили из леса. Уставшие, перепуганные, спасавшиеся от чудища и спасавшие свои дома от огня... Сколько всего они претерпели из-за того, что мы с Джастером решили воспользоваться их гостеприимством...

- Меткий у тебя глаз, Мелван! — Джастер соскользнул с мёртвого чудовища, уронив его голову так, чтобы рукоять кинжала торчала в небо. — Я уж думал, всё конец мне!

— А ты чего на нём верхом ездил? — Немного нервно откликнулся один из мужчин. — Храбростью своей похвалится решил?

— Стыдно сказать, с перепугу я, — Шут покаянно опустил голову и почесал затылок. — Он как на меня кинулся, так я и ухватился, за что успел...

Джастер развёл руками и виновато улыбнулся, всем своим видом подтверждая сказанное.

Кто-то негромко засмеялся, к нему присоединились ещё и ещё, и вот уже вся поляна хохотала над незадачливым наездником, и хлопала Мелвана по плечам, восхваляя его меткость и ловкость.

Я ошеломлённо хлопала глазами. Да что он творит, в самом деле?!

Зачем всё переиначивает?!

— Самое время песни петь и вино пить! — провозгласил вдруг улыбающийся Джастер. — А ну, домэры, кто лучше песню сложит про битву такую? О госпоже Яниге, ведьме-защитнице, божественной силой наделенной, и о метком Мелване с товарищами, что чудища не побоялись?

— Я сложу! — выкрикнул кто-то из парней. — Про великого Мелвана, победителя бэнга!

— Нет, я! — отозвался девичий голос. — Это шахвани Янига бэнга победила!

— Я гадину убил!

— Без шахвани ты в кустах сидел! А она силой своей!..

— Эй, домэры, не ссорьтесь! — Джастер примиряющее поднял руки. — Праздник такой зачем портить? Все же постарались, все друг другу помогали, про всех и пойте!

— Верно! — закричало сразу несколько мужских голосов. — Про всех петь надо, про весь домэр!

— И выпить за победу! — подлил масла в огонь Шут.

— Верно, верно! Эй, несите вино! Несите еду! Праздник у нас!

Я не верила своим глазам.

Только что они были уставшие и испуганные, а сейчас мужчины довольно хлопали друг друга по плечам, парни весело собирали новый костёр, без страха проходя мимо мёртвого кхвана, и ударяя по нему кулаками. Женщины обсуждали, у кого какие запасы найдутся для праздника, а девушки уводили детей спать в уцелевшие вардо.

Двое мужчин вели Даэ Нану под руки, следом шла Юнэ. А я только сейчас сообразила, что так и стою на крыльце чужого вардо, а нам надо ещё место для лагеря найти.

Я огляделась в поисках Шута и совершенно неожиданно обнаружила, что он стоит внизу, сбоку от ступенек.

— Джастер...

— Спасибо, Янига, — тихо сказал он, не глядя на меня. — Ты всех спасла. Никто не пострадал.

В глазах стало мокро, и я поспешно заморгала, чтобы не разреветься от неожиданного понимания, что всё действительно закончилось.

Кхван мёртв. Значит, пока нам больше бояться нечего.

— А ты как?

Он только хмыкнул в ответ, потому что к крыльцу подошла кхэратун домэр. Я поспешно спустилась со ступенек, понимая, насколько невежливо было стоять там одной.

— Простите нас, — я виновато опустила голову. — Простите...

— Ой вэй, — раздалось в ответ. — Что за шавхани! Весь домэр спасла, такой страх поборола, а прощения просит!

Я вскинула голову, но женщина уже смотрела на Шута.

— А ту баро муш!

Сопровождавшие кхэратун домэр переглянулись.

— Мелван...

— Ой вэй! — воскликнула Даэ Нану. — Где ваши глаза были?! Кто этого бэнга бил, пока вы в кустах сидели, храбрости набирались?! Ты, Сейву? Или ты, Ачан?

— Все вместе бэнга победили, матушка. — Джастер спокойно выступил вперёд, пресекая спор. — И откуда в ваших краях такие звери завелись? Никогда не видал.

— Эй, да откуда же нам знать? — отозвался один из мужчин. — Сами такое впервые видим!

— А мы с госпожой его уже слышали не так давно. Дня три назад. Или четыре? Помните, госпожа Янига?

Я кивнула, подтверждая сказанное. Мужчины переглянулись и посмотрели на кхэратун домэр.

— Отведите Юнэ к Райко. — властно бросила Даэ Нану через плечо. — Ступай за мной, шахвани. И ты, раклэ. Разговор у меня к вам есть.

В вардо по-прежнему горела лампа, теплилась жаровня, всё также лежали на столике карты и стояли две пустые чашки.

Увидев всё это, я испугалась, как отреагирует Джастер, но Шут только мазнул взглядом по столику и встал справа от двери, как обычно изображая «пса». Вид у него был совершенно невозмутимый.

А вот Даэ Нану всплеснула руками и сбросила с плеч шаль, накрывая ей столик.

— Ой вэй... — тихо простонала она, схватившись руками за голову. — Ой, горе мне, старой... Шахвани не разглядела, про Лил позабыла...

— Они не потеряют силу, не бойтесь, — спокойно сказал Джастер. — Расскажите госпоже Яниге, что хотели сказать.

Кхэратун домэр выпрямилась, поправляя платок на голове.

— Что же ещё не увидели мои глаза? — она подошла к воину, глядя на него снизу вверх. — Чем на хлеб зарабатываешь ты себе?

— Песни пою и людей веселю, — улыбнулся в ответ Джастер, — И госпоже Яниге служу, покуда нужен.

Хотя ответ был в его духе, последние слова неожиданно резанули мне сердце.

«Не верит он, что захочешь с ним быть»...

— Писхари ты... — протянула Даэ Нану, недоверчиво меряя Шута взглядом. — Ой вей... Не видала я ещё писхари, который за хозяина бэнга задавит...

— Так я и не давил, — снова улыбнулся Шут. — Госпожа Янига силой Шанака владеет, и весь домэр помог с ним справиться. Расскажите госпоже про этого бэнга, матушка. Что вы знаете?

Кхэратун домэр снова смерила воина недоверчивым взглядом, отошла к столику и опустилась на подушечку, слегка поежившись от проникающей с улицы прохлады. Поверила она Джастеру или нет, но шаль убирать не стала.

— Домэр мой всю жизнь кочует, — она поставила на жаровню чайник. — Мужчины наши песни слагают и коней продают, женщины — пляшут да песни поют. Много селений мы видели, многое слышали.

Она коротко взглянула на нас, но Джастер, оперевшись на косяк двери, слушал молча. Я же вдруг почувствовала себя очень уставшей и невольно посмотрела на подушечку, где

сидела раньше.

— Что ж это я, старая, о гостях забыла, — Даэ Нану заметила мой взгляд. — Садись, шахвани, дорогая гостья ты в моём вардо!

Я с благодарностью села и заметила в чёрных глазах непонятное выражение.

— Продолжайте, матушка, — напомнил о себе Шут. — Время позднее, вам от таких тревог отдыхать нужно.

— Верно говоришь, — кхэратун домэр взяла чашки и налила настой мне и себе. — Знает ли шахвани Тратал?

— Нет, — я покачала головой, отпивая подогретый напиток. — Что это?

— Город, в пяти днях пути. Шептали мне, что с этой весны люди там стали бояться темноты. С сумерек запираются они на все засовы и до утра жгут свечи. Потому как из темноты являются бэнга и утром находят только останки несчастных. А то и никого не находят.

— А что за бэнга, не говорили? — заинтересованно спросил Джастер.

— Разное говорили. — Даэ Нану снова внимательно посмотрела на воина. — И про рогатых, и про крылатых, и про зубастых сказывали. А пуще того молчали, потому как любого, кто про бэнга болтать начинал, очень быстро в темницу кидали, и больше никто их не видел.

— Интересно как... — воин задумчиво гладил короткую бороду. — А ещё за что людям рты закрывают, матушка?

— За разговоры непотребные о шувани одной. — серьёзно смотрела на нас кхэратун домэр. — Говорят, что молода она и собой так хороша, что сначала младший хозяин Салаксхема, а затем и сам герцог перед её красотой не устоял. В замке его она живёт, ложе обоим греет и вертит ими, как хочет.

Я чуть настоем не подавилась, поняв, что Джастер не ошибся, говоря о богатых и влиятельных покровителях. Ведьма, которая вдруг из некрасивой старухи стала молодой и окрутила самого герцога и его сына... Да ещё разных демонов люди видели...

Великие боги! Ну за что мне такая судьба?!

— А имя этой шувани не слышала, матушка?

— Вахала люди её называли.

Взгляд Шута я почуяла даже спиной, но имя ведьмы мне ни о чём не говорило и я покачала головой.

— Благодарю, матушка, — Джастер отлип от двери. — Не смеем с госпожой больше вас утомлять.

Я допила чай, поставила чашку на пол и встала.

— А ещё болтали люди, — Даэ Нану тоже отставила свою чашку, — что любит герцог песни и музыку слушать. Кто ему по нраву придётся — золотом одаривает. А кто не угодил — навсегда исчезает. Потому обошли мы замок тот стороной и далёкой дорогой.

Я только украдкой вздохнула. Я бы тоже обошла, но именно туда Джастер как раз и отправится.

- Благодарю за угощение, — я встала и вежливо поклонилась, как и Шут, уже выскользнувший наружу, в ночь.

— Дэвэл тебе в помощь, шахвани. — Кхэратун домэр с сочувствием посмотрела на меня. — Не о том я тебе судьбу смотрела, ох, не о том. Сохрани тебя боги, хорошая. Уж не ведаю, за что они тебе такого слугу послали, но забудь, что я тебе говорила. Не равна тебе

птица по полёту. Ступай.

Совершенно ничего не понимающая, я вышла из вардо и спустилась вниз. Джастер ждал меня в нескольких шагах от ступенек.

Костёр на поляне догорал, уставшие люди спали прямо на земле. Если бы не тёмная глыба мёртвой туши и не потрёпанные вардо, я бы решила, что в лагере просто был праздник, затянувшийся за полночь.

— Идём, — Джастер обогнул вардо кхэратун домэр и пошёл прочь от лагеря.

— Куда мы? — я обхватила себя руками: хотя земля ещё хранила остатки тепла от пожаров, но стояла глубокая ночь, и в воздухе было холодно. Судя по тёмному небу, всё затянуло тучами. Наверняка дождь будет... — Где наши вещи?

Идти приходилось осторожно: днём я видела, куда ставлю ногу, а ночью наколоть босую ногу случайным сучком или шишкой совсем не хотелось.

— К ним и идём, — он хмыкнул, выходя на дорогу и пересекая её. — Поедим и спать. А то второй пир без нас прошёл.

— Как-то он быстро кончился, — я оглянулась, но лагерь домэр уже скрылся за кустами. — Джастер?

— Не отставай, ведьма, немного осталось. — Он показался из-за ствола справа от меня. — Устали все и напуганы были. Что ты еле идёшь?

— Потому что я босиком и не вижу ничего! — сердито огрызнулась на него, вытянув перед собой не только руки, но и осторожно ощупывая ногой землю, чтобы не наткнуться на ветку. — Ты же меня без обуви оставил! Вот зачем надо было мои туфли сжигать?

Ответа не последовало, только моё запястье обхватили твёрдые и горячие пальцы, и мне стало спокойнее.

Хоть не заблужусь...

В следующее мгновение Шут подхватил меня на руки.

Я даже пикнуть не успела, как и насладиться тем, что он так рядом, когда через несколько его шагов не столько увидела, сколько ощутила небольшое свободное пространство вокруг, а он поставил меня на землю.

— Пришли. Подожди.

Джастер наклонился, что-то зашуршало, и передо мной появился кусок черноты, который почти сразу озарился светом.

— Забирайся, ведьма. — Хмурый Шут держал лампу и полог. — Поедим и спать.

— Когда ты успел всё это сделать?

Мы ужинали вяленным мясом и запивали всё это вином, явно позаимствованным Джастером с праздника. Все наши вещи лежали тут же в шатре.

— Пока ты лясы точила, — усмехнулся он. — Домэры гостей от костра не прогонят, но мы всё равно чужие, а чужим людям вардо не предлагают.

Я откусила мясо и сосредоточенно начала жевать, чувствуя себя одновременно и благодарной за заботу, и виноватой за свои сомнения.

И что значит: не равна птица по полёту? Это из-за того, что Джастер моим слугой назвался?

Но он же мне не слуга совсем...

Лясы точила... Это он наверняка про картинки...

— Ты их видел?

Воин отпил вина прямо из бутылки и внимательно посмотрел на меня.

— Забудь про это, Янига. Это лучшее, что ты можешь сделать.

Я вздрогнула, а воин спокойно взял новую полоску мяса.

Забудь... Значит, он всё видел. И всё понял по этим картинкам.

Но почему забыть?! Там же всё хорошо было...

Или... или он принял решение?

Нет! Не хочу о таком даже думать!

— Это было очень сложно? — я решила перевести разговор на другую тему.

— Что именно?

— Убить этого...

Джастер снова глотнул вина и посмотрел на меня.

— Я мог убить его быстро. Но тогда люди ничему бы не научились.

У меня чуть кусок изо рта не упал. Он что, серьёзно?

— Песня о шавхани Яниге и остроглазом Мелвине? И ни слова о тебе?

Вместо ответа Шут снова приложился к бутылке, ставя точку в разговоре. Я молча ела мясо и запивала вином из чашки. За один вечер произошло столько всего, что просто не знаешь, о чём и думать.

— Джастер... — я решилась спросить, когда воин вытряс из бутылки последние капли. — Тот взгляд... Это был...

— Да, ведьма, — холодно и трезво отозвался он, вытирая губы. — Ты всё поняла верно. Игра началась. А теперь ложись спать.

С этими словами он забрал свой плащ и выбрался из шатра, оставляя меня одну.

Устроившись на покрывале и подложив под голову подушечку, я накрылась плащом и погасила лампу. В густой темноте вспомнились последние слова Даэ Нану про бэнга, но я отмахнулась от этих мыслей, слушая, как шумят снаружи листья от ветра.

Джастер рядом. Пусть он и не хочет ночевать со мной в одном шатре, но я могу во всём на него рассчитывать. И хотя он сам в этом не признается, но я ему нравлюсь и у него на сердце...

Пусть даже он не простил меня и любит свою бывшую.

— Не собираюсь я ничего забывать, — пробормотала я вслух и уснула.

19. Обманка

— Эй, багибнытко! Ту кай? Ту ман шунэса?

Гортанный мужской голос ударил по ушам, вырвав меня из сна. В полумраке шатра было уютно, тепло, и вставать не хотелось. Во сне Джастер сидел рядом и при свете лампы шил туфли, иногда поглядывая на меня. На его губах играла мягкая улыбка, игла в руках мелькала, как у заправского портного. Он ничего не говорил, но было так тепло оттого, что он рядом...

Я прикрыла глаза, пытаюсь сохранить воспоминания о приятном, и прислушалась.

— Здесь я, — ворчливо отозвался Джастер. — Слышу, не кричи, разбудишь. Чего тебе?

— Кхэратун домэр шавхани зовёт, — уже тише отозвался неожиданный посланник. — Дело к ней есть.

— Скажи, что скоро придём. Песню-то сложили?

— Три песни сложили! — Посланник довольно засмеялся. — Приходи, послушаешь!

— А как же, — весело отозвался Шут. — Непременно!

Я слышала, как зашуршала трава и захрупали веточки под ногами мужчин. Кажется, посланник уходил, а вот Джастер остановился возле шатра.

Теперь вставать точно придётся. Интересно, что за дело у Даэ Нану ко мне? Она же вчера всё сказала...

— Раз проснулась, ведьма, то вставай, и будем собираться. Нехорошо заставляя себя ждать.

Вот ведь... Через двойную ткань насквозь видит...

— Встаю, — негромко буркнула я, не сомневаясь, что он услышит.

Выбралась из-под плаща, чтобы у опущенного полога наткнуться на... новые туфли, аккуратные и добротнo сшитые.

Конечно, они не были такими изящными и красивыми, как у горожанок, но я не сомневалась, что для дороги лучшей обуви просто не найду.

Джастер... Значит, это был не сон... Ну какой же он, в самом деле...

Я торопливо примерила обувку и выбралась наружу.

— Спаси...бо... — Я растерянно огляделась в поисках Шута и почти сразу обхватила себя руками: ночью прошёл дождь, в воздухе пахло сыростью, а трава и листья украшены хрустальными каплями. Как же хорошо, что у меня теперь новые туфли есть... Так удобно, и ногам тепло...

Только Джастера не видно.

Небо не распогодилось, и в сером сумраке лес выглядел свежо, но неприветливо.

— Брр! — я потёрла себя руками и кинулась обратно в шатёр за плащом. Холодно...

Вместе с плащом я взяла сумку. Не считая браслета двух судеб, это самая ценная вещь, которая у меня есть. Лютня Джастера лежала в шатре, но его торбы не было.

Не ушёл же он к домэрам без меня? Конечно, я не заблужусь — в мокрой траве тропинку хорошо заметно, — но всё-таки...

Я расчёсывала волосы, сидя на сухой земле в шатре, когда слышала шаги.

— Джастер?

— Готова? — Шут показался из-за деревьев и скинул капюшон. По его плащу дождевые капли скатывались вниз, как по шёлку.

Мой-то вот промок, вместе с подолом, пока я по кустам ходила.

— Косу заплести не хочешь? А то у тебя не причёска, а птичье гнездо на голове.

Какой же он грубый...

— Я не умею, — сердито буркнула в ответ. — И вообще, с ними теперь одни мучения! Они жёсткие и непослушные из-за твоей краски!

Я встала, убирая гребень в сумку, когда моё запястье бережно обхватили жёсткие пальцы.

— Подожди.

Джастер стоял передо мной так близко, что я чувствовала его дыхание и тепло. Только вот смотрела на яркие лоскуты рубахи, потому что боялась взглянуть ему в лицо. Иначе... Иначе...

— Дай, — он осторожно взял у меня гребень.

Он расчёсывал мне волосы, а я стояла, затаив дыхание и наслаждаясь лёгкими прикосновениями. Спутанные пряди в его руках ложились мне на плечи и грудь красивыми тёмными кудрями.

— Тебе так не нравится этот цвет?

Удивлённая неожиданным вопросом, я вскинула голову, чтобы увидеть мягкую улыбку. Почти как во сне... Хотя нет, это был не сон. И не собираюсь я ему ничего говорить.

Обойдётся.

— Не очень, — я отвела глаза, рассматривая соседнее дерево. Мокрая кора, мокрые листья, осина как осина. — Долго мне ещё твою деревенскую подружку...

— Потерпи, — он неожиданно крепко обнял меня. — Пока потерпи. Я разберусь, что к чему, и станет понятно, что нам делать.

Не отвечая, только вздохнула, греясь его теплом. Нам... Он сказал — нам...

— Ленту дай.

Я забрала из его руки гребень и достала из сумки ленту.

— Ты и косы умеешь...

— Умею, — он взял меня за плечи и легко развернул к себе спиной. — Я много что умею, Янига.

Он колдовал с моими волосами, а я держала в руках алую ленту, смотрела на шатёр и вдруг подумала, что всё, что у меня сейчас есть — благодаря Джастеру.

Сумка, туфли, мои платья, коих уже больше, чем у меня было за всю предыдущую жизнь. Лента вот тоже...

Браслет...

Опустив глаза, я смотрела на бусины, поглаживая их пальцами. Белая — наша первая встреча. Полосатая — наш договор.

Договор, изменивший всё.

Новые зелья. «Госпожа» Янига. Кронтуш — первая алая бисерина. Ярмарка. Живой меч... ещё одна алая капелька на двух нитках. Свинская деревня. Чёрная бусина. Нет, не хочу об этом думать. Не сейчас!

Лучше вот эта, белая бисерина. Я пришла...

Пришла, чтобы узнать... очень много всего.

Когда это было? Неделю назад? Больше? Луна Сильных трав ещё не полная, а я уже иду по своей судьбе.

Мой путь... Кхван... Домэры...

Великие боги! Всего несколько недель назад ничего подобного я и представить не могла.

Смешно вспомнить: мечтала ходить по наделу Холиссы и всякую «дрянь» за медяки продавать.

А сейчас...

О чём я мечтаю сейчас?

Джастер молча вытянул у меня из пальцев ленту. Ощущения на голове были непривычные. Похоже на то, когда он мне волосы красил и в узел всё собирал, только по-другому.

— Ну вот, готово. С распущенными тебе лучше, но пока так безопаснее.

Воин отступил, и я полезла за зеркалом.

И впрямь — коса. Длинная, пышная, грудь закрывает. И лента в коричневых прядях хорошо смотрится с платьем. Без привычных кудрей лицо такое, словно я только в девичий возраст вошла. Из-за тёмных бровей глаза стали казаться ярче и желтее, чем обычно. И веснушки ещё заметнее стали. Хотя лицо и шея успели немного загореть, зато уши — белые. Наверно, поэтому он мне косу не туго заплёл, а свободнее, чтобы волосы уши закрывали?

— Я и впрямь как девчонка деревенская, — со вздохом я спрянула зеркало обратно.

— Угу, — хмыкнул Джастер, смерив меня придирчивым взглядом. — Только кое-чего не хватает.

Он пошарил в своей торбе и достал...

— Что это? — Я с изумлением смотрела на длинную нить, унизанную разноцветными бусинами и бисером. В нарядном сочетании цветов угадывался какой-то странный ритм. По центру, где обычно носили самые дорогие камни или подвески, красовался гладкий и блестящий чёрный коготь, длиной почти с мою ладонь.

— Бусы тебе, — Шут с улыбкой, переходящей в ухмылку, протянул руки, и украшение легко скользнуло мне на шею. — С когтем кхвана.

С когте...

— Фу! Гадость! Сними это с меня! Я не хочу! — я попыталась избавиться от жуткого подарка, но Джастер легко пресёк мои попытки, ухватив за руки.

Взгляд у него стал таким холодным, что я перестала сопротивляться.

— Это — оберег, ведьма. Носи и не снимай. Поняла?

В ответ я только хлопала глазами. О... оберег? Что это?

— Он защитит тебя от всего, когда меня не будет рядом. — Воин смотрел спокойно и сурово. — Никогда его не снимай. Никогда, запомни. Даже... Нет, особенно если я сам буду просить это сделать.

Ч... что?

— Я не понимаю...

— Некогда объяснять, ведьма, — Шут снова стал холодным и отстранённым. — Пошли, нас уже заждались.

Он развернулся и направился по тропинке в сторону дороги.

Я подхватила подол платья и поспешила за ним. Под ногами захрустели старые замшелые ветки и прошлогодние шишки: среди осин росли молодые сосны. И как он думал, я должна была ночью тут ходить? Да ещё босиком...

— Подожди! А шатёр?

— Вернёмся, — не оглядываясь, спокойно бросил он, пока я перебиралась через поваленное дерево, стараясь не порвать платье.

— А ты куда ходил?

— За подарком твоим. Всё, хватит болтать, Янига.

Джастер развёл в стороны густую кленовую поросль, которую я ночью приняла за кусты, и мы вышли на дорогу.

Пасмурным утром — я заметила в серой пелене, затянувшей небо, белёсый круг солнца, — потрёпанный домэр радовал взгляд яркими пятнами нарядов.

Жизнь в лагере шла своим чередом. Мужчины занимались ремонтом пострадавших вардо, несколько человек разбирали остовы сгоревших повозок, сваленных на выгоревшей и перепаханной луговине, словно дрова для праздничного костра. Женщины готовили, девушки приглядывали за детьми, кто-то нашивал заплатки на пострадавшие полотняные бока и крыши, дети играли и веселились.

— А где кони и это чудище?

Воин в ответ пожал плечами.

— Кхвана в лес отволокли, чтобы у дороги людей не пугал. А коней, не знаю, куда они

дели. Надеюсь, всех поймали. Дэвес лачо!

На его приветствие стали оглядываться и громко здороваться. Женщины мне улыбались, махали руками, и я тоже робко помахала им в ответ. Они весело смеялись и, наверное, на своём языке обсуждали мою причёску и «бусы».

— Идём, певец, — к нам подошёл один из мужчин, которых я вчера видела возле Даэ Нану. — Провожу вас к кхэратун домэр. Потом послушаешь, какие мы песни сложили!

Он бросил короткий заинтересованный взгляд на моё «украшение», и я подумала, что лучше такой подарок спрятать подальше от чужих глаз. Воспользовавшись моментом, что на меня никто не смотрит, я убрала коготь под ворот платья.

Джастер на это ничего не сказал, коготь не царапался и не мешался, и я решила, что поступила правильно.

Даэ Нану ждала нас в своем вардо, которое переставили подальше от истерзанной луговины. Где-то за деревьями я услышала ржание коней и порадовалась, что их поймали.

Наш провожатый легко взбежал по ступенькам и чуть приоткрыл дверь.

— Гости пришли! — громко сказал он. Выслушав ответ, мужчина улыбнулся и кивнул нам. — Заходите, Даэ Нану вас ждёт.

В вардо со вчерашнего вечера ничего не изменилось, если не считать что столик был чист и пуст. Даэ Нану сидела на своей подушечке и поприветствовала нас лёгким кивком.

— Дубридин, — поздоровался Джастер, и я повторила за ним:

— Доброе утро.

— Дэвес лачо, шавхани, — улыбнулась хозяйка вардо, и я подумала, что её лицо, покрытое морщинами, в такие моменты становится удивительно добрым. — И тебе, певец. Как дела у вас?

— Хорошо, спасибо, — я не знала, что ещё сказать. — Вы хотели меня видеть?

— Хотела и вижу, — она встала, опираясь рукой на колено. — Поблагодарить тебя хочу за настой лечебный, шавхани. Хороший он у тебя, полегчало мне.

— Пожалуйста, — я смутилась, вдруг подумав, что и в самом деле уже второй раз занимаюсь лечением как настоящая травница. Любопытно, это тоже часть моего дара, которая передалась от бабки? Или это только благодаря рецептам Джастера?

А Даэ Нану неожиданно глубоко вздохнула, обошла столик и, остановившись перед нами, склонила голову в неглубоком поклоне.

— Прощения у вас попросить хочу. По моей вине бэнг на домэр напал, всех чуть не погубил. Колдовство он моё учуял, на него прилетел. Слышала я про таких, только далёко отсюда они живут, сказывали.

Я стояла, открыв рот от такого неожиданного признания. Ничего подобного услышать не ожидала. Выходит, карты — это тоже колдовство и сильное, если кхван его почуял. И это из-за меня...

— П... простите, — тихо пробормотала я, опустив глаза. — Если бы не я...

— Не винись, шавхани, — выпрямилась Даэ Нану. — Моя на то воля была, моя и вина. Не просила ты меня, я тебе ворожбу предложила. Не думала я, что так далеко власть этой шувани разошлась. Сильна она, ой сильна, какого бэнга себе служить заставила. Злая у неё сила...

— Не переживайте, матушка, — неожиданно сказал Джастер, пока я приходила в чувство. — Живы все — и слава богам.

Кхэратун домэр остановилась перед Шутом, внимательно смотря ему в лицо.

— И кто же ты такой, багибнытко? Поёшь, как птица, наряд у тебя весёлый, свободный, а слугой называешься. Обычай и язык наш знаешь, всех детей вчера игрушками одарил. Бэнга не побоялся, Юнэ мою из зубов его спас. И сейчас словам моим не удивился, шувани злая тебя не пугает... Неужто на силу шавхани своей надеешься? Так не из тех ты, кто за юбку прячется...

Вместо ответа Джастер только виновато улыбнулся и развёл руками, словно говоря: «Вот такой я, как есть».

Даэ Нану только покачала головой, обошла столик и снова села на подушечку.

— Юнэ ты мою спас, чем отблагодарить тебя?

— Песни пойте, матушка, — улыбнулся Джастер. — Пусть люди слушают. И внучку учите. Негоже дару пропадать. Только лучше вам в Сурайю вернуться. Там спокойнее.

— Ишь ты, догадливый какой... — снова покачала головой кхэратун домэр. — Скажу ещё вам. Не ходите в замок к шувани этой. Погибель вас там ждёт. Юнэ моя сон видала, а сны у неё вещице.

Поги... бель? Сны вещице?! Да что ж с утра меня все пугают?!

Я невольно положила руку на грудь, где под платьем скрывался коготь кхвана. Оберег был... надёжным.

Защитит от всего, когда...

Я сглотнула, оглянувшись на Джастера. Он стоял, как обычно прислонившись спиной к двери и сложив руки на груди. Страшное предупреждение не стёрло мягкой улыбки, блуждающей на губах.

Неужели он говорил про... про это? Видящий судьбы...

— Благодарствуем, матушка, — Шут смотрел так спокойно и расслабленно, словно и не слышал сказанного. — Шанак не выдаст, свинья не съест.

Свинья не съе... Да он что, издевается?!

— Ой вэй... — всплеснула руками кхэратун домэр. — Совсем он страха не имеет! Что за беспутный такой?! И жизнь ему не дорога!

— Какой есть, матушка.

Проще и добрее улыбки я ещё не видела.

- Ступай, — махнула рукой Даэ Нану, поняв, что другого ответа не получит. — Сыновья мои тебе табун покажут, возьмёшь себе и шавхани по коню в дорогу. Это подарок вам за то, что домэр и Юнэ мою спасли. Все так решили.

— Благодарствуем, — Джастер вежливо поклонился, пока я очередной раз за короткую беседу изумлённо смотрела на кхэратун домэр.

— Спасибо! — Я закрыла рот и тоже вежливо склонила голову. — Спасибо!

Даэ Нану довольно кивала, Джастер снова поклонился и вышел из вардо. А я посмотрела на улыбающуюся ему вслед женщину и решила.

— Я бы хотела тоже с вами поговорить.

— Что же спросить хочешь, шавхани? Про вчерашнее — забудь, неверно я смотрела, неправильно.

— Почему? — Я нервно обхватила ладонью запястье с браслетом.

Успокаивали меня эти бусины. Как будто Джастер за руку держит...

— Всё правильно вы вчера сказали! Я... Я сильно его обидела.... Очень сильно. Сказала такое, что не имела права говорить...

Даэ Нану смотрела на меня внимательно и не прерывала. И я решилась.

— Что мне сделать, чтобы он меня простил? Помогите мне!

— Неужто так крепко писхари своего любишь? — изумилась кхэратун домэр. — Ой вэй... Станный он у тебя. Как ни гляди — странный.

— Он мне не слуга, — выпрямилась я, жалея о своём порыве. — Он... Он только на людях себя так ведёт. Он сам так решил.

Даэ Нану недовольно качала головой и куталась в шаль.

— Ой вэй, шавхани! — Она прицокнула языком. — Сколько ещё неправды вокруг тебя, как жить дальше будешь?

— Не знаю, — я опустила голову. — Я только знаю, что эта ведьма, о которой вы вчера говорили, меня ищет. Потому что я сняла её проклятие и убила бэнга в одной деревне. А Джастер мне во всём помогает. Вот и всё.

Кхэратун домэр молчала и лишь изумлённо качала головой. Я же закусил губу, жалея, что опять наговорила лишнего. Вот сейчас как скажет, что это из-за меня бэнг вчера напал... Сразу мы с Джастером из спасителей в виноватых превратимся.

И что тогда? Со всем домэром драться?

— Ой вэй... — вздохнула Даэ Нану. — Нелёгкая у тебя судьба, шавхани... Чем ты богов прогневала, что врага тебе такого дали и погибелью грозят?

— Не знаю. — Я моргала, чтобы прогнать навернувшиеся слёзы.

Что я за дура такая... Молчать надо, а я болтаю...

Джастер узнает — я и доброго слова не дождусь, не то что ласкового. Ещё и посмотрит так, что любой демон рядом с ним котёнком покажется.

- Хочешь судьбу свою узнать, шавхани? — неожиданно спросила кхэратун домэр. — Что ждёт тебя, где беда караулит, а где удача поджидает?

Судьба... Демоны, могущественная и очень недобрая ведьма, неизвестный и опасный враг самого Шута... Замок, в котором нас ждёт погибель... Джастер с оберегом своим...

Нет уж. Хватит с меня на сегодня. Утро ещё, а я уже напугана не один раз.

Не желаю больше про всякие ужасы слушать.

Я хочу вернуть доверие Джастера. Потому что рядом с Шутом ничего не страшно.

А без него... Без него от ведьмы Яниги давно бы только косточки остались.

— Нет. — Я посмотрела на Даэ Нану и покачала головой. — Не хочу. Я хочу, чтобы он меня простил.

Женщина вздохнула, ненадолго отвела взгляд и снова посмотрела на меня.

— Вижу, не кривишь ты душой. Крепко ты к нему привязалась, мучит тебя совесть за обиду напрасную. Не знаю, что случилось у вас, и не моё это дело, шавхани. А и знала бы — не помогла бы в том. Конь коню большая разница, а этому только крыльев недостаёт. Один совет я могу дать тебе только: поговори с милым своим. Кроме него, никто тебе нужного ответа не даст.

Вот и всё. Можно поблагодарить и уйти.

Чуда в виде готового ответа — не будет.

Поговорить... Если бы это было так просто...

Я даже вспоминать об этом не хочу. А уж ему напоминать — тем более.

Только крыльев недостаёт...

Видела я его с крыльями. Когда он меня снежнягодником накормил.

Чего я уже только ни видела...

— Благодарю, — поклонилась я кхэратун домэр. — Будьте здоровы.

— Да помогут боги тебе, шавхани, — кивнула в ответ Даэ Нану.

Выйдя из вардо, я огляделась в поисках Джастера и увидела, что мне машут женщины.

— Идите к нам, шавхани!

Я спустилась со ступенек и направилась в женскую часть лагеря. Пусть тогда Джастер с лошадьми сам разбирается.

Без меня он всё равно не уйдёт.

Женщины встретили меня улыбками и даже покормили, что очень порадовало. Со всеми новостями я забыла про завтрак, но живот быстро напомнил об этом, когда я учуяла вкусные запахи.

— Вот вам, в дорогу, — одна из женщин подала мне завёрнутые в лопух лепёшки. — Доброго пути вам!

Я поблагодарила в ответ, убирая лепешки в сумку, и увидела, что Шут возвращается со стороны леса вместе с нашим провожатым.

Мужчины весело переговаривались и пели, причём Джастер явно заучивал слова новой песни. Сын Даэ Нану вёл под уздцы серую лошадь, а Джастер — буланую. Обе лошади были взнузданы и осёдланы.

— Это Ласточка, — Шут забрал повод у провожатого и протянул мне. — Спокойная, послушная и выносливая. То, что нужно в дороге.

Серая Ласточка шумно обнюхала мои руки, и я, вспомнив, как когда-то давно Шут разговаривал с лошадью торговца, полезла в сумку и достала лепёшку. Ласточка потянулась к угощению губами, а буланая тут же фыркнула, требуя лакомства и себе.

— Держи, — Джастер отломил кусок от моей лепёшки, и обе лошади с удовольствием жевали угощение.

— Ай да шавхани, знает, как коня приручить! — засмеялся сын кхэратун домэр.

Джастер молча усмехался в усы и бороду, а я думала что после разговора с Даэ Нану даже не знаю, про настоящую лошадь сейчас сказали или нет.

Решив ничего не отвечать, я погладила Ласточку по морде и посмотрела на Джастера.

— Благодарим за всё, — Шут держал буланую под уздцы. — Тэ явэн бахталэ!

Под прощальные крики мы покинула лагерь домэр и вышли на дорогу.

Ласточка и в самом деле послушно шла за мной, а вот буланая время от времени фыркала и дёргала поводья, но Джастер держал крепко.

— Мы их продадим?

— Почему? — удивился он.

— Ты же говорил, что не конюх.

— Не конюх, — Шут хмуро покосился на меня. — Но, во-первых, мы с тобой сейчас по дорогам пойдём, во-вторых, время дорого. Так что верхом сейчас сподручнее. По лесам гулять некогда.

— А в-третьих? — Я чувствовала недоговорённость.

— А в-третьих, от такого подарка не отказываются, ведьма. — Джастер нашёл прореху в зарослях клёна и свернул с дороги в сторону нашего лагеря. — У домэров самые лучшие кони. Они умные, быстрые и выносливые. То, что нам сейчас нужно.

— По-моему, это обычные лошади.

— Угу, — хмыкнул он в ответ. — Вот когда эта обычная лошадь твою голову из беды

спасёт, тогда я посмотрю, что ты скажешь.

Опять он мне настроение испортил... Рассердившись, я решила, что не буду отвечать, но Шута это устраивало.

В полном молчании он собрал шатёр и приторачивал его на свою лошадь. Буланая иногда переступала копытами и стригла ушами, а вот Ласточка стояла спокойно.

— И как её зовут?

— Огонёк.

— Огонёк? — Я заглянула под коричневое брюхо и снова посмотрела на Джастера. — Но это же лошадь!

— И что? — Он хмуро покосился через плечо, вешая лютню на спину. — Я — Шут, она — Огонёк. Характер такой. Что тебе не нравится?

— А почему не Искра?

— Потому что горит долго.

В ответ я только закрыла лицо ладонью и молча покачала головой: возразить было нечего.

Характер такой...

Вспыхивает и горит долго.

У обоих. И Живой меч им в компанию.

— Куда мы теперь? — Я спросила, когда мы вышли на дорогу и сели верхом на лошадей. — В Салаксхем?

Джастер оглянулся на меня и фыркнул.

— Ты что, предупреждения не слышала? Или тебе жить надоело? Так способов самоубиться много, даже ехать в такую даль не нужно. Встань посреди толпы, посверкай золотом, и всё. Долго не протянешь.

— Я серьёзно!

— Я тоже, — он снова смотрел на дорогу. — Или я так на дурака похож?

У меня с души целая гора свалилась. Слава богам, он туда не собирается!.. Я даже заулыбалась, но Джастер этого не заметил.

— Кое-что важное мы узнали, но этого слишком мало. К тому же, у нас еда закончилась. Ещё я хочу поесть по-человечьи и выспаться в кровати. Так что мы едем в Костиноград. Но, если ты против, могу оставить тебя здесь. Не уверен, правда, что по этой дороге возвращаться буду...

— Джастер!

— Чем ты опять недовольна, Янига? — он хмуро покосился через плечо. — Что тебе опять не так?

«Характер у тебя огонь: и обогреть, и обжечь может»...

Я сердито прикусила язык. Ну что я опять делаю, в самом деле? Хочу его доверие вернуть, а сама опять ругаюсь...

— Прости, — я хмуро смотрела на лошадиную гриву. — Я не хотела тебя обидеть.

— Ты ничего не знаешь об этой ведьме, я правильно понял? — Шут даже бровью не повёл на мои извинения.

— Угу, — подтвердила я. — Впервые её имя слышу.

— Скверно. — Он потёр лицо ладонью. — Очень скверно. Отсюда далеко до вашего

надела?

Я пожалала плечами, потому что до сих пор не понимала, где мы находимся. Названия деревень и самого города мне ни о чём не говорили. И только сейчас сообразила, что Джастер смотрит на дорогу, а не на меня.

— Не знаю. Я вообще не понимаю, где мы. Я только Холиссин надел знаю и про соседние немного.

— Тогда вот посмотри и скажи, — воин сунул руку в торбу и протянул мне свёрнутый в несколько раз пергамент, перехватывая повод Ласточки.

Я отпустила поводья, полностью доверяясь Шуту, и развернула неожиданно большой лист.

— Что это? — я с изумлением рассматривала удивительный рисунок. Здесь были горы, леса, многочисленные точки и кружочки, соединённые извилистыми линиями и подписанные аккуратными мелкими буквами. Приглядевшись, я разобрала знакомые названия и поняла, что тонкие линии — это дороги, а широкие и похожие на ледяные трещины — реки.

— Карта, — спокойно ответил воин. — Очень удобная штука для путешествий. Торговцы ими часто пользуются.

— И много у тебя таких? — я не уставала удивляться новым для меня вещам.

— Достаточно. Так сколько до вашего надела отсюда?

Я снова погрузилась в разглядывание значков и букв.

Пеггивилль на карте обозначен не был, как и Выселки, и другие деревни, о которых я успела услышать за последнюю пару дней. Видимо, торговцам такие мелкие поселения были не интересны, и на карте рисовали только города и большие дороги.

К счастью, маковое зернышко Костинограда нашлось почти на юге, не так далеко от прерывистой черты, ниже которой было написано «Сурайя».

Теперь понятно, почему домэры в Эрикию попали. Тут же до границы рукой подать. Небольшой крюк для народа, который всю жизнь в странствиях проводит.

А вот Салаксхем куда ближе к столице Сердце Розы и показался мне настоящей червоточиной на лепестке южной провинции.

— Мы вот здесь, а надел Холиссы — здесь, — я показывала карту Джастеру, обводя пальцем знакомые названия. — А эта ведьма...

— Вижу, — хмуро буркнул он, забирая у меня пергамент. — Значит, отсюда до твоего бывшего дома примерно недели три-четыре... Схарапшшш...

— Это сильно плохо? — встревожено я смотрела, как он убирает карту.

— Время дорого, ведьма. — Он хмуро покосился на меня. — Очень дорого. Мы знаем, где засела твоя карга, но это не значит, что и он там...

— А кто — он?

От того, как произносил Шут это слово, у меня по спине мурашки бежали. Да и чужой взгляд, ледяной и безжалостный, легко перекрывший ярость кхвана, я помнила хорошо.

— Потом, Янига, не сейчас. — Джастер недовольно дёрнул уголок рта, явно не желая разговаривать на эту тему. — Сейчас запомни главное. Если однажды я уйду и не вернусь к названному сроку... Не ищи меня. Ни за что. А ещё лучше — беги и прячься. И никогда, никогда не снимай оберег. Особенно, если я вдруг вернусь и буду просить его снять.

Да что он за ужасы такие говорит всё время?! Однажды уйдёт... и... и не вернётся... бежать и прятаться... Коготь этот не снимать никогда...

Великие боги! Солнце светит, в пору от жары потеть, а мне как колотого льда за шиворот насыпали!

Я невольно сжала ладонь на обереге под платьем. Коготь был холодным и это меня неожиданно успокоило.

— Ты... ты меня пугаешь...

— Предупреждаю, ведьма. — Он хмуро смотрел на дорогу. — Просто предупреждаю. А городишко, кажется, дурной...

— Может, тогда не поедем туда? — я тоже смотрела на показавшиеся вдалеке невысокие крыши.

Дурной — не дурной, а на вид неприятный. Чтобы в солнечный день даже издалека серым и унылым выглядеть — это постараться надо...

— А есть мы с тобой что будем? — буркнул в ответ воин. — Было два рта, теперь ещё два добавилось.

— Ты же сам сказал, что дарёных лошадей продавать нельзя, — мне стало обидно за Ласточку.

— Нельзя, — Джастер кивнул. — Поэтому в город и идём.

Городок и в самом деле оказался... дурным.

Костиноград был крохотным, с узкими и пыльными улочками, даже не вымощенными булыжниками. Невысокие серые домики, не улыбчивые люди, косящиеся на нас с подозрением и недоверчивостью. Даже хозяин единственного постоянного двора долго мялся, пускать нас на ночлег или нет. Переломить его недоверчивость Джастеру удалось только серебряным «лепестком», хотя эта цена явно превышала уровень заведения.

— Лошадей вон там поставьте, — толстый, как бочонок, и лысый, как колено, хозяин надкусил монету, ещё раз чуть ли не обнюхал, и кивнул в сторону коновязи. — Овса тоже сами задайте, у меня тут лишних рук нету.

— Как скажете, милейший, — кивнул Шут, кланяясь в спину уходящему «благодетелю». — Благодарствуем!

Идти внутрь одна я побоялась, но Джастер и не возражал, заодно показывая на примере Огонька, как надо ухаживать за лошадьёю.

Ездить верхом я умела: Холисса так путешествовала со мной, когда я была совсем мелкая. Она брала лошадь у одного из своих любовников, и мы ездили по соседним деревням. Но это были короткие поездки, не больше недели, и конечно, о лошади я не заботилась. Когда я подросла, мы стали ходить пешком, потому что уходили далеко и надолго. Покупать лошадей для этого Холисса не хотела, а на большой срок найти двух верховых лошадей было негде.

— Ты хочешь уйти? — я рассёдлывала Ласточку, следуя попутным объяснениям Джастера.

— Мало ли, что случиться может. Сама понимаешь, Игра — дело серьёзное. — Он взял у меня седло и повесил на стенку денника. — Что опять?

— Н-нне не уходи, — я боялась отпустить его рукав. — Мне... мне очень страшно.

— Быстро же твой боевой запал погас, — усмехнулся воин, заставляя меня смутиться. — Давай лучше закончим с лошадьёю и поедим сами.

— А потом?

— А потом надо еды в дорогу раздобыть. Для всех, — он ласково почесал Огонька за ухом, и лошадь довольно фыркнула ему в волосы.

Сошлись характерами...

— Ты же понял, — я снимала уздечку, стараясь не ревновать его к лошади. Это же совсем глупо.

— Мне надо подумать, Янига, — он улыбнулся одними губами. — И здесь не место для таких разговоров.

Мы сидели в комнатке, куда ели впихнулись две кровати и стол между ними. Даже вещи деть некуда, и Джастер сложил наши скромные пожитки на свою кровать вместе с лютней.

Серебряного «лепестка» эта кладовка совсем не стоила, как и серая размазня, которую хозяин назвал кашей. Совершенно безвкусная и неприятная на вид. Для питья — простая вода.

Я бы за такое и пару медяков пожалела.

Эх, этой самой Вахалы на этот городок нету... Быстро бы научила, как гостей встречать и чем кормить...

— Ешь, ведьма, не морщись, — Джастер спокойно черпал из миски. — Другой еды всё равно нет. А эта хотя бы горячая.

Со вздохом я заставила себя проглотить ложку каши. Горячая. Просто горячая каша. К тому же Джастер прав: лепёшки домэров мы съели давно.

И, наверное, хорошо, что хоть такая комната нашлась. Потому что спать на конюшне или переплачивать ещё серебрушку за отдельные комнаты совсем не хотелось. Впрочем, на этот раз Шут не настаивал на раздельных комнатах.

Наверно, не так плохо изображать его подружку. Но мне бы хотелось быть ею на самом деле...

А вот Костиноград мне совсем не нравился.

Хорошо, что мы завтра отсюда уедем...

Джастер с ужином управился быстро. Я только полмиски осилила, а он уже опустошил свою. И, судя по взгляду в сторону окна, а затем двери, явно собирался куда-то пойти.

— Ты куда?

— Вечереет уже, — он встал из-за стола. — Надо успеть еды в дорогу найти. Я не хочу тут задерживаться. Ты доела?

— Я наелась! — я поспешно отодвинула наполовину полную миску. Всё равно эта серая слизь остыла, а холодным это есть — как живую лягушку глотать.

— Как скажешь. — Воин спокойно забрал обе миски, и я поняла, что он так уйдёт, а я...

Я останусь.

— Джастер, подожди! Что... Что мне сделать, чтобы ты меня простил?

Он поставил миски на стол и сел обратно. Опёрся локтями на грубо струганные доски, потёр лицо ладонями, посидел так, а потом взглянул на меня.

— Помнишь, я говорил про внутренний свет и внутреннюю тьму?

Я кивнула. Разве такое забудешь...

— Ты изменилась, ведьма. Твоя жизнь меняется. Уже изменилась. Твоя душа сделала шаг и к свету, и к тьме внутри тебя, и даже не один. Но ты по-прежнему пытаешься жить так,

словно ничего не произошло. Ты сожалеешь о прошлом, которого не вернуть. Зачем?

Слёзы текли по щекам, и я даже не старалась их скрыть. Больно... Как же больно такое слышать...

Зачем... Он ещё спрашивает... Как будто сам не знает...

— Я не самый лучший мужчина, Янига. Я такой, какой есть. И ты тоже такая, какая есть. Хватит бегать по кругу придуманных ожиданий и сожалеть, что они никогда не исполнятся. Это голос твоей тьмы, и ничего хорошего он тебе не принесёт. Твоя судьба не в том, чтобы сидеть и страдать по придуманным поводам, как глупая баба. Прими свою судьбу и не пытайся идти против неё.

— Ненавижу это слово... — я всхлипнула, размазывая слёзы по лицу. — Нена...

— Хорошо, как скажешь, — неожиданно ответил он. — Тогда просто прими себя новую и не бойся слушать свои внутренние желания.

Опять он какие-то отговорки придумывает...

— Мог бы просто сказать, что я не в твоём...

— Мне нравятся умные и сильные женщины, — ухмыльнулся он в ответ. — Всё остальное тоже имеет значение, но, если женщина глупа и постоянно ноет, никакая красота её не спасёт. Или хочешь сказать, что я ошибся в тебе?

Я только молча закрыла рот, проглотив все возражения. И ничего я не ною! Уже даже не реву!

— Нет, — я старательно смотрела в окно, где клонящееся к закату солнце раскрашивало серые домики в розовое и золотое. — Нет.

— Вот и хорошо. — Джастер встал из-за стола, забирая миски. — Пойду, лошадей проверю и осмотрюсь заодно. А ты дверь закрой и тихо сиди. Что?

— Ты... ты сказал, что если уйдёшь...

— Не волнуйся, Янига, — он мягко улыбнулся. — До Салаксхейма не близко. Даже он не успеет так быстро сюда добраться. К тому же, ты его не интересуешь. Пока. И, надеюсь, не заинтересуешь ещё долго. А что касается вкуса... Рыжие мне тоже нравятся.

С этими словами он закрыл дверь, оставляя меня в полном ошеломлении.

Устроившись с ногами на жёсткой кровати, я долго размышляла над его словами и крутила в пальцах оберег. Бисерины и бусины и в самом деле складывались в непонятный узор. Но стоило мне уловить ритм в чередовании цветов и размера, как всё тут же менялось. После нескольких попыток разобраться я оставила бесполезное занятие. Только коготь, чёрный и блестящий, оставался неизменным. Острый кончик, с небольшими зазубринами, он, на удивление, не царапал меня и не цеплял ткань платья.

Как и Живой меч.

Подумать только: всего три... да, три дня назад я была рыжей ведьмой, а Джастер — наёмником с двумя мечами. А теперь я — деревенская травница, а он — бродячий шут...

И мне уже кажется, что обучение на берегу лесного озера было так давно...

С Джастером каждый день — как целая жизнь. Каждый день что-то случается.

Вот даже сегодня: «бусы», лошади, городок этот...

А уж сколько предупреждений я наслушалась — даже вспоминать не хочу. Мороз по спине от этого.

Оберег... Защитит от всего...

И как, интересно? Нет! Не хочу знать! Не хочу.

Я убрала подарок обратно под платье.

Как непонятно всё получается.

С одной стороны, Джастер ни слова не сказал про колдовство Даэ Нану, только чтобы я забыла об этом. Но ведь он и не отрицал ничего...

Выходит, карты сказали правду?

Он в самом деле думает обо мне? Не просто заботится, как... как о бестолковой деревенской девчонке, а думает как о женщине?

Но почему он делает всё, чтобы оттолкнуть меня? Почему не хочет, чтобы мы были любовниками? Я же помню, как он смотрел тогда на озере...

Сильные и умные женщины ему нравятся...

И рыжие в его вкусе...

Что тогда не так?!

Не понимаю. Великие боги, я не понимаю, что ему надо. И его не спросить, опять отговорками отделаётся.

Прими себя новую... слушай свои желания...

Я и так слушаю. Только ему до моих желаний дела нет...

Небо за окном всё ярче наливалось малиновым заревом. Завтра ветрено будет... И где Джастера носит? Давно ушёл уже...

Внезапный жуткий грохот и громкие крики ужаса заставили меня подскочить и кинуться к окну.

Великие боги... Да за что мне ЭТО?!

Даже день не закончился...

Над крышами домов возвышалась фигура жуткого существа. Судя по рассказам Джастера и картинкам, которые я видела в «Легендах», Костиноград навестил самый настоящий демон. Огромный, красный, с большими чёрными рогами, с торчащими из пасти клыками. Раскосые глаза и приплюснутый широкий нос. Когти на руках. Чудовище рычало и оглядывалось, а люди с криками разбежались кто куда, прячась в своих домах, словно серые стены могли их защитить от такого чудовища...

Я чуть не взвыла, вспомнив, как совсем недавно сожалела, что эта ведьма тут не бывала.

И на вот тебе! Молодец, Янига, призвала чудовище на неповинных!

Я поспешно отвела взгляд от демона и села обратно на кровать, стараясь не слушать, что происходит за окном.

Успокойся, Янига, и думай, что делать.

Конечно, Джастер сказал, чтобы я сидела тихо, но ведь он же не мог знать, что появится демон!

Это же чудовище людей... жрать будет, пока я тут сижу и прячусь!

Но Джастер же говорил, что колдовать нельзя! Что любая магия будет сигналом...

Тогда откуда взялся демон? Я же не колдовала!

Неужели... Неужели колдовал... он?!

Тогда нужно срочно бежать на помощь Джастеру!

Он же один и без оружия!

Это чудовище его убьёт...

Я вскочила, не зная, что лучше: сначала отвлечь демона каким-нибудь заклятьем или бежать на улицу прямо сейчас, когда дверь в комнату распахнулась, и появился Джастер.

— Только вторую свинью из него не делай!

Вто... Что?!

Шут обхватил меня и, прижав к себе, метнулся в сторону стены, чтобы нас не было видно из окна.

— Джастер, ты что творишь?! Там же демон!

— Тихо, тихо, Янига. Это не демон, — крепко держал он меня. — Это обманка.

— Обма?..

— Ч! — он зажал мне рот рукой.

И я услышала, как в нашу сторону по улице, тяжело ступая, идёт чудовище. Демон шёл, громко ворча и шумно принюхиваясь, словно что-то искал.

У меня сердце забилося как у зайца, когда я услышала, как шумно он дышит возле самого окна, наверняка наклонившись к нему.

Если бы не Джастер, я бы точно что-нибудь сделала. Мне было очень страшно и в то же время хотелось обрушить на это чудище все боевые руны, которые я успела выучить...

Но Шут крепко держал меня, прижимая к себе и закрыв рот ладонью. В следующее мгновение демон пошёл дальше, тяжело ступая по земле. А Джастер разжал руки.

— Что значит — обманка? — смотрела я на Шута. Живой и здоровый... Хвала богам...

— Выгляни осторожно и посмотри: он не отбрасывает тени. Эта старая карга — хитрая тварь.

Я выглянула в окно и увидела, что чудовище в самом деле... просвечивает. Через огромную красную тушу туманными тенями виднелись вершины крыш. Дойдя до конца улицы, демон исчез в столбе пламени с громким «Пфффф!».

— Что это было? — я обернулась к Джастеру. Он уже закрыл дверь и спокойно сидел на кровати.

— Ловля на живца, — ухмыльнулся он. — Эта Вахала совсем не дура. Она быстро вычислила, куда мы... куда ты можешь пойти после гибели кхвана. Костиноград — ближайший город. Но, чтобы вызвать демона на расстоянии, нужно до этого провести на месте определённый ритуал. А здесь она явно не была, такой мелкий городишко ей не интересен. Эта карга не из тех, кто разменивается на мелочи. Поэтому она создала эту обманку, чтобы проверить, здесь ты или нет. Ведь ты же чуть не пошла с ним воевать?

— Ну да, — я опустила голову. — Я подумала, что ты... там... Я думала, он настоящий.

— В другой раз слушай оберег, — Джастер снял свою торбу и разбирал постель. — Пока он холодный — тебе бояться нечего. Убрала ты его с глаз долой — правильно сделала.

Я опустила голову, подумав, что на самом деле совсем забыла про его подарок.

— А когда...

— Когда будет «когда» — тогда и узнаешь. — Он хмуро посмотрел на меня. — Или ты мне не веришь?

— Верю, — так же хмуро буркнула я. — Но ты ничего не рассказал про этот оберег! Только то, что его нельзя снимать!

— Я не рассказал? — он сел и потёр лицо рукой. — Прости, забыл. Если коротко: он защитит тебя от враждебной магии. Любой. И будет нагреваться, когда тебе угрожает опасность.

— Сказал бы сразу, я бы так не волновалась, — я потрогала коготь под платьем. Какой он полезный, оказывается...

- Тем более, хорошо, что я успел тебя остановить. Иначе всё было бы намного сложнее.

— А сейчас?

— А сейчас будет сложнее для неё. Теперь она будет гадать, куда ты отправилась, раз тебя нет в этом городишке. Это хорошо, пусть поищет. Мы уезжаем завтра утром. Мне удалось раздобыть немного еды, но лучше заехать к Томилу и Вольте, родителям Фелисии, и пополнить запасы у них.

— А потом?

— Потом отправимся искать твою наставницу.

Искать Холиссу... Значит, он на самом деле не собирается ехать в тот замок. Как хорошо...

— Джастер, а почему... почему ты говоришь, что я его не интересую?

— Потому что он не знает, что я рядом с тобой. Пока не знает.

— А как же кхван? Он же смотрел на меня! Помнишь, ты тогда спрятался!

— Да. К счастью, только тебя он и видел.

— Почему ты так уверен?

— Я об этом позаботился.

Позабо... Ну конечно! Метательный нож в глазу кхвана! И ещё несколько ножей, которые Джастер умудрился метнуть в тело чудовища. С перепугу он на кхване верхом катался, как же... Воспользовался яростью кхвана от полученных ран, проскользнул ему на шею и там стал недосягаемым и невидимым для твари.

А убили чудище ведьма и люди, которые поняли, что нужно сделать.

Джастера там не было.

Даже если этот страшный враг и смотрел через последний глаз кхвана, то Шута он действительно не видел.

Первое сражение Джастер выиграл, убив одним ударом двух зайцев: прославил ведьму-защитницу от демонов и научил людей, как убивать тварей Проклятых земель. Хотя бы некоторых.

Но будет ли нам везти так дальше?

— Зачем ты хочешь найти Холиссу?

— Судя по твоим восторгам, она умная ведьма. Может, она что-то слышала про эту Вахалу. А ты что, ревнуешь? Думаешь, я ей понравлюсь? — Джастер пригладил ладонью волосы и бороду, как будто прихорашивался перед свиданием.

— Ещё чего! — фыркнула я, стараясь и в самом деле подавить голос ревности. — Не говори глупостей!

— Вот и хорошо, ведьма. Теперь давай спать.

С этими словами Шут, не раздеваясь, лёг на постель и демонстративно отвернулся к стене. Мне ничего не оставалось, как последовать его примеру.

20. Примирение

До Заводей — деревни, где жили родители Фелисии, мы добрались к вечеру, дважды ненадолго останавливаясь, чтобы дать отдых лошадям и размять ноги. Пешком и по дороге, наверно, мы бы шли пару дней, напрямую — я даже загадывать не бралась. Хотя, с учётом того, что в окрестностях Костинограда хватало дорог и деревень, коротких троп, наверно, не было.

День выдался переменчивый, не жаркий и ветреный. Город мы покинули ранним утром, перекусив на завтрак хлебом, луком и сыром — что удалось достать Джастеру.

К моему удивлению, в деревню Фелисии поехали мы другой дорогой. На мой вопрос Шут только хмыкнул и сказал, что верхом без разницы. И вскоре я поняла, почему.

К нашим вещам добавились только торбы с овсом. Большую часть Огонёк и Ласточка легко шли ходкой и плавной рысью, но время от времени Джастер пускал Огонька в галоп, и его озорная и игривая лошадь радостно неслась вперёд, а Ласточка за ней, пока я не начинала просить перейти на шаг. Мимо нас проплывали поля и огороды, оставались позади рощи и перелески, блестели озёра и дважды по бревенчатым мостам мы пересекли неизвестные речки. От дороги то и дело сворачивали разбитые колеи, убегающие в поля или к далёким домикам, и я только удивлялась тому, как уверенно Шут выбирает дорогу.

Такое чувство, что он и без всяких торговых карт прекрасно знал, куда ехать. И зачем она ему вообще нужна? Он же прекрасно всё это время без неё обходился. Вон, в лесу, «напрямки» как по дороге...

Но спрашивать я не спешила. Джастер ехал впереди и сразу дал мне понять, чтобы я держалась следом за ним, а не ехала рядом. Спорить было бесполезно, и потому я просто смотрела по сторонам.

Но даже во время отдыха мы почти не разговаривали. Джастер только командовал «привал» или «собираемся», да коротко напоминал мне, как ухаживать за Ласточкой. Со своей лошадью он ладил так, словно всю жизнь на ней верхом ездил. Даже гриву в косички заплёл.

Глядя, как он в очередной раз любовно наглаживает золотисто-соломенную морду Огонька, я ловила себя на том, что ревную его к этой лошади.

Нет, Ласточка мне тоже нравилась, у неё и впрямь оказался очень спокойный и покладистый характер, и уход за ней меня не обременял. Только вот...

Только вот каждый раз, когда я смотрела на обоих лошадей, я вспоминала слова Даэ Нану про сивого и вороного коней и на душе становилось нехорошо.

«Если я уйду и не вернусь»...

«Не найти ли тебе коня поспокойнее»...

«Неверно я смотрела, неправильно...»

«Забудь, ведьма...»

В замок не ходить. Оберег не снимать. Джастера не искать и не ждать, а бежать и прятаться, если уйдёт и не вернётся вовремя...

А я только порадоваться успела, что ему нравлюсь, и он обо мне думает...

На душе царило смятение. Я просто не знала, чему верить и чего ещё ждать.

— Нечестно это, — тихо высказала Божественной паре своё негодование вслух, глядя в спину Шута. — Слышите меня? Не честно. Я хочу быть с ним!

Шанак и Датри не ответили. Или мне не хватило понимания, чтобы услышать ответ.

Только браслет двух судеб — моя единственная надежда на счастье с Джастером — тихо позвякивал бусинами.

Заводи оказались большой и, судя по всему, зажиточной деревней. Даже странно, что торговцы на карте обошли её вниманием.

Своим названием деревня была обязана излучине реки. Вокруг протирались поля, добротные дома за высокими заборами утопали в вишнях и яблонях. Гоготали гуси, кудахтали куры, перелаивались собаки.

Мы въехали в Заводи с востока, лишь немного обогнав коровье стадо, возвращавшееся с

пастбища. Женщины и дети, поджидавшие скотину у распахнутых ворот, провожали нас взглядами, но тут же отвлекались и забывали, подзывая требовательно мычащих Зоренушек, Бурушек и прочих рогатых кормилиц.

Я во все глаза следила за тем, чтобы какая-нибудь Чернушка или Пестрянка, спеша на вечерний удой, не задела Ласточку. Шут же чуть пришпорил пятками Огонька и свернул с главной улицы в сторону реки. Я поспешила за ним, краем глаза заметив, что за нами в узкий проулок последовало несколько коров.

Надеюсь, недалеко осталось. А то стопчут эти рогатые и поминай, как звали...

К счастью, проулок закончился быстро, и мы оказались на вполне широкой улице. Здесь тоже ждали своих кормилиц, но не выкрикивали имена, а просто открывали ворота, чтобы корова сама заходила во двор. Джастер уверенно направил Огонька влево.

Требовательно мыча, нас обогнала белая с чёрными пятнами, корова. На её шее звякал большой бубенец.

— Пеструха! — позвал женский голос, и корова протрусилась в самый дальний двор. Ворота за ней закрылись.

Ещё пара рогатых разошлись по домам, но створки ворот до конца не закрывались. Под косыми и любопытными взглядами мы шагом ехали к самому крайнему дому.

— Эй, хозяйева! Доброго вечера! — зычно прокричал Джастер, подъезжая к подворью. Высокий забор, ворота украшены резьбой, дом добротный, из брёвен, крыт тёсом. С седла видно, что внутри есть не только сарай, конюшня и сеновал, но и коровник, и птичник: куры и гуси негромко устраивались на ночь. Сторожевой пёс на цепи принюхивался, но не лаял, глухо и предупреждающе рыча. За домом виднелся сад, а дальше — огород, спускающийся к реке.

Судя по хозяйству, Томил и Вольта не бедствовали. Чем бы отец Фелисии не занимался — я просто не слушала его истории и забывала тут же, как только начиналась новая, — он явно не гнул в поле спину целыми днями.

На приветствие Джастера в раскрытом окне мелькнуло лицо, а затем на крыльце показался хозяин дома.

— Ох ты ж, трубадур! — Томил радостно всплеснул руками, торопясь к воротам. — Вот уж не ждал, не чаял встречи спорой тако! Да ты, никак и лошадкой в масть обзавёлся?

— А то! — рассмеялся Джастер, похлопывая Огонька по шее, и я вдруг подумала, что он и в самом деле выбрал лошадь себе в «масть». Оба «золотые», а шевелюры — тёмные...

И как я сама на это внимания не обратила? Может, потому что помнила Шута светловолосым и знала, что его новый вид — всего лишь «прятки»?

— И травница с тобой! Хвала богам! Где ж вы лошаdkов таковских нашли? — он отпер ворота. — Нашенские-то коники простые...

— Люди добрые подарили, — Джастер с улыбкой спешил и помог мне. Из-за платья у меня не получалось слезть и взобраться в седло легко и просто. Пока я по-деревенски задирала подол до колен, но надо будет что-то придумать.

Госпожа ведьма с голыми ногами ездить не может.

— Ох ты ж, трубадур! — покачал головой Томил, шутливо грозя Джастеру пальцем. — Ох, сказочник!

— Что уж сразу — сказочник? — в шутку же надулся воин. — Как есть — так и говорю! Крестьянин засмеялся в ответ, раскрывая створку шире.

— Проходите, гости дорогие! — Томил лучился и сиял. — Лошадков мне давайте, я их

обихожу! Ишь, ладные каки они у вас!

— Ладные, — согласился Джастер. — И с норовом. Так что давай мы их сами в стойло поставим. Я б ещё от баньки с дороги не отказался...

— Эт можно! — закивал Томил, запирая за нами ворота. — Баньку я мигом справлю! Как есть к ужину поспеете!

И хотя отец Фелисии улыбался, я вдруг уловила какую-то тревогу. Было что-то в том, как он смотрел на Шута, как едва заметно дрогнул его голос и руки...

— А сказки — дело хорошее, — снова улыбнулся Джастер. — Я их много знаю. Хошь — расскажу? Будет, чем вечер скоротать.

— Ох, уважишь, трубадур! Вольта у меня до баек охоча, страсть! — снова засуетился Томил, ведя нас в сторону конюшни. — Коль её сказками потешишь — благодарен буду...

Я посмотрела на Шута, который спокойно кивнул, ведя Огонька в поводу. Заметил ли он, что крестьянин ведёт себя необычно? Он ведь даже на дороге так не волновался, как сейчас...

Но спросить не получилось: Томил суетился и говорил так, словно молчал полжизни и теперь изливал всё накопившееся. Но Джастер спокойно и уверенно спровадил его топить баньку и, наконец, мы остались в конюшне одни. Сивый мерин дремал в деннике, ничуть не интересуясь нашими кобылами. Полосатая кошка умывалась в углу, не обращая на нас никакого внимания.

— Тебе не кажется, что он ведёт себя странно? — я спросила тихо, рассёдлывая Ласточку, пока она пережёвывала клок сена.

— Даже очень, — Джастер скрутил жгут из соломы и обтирал спину и бока Огоньку. — Но опасности я не чувствую. А от бани и хорошей еды отказываться точно не хочу. Но спать лучше на сеновале.

Я вздохнула, подумав, что с собой он меня опять не позвал, а коготь под платьем в самом деле не нагрелся.

Ну и ладно. Спать в доме на лавке тоже неплохо...

Пока мы управлялись с лошадьми, Вольта отнесла удой в дом и прибежала к нам: поздороваться и узнать, какие пироги нам по душе: с капустою, ягодные или с грибами.

Мне было без разницы, а вот Джастер заявил, что всего и побольше, потому как у него живот к хребту уже прилип. На такую наглость Вольта только рассмеялась и пообещала накормить нас досыта.

Баньку Томил и в самом деле справил быстро. Особенно, когда мы отнесли вещи в дом и помогли натаскать воды из речки.

— Она у меня завсегда готова, растопить — дело недолгое. От и шаюшки, и венички берёзовые, дубовые...

Пока Томил любезничал с Джастером, я вспомнила, что из чистой одежды у меня остались только богатые платья госпожи Яниги. Моё старое, в котором я училась возле лесного озера, скорее всего, постигла судьба разбитых туфель. Просто от Шута я иного уже не ждала. Попросить, что ли у Вольты рубаху какую переодеться, пока своё стирать буду?

— Вы обои вместе али как?

Неожиданный вопрос Томила застал меня врасплох. Об этом я совсем не думала...

Но я не успела и рта открыть, как Джастер приобнял меня и прижал к себе.

— Вместе, конечно, — сразил меня ответ. — Как иначе-то?

Они рассмеялись, пока я старалась унять забившееся от волнения сердце и разгорающийся на щеках румянец.

Нет, я была совсем не против помыться вместе, просто... Просто я совсем не была к этому готова.

— Тады я кваску холодненького принесу!

— Ты недовольна, ведьма? — тихо и спокойно спросил Шут, отпуская меня и глядя в спину уходящего Томила.

Я прикусила губу, поняв, что это было очередное представление. Как иначе...

Да никак.

— Нет, но...

— Тогда пошли мыться.

Банька оказалась большой, с лежанками для пара и места на двоих там хватало. В предбаннике уместился стол со скамьёй. Пахло горячим деревом, дымом и вениками.

Воин спокойно раздевался, повернувшись ко мне спиной и складывая одежду на скамью. В полумраке вечернего света крохотных окошек и огарка свечи он казался жилистым и сухим, как выглаженный всеми ветрами древесный ствол. Только вот, в отличие от сухостоя, он не ломался под ударами невзгод.

Мыться вместе...

— Эй, молодые, кваску возьмите!

— От благодарствуем! — Джастер снова меня опередил, приоткрыв дверь и забрав запотевший кувшин.

— Легкого пару вам!

— Ага!

Воин спокойно закрыл дверь, поставил кувшин на стол. Два шрама — на груди и боку, — заметно белели.

— Ты что не раздеваешься, ведьма? Хочешь грязной ходить?

Я замотала головой, стараясь не смотреть на него. Но он всё понял без слов.

— Что ж, может, ты и права. — Джастер легко преодолел разделявшие нас полшага, и, взяв меня за подбородок, заставил посмотреть себе в лицо. От того, что он так близко и, в то же время, так холоден, на глаза наворачивались слёзы обиды.

— Мужчин на свете много, Янига. Ты ещё не видела других и не знаешь других. Твоего первого можно не считать. Ты знаешь только меня, поэтому увлеклась и решила, что это любовь. А это не так. Ты — ведьма, а для любой ведьмы мужчины — просто игрушки. Их легко менять, как платья. Но я — не все. Поэтому между нами ничего...

Что?! Так он в моих чувствах сомневается?! Да как он смеет?!

Я дёрнула головой, освобождаясь от его руки.

— А меня ты спросить опять забыл?! Сам всё придумал и сам всё решил, да?! Ты только о себе и думаешь! А я... Я тебе тоже не все, между прочим!

Джастер опасно сощурился, но я уступать не собиралась.

— Да ладно. И чем докажешь, ведьма?

Несколько раз я закрыла и открыла рот, пытаюсь найти нужные слова, когда меня вдруг озарило.

«Не верит он...» «Думает с тобой остаться или другую искать пойти...» «Поражение

потерпел в битве любовной...» «Ревнует он тебя...»

«Мужчины — игрушка...»

— Ты боишься, что я тебя брошу, да? Поэтому думаешь как уйти самому?

Джастер выпрямился и закаменел. Буквально на несколько мгновений, но мне хватило, чтобы всё понять.

Бесполезно. Все мои мольбы и надежды — бесполезны.

Глупая ты ведьма, Янига. Глупая.

— Дурак ты, — я отвернулась от него и без сил опустилась на скамью, бездумно теребя нитку с бусинами на запястье. Слезы обиды и боли текли по лицу. Горько... как же горько и больно, что он так обо мне думает...

— Не буду я тебе ничего доказывать... Ты всё равно не поверишь... Ты же меня за дурочку деревенскую всё время держишь, а я не дура! И других я видела! Всяких видела! Что, думаешь, к нам с Холиссой только девки и бабы за зельями бегали?! Я всяких насмотрелась, плохого от хорошего отличить уж умею! И спать для этого с ними не обязательно! Думаешь, я не видела, что ты на других не похож?! Да с самого начала видела! А ты... Ты всё равно сделаешь, как решил... Поэтому на, забирай его и делай, что хочешь! Собрался — так уходи! Иди и ищи себе умниц красивых или кого ты там любишь! И связывайся с ними, сколько хочешь! Тебе всё равно до меня дела нет!

Я дёрнула нити изо всей силы, но несчастные бусины не заскакали и не покатались по полу. Обе нити врезались в кожу, оставляя красные ссадины, и не желая рваться. Я дёрнула снова и снова, захлёбываясь рыданиями, когда вдруг мои запястья оказались в надёжных оковах жёстких пальцев.

— Не... не надо, Янига, — тихо и хрипло сказал Джастер, опустившись рядом со мной на одно колено. — Пожалуйста.

Я подняла на него зарёванное лицо. Шут смотрел в пол, но держал мои руки осторожно и бережно, как всегда. Тёмные волосы рассыпались на макушке нематыми прядями, но даже так я слышала запах клевера.

— Т-ты...

— Прости, — он крепко меня обнял, прижав к себе. — Прости. Я не должен был так говорить.

Я тихо всхлипывала, уткнувшись носом ему в шею и чувствуя щекой мягкую бороду, а Джастер легко гладил меня по спине и волосам.

— Прости. Я... я был не прав.

В ответ в душе встрепенулась надежда, и сердце отчаянно забилося, как у птицы. Но я тут же прикусила губу, чтобы прийти в себя.

Нет. Это всё не так. Он просто меня успокаивает. Как обычно.

— Не извиняйся, — я попыталась отстраниться от него. — Я всё равно для тебя...

— Дурой не будь, — тихо перебил он, не выпуская меня из рук. — Не начинай снова.

— Сам дурак... — так же тихо буркнула я в ответ, ещё сердясь, но уже веря ему. Потому что...

Потому что вдруг поняла, что его привычной стены между нами больше не было. Точнее, она осталась где-то там, далеко, для... для чужих.

Он по-настоящему был рядом со мной.

От этой проникновенности в глаза опять защищало, но я собрала волю в кулак, чтобы не разреветься снова.

— Я тебе не другие ведьмы. И перестань меня с ними сравнивать.

— Не буду, — он мягко и еле заметно улыбнулся, проведя ладонью по моей щеке и вытирая пальцем следы от слёз. — Пойдём мыться, Янига. А то баня остынет, пока мы отношения выясняем.

Конечно, баня не остыла, поэтому мы успели и помыться, и попариться. Точнее, парился Шут, пока я отмывала волосы. Квас, хотя и согрелся, после купания оказался очень кстати. Жаль только, что одеваться пришлось в старое, но выбора не было. Чистую одежду у Вольты я не попросила, да и неловко было бы просить: своё надо иметь.

Джастера же ничего не смущало. Шутил он тогда у озера про «постирал» или нет, но его рубаха выглядела чистой, как и штаны.

Когда мы вышли из бани, Томил сидел на крыльце и о чём-то негромко разговаривал с Вольтой. Завидев нас, женщина заулыбалась и скрылась в доме.

— Хороша банька у тебя! — довольно сказал Джастер, подходя к крыльцу. — Хорошо помылись — как заново родились!

— Банька справная, я в том толк знаю, скока их поставил ужо... А ты, я гляжу, никак ишшо и масть сменил, трубадур? — словно невзначай поинтересовался Томил, с прищуром разглядывая нас обоих. — Да и деваха твоя потемней, кажись, была.

Масть сменил? Ну конечно! Краска же смывается!

Хотя прежний цвет не вернулся, но у меня и в самом деле пробивалась рыжина, да и шевелюра Шута не была такой тёмной, как раньше.

— А как же, — Джастер и не думал отпираться. — С дороги-то грязи сколько отмыли, вот и масть посветлела. В городе-то вашем гостей не жалуют, за спасибо и воды не подадут, а о бане там и не слышали поди.

Вышедшая на крыльцо Вольта фыркнула в ладошку, держа в другой руке какой-то свёрток, и я тоже не сдержала улыбку.

— Готово всё, проходите, — позвала в дом хозяйка. — А ты, Янига, подь-ко сюды.

Мы завернули за угол дома, и Вольта встряхнула свёрток, разворачивая чистую рубаху и верхнее платье из красной ткани. Не домотканое, а покупное. Свою жену Томил любил и баловал.

— Давай-ко, перемени. Негоже после баньки да за стол в дорожном-то.

Я смутилась, но Вольта и слушать не захотела.

— И-и, девонька, ты мне дитяtko долгожданное спасла, неужто я для тя одёжу пожалею?! Сымай давай, состирну, потом заберёшь!

Спорить я не стала и пока переодевалась, Вольта сгребла мою одежду и унесла в баню.

— Пойдём, девонька, — она подхватила меня под локоть. — А то мужики наши ужо трапезничают, а мы с тобой всё гуляем.

Такого изобилия я не видела очень давно. Вольта расстаралась, и стол буквально ломился от мисок, плошек и блюд. Тут были и пироги разных видов, и хлеб, и сливки, и сметана, и каша, и колбаса, и сыр... Посреди стола дымил горшок с наваристой мясной похлёбкой, от одного запаха которой у меня заурчало в животе. Я смутилась, но Вольта с ласковой улыбкой подтолкнула меня к столу, где уже сидели Шут и хозяин дома. Перед ними в глубоких мисках парила похлёбка и стояли пузатые кружки, наполненные пивом.

Покосившись в мою сторону, Джастер одним коротким взглядом оценил новый наряд и одобрительно кивнул, а Томил крикнул и приосанился под насмешливым взглядом жены.

— Садись, Янига, угощайся, — Вольта указала мне на лавку.

Дважды я себя уговаривать не заставила. Хотя у меня живот к спине и не прилип, но сытно в последний раз мы ели у домэров, и было это два дня назад...

Джастер ел быстро, но удивительно аккуратно и со вкусом, умудряясь не оставлять крошек на короткой бороде и усах. В рот то и дело отправлялись то ложка наваристой мясной похлёбки, то кусок пирога, то ломоть хлеба, сдобренный сметаной, то кусок колбасы. Запивал Джастер и квасом, и пивом, не забывая нахваливать и хозяев, и угощение.

Томил же наоборот, не спешил и ел умеренно, подолгу жуя и каждый раз разглаживая усы и бороду.

— Да ты видать, и впрямь оголодал с дороги-то, трубадур! — посмеивался он, чинно и с достоинством зачерпывая из миски суп. — Ишь, как сметаешь всё! Неужто все силы на песни ушли? Али на другое что?

— Угу, — кивнул Джастер, прожёвывая очередной пирог. — На песни и на другое. Вот впрок и наедаюсь. Когда ещё такой вкуснотой накормят-то? У вас тут народ не шибко гостей любит, как я погляжу. Пой — не пой, а и сухарём не угостят!

— Есть тако дело, твоя правда, — крестьянин согласно закивал. — Страда самая, не до песен нонче.

— В городе-то откель страда? — удивился Шут, выбирая, какой пирог взять: с морковью или грибами. — Я думал, там песни попеть да поесть по-людски, а там последнее отберут и за твои же кровные овсом недоваренным накормят... Так с голодухи не песни петь, а волком выть.

— Да пущай он ест, Томил, — улыбалась Вольта, покачивая колыбель. — Глянь, и впрямь какой тощий-то. И ты кушай, Янига!

Я только кивала, потому что готовила Вольта вкусно, а ели мы домашнее в последний раз в Кронтуше. Сожалела я лишь о том, что в меня столько еды, как в Джастера, просто не влезет, а впрок наесться не получится.

Остаток вечера и в самом деле прошёл в байках, которые сытый Шут рассказывал одну за другой. Истории были незамысловатые и забавные, и Томил с женой смеялись от души. Да и я тихо радовалась такому неожиданному спокойному вечеру.

Джастер играл на лютне, напевая простые песенки, мы с ним по-настоящему помирились, после бани и сытной еды хотелось лечь и уснуть на мягком и чистом.

Если бы не то, как вёл себя хозяин дома при встрече, я бы и вовсе расслабилась и забыла про все неприятности.

Но теперь, когда за спиной были домэры с неожиданным появлением кхвана, Костиноград с его демоном-обманкой, я уже ждала подвох даже в самой мирной обстановке.

Успокаивали меня только слова Шута о том, что он не чувствует опасности, да холодный коготь оберега под платьем, который я украдкой иногда прижимала ладонью к груди.

После вкусного ужина, скрашенного байками и песнями Джастера, тетешканием с Фелисией и рассказами счастливых родителей о дочке, Вольта собралась стелить нам постели в горнице.

Джастер на это только улыбнулся.

— Я видал, там покос свежий, — он кивнул в сторону окна. — Дозволите на сене поспать?

— Эх, душа у тя бродячая, трубадур, — покачал головой Томил. — Неужто не спится те

под крышей?

— Летом под небом слаще. — Улыбка Джастера была настолько мечтательна, что не устоял бы и камень.

— А тебе, Янига? — обратилась ко мне Вольта. — Постелить в горнице?

Я чуть было не ответила согласием, когда заметила, как откровенно и выразительно смотрит на меня Джастер. Под этим взглядом я не выдержала и покраснела, а сердце в груди забилось как у птицы.

«Тянет его к тебе, сильно тянет...»

«Дурой не будь, ведьма...»

Он что... серьёзно? Он... Он правда этого хочет?!

— Эх, жона, что ж ты недогадлива така стала, — крестьянин тоже всё понял. — Что ж он, зря девку из дому сманил? Дай им постелю-то, пушай отдыхают с дороги.

— Вот спасибо, — Джастер с улыбкой поднялся из-за стола. — А постель я и сам отнесу, чай руки не отвалятся. Янига, держи лютню, не урони только!

Кроме постели он нёс и остальные наши вещи.

На сеновале было тепло и вкусно пахло сухими травами.

Джастер легко забрался наверх вместе со всей поклажей. Пока я поднималась по лестнице, в сумерках осторожно ставя ноги на перекладыны, и стараясь не наступить на подол нового платья, он уже успел расстелить одеяло.

— Джастер...

Я наступила в сено и провалилась по щиколотку. Но тут же была подхвачена под руку и опрокинута на постеленное. Я даже пикнуть не успела, как Шут оказался рядом.

Очень рядом. И без рубашки.

— Джа...

— Тихо, ведьма. Иди сюда, пока не передумал.

Великие боги... Как же он целуется... У меня голова кружится...

Где-то далеко негромко стукнула дверь, зазвенел цепью пёс, но всё это было неважно, потому что Джастер такой горячий и...

— Эй, трубадур, спишь што ле? — раздался внизу негромкий голос хозяина дома.

Шут освободил руку из-под моей головы и глянул вниз, пока я давила в себе неожиданную злость на так не вовремя вмешавшегося Томила. Ну что ему стоило прийти попозже?

А ещё лучше — утром?!

— Не сплю.

— Подь сюды, потолковать треба.

Я встревожено посмотрела на Джастера, но он только приложил палец к своим губам, потом к моим, спокойно натянул рубаху и соскользнул вниз.

Вздохнув, я поправила платье, ещё ощущая прикосновение на губах. Вот как так у него получилось? И поцелуй, и обещание, и просьба о молчании...

— Чего звал-то? Я уж задрёмывать хотел.

— А зазноба твоя спит?

— Спит. И я хочу, уж не обессудь.

— Ты погодь, трубадур. Послухай, чево скажу, а потом уж сам думай.

— Говори.

— Ты обмолвился, что в Чомрок идёшь.

— Собираюсь, а что?

— Не ходи туда, трубадур. Прямой дорогой не ходи и кривой остерегись. Худо там. Ужо не знаю, где правда, где нет, но слыхал я, лютуют в той стороне разбойники дикие.

Всё мое расслабленное настроение вместе с досадой как рукой сняло.

Разбо... Ну конечно! И стражник в Кронтуше говорил, что на юге разбойники распоясались! И... и господин Эрдорик тоже говорил про банду, которая...

— Дикие, говоришь? — спокойно переспросил Шут. — А в чём дикие?

— Молва дошла, — Томил понизил голос и мне приходилось прислушиваться, — не простые то разбойники, а нелюди самые что ни исть! Нечисть и нежить, так-то! Слыхал я, ужо три деревни они пожгли, никого не оставили...

В ужасе я зажала рот ладонями, чтобы не выдать себя. Три деревни... и никого в живых... Великие боги... Выходит... выходит это та самая банда, которая...

— Так уж прям и никого? А кто ж тогда молву пустил? — усомнился Джастер.

— Э-э, не веришь ты мне, трубадур, а напрасно, — обиделся крестьянин. — Себя не жалко, девку свою пожалей! У старосты нашего в Тирешках жонина родня была — ни души не осталось... Жона евона как услышала весть таку — так умом и тронулась... С моста в реку сиганула, и достать не успели, утопла...

— Так ты потому весь вечер сам не свой?

— Добрый ты, трубадур. И девка у тя добрая. — Снова вздохнул Томил. — А токма супротив нечисти доброта ваша — тьфу! Пропадёте за ломаный медяк... Жону я вестями такими пужать не хотел, она токма оправилась, дочке душа радуется. А как подумаю, что ж за изуверы по лесам бродют... Эх! Страшно мне, трубадур! Только счастье изведаль, а эвон беда кака рядом ходит...

— Рано ты собрался нас хоронить и сам помирать! — Джастер похлопал Томила по плечу. — Далёко Тирешки отсель?

— Пёхом почитай, седмица. А верхом за три дни доскачешь. За рекой они были...

— А молва когда пришла?

Хозяин дома помолчал, видимо считая дни.

— Аккурат мы с городу вернулись, за день и пришла.

Выходит, новости о разбойниках всего дня три? Или четыре?

Мне стало настолько не по себе, что я не сразу поняла, что судорожно сжимаю в кулаке коготь ожерелья.

Холодный. Как обычно. Ничего страшного, Янига, успокойся...

— И что ж никто этих разбойников не ловит?

Ответом был тяжёлый вздох. И без слов ясно: ловят или нет, а банда эта страшная.

— Пожалей хоть девку свою, трубадур, — снова вздохнул Томил. — Хороша же ж она у тебя! И травница знатная, таку пойдя поищи! Не пощадят ведь, звери... И лошадушки вам не помогут! От нежити да от нечисти спасу-то никому нету!

— Хороша, — согласился Шут. — А про нечисть с нежитью откуда молва?

— Не ведаю я того, и не хочу! — хмуро ответил крестьянин. — Молва така идёт, а люди зря говорить не станут.

— Понятно, — спокойно протянул Джастер. — А про умертвия, часом, ничего не говорят люди? Тихо на погостах-то?

— Демоны тебе на язык! Ишщо чево удумал! Да как те такое в ум-то пришло?!

— Тихо, значит, это хорошо... — воин снова похлопал Томила по плечу. — А пришло, потому как много разного я видал, чего тебе и не снилось. Только ни к чему на ночь глядя пугалки рассказывать, лучше спать лечь.

— Эх, трубадур, поёшь ты сладко, да одни байки у ты в башке... И как ты девку-то таку из дому сманил? По виду не глупа она, да и травница знатная, а видать, задурил ты ей голову байками своими да ещё чем...

— Ты за неё не переживай, — судя по голосу, Джастер улыбнулся. — Давай спать лучше, утро вечера умнее. Завтра подумаю, как нам беду твою обойти.

— Подумаешь?

— Непременно.

— На рожон не полезешь?

— Не полезу.

Томил вздохнул, похлопал Джастера по руке и пошёл к дому, а ступеньки лестницы тихо заскрипели под весом поднимающегося воина.

— Джастер?

— Не бойся, Янига, — он вытянулся рядом, а сверху нас укрыл знакомый шелковистый плащ. — Всё хорошо.

Его пальцы зарылись мне в волосы, а сам он навалился на меня сверху, легко касаясь губами лица. Борода и усы у него оказались мягкими и немного щекотными.

Это было очень приятно и волнующе, но меня не отпускали страх и тревога.

— Джастер, постой... а разбойники?

— Тебе меня одного мало, ведьма?

— Джастер!

— Да нет их тут, успокойся уже. Далеко они и сюда не сунутся, людно слишком. А нечисть и нежить вообще реку не перейдёт.

— Ты...

— Уверен я, уверен. Или ты передумала?

— Нет, но...

— Вот и хватит болтать. Иди уже сюда. Я соскучился.

21. Чернецы

Спали мы с Джастером долго, до позднего утра.

Хотя сквозь утреннюю дремоту я слышала, как орал петух, как Вольта ходила доить Пеструху, а затем выгоняла корову на пастбище, но это всё было где-то там, далеко, и меня не касалось. Несколько раз тьякнул пёс, гремя цепью. Приходил к сеновалу Томил, и кажется, даже ступеньки лестницы скрипели под его ногами. Но Джастер, обнажённый и горячий, спал рядом, обнимая меня и защищая от всех бед и тревог мира. И я, счастливая, прижималась к нему и снова погружалась в сон.

Разбудил нас Томил, уставший ждать, когда гости, наконец, соизволят вылезти из сена и постели.

— Слышь, трубадур! Ты всё ишшо спишь, што ле? Соседи прознали, что вы у меня гостите, хотят прийти к травнице твоей, совету поспрашать.

Что?! Совету у травницы? Да что же я делать-то буду?!

Весь сон с меня мигом слетел. А Джастер сел, зевая и потягиваясь. С его ног соскочила потревоженная кошка и уселась в стороне, недовольно щурясь.

— Пусть приходят, — глянул он вниз. — Добрым людям отчего не помочь. Нам бы токма умыться да перекусить чутка, а там и людей послушать — повеселить можно...

— Тады я схожу, созову, а вы покуда собирайтесь да в дом ступайте! Вольта на стол шустро соберёт!

Томил направился к воротам, а Джастер снова зевнул и посмотрел на меня.

— Что пригорюнилась? — негромко спросил он.

— Я не умею лечить! — тихо зашипела я в ответ. — Я...

— Не волнуйся, — он мягко улыбнулся. — Что знаешь, то и говори. А с остальным пусть к лекарю едут. Ты всё же не целительница, дар у тебя другой.

Да уж, другой...

— Одевайся и пойдём умываться, и обедать, Янига. — Джастер приобнял меня, легко поцеловав в макушку. — Только дай гребень, я тебе косу заплету. А то у тебя сена в волосах набилось — на два гнезда хватит.

Я сердито попыталась ткнуть его кулаком в бок, но он негромко рассмеялся, легко опрокидывая меня на спину и придавив собой.

— Какая ты боевая ведьма, Янига. Жаль, времени сейчас на эти игры нет. Вставать надо.

— Вот и слезь с меня! — фыркнула я, сердясь на его правоту. Ну что ему стоило пораньше проснуться и меня разбудить?

— А то скоро люди придут, а ты...

— Одевайся и гребень с лентой давай, — спокойно ответил воин, снова садясь и вытряхивая сено из своей шевелюры.

Томил вернулся, когда мы уже умылись и сели за стол обедать.

— Почто у вас в городе гостей-то не любят? — Джастер наворачивал обед так, словно его неделю не кормили.

— Э-э, трубадур... Любят, как же не любят... Токма нонче летом, гряд, герцог наш с наместником королевским в пух распетушился и велел налоги собрать до урожая. От королевские стажи-то всё нажито и вывезли... С деревень грозят после страды всё собрать... А потом герцог заявится, остатки заберёт... Как зиму переживать будем...

— Не грусти, — Шут похлопал Томила по плечу. — Шанак своих детей в беде не оставляет.

— Энто кто ишшо? — удивился крестьянин. — Кто таков?

— А ты вот людей позови, я и расскажу, — улыбнулся Шут. — Всех сказками потешу.

— Страда же ж, в поле люди-то!

— А ты вечером позови. Коль дозволишь, мы у тебя ещё ночку переночуем перед дорогой.

— Ночуйте, — кивнул Томил, но больше сказать ничего не успел.

— Я соседей созову! — вмешалась Вольта. — На вечер и созову! А то ужо соседки да ребятня все глаза проглядели да уши прослушали по забору-то.

— Да рази ж все в избу-то влезут?! — охнул Томил.

— А ты к дому позови. Двор у тебя большой, девки с парнями постоят-попляшут, а остальных хоть по скамьям посади. А я и с крылечка сказки посказываю да песни попою.

— И впрямь, Томил! — воодушевилась Вольта. — Праздник-то какой людям-то! Кады ишшо трубадур к нам забредёт? Он как поёт голосисто да сладко!

— Зови, — махнул рукой крестьянин. — А ты, трубадур, помогай тады, к гостям готовится. Чай не токма на струнах тренькать да девок щупать могёшь?

— Что могу — то могу! — широко улыбнулся в ответ Джастер, облизывая ложку и кладя её на стол. — Ну, пошли, что ли. Говори, чем помочь.

Пока крестьянин и Джастер занимались делами во дворе, я помогала Вольте убирать со стола, а затем сходила за своей сумкой.

Женщина выделила мне угол, где я могла бы спокойно поговорить с хворыми, коих во дворе уже набралось несколько человек. Среди них были двое стариков, трое женщин разного возраста и одна старушка с маленьким ребёнком.

Сама хозяйка покормила Фелисию, наново спеленала в люльке, прибрала волосы под платок и собралась по соседям, оставив на меня спящего ребенка и дом.

— От водица, от горшки, коли понадобятся. Побёгла я, куда доча спит.

Вольта вышла на крыльцо, перекинулась словами с хворыми, приглашая их в дом и скрылась за воротами.

Я уж было испугалась, что все страждущие войдут в дом толпой, но первой вошла старушка с правнуком, жалуясь, что он орёт с вечеру и до утренней зорьки, спасу даже ей, старой, нету. Поговорив с ней, я поняла что у дитяти обычные колики, и посоветовала поить его слабым настоем укропа.

Старикам помогли мои отвары от болей в суставах, каким я поила Даэ Нану, а женщины просили средства от лунных болей, а одна ещё и от дурной болезни.

Услышав такую просьбу, я чуть было не начала предлагать свои ведьмовские услуги, но вовремя опомнилась, увидев в окно, как возвращается Вольта. И потому просто достала из сумки нужное зелье и вручила счастливой женщине, объяснив, как его использовать.

Наградой за работу мне стали свежий сыр, связка сочного лука, несколько медных «шипов», шелковая голубая лента, бусина зелёного стекла и даже горшочек с мёдом.

Косясь в окно на двор, где Вольта зацепилась языками с последней страдальцей, я складывала всё в сумку. Как же вовремя Джастер мне её сделал! И как удобно...

Зелёную бусину я решила убрать в мешочек с остальными, но взяв в руку, невольно залюбовалась. Большая, чуть приплюснутая, густого и насыщенного цвета с радужными переливами на внутренних неровностях, она так и просилась на мой браслет. Только вот я не была уверена, что ей там место.

Ничего же не случилось, чтобы новую бусину добавлять.

Дверь в дом негромко стукнула, и я убрала красоту в сумку. Потом Джастеру покажу, похвалюсь. Такие бусины по серебряному «лепестку» стоят. Дороже только из камней да серебра с золотом.

Довольная прогулкой Вольта в первую очередь заглянула в люльку. Налюбовавшись посапывающей дочей, она попросила меня посидеть с Фелисией ещё немного, а сама отправилась в огород, чтобы собрать овощей и зелени к ужину и напечь нам в дорогу пирогов.

До ужина я помогала Вольте по хозяйству.

Вечером и в самом деле получился праздник. Народа пришло столько, что наделанных Томилом и Шутом скамей едва хватило. Бабы и девки успели принарядиться, девушки переглядывались с парнями. Мужики расселись на скамьях, уступив старикам самые

почётные места. Детишки постарше, тихо проскользнувшие в открытые ворота, приютились в тених у сеновала и конюшни, веря, что их никто не заметил.

Вольта в горнице кормила дочку, распахнув окно, чтобы не пропустить сказки. Я стояла на крыльце за спиной Джастера, который тихо ласкал пальцами струны, настраивая лютню. Поужинали мы вкусно, и настроение у него было хорошее.

— Потешь нас сказками да песнями, трубадур, — обратился к Шуту староста. — Томил баял, мастак ты байки сказывать да песни петь.

— Чем вас потешить наперво: сказками, али песнями? — в тон ему ответил Джастер.

— Сказками! — крикнул кто-то из девушек.

— Песнями! Весёлыми! Плясовыми! — тут же закричали парни.

Некоторое время стояла разноголосица, и я уж забеспокоилась, как бы до драки не дошло, когда Джастер провёл рукой по струнам так, что люди замолчали.

— Пока кровь горяча, пока солнце у плеча, потанцуйте-ка девчата, каблучками постучав!

Озорная бойкая мелодия потекла из-под пальцев Шута и ноги сами запросились в пляс. Я до десяти сосчитать не успела, а посреди двора уже плясали парни и девушки, да и многие мужики переглядывались со своими жёнами.

— А ты что плясать не идёшь, Янига? — негромко спросила меня Вольта, вышедшая на крыльцо с полным кувшином воды в руках.

— Я не хочу, — признаваться ей, что плясать просто не умею, было очень стыдно. Меня же считают обычной деревенской травницей, а не ведьмой.

Одно дело в лесу Джастеру на ноги наступать, и совсем другое — перед целой деревней своим неумением опозориться.

— Да никак он у тя не только к делу ревнив, — поняла она мой отказ по-своему. — И то верно, таку красу как не беречь! Токма болит у меня сердце за тебя, девонька! Разве ж это девичье дело — по дорогам бродяжить! Травница ж ты, не ведьма кака! Голос-то да краса они у мужика не главные. Мужик работающим быть должен, дом семье срубить, тебя с дитями прокормить. А твой хучь сердцем добрый, да душой бродяжливый. Не усидит он на одном месте. Мож одумашься да поменяшь его на хорошего парня, а?

От этих слов мне стало совсем неловко. Как она может так говорить, он же слышит всё!

Хотя мелодия не прервалась, и даже не запнулась, но напряжение и внимание Джастера я ощутила всей собой.

Только вот Вольта этого не замечала.

— Осталась бы ты, Янига, у нас. Травница ты добрая, к работе домашней привычная, собой хороша, приглядишь получше, мож кто из наших парней тебе глянется? Мы уж с Томилом те приданое како справим...

«Ты — ведьма, а ведьмы меняют любовников как платья... Только я тебе — не все»...

И я — не все.

Джастер закончил играть, давая танцорам передышку и делая вид, что настраивает лютню.

Но я знала, что он ждёт моего ответа. Вон, даже струна надрывно тенькнула....

И ведь не подойти к нему при всех, не обнять...

Настроение испортилось и стоять на крыльце сразу расхотелось. Но и вот так уходить и бросать Джастера одного — тоже нехорошо. Я хочу его песни и сказки послушать, а не новую ссору затевать.

— Ой, зарумянилась-то ты как! Нежто кто из парней уж глянулся?

— Нет! — я замахала руками, чтобы она точно поняла правильно. — Нет! Я лучше за Фелисией погляжу, а вы с Томилом попляшите!

— Ой, погляди, милая, погляди! — обрадовалась Вольта, и с улыбкой отступила, пропуская меня в дом. — Ох, как давно я не плясала...

Она поставила кувшин возле Джастера, которой молча и с вежливой улыбкой кивнул в благодарность и поспешила к мужу, о чём-то говорящему с соседями.

Кинув на Шута короткий взгляд, я ушла в дом. Но мне показалось, что ему немного полегчало.

Фелисия мирно спала в своей люльке, и я устроилась на лавке возле окна так, чтобы меня было не сильно заметно. Двор и крыльцо хорошо видно, Шута тоже прекрасно слышно.

На хорошего парня его поменять? Нет уж, пусть деревенские парни на своих девок смотрят.

Мне нужен Джастер. И ссориться с ним из-за такой ерунды я совсем не хочу.

После нескольких танцев и песен воин промочил горло водой из кувшина и, судя по голосу, усмехнулся.

- Поведаю-ка я вам сказку старую, времён минувших, — под красивый перебор струн звучно заговорил Шут. — Было это давным-давно, когда не было на земле людей, да и самой земли ещё не было...

Я слушала напевную легенду о Шанаке и Датри, качала люльку и думала о том, что может, душа у Джастера и бродяжья, но я с ним счастлива.

Сказок Шут поведал ещё несколько, перемежая их танцами и песнями. Одна из песен к моему удивлению, повествовала о «Могучей ведьме-защитнице и доблестных домэрах, ужасного демона победивших».

Пел он её на моём языке и я только поражалась, когда он успел её перевести. Песня людям понравилась, хотя и вызвала споры: врёт трубадур или привирает? Джастер посмеивался, а я только радовалась тому, что он не упомянул имя ведьмы. Тем временем Шут начал новую сказку о богах и магах, пресекая споры.

Праздник закончился в сумерках. Довольные крестьяне благодарили хозяев и трубадура, и расходились по домам.

Вольта, зевая, принесла пустой кувшин, Томил закрывал ворота, а воин спустился с крыльца и направился на сеновал. Я пожелала Вольте доброй ночи и поспешила за Джастером.

— Если у тебя есть вопросы, то пусть они подождут до завтра, — сообщил он мне, когда я забралась по лестнице. — У меня язык уже лыка не вяжет.

Я забралась к нему под плащ, и он приобнял меня. Лежал он в одежде, значит...

— Завтра утром мы уходим, Янига. Если ты не передумала остаться и обзавестись домом и мужем.

Я только покачала головой, обнимая его в ответ.

И почему-то мне казалось, что он только теперь окончательно успокоился.

— Куда мы пойдём?

— В Чомрок.

Всё мое расслабленное настроение как ветром сдуло.

— Джастер...

— М?

— Если не мы, то кто, да?

Он вздохнул и обнял меня крепче, прижимая к себе.

— И это тоже. Оставлять такого врага за спиной точно не стоит. К тому же, это самая короткая дорога к вашему наделу.

— Тоже? А что ещё?

Он молча подцепил пальцем нитку с бусинами на моём запястье.

— Потому что нам — туда, ведьма.

Я обхватила браслет ладонью, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

Потому что судьба. Всё остальное он мог бы и не говорить.

Мне стало страшно.

Я боялась не только появления новой бусины, приближающей момент моего расставания с Шутом.

Меня страшило понимание, что светлой она не будет.

Зелёную красоту захотела, ведьма? Ха...

Красными бисеринами Джастер отметил случаи, когда и я, и он оказались на грани жизни и смерти. Чёрная бусина стала символом очень сильной и глубокой ссоры, после которой он едва смог меня простить.

Мне казалось, что новая бусина пахнет кровью и горьким дымом.

С одним демоном Джастер наверняка сможет справиться. С обычными разбойниками тоже.

А с бандой нежити и нечисти?

— Спи, Янига, — Шут погладил меня по голове, и я ощутила на макушке тёплое дыхание, прогоняющее все дурные мысли. — Спи и ничего не бойся. Всё будет хорошо.

Он легко гладил меня по спине и волосам, и я уснула с ним в обнимку.

Следующим утром Джастер поднял меня на рассвете. В полумраке сеновала я видела, что он хмур и мрачен и не стала приставать с вопросами. Косу на ночь я не расплетала и потому на ощупь просто стряхнула приставшую солому.

Недовольная кошка снова покинула ноги Шута, но в этот раз она ушла, презрительно задрал хвост.

— Почему она на тебе спит?

— Тепло, — хмыкнул Джастер, вставая и собирая вещи. — Ты же тоже ко мне всё время прижимаешься.

— Я не поэтому! И не смотри на меня так! Не только поэтому!

— Пойдём, Янига, — он потянул на себя нашу постель, заставляя меня встать. — Дорога у нас сегодня длинная.

Когда я спустилась вниз, то поняла насколько тепло было наверху. По земле стелился туман с реки, укрывая огороды и даже часть дома, небо только розовело, и было очень зябко. Я развернула плащ и накинула на плечи. Середина лета, а уже так холодно по утрам...

Джастер легко спрыгнул, минуя лестницу, и встал рядом, закинув на плечо лютню и свою торбу. В руках он держал нашу свёрнутую постель. Выглядел он мрачным и хмурым.

Наверняка думает, как нам живыми из этой передряги выбраться.

Впрочем, я тоже не горела радостью ехать навстречу с разбойниками. Моих воинских умений хоть бы на одного разбойника достало. Вся надежда на Шута.

Томил, в надетом поверху рубахи корзуне, кормил Огонька и Ласточку.

— Пойдёмте завтракать, што ле, — негромко сказал он, лишь раз коротко взглянув на Джастера и тут же снова отведя глаза. — А вещи покуда можете у сёдел сложить.

Завтрак прошёл почти в молчании. Вольга поглядывала то на меня, то на Джастера, но я смотрела в миску с кашей. Шут же молчал и выглядел хмурым, и когда Томил вдруг хлопнул ладонью по столу, я невольно вздрогнула.

— Вот што. Негоже так-то, как на поминках, в дорогу гостей пушцать! Ты, трубадур, на мою жону не серчай. Не от дурных мыслей и не со зла она зазнобу твою отговаривала, а потому как по сердцу она ей пришлась, аки доча старшая. Да и я не прочь...

— Я знаю, — спокойно ответил Джастер. — Я не сержусь. А дочка у вас своя есть, родная и любимая. Вот и растите себе и другим на радость.

Вольта закрыла лицо руками и разрыдалась, сбивчиво виноватясь и прося прощения.

Томил обнимал жену за плечи, пытаюсь успокоить, я просто не знала, куда деваться от неловкости и стыда. А Шут вдруг мягко улыбнулся и вокруг словно посветлело.

— Ну что вы на ровном месте страсти такие развели? Все живы, никто не помер, чего реветь-то? Я вот проснутя пытаюсь и поесть хочу в дорогу вкусно, а вы и впрямь как поминки устроили.

Не выспался он, как же. Безобидным отговорился.

Когда не выспался, он другой. Хмурый тоже, но зато бурчит недовольно и хамит всем подряд.

А вот когда он хмурый и молчит...

Правильно Вольта у него прощения просила.

— Кушай, милай, кушай! — обрадованная женщина одной рукой вытирала лицо кончиком платка, а другой двигала к Джастеру тарелки со сметаной и вчерашними пирогами. — И ты, Янига, кушай, не стесняйся!

— С удовольствием! — воин переменялся в одно мгновение. Ни следа от мрачности и хмурости. Сидит себе за столом молодой трубадур и ест, как будто с долгой дороги.

— Когда теперь так поешь вкусно... К слову, а ведьм у вас тут давно видали?

— Э-э, чаво вспомнил! — Томил с явным облегчением махнул рукой. Понял он истинную причину недовольства Джастера или нет, но перемену настроения почувствовал и заметно обрадовался, что на Вольту никто не сердиться.

— По младости моей да по ребячеству, почитай, каждое лето в город шастала. Ух, и хороша была баба! Рыжа, что лиса, и хитра также! А уж норовиста, что кобылица необъезженна. Всё должно быть по-ейному! Не приведи демоны слово поперёк молвить, али глянуть не так! Ух, ярилась крепко, такие проклятущи слова молвила, что на коленях по три дни не вставая прощенья вымаливали! С годами-то остепенилась, люди сказывали. Ужо почитай, какое лето ни слуху, ни духу.

— А звали её как, не припомните?

Томил задумчиво почесал бороду, покосился на жену, которая покачала головой.

— Не припомню. То ли Векшей кликали, то ли Ваштой...

— Вахала, может?

— Твоя правда, так и кликали! — обрадовался Томил. — А ты почто спрашиваешь-то?

Неужто нужда кака?

— У меня нужды нет, — улыбнулся Шут. — Люди вот иной раз любопытствуют, не знаю ли где ведьму найти.

— И то верно, — закивала Вольта. — Травница в ведьмовских делах не сведуща, к делам колдовским дар нужен.

Я смотрела в миску и ела кашу, не вмешиваясь в беседу. Значит, нрав у этой Вахалы всегда был вредный и мстительный. По три дня прощение вымаливать. На коленях. Не вставая.

Остепенилась она, как же...

Озверела совсем.

Я-то думала, что Холисса строгая и суровая. А она куда отходчивей, оказывается...

А я и вовсе... добрая.

Ещё и дар у меня... другой.

Да и вообще: платье не чёрное, на руке браслет, на шее — оберег, волосы заплетены, травами занимаюсь...

Осталось плясать научиться и вовсе никто за ведьму не посчитает.

Как я Холиссе в глаза смотреть буду?

Она же в выражениях не постесняется...

— И куды вы теперича? — словно невзначай поинтересовался Томил. — В Чомрок?

— За реку для начала. К вечеру докуда доехать можно?

— На телеге-то к обеду до Корзуней, али к ужину до Малых Взгорок. А верхом и до Гнильцов, глядишь, доскачете.

— До Гнильцов? Что за место такое?

— Гнилое болото там недалече, вот по нему и деревню прозвали. А так-то она Чернецами зовётся, мужики тамошние уголь жгут, тем и кормятся. Энто с переправы прямо ехать, а на развилке левее брать.

— От Чомрока далеко от Гнильцов этих?

— Дён пять-шесть. С Чернецов ишо недалече дорога в другой город есть. Углежоги туда торговать ездют. Грят, богатый город, большой. Больше нашего. Название не припомню токма, не бывал я там.

— Тогда туда и поедем, — спокойно подытожил Шут, явно обрадовав Томила таким решением.

Уезжали мы с добрыми напутствиями и полной торбой еды. Я даже не представляла, как Джастер это сделал, но его торба выглядела как самая обычная. И теперь пузатилась от всего, что в неё умудрилась наложить Вольта. Томил же доверху наполнил овсом лошадиные торбы и, по его уверениям, с таким запасом мы могли ехать целую седмицу.

Я снова переделась в своё синее платье, убрав новое красное в сумку. Вольта наотрез отказалась забирать его обратно и Томил не возражал против такого дорогого подарка.

Так и получилось, что Заводи мы покинули, когда солнце поднялось достаточно высоко, а туман над рекой и берегом развеялся.

Отъехав от деревни подальше, Джастер остановился и переложил запасы так, что его торба снова стала выглядеть пустой.

До переправы мы добрались быстро. Джастер дал лошадям размяться, пуская их в

лёгкий галоп и уже скоро Заводи скрылись за ближайшей рощей, а вдалеке показался мост.

За проход по мосту нам пришлось заплатить по два «шипа», потому что конные, как пояснил нам хмурый мужичок, поднимавший жердину, которая перекрывала вход на переправу.

— День-деньской тут ездют! Кони-то копытами всё дерево изобьют, а менять на чой? Кто денежку даст, ась? Герцог чоль? Да он и рубище с бродяги сымет и пинка поддаст! Потому платите за проход!

— А коли нету денег, тогда как? — поинтересовался Шут, спокойно глядя на брёвна моста обхватом с мою талию.

Даже не знаю, сколько тут лошадей прогнать надо, чтобы такие брёвна «избить».

— А тады вона, к дальнему броду ступайте! Авось в вечеру доберётесь, да на переправе не утопните! Неча тут толпу толпить!

К мосту с того берега и в самом деле подъезжала гружёная телега и Джастер молча бросил в глиняную миску четыре медяка.

— Проезжайте! — нехотя поднял жердину охранник. — Токма не верхой! В поводу! За верхой ичо по монете!

Джастер спокойно спешился, помог мне, и мы перешли мост, уступая дорогу встречной телеге, пока за нашей спиной охранник опять с кем-то ругался.

Сразу за мостом дорога троилась и Джастер поехал прямо, как и говорил Томил. Совсем скоро вокруг нас из рощицы и перелесков стусился настоящий лес и я невольно вспоминала все те слухи, которые пересказал Томил.

Нежить и нечисть...

В начале лета я бы такие слухи на смех подняла. Но после всего, что успела увидеть и услышать...

Привирали люди или нет, но я не сомневалась, что опасность серьёзная.

Наверняка эта та же банда разбойников, которые не побоялись охраны и прошлой весной напали на торговый караван прямо посреди большого тракта, недалеко от неизвестной мне Упочки...

Ну почему, почему их никак не обойти? Великие боги, что это за судьба такая?!

Я же на каждый шорох вздрагиваю...

Чтобы хоть как-то успокоится, я решила затеять разговор.

— Джастер... Они... далеко?

— Кто? — не глядя на меня отозвался Шут.

— Разбойники.

Воин покосился через плечо.

— Ты со страху ума лишилась, ведьма? У тебя оберег на шее, а ты такие вопросы задаёшь.

Вот ведь... Пристыдил...

Я вздохнула, сжала коготь под платьем и покачала головой.

И в самом деле, как маленькая, сама себя напугала.

Холодный оберег.

И Джастер спокойно едет...

Чего переживать?

К обеду небо над головой собрало тучи и заморосило.

Джастер не стал пережидать непогоду, и мы шагом ехали по лесу вдоль дороги. Густые

кроны прикрывали от мелкой мороси, и мы не так промокли, как могли бы на открытом месте.

В сером мареве иногда появлялись голубые просветы чистого неба и выглядывало солнце, но мой плащ не успевал даже обсохнуть, как над головой снова заволакивало тучами.

Ближе к вечеру Джастер выехал на дорогу.

- Слишком медленно едем. Так до этих Чернецов и к ночи не доберёмся, придётся на мокрой земле спать. Ладно, дорога вроде не слякотная. Не отставай, Янига.

Огонёк пошёл рысью и я поторопила Ласточку.

Запах дыма мы почуяли издалека.

Только вот дым был не обычным печным, когда готовят ужин или топят бани. В этом запахе была горечь.

Сильная горечь. А ещё горе и кровь.

Изнутри птицей толкнулось пониманием: вот она, бусина...

Вместо Чернецов мы выехали к пепелищу.

Освещённые закатным солнцем остовы сгоревших домов жутко чернели на фоне умытого леса и кое-где ещё дымились, притушенные недавним дождём. Обрушенные кладки труб указывали в небо, словно костистые пальцы. Пронзительно пахло горечью и чем-то таким, о чём я не хотела даже думать.

Меня трясло от тяжёлого удушающего чувства смерти многих людей. Даже на поляне при первой встрече с Шутом ничего подобного не было.

Неужели это опять мой дар?

Джастер же нахмурился, и шагом мы въехали в бывшую деревню.

Среди сгоревших и дотлевающих остовов убитые были повсюду. Старики, женщины, дети. Все жестоко порублены, заколоты, подняты на вилы. Я никогда такого не видела. Конечно, Джастер убивал, но он это делал для защиты, а не вот так... Для забавы.

В том, что здесь убивали ради забавы — я не сомневалась.

Повсюду стоял удушающий запах горелой плоти.

С простыми жителями расправились очень жестоко. Даже детей не пощадили...

Разве люди способны на такое?!

Мне было плохо, на глаза наворачивались слёзы, но я закрыла нос и рот рукавом, сдерживая чувства.

Слезами тут не поможешь...

— Эй, люди! — вдруг громко крикнул Джастер. — Есть кто живой?!

Кто живой? Да тут же...

— Тс! — он прижал палец к губам, напряжённо прислушиваясь, а затем спешил, кинул мне повод, сунул в руки лютню и поспешил к одному из домов.

Крыша дома сгорела полностью, магица и бревенчатые стены обгорели и обрушились внутрь. Дерево ещё тлело, от горечи и дыма на глаза наворачивались слёзы, а в горле сильно першило. Здесь же нет никого...

Но Шут метнулся в развалины.

— Не разбойники, не... Нечись лесная с мертвяками, — шамкала старуха. — Куды ж людям таку страсть сотворить...

На ночлег вместо тёплых постелей мы устроились в уцелевшей лачуге на краю леса и в стороне от деревни. Точнее, это был покосившийся заброшенный сарай о трёх стенах, державшийся на честном слове. Видимо, потому напавшие разбойники его не тронули.

Стреноженные, Ласточка с Огоньком стояли в одном углу сарая, а в другом расположились спасённые.

Три женщины, старуха с дедом, пятеро ребятишек, да мужичок, тягостно вздыхавший при взгляде на родную деревню. Почти всех их нашёл или вытащил из-под завалов Джастер.

— Что за нечисть, сколько? — хмурый Джастер осматривал мужичка, Керика. Голова у него была окровавлена, правая рука висела плетью. Кто-то из женщин принёс воду в найденном ведре, и мы отмывали ребятишек, заодно осматривая их. К счастью, отделались они только синяками да ссадинами.

А может, Джастер тоже их... возвращал к жизни?

Спрашивать я не стала.

— Кто б те ответил, трубадур... — судорожно вздохнул Керик под уверенными и сильными пальцами. — Налетели под утро, перед первыми петухами... Морды звериные да хари мёртвые, сами в шкурах, молнии мечут, огнём жгут... Никого не щадили...

— Вот как. — Джастер нахмурился. — И скотину тоже?

— Скотину свели, изверги. — подал голос дед. Им с бабкой досталось меньше всего. — Сожрут, не иначе...

— И не брали больше ничего? Ни добра, ни богатства какого?

— Как же не брали, ты шо?! — отозвалась одна из женщин, Агила. — И добро брали, и девонек моих малых... — она всхлипнула, вытирая слёзы. — Глумились, убивцы... И мужа с сыночкой...

Она закрыла лицо руками, не силах сдержать рыдания, а соседки обняли её, единые в своём горе. Они все потеряли родных и близких. И я ничем не могла им помочь.

Дети, самому старшему едва стукнул пятый год, сиротливо жались друг к другу. Ребятню Джастер доставал из погребов, куда их попрятали родители в надежде спасти от беды. Трое мальчишек, и брат с младшей сестренкой, которую он всё время держал за ладошку.

Как он их выносил на руках... У меня сердце кровью обливалось при виде замёрзших, исцарапанных и едва не задохнувшихся малышей. Джастер оставлял найдёныша возле меня и спешил дальше, неведомым чутьём понимая, где искать выживших. Старшего мальчонку, обнимавшего сестрёнку-двулетку, он так и принёс, обоих сразу.

Керика, пытавшегося защитить семью, ударили по голове и сочли мёртвым. Джастер достал его из-под завала. Агила тоже успела спрятаться в погребе, но крышку завалило, и она едва не задохнулась от скопившегося внизу дыма. Нанира удачно прикинулась мёртвой, а потом пряталась от каждого шороху. Она подошла к нам сама, услышав детские голоса.

Ребятишки бабам обрадовались не меньше, чем я. Всё-таки соседи, почти родные, а я чужая, хоть и травница.

Третью женщину, Олекшу, чудом не раздавило рухнувшей матицей.

Деда с бабкой Джастер и вовсе вытащил из выгребной ямы. Запах от них, даже умывшихся, шёл тот ещё, но оба были счастливы, что живы.

Джастер закончил перевязывать голову страдальца. Легко пробежался пальцами по висевшей плетью руке и резким рывком вправил выбитое плечо. Керик взвыл от неожиданности и тут же схватился здоровой рукой за голову.

— Руку побереги до завтра, и не дёргайся. — Шут выпрямился и посмотрел в сторону деревни.

— А ты куда ж собралси, молодец?! — всполошилась старуха. — На ночь-то гляючи! Колдун же у лиходеев заправляет!

— Колдун? — приподнял бровь Джастер, ставя ведро с грязной водой обратно на землю. — Что ещё за колдун?

— Михай его кликали, Тримвеля-кузнеца сын, — отозвался дед. — Отец его мнил, что волшебником малой уродился, а не нашли в нём дара-то. Михай — то подрост, к отцовскому делу рвение проявил, а случилась у него оказия, железка кака-то погорела. Тримвель побранил да забыл, а Нахломчик-то, сынка старостин, его колдуняшкой стал кликать. Оне обеи за Каринкой бегали, она никак выбрать не могла, хвостом вертела, от он оказией и взял.

— От и добегались, — вздохнула Агила. — Осадили бы обоих-то, глядишь и беды такой не случилось бы.

— Дальше что было? — Джастер спокойно ждал продолжения истории.

— Знамо что! — откликнулась Нанира. — Кака ж девка в уме за такого замуж пойдёт? Отказала она колдуняшке, посмеялась над ним да сватами его, а он в лес с обиды да позору сбёг!

— Не в лес, а на Гнилушку!

— Да один хрен, куды! Вы бабы, все дуры-то, не могли девке язык подвязать, чтоб охальными словами не раскидывалась!

— Ты, дед, помалкивай, не твоя девка была!

— А ты, Нанира, на мово деда рот не разевай!

— А ну тихо! — негромко и грозно сказал Джастер, разом пресекая начавшуюся ссору. — Нашли время голосить. Взад, что ли, лиходеев приманиваете ором своим?

Бабы разом закрыли рты, для верности позажимав их ладонями.

— Рассказывай, дед.

— Тык, а шо сказывать? — старик покосился на соседей. — Каринка за Нахломчика выскочила, Михай, видать в Гнилушке, сгинул, а с того лету и лихие дела начались. То зверь скотину посреди бела дня задерёт, то из лесу наши не вернутся. А мы ж уголь жжом, нам без лесу никак. От семерых мужиков к осени-то недосчитались... Зиму-то пережили, а токма этим летом куды хуже стало! По окрестным деревням молва пошла, что нечисть да мертвяки по лесу бродют, да на дворы налётывают... От наши-то мужики порешили что по несколько дворов в очерёд сподручнее уголь жочь. Хучь и мало нажжом, а всё дворы не оголим. Беда-то нас стороной обходила, надеялись ужо, до осени дотянем... Эх...

Подтяжёлое молчание старик махнул рукой. Все понимали, что деревни больше нет. И тех мужиков, кто ушёл в лес на промысел, тоже больше нет.

— С того лета началось, говоришь? — Джастер нахмурился ещё сильнее. — И что ж из города помощь не позвали?

— Звали, звали! Как ни звали? — снова встрепелась бабка. — А только солдатики-то, королевски, по опушечкам да по солнышку прогулялися, закрома наши потрясли, а в Гнилушку-то не полезли... А где ж еще нежити с мертвяками жить, как не в болоте-то?

— Весело у вас тут, как я погляжу, — Шут взял ведро. — Ладно, я за водой пойду, покуда не стемнело совсем. У нас ещё лошади не обихожены. А вы хоть дров для костра соберите, да травы, что ли. Не на голой земле же спать.

Керик отправился за дровами в сторону леса. Олекша увязалась за Кериком, и мне

показалось, что она не из-за раненой руки старалась держаться поближе к нему. Агила с Нанирой и ребятишками рвали траву на лугу, я распрягала лошадей. Только старики тихонько сидели, прижимаясь друг к другу, и тихо вздыхали.

Джастер вернулся от колодца и принёс не только два ведра воды, но и отмытый чугунок, полный мелкой репы и моркови.

Пока мы с ним занимались лошадьми, женщины снаружи чистили овощи, а ребятишки со стариками устраивали постели, солнце село, а в небе показалась почти полная луна.

Пока в чугунке варился наш ужин, погорельцы собрались у костра. Ребятишек Шут укрыл нашим пологом, свернув его в несколько раз.

Джастер взял свою торбу и достал оттуда пироги, которые нам дала в дорогу Вольта. Часть мы уже съели, но оставшегося хватило каждому по половинке.

— От благодарствуем, молодец, — бабка чуть ли не поклонилась, когда Шут протянул им угощение. — Ох, спаситель ты наш...

— Ешьте, — хмыкнул воин, разламывая очередной пирог. — Мы-то хотели с дороги поесть да поспать в постели, а тут вас самих чуть не съели.

— Дядька, — старший мальчонка несмело подёргал Джастера за рукав, пока его сестрёнка тихонько ела угощение. — А ты тоже колдун? Молвишь смешно и одёжа у ты ненашинская?

— Сумик! — прикрикнула на него Агила. — Хворостины на ты нету! Шо за невежда такой?!

— Шут я, — воин ласково потрепал любопытного мальчонку по вихрам. — По дорогам хожу, людей веселю, песни пою да сказки сказываю.

На слово «сказки» малышня заинтересованно наострила уши и засверкала глазами.

— А про что сказки?! — глаза Сумика, выбравшегося из под полога, восхищённо горели. — Про зайцев? Про медведёв? А про лису знаешь? Лушка про лису страсть как любит! А на этой штуке как играть? Вот так дёргать?

— Всяких знаю, — улыбнулся Джастер, отодвигая лютню подальше от любопытных рук. — Вот поедим сперва, и расскажу. Вон, уже готово всё. Так что давай сбегай, лопухов нарви, вместо мисок вам будут. Я вон за этой стенкой видал, жирные растут.

Мальчишка с весёлым писком скатился с колена Шута, кубарем пронёсся по моему подолу и скрылся за углом, с боем отвоёвывая лопухи и ничуть не боясь стусившихся сумерек.

После ужина Джастер достал из своей торбы самые настоящие игрушки. Вырезанные из дерева звери и люди в одежде из цветных лоскутков, оживали в его руках. Джастер говорил на разные голоса, разыгрывал сказку за сказкой и не только дети, но и взрослые заворожено и азартно следили за приключениями волка и лисы, зайца и медведя, за хитрым дедом и глупым волком... Даже Лушка, которая до того всё время испуганно жалась к брату, перебралась на колени Шута и с восторгом тянула ручонки то к одной игрушке, то к другой.

Я смотрела на эти лица и глаза, и вдруг подумала, что Джастер сделал лучшее из всего, что возможно. Он подарил этим людям не только душевное тепло и покой, в котором они так нуждались. Он ненадолго вернул их в детство, когда всё вокруг кажется сказкой и даже горе и беда всего лишь испытание, а не конец жизни...

— Ладно, хватит сказок на сегодня. Спать пора, — сказал Шут, закончив очередную историю.

— Ешшо, дядька! — заканючили мальчишки. — Ешшо скажи...

— Я вам лучше колыбельную спою, — Джастер улыбнулся. — А вы все ложитесь. Утро вечера мудренее.

— Лушка, куклу дай, — Сумик попытался отобрать у сестры игрушку, которую та баюкала в ладошках. В глазах ребенка появились слёзы, но разреветься она не успела.

— Держи, — Джастер бережно сжал кулачок девчушки на кукле. — Вы тоже берите, кому что глянулось, и бегом спать.

Обрадованные ребятишки кинулись разбирать неожиданные подарки. Сумик сунул сестре лису, а себе ухватил коня и медведя. Остальные после недолгих споров поделили оставшееся.

— А как же ты-то, милоч? — Бабка покачала головой, наблюдая за счастливой ребятнёй. — Как сказки-то сказывать буш?

— Ещё наделаю, — улыбнулся Джастер, а я вспомнила, как сосредоточенно он вырезал игрушки ночами у костра. А ведь ещё и у домэров ребятишек ими одарил...

Пока Шут негромко наигрывал приятную и спокойную мелодию, дети и взрослые устраивались на ночь.

— И ты ложись, — он посмотрел на меня. Серые глаза были тёмными и глубокими.

Спать, похоже, он не собирался.

Неужели он хочет пойти искать разбойников?! Ночью?! Один?!

Я покачала головой, давая понять, что не оставлю его в одиночестве. По крайней мере, пока не выясню, что он задумал.

Шут ничего не ответил и запел.

— Спят вокруг леса и ёлки, спят ежи в глубокой норке. Ветер дремлет на ветвях, дремлют звёзды в облаках...

Мелодия журчала, как лесной ручей, глубокий и мягкий голос обволакивал, убаюкивал и уносил в сон так незаметно, что мне всё казалось: я сижу рядом с Джастером у костра и слушаю его голос, сплетающийся с музыкой...

В себя я пришла совершенно неожиданно, словно что-то меня толкнуло изнутри.

Джастера не было.

Я села, закутавшись в свой плащ, оглядываясь и прислушиваясь к ночным звукам.

Всё как обычно. Совы иногда ухают, ветер в кронах шумит, люди спят... Женщины обнимали подбившихся к ним детей, дед тихо сопел, зарывшись в траву, а Керик тяжело вздыхал и иногда негромко стонал.

Лошади тоже спали, иногда прядя ушами.

Костёр прогорел. Почти полная луна озаряла мёртвую деревню, и выглядело это... жутко.

Я не сразу поняла, что привлекло моё внимание.

Движение.

Что-то тёмное двигалось по дороге между деревней и нашим прибежищем.

Я выбежала наружу, напряжённо вглядываясь в игру лунного света и теней.

Неужели...

Чёрная высокая фигура в плаще спокойно и уверенно направлялась в мёртвую деревню. Зеленоватой холодной искрой горело навершие посоха в правой руке.

Неуловимый, глубокий, низкий звук порывом ветра долетел до меня. Я не могла бы его описать, но внезапным могильным холодом пробрало до костей.

Зелёный огонёк взметнулся вверх. И я закусила кулак, потому что над пожарищами

стали подниматься...

«А про умертвия ничего не говорят люди?»

Люди за моей спиной спали, убаюканные волшебной колыбельной.

Если бы не мой дар, я бы тоже мирно спала вместе со всеми.

Бледные призраки погибших стекались к фигуре в чёрном. Они шли на его зов и на свет его посоха.

Джастер остановился: огонёк перестал двигаться и описал широкий круг. Луна щедро поливала светом всё, что происходило под ней.

Призраки густым туманом колебались около одинокой фигуры, не переступая границы круга. Неведомые слова, тяжёлые и тёмные, падали с губ Шута, и от каждого расходились невидимые круги.

Я не слышала их, но ощущала всей собой. Мой дар откликнулся на это неведомое колдовство, которое и пугало и завораживало одновременно.

Лик луны стал ярче и больше. Словно сама Датри услышала говорившего и наклонила лицо, внимая его словам.

Поток лунного света уплотнился и полился на умерших, которые устремились к нему и воспаряли вверх, уходя по лунной дорожке в царство Датри. Мужчины, женщины, дети... Они уходили в Лунный мир богини, на прощание махая руками тому, кто открыл для них этот путь.

Когда последний из них исчез, лунное сияние погасло, снова став обычным светом. А вокруг Шута остались чёрные тени. Те, кого не приняла Датри. Те, кому уготован Тёмный мир ночного Шанака.

Новые слова, новый взмах посоха и полыхнуло холодной, мертвенной зеленью кольцо вокруг одинокой фигуры. Очередной порыв ветра донёс неслышимые отчаянные крики тех, кто был обречён гореть в чёрном пламени Тёмного мира. Даже отсюда я слышала их ужас.

Зелёное кольцо погасло. Джастер остался один.

Но и это оказалось ещё не всё.

Дальше началось что-то удивительное. Опускался и поднимался посох, отбивая гулкий, отдающийся под ногами ритм, танцевал зелёный огонь навершия, выписывая узоры, кружился сам Шут в непонятном стремительном танце...

Я не понимала, что он делал, но чуяла необыкновенную силу, вдруг напитавшую воздух. И от этой мощи, от танца Джастера что-то неуловимо менялось вокруг. Менялся лес, менялась мёртвая деревня, менялась сама земля под моими ногами...

Даже во мне самой что-то менялось...

С последним движением Джастер ударил посохом о землю, упав на одно колено.

Через мгновение облако пыли взметнулось кольцом и понеслось от него, расширяясь и накрывая всю деревню. Я невольно прикрыла глаза рукой, но докатившаяся волна упала в ноги, прошелестев по травам простым ночным ветерком.

Луна снова стала обычной луной. Полной и круглой. Небо затягивали облака, а ветер сделался холодным.

Деревня выглядела... просто заброшенной. Словно беда случилась не сегодняшним утром, а год назад.

Загремела колодезная цепь, заскрипел ворот. Джастер достал ведро воды и опрокинул на себя.

Снова загремела цепь, опуская ведро в воду.

Я вздохнула и закуталась в плащ, решив дожидаться возвращения Шута.

Легенды про служителей Смерти он в Сурае читал...

Сказки он знает...

Трубадур несчастный...

Когда воин подошёл к нашему убежищу, небо окончательно потемнело и начал накрапывать дождь.

— Ты бы хоть под крышу встала, — спокойно сказал он, даже не удивившись тому, что я его жду. — Промокнешь же.

— Джастер! — я шагнула ему навстречу, но он остановил меня жестом. Волосы и одежда у него были совершенно сухие.

— Не сейчас, нельзя. Пойдём спать, Янига, — устало сказал он, проходя мимо меня, и я вздрогнула, потому что от него веяло холодом. — День завтра предстоит нелёгкий.

- Джастер, стой! Ты же говорил, что нам нельзя...

Воин помолчал, а затем хмыкнул.

— Да, говорил. Но это было важнее.

22. "Шершень"

Утром все встали рано: дождь шёл полночи и луговину с деревней затянуло холодным сырым туманом.

К счастью, дрова вчера принесли с запасом и Керик с Джастером разжигали костёр, пока остальные ежились да бегали по сырой траве по нужде.

Ребятишки закопались в полог и выбрались оттуда только к огню. Варить было нечего и завтракали мы сыром и луком из моей сумки, запивая горячим отваром из трав. Чашек было всего две — моя и Шута. С молчаливого согласия Джастера я отдала свою погорельцам, а мы пили из его.

Лошади тоже проснулись, но Шут не спешил к ним. В отличие от остальных он не выглядел отдохнувшим. Даже тени под глазами виднеются...

Ребятишки тихонько ели и показывали друг дружке вчерашние подарки. Сумик играл с сестрой, убеждая, что лиса дюже лук любит и потому Лушка тоже должна его кушать.

— Хороша у тя убаюканка, — дед внезапно нарушил молчаливый завтрак. — Ужо спалось аки дитю малому и до сих пор на душе благодать...

— Верно, верно! — на разные голоса подхватили бабы, и даже молчаливый Керик согласно кивнул. — Хорошо спалось...

— Вот и славно, — Шут устало улыбнулся.

Сколько же после ночного колдовства отдыхать нужно? Я вот после своих зелий и не уставала ничуть. Хотя на заговор и силы нужно немного совсем...

Я налила отвар и протянула воину. Как же мало я ещё про волшебство и колдовство знаю...

— Есть у вас куда пойти? — Джастер взял чашку, но смотрел на крестьян. — Родные или ещё кто?

— Исть, милок, — отозвалась старуха, пока дед негромко кряхтя, пошаркал из сарая «до ветру». — В Корзунях у маво деда родня, у Сумика с Лушкой тож тама тётка по мамке.

— Есть, есть, — закивали и женщины, улыбаясь так, словно речь шла о поездке в гости, а не о случившейся беде.

— Янига, посмотри там, что ещё, — Джастер покосился на меня так, что я поняла его

без лишних слов.

Молча сунула руку в его торбу и не удивилась, когда под пальцами почувствовала пять металлических кругляшей. Он прав. Нечего жадничать. Помочь надо в беде. Они всё потеряли, а мы ещё заработаем.

— Вот, держите, — я достала монеты, и едва не лишилась дара речи, поняв, что в моих руках золотые «бутоны».

— Ох ты, батюшки... — старуха, не смотря на возраст, оказалась глазастой. — Неужто, денюшка?

— Денюшка, — я встала и раздала по монете оторопевшим людям. Только старикам досталась одна на двоих. — Вам, на новое хозяйство.

— Ой, золото... — Нинира прикусила монету. — Настояшше...

— О детях позаботьтесь. Чтобы сиротами не остались. — спокойно и весоמו сказал Джастер. — Тогда и деньги впрок пойдут.

— Непременно, милок, — закивала старуха. — Мы с дедом своих не нажили, хоть чужих поняньчим...

Агила и Олекша, зажимая монетки в руках, смотрели в сторону и молчали, думая каждая о своём. Нанира, закатывая глаза от восторга, припрятала золотой в самом надёжном месте — на груди.

— Вот и хорошо, — Джастер словно и не заметил этого. — А ты что молчишь?

Керик вздохнул. «Бутоны» он растеряно держал в раскрытой ладони.левой.

Правой рукой он пользовался осторожно.

— Некуда мне податься, мил человек, — вздохнул крестьянин. — Никого не осталось, тут всё сгорело...

Олекша вздохнула, виновато покосилась на соседок и подошла к страдальцу.

— А пойдём со мной, Керик. Ты один теперича, я одна осталася... Хоть на Взгорках, хоть в Корзунях где домишко поставим, ребятишек вон Гранькиных да Мальковых возьмём на воспитание...

Керик не успел ответить. Нанира недобро покосилась на соседку, и выпрямилась, уперев руки в бока.

— Дождалася, Олекша, своо щастя? — она едва ли не плевалась ядом. — И мужа с детками схоронить не успела, тут же к другому рванула! Да ишшо и приданое его урвать хошь! На золотишко чужо позарилася!

— Да как ты можешь такое говорить, Нанира! — женщина оскорблённо вскинулась в ответ.

— Да так вот могу! — завистница зло прищурилась, а мне захотелось встать и огреть её чем-нибудь тяжёлым. Заодно и деньги забрать обратно.

— Енто ж уся деревня знает, шо ты по нему с малолетства сохнешь! А вот те назло его себе возьму! Ты стара ужо, а я хороша да молода! А он, хучь и вдовый таперича, а работащци...

Керик побледнел, сжав золотой в кулак. Ещё вчера у него была любимая семья, а сегодня чужие бабы чуть ли не пополам рвали. Только вот Олекша любила человека, а Наниру, кроме богатства и себя, ничего не волновало...

Но вмешаться я не успела.

— А ну тихо. — негромко, но грозно прервал спор Шут. — Что разгалделись? Чай он не дитя, сам решит, чего хочет.

Бабы закрыли рты и отвернулись друг о друга, проглотив всё несказанное.

А Джастер допил отвар, убрал чашку в торбу и вышел на луг.

Солнце почти разогнало туман, и теперь сгоревшую деревню было хорошо видно.

Только вот... Только вот от неё больше не пахло смертью и страданиями. Просто заброшенная деревня.

Даже погорельцы смотрели в её сторону с горечью, но без той боли, что вчера рвала им души.

Неведомо как Шут сумел не исцелить их раны, но сделать прошлым. Тем, что уже пережито.

Вот и тихие шепотки между Агилой и Олекшей о том, кто каких мальчишек себе возьмёт. Вот и старики, ласково глядящие по головам Сумика и Лушку. Вот и Керик, вновь крутящий в руках золотую монету, да поглядывающий то в сторону деревни, то, украдкой, на Олекшу.

Даже Нанира перебирала растрёпанные волосы, прихорашиваясь, как могла.

Ещё вчера убитые горем, сегодня все они были готовы жить дальше.

И это было настоящее чудо.

Сам же виновник этого волшебства стоял по колено в траве лицом к солнцу и словно танцевал медленный и странный танец. Движения были плавными и неспешными, а иногда он и вовсе замирал на несколько моих вдохов.

— Дядька, а ты чаво делаешь? — Любопытный Сумик проскользнул у меня под рукой и остановился возле Шута, дёрнув его за рубаху.

Что за несносный мальчишка!

Но Джастер, вопреки всему, не рассердился.

— Силой наполняюсь, — улыбнулся он, потрепав назойливого мальчугана по тёмным вихрам. — Живой.

— А как это? — округлились глаза у мальчишки. — Нешто по-колдовски?

— По-людски, — рассмеялся Джастер, легко щёлкнув пальцем по любопытному носу. — Знаешь, как мудрые люди раньше говорили? Утром встал — потянись, солнышку улыбнись, миру поклонись, Шанаку помолись да за дела примись.

Сумик засмеялся.

— Чудной ты дядька, опять смешно молвишь! Шо за Шанак-то такой?

— Шанак миру и людям отец небесный, — спокойно ответил воин. — А Датри — жена его, всем людям мать. Они все молитвы слышат, на все отвечают.

— Эх, от не ведал я, что услышать таки речи внове придётся... — из сарая вышел дед. — Верно молвишь, мил человек, ох верно. Забыли мы мудрость предков наших, и богов забыли, вот и пришла беда...

— Беда пришла и ушла, а мудрость да богов вспомни и не забудь. — ответил Шут.

— Э, старый, нашёл, ко слухать, — махнула рукой Нанира. — Балабола бродячего! Он те сказок-то намелет, да токма с них муки не навеешь, хлеба не напечешь и в рот не положишь!

— А мои сказки в душу кладут, — снова усмехнулся воин, — да в мыслях толкут. Кто суть добыл, тот и сыт ходит.

— Как же они услышат-то? — Олекша опиралась плечом на столб. — Она, небо-то, высоко да далече... Докричишься рази?

— Так на то людям и душа дана, чтоб с богами беседы вести. Ты в душе скажешь — Шанак с Датри и услышат и ответят.

— Агась, и услышут, и ответют, — тут же огрызнулась Нанира. — И ты Олекша, туда же, развесила уши-то, как дитя малое...

— Злая ж ты баба, Нанира — сердито сплюнул дед. — Ядовита шо змея! Он, можа, и балабол, а токма от его сказок на душе веселей да жить радостей. А тя послухать — жить не хоца!

— Те старый, о душе самый раз и думать, — огрызнулась та. — А я баба молода да хороша, мне о теле думать треба!

— Пора вам, — Джастер снова пресёк споры. — Солнце уже высоко, а идти далеко. Да ис малыми вы.

— И то верно толкуешь, милай, — бабка держала за руку Лушку. — Покуда мы до свёртка-то добредём, ужо за полдень перевалит.

— Благодарствуем, добры люди, — Агила тоже вышла на солнце. Трое мальчишек тёрлись между ней и Олекшей, затеяв игру подарками Джастера. — Сколь уж вы нам помогли, век благодарны будем!

Она поклонилась, а за ней и Олекша с Кериком. Старики согласно кивали, а Надира только гордо надула губы, поправляя хранилище золотого «бутона».

— Живите мирно, — ответил Джастер. — Да богов не забывайте. Они всегда помогут.

— Не забудем, милай, — улыбалась бабка. — Не забудем!

Распрощавшись с нами, вереница погорельцев отправилась по дороге в сторону развилки, ведущей к соседним деревням.

Агила одного мальчугана взяла на руки, а второй шёл, держась за подол грязной рубахи. Олекша вела за руку мальчонку, Керик нёс на руках Лушку, Сумик тихо шёл между стариками. Только Нанира шла отдельно, гордо подняв голову.

— Ей бы и «лепестка» хватило. — сердито буркнула я негромко. Но Джастер услышал.

— Это всего лишь деньги, Янига, — он прошёл мимо меня в сарай. — Не жадничай.

— Да она и впрямь как змея, — я сердито обернулась, стараясь разобрать в полумраке, что он делает. — Ты разве не видел?

— У каждого человека своя судьба, ведьма. — Шут вышел с пустыми вёдрами в одной руке. В другой он держал за поводья лошадей. — И каждый проживает её так, как хочет сам.

Опять он про это.

— Тогда почему я...

— Потому что у тебя она — такая. И тебе это по плечу, — спокойно сказал он. — Всё, хватит об этом. Я к колодцу. А ты можешь по огородам поглядеть, вдруг чего с собой в дорогу ещё набрать можно. Я бы горячего поел. Или я сам потом схожу, если боишься.

Я посмотрела на деревню. Мирная. Сгоревшая, брошенная, но... умиротворяющая какая-то.

По огородам поглядеть...

Вчера я бы отказалась. А сегодня...

И еды поискать, и поглядеть поближе на место ночного колдовства сразу.

— Пойдём. — я забрала у Шута одно ведро и повод Ласточки.

Чем ближе мы подходили к деревне, тем страннее всё вокруг становилось.

И только приглядевшись, я поняла, что меня смущало.

Трупов не было.

Ни одного. А в воздухе пахло луговыми травами.

Нет, следы пожарища никуда не делись, но молодая трава яро пробивалась повсюду,

скрывая свежей зеленью чёрные пятна.

Что же за колдовство он тут творил?

— Джастер...

— М?

— А где... ну...

— Земля взяла. — спокойно ответил он. — И не спрашивай больше, ведьма. Это не твоя грань. Незачем тебе об этом знать. По-хорошему, тебе и видеть не следовало.

Я только тихо вздохнула, смиряясь с его ответом. Не моя грань... Зато у самого Шута этих граней — куда не ткни. Пальцев не хватит пересчитать.

С такой-то силищей и способностями мог бы ведь и во дворце каком жить, с золота есть, на мягком спать. А он по дорогам бродит, под кустами ночует, сказки рассказывает...

Говорит, что людей не любит, а сам им помогает.

Вот этого я никак не могла понять.

Зачем ему это?

Зачем ходить по дорогам и прикидываться бродячим шутом, когда он настолько сильный тёмный... Нет, не колдун. Колдуны свою силу во зло людям направляют, а Джастер не такой.

Но бывают ли волшебники тёмными?

И ведь не спросить ни о чём: опять или промолчит или судьбой отговорится.

— Служители Смерти все такие? Или опять скажешь, что ты не...

Шут остановился, и я прикусила язык, ругая себя за несдержанность.

— Я сказал: хватит, ведьма. — Он оглянулся. Светлые глаза вновь потемнели. — Какое слово тебе не понятно?

— Всё понятно, — торопливо буркнула я в ответ. — Извини.

Воин ничего не ответил и снова пошёл по дороге.

До самого колодца мы молчали.

— Как думаешь, у них с Кериком получится?

Мы остановились у колодца. Джастер поставил на землю ведро, и протянул мне повод Огонька.

- Отойдёт он возле неё, согреется. И дело общее поможет.

Воин спокойно сбросил колодезное ведро вниз. Загремела разматывающаяся цепь.

Согреется? Дело общее...

Ах ты ж... Вот в чём дело...

— Как ты со мной?

Ответом стало поскрипывание ворота, звяканье поднимаемой цепи и фыркание лошадей.

Согреется он...

Я оставила Ласточку на водопой и отправилась осматривать огороды, поглаживая браслет на запястье.

Мне хотелось верить, что Джастер со мной не только из-за общего дела.

Огороды были сильно потоптаны, видно, что рвали здесь без огляду. Гороховые стебли, рваная ботва репы и моркови, луковые перья... Всё засыхало вперемешку с распаханной землёй на грядках. Кое где я видела следы коровьих копыт, куриные лапы и невнятные большие вмятины. Их можно было бы принять за след людей, только ни пятки, ни носка не

различить.

Джастеру бы показать, наверняка он...

Я вспомнила вчерашнюю репу и покачала головой.

Шут наверняка всё это уже видел.

Но есть хотелось — сыра всем досталось по небольшому кусочку, — и я стала искать уцелевшее.

Очищая от земли очередную найденную морковку, я вдруг поняла, что она тонко и едва уловимо пахнет клевером. Можно подумать, я не на огородах сидела и в земле копалась, а шла по заливному лугу.

Клевер. Джастер всегда пах клевером. Но разве магия может... пахнуть?

И сколько же силы он вчера тут вложил, что до сих пор его запах чувствуется?!

Зато понятно, как он с теми разбойниками на поляне справился...

Любопытно, тогда тоже клевером пахло?

Бросив морковь в подол платья, где уже лежали несколько её подружек, четыре репки, две пригоршни гороховых стручков и даже пара молодых кочанчиков капусты, я только вздохнула, удерживая ткань мешком.

Кем бы Шут ни был, он умел о многих вещах думать заранее.

Надо было сумку взять. А то так и хожу, простушкой деревенской...

Когда я вышла к колодцу, воин наливал воду в ведро. Лошади, уже напоенные, довольно пофыркивали и оглядывались по сторонам, жуя удила.

— Вот, — я держала подол двумя руками, чтобы не рассыпаться.

— Неплохо, — он оценил мою «добычу» одним взглядом. — А как лошадей поведём? У меня две руки, а не четыре.

— Ну, извини, — сердито буркнула я в ответ. — Во что могла, в то и сложила.

— Угу, — он подошёл ко мне, без зазрения совести туго закрутил подол и запихнул скрученный конец под мой пояс.

— Ну вот, донесёшь, не рассыплется, — он довольно оглядел дело своих рук. — Бери лошадей и пошли.

— Я как на сносях, — пожаловалась я, разбирая поводья. — А по-другому никак нельзя?

— Не переживай, — он взял полные вёдра и пошёл вперёд. — Не десять лун носить. Зато поедем.

Придерживая одной рукой поводья Ласточки и «хвост» от узла из подола, второй я крепко взяла поводья Огонька. Лошади шумно принюхивались, чуя вкусный запах. Надо будет их морковкой угостить...

Не десять лун...

Пошутил.

А я бы от него и поносила...

Огонёк тут же почуяла слабинку в поводьях и дёрнула головой, сердито фыркнув, когда я ухватила повод крепче, приходя в себя.

Ишь ты, норовистая какая. Глаз да глаз нужен. Вся в хозяина.

Правильно он тогда сказал. Нечего всякой ерундой голову забивать.

Я ведьма, а не девка деревенская о таком думать.

Поставив вёдра у нашего ночного убежища, Джастер снял недоуздки с лошадей и пустил их пастись. Пока я распутывала подол платья и выкладывала свою добычу, он налил воды в чугунок и разжёл костёр.

— Мы здесь надолго?

— Нет, — спокойно ответил он, отбирая овощи на похлёбку, а остальное пряча в торбу. — Но голодный я никуда не пойду.

— Куда мы теперь? В Чомрок? — Я лущила горох и бросала его в воду, потому что Шут явно дал понять, что готовку оставляет на меня.

Джастер откусил морковку, похрустел, задумчиво почесал бороду и посмотрел в небо, склонив голову к плечу так, словно ему оттуда ответ нашёптывали.

А может и нашёптывали.

Шанак с Дакри всё слышат.

И всегда отвечают.

Сама же вчера ночью видела.

— Нет, — немного помолчав, он качнул головой. — Нет. Туда нам не надо.

У меня словно камень с души свалился.

Неужто всё обошлось?

— В тот город поедем, про который Томил говорил.

— Зачем?

— Дорога туда лежит. Или ты в Чомрок хочешь?

— Джастер, прекрати! Ты сам говорил, что через него самая короткая дорога в наш надел! Или... Ты передумал искать Холиссу?

Воин пожал плечами, оставив мой вопрос без ответа, и снова захрустел морковкой.

— Скоро мы уезжаем?

— А куда торопиться? — он прожевал, закинул руки за голову и потянулся. — Солнце недавно встало, после обеда тронемся, к вечеру на месте будем.

К вечеру на месте? Этот город так близко?

Глядя, как спокойно Шут взял две морковки и отправился баловать лошадей, я тоже успокоилась и расслабилась.

Успею поволноваться ещё.

Бусины на руке согласно звякнули, и я вспомнила, что хотела показать Джастеру полученную плату за работу травницы. Дорезав овощи в булькающую воду, я взяла свою сумку и вышла на солнышко.

Шут весело играл с лошадьми, его улыбок и ласк хватало не только Огоньку, но и Ласточке. Мальчишка — мальчишкой...

Даже короткая борода не делала его серьезней.

Никогда не подумаешь, что он владеет какой-то волшебной силой.

Оглядевшись, я выбрала место на солнышке, села, достала мешочек с бисером и высыпала содержимое на подол. Ни разу не смотрела, как он мне его дал.

Бусины были разные. Большие и не очень, из стекла — три голубые, синяя, четыре красные, три прозрачных, как слеза. Из недорогих камней — полосатые и в крапинку, коричневые, жёлтые, бордовые и рыжие, словно ворох осенних листьев. Бисер покрупнее и помельче, разноцветный и яркий, наоборот, напоминал букет полевых цветов.

— Что ищешь, Янига? — Джастер подошёл ко мне. Хотя он до сих пор выглядел уставшим, в светлых глазах горели весёлые искры.

— Вот, — я протянула ему зелёную бусину. Неровности внутри переливались радугой. — Мне за работу дали.

— Ух ты! «Зелёная радуга», — Джастер с удовольствием рассматривал её на свет. — Повезло тебе, Янига. Такие бусины даже в Сурае редкость. Их в Тоберии делают, это далеко отсюда, по ту сторону гор. И стоят они по вашим деньгам почти «розу» за бусину.

— Я её хотела на браслет надеть, — призналась я, тихо радуясь, что ему понравилась бусина. — Она мне очень нравится...

— Так надень, — он протянул редкость мне. — Кто тебе мешает?

— Но ведь... — я растеряно смотрела на него. — Ты же говорил...

— Что ты сама поймёшь, когда и какую бусину добавить, — он спокойно пошёл к сараю. — Ты же ведьма. Дурой не будь.

Я молча смотрела ему в спину. Вот как так? И радостно и горько сразу...

Как же я сразу не догадалась...

Дурой не будь...

Ох, Джастер...

«Зелёная радуга» — символ нашего примирения, — теперь нравилась мне ещё больше. Я очень хотела надеть её на браслет, но ведь это сделает нити короче...

И то, что случилось с Чернецами — точно не такого цвета.

— Что задумалась, ведьма? — Джастер вынес свою торбу и положил у стены сарая, на солнышке.

— Это ведь не та бусина, из-за которой мы здесь?

Он подошёл ко мне и опустился рядом.

— Не та. И её пока не ищи. Пусть эта побудет. — Шут развязал браслет и нанизал «зелёную радугу».

— Джастер... — я не сдержала вздоха, глядя, как он снова завязывает нити на моей руке. — Но ведь он... он становится...

— Судьба — это судьба, Янига, — воин легко сжал моё запястье. — Её можно как укоротить, так и растянуть.

— Растянуть? Как?!

— От многого зависит, ведьма, — он без улыбки вытирал мне навернувшиеся слёзы. — Не думай об этом. У нас других забот хватает. Пошли, поедим, готово всё.

Я собирала бусины и бисер обратно в мешочек. «Зелёная радуга» на запястье грела мне душу.

И она была чуть крупнее чёрной.

Тёмную пока не искать...

Ох... И радостно, и... тревожно.

Завтракали мы молча. Похлёбки в чугушке хватило бы на несколько человек, но мы всё съели вдвоём. Я не думала, что настолько голодная, пока не опустошила две миски и налила половинку добавки. Джастер доел остальное. В его котелке настаивалась ромашка.

— Ну вот, жить можно, — воин довольно улыбался. — Теперь собираться будем потихоньку. И давай-ка его с собой возьмём. Хороший попался, нравится он мне.

С этими словами он взял чугунок с нашими мисками и отправился их мыть.

— А что нам собирать? — я вышла следом за ним.

— Да так, по мелочи всякое, — Шут споласкивал посуду из ведра. — Головы помыть, сделать кое-что...

— Что именно? — я заинтересованно смотрела на него.

— Попоны с пологом на солнышке посушить. Плащ твой тоже пусть проветрится. — Он с усмешкой сунул мне в руки чистые чашки. — И посуду тоже поставь куда, пусть обсохнет.

— А ты?

— А я воды принесу. Или ты в ополосках голову мыть хочешь?

Я успела не только расстелить плащ, попоны и полог на просушку, но даже распустила косу и расчесала волосы, когда Шут вернулся.

В своей миске Джастер развёл золу водой и помог мне намазать этой смесью голову, а затем намазался сам. Чистую воду он зачерпывал миской из ведра и поливал аккуратно, помогая мне промыть кудри. Затем принёс котелок с ромашковым настоем и сполоснул мне волосы. Со своей шевелюрой он разобрался сам, пока я выжимала из волос воду.

— Ну вот, совсем другое дело, — Шут вылил остатки отвара себе на голову. — Не баня, конечно, но в нашем положении и так хорошо.

— И зачем это? — Я повернулась спиной к солнцу, чтобы волосы сохли быстрее.

— Чтобы чистыми быть, — ухмыльнулся он. — И вообще, рыжей ты мне больше нравишься. К твоему характеру и веснушкам больше подходит.

Пока я смущённо разглядывала свои посветлевшие пряди, пытаюсь понять, насколько волосы обрели родной цвет, Джастер уселся возле стены сарая и взял торбу. Его шевелюра после мытья стала намного светлее, и в сочетании с тёмной бородой выглядело это очень ярко и необычно.

Неужели, он собирается в таком виде дальше идти?

— Эх, не для того брал, ну да ладно, — Джастер спокойно выудил из недр торбы огромную бутылку с прозрачной жидкостью, которую купил в Кронтуше у аптекаря.

— Что это?

— В аптекарских свитках эту штуку называют «огненная вода», — Шут ножом аккуратно достал пробку, потянул носом и снова закупорил бутылку, но до меня донёлся резкий и сильный запах. — Это очень-очень чистое и крепкое вино. Можно сказать — сущность вина. Отличная вещь. Хотя штука редкая и очень дорогая, потому что сделать её сложно.

— А почему она огненная?

— Потому что горит. — без улыбки ответил он. — У тебя пустой склянки нет случаем?

— Нет. Я же не продавала ничего. А остальные все под зельями.

Вода, которая горит... Раньше я бы решила что он шутит. Но сейчас....

Сейчас я верила каждому его слову.

— Ладно, придётся такие взять... — Джастер поставил бутылку в сторону и достал из своей торбы один из ящичков с фиалами.

При виде сверкающей на солнце красоты, я восхищенно вздохнула. Всё же работа мастера Извара была великолепна.

— Янига, иди сюда, помогай. Хоть по таким разлить.

Он достал из ящичка фиал, открыл, и протянул мне.

— Держи крепко и не трясись. — Джастер сунул один конец сорванной соломинки в горлышко, а другой — в бутылку и начал медленно наливать жидкость в крохотный сосуд.

По соломинке текло ровно и почти не капало.

— Ну вот, — он взял соломинку в губы. — Закрывай этот и бери следующий.

Когда остался только один незаполненный фиал, Джастер закупорил бутылку.

— Хватит пока.

— И зачем она тебе?

— Как ты думаешь, Янига, чья это земля? — он достал из торбы мешочек, развязал, проверяя содержимое, и удовлетворённо кивнул.

— Короля, конечно, — я с недоумением смотрела на воина. — Это глупый вопрос.

— Ага, — спокойно подтвердил Джастер. — А провинция эта чья?

— Герцога, — не могла понять, к чему он затеял этот разговор.

— Какого?

— Не знаю! — сердито буркнула я. Опять он меня выставил деревенской девчонкой! — В каждой провинции свой герцог. Я с ними не знакома!

— Да, свой. И мы с тобой вчера перешли границу между двумя такими провинциями.

— Ты про реку?

Воин кивнул, достав из торбы ступку с пестиком из чёрного, в серую крапинку, камня.

— У тебя никаких мыслей не возникло?

— Нет, — я покачала головой. — Наделы ведьм не совпадают с провинциями.

— Не совпадали, — усмехнулся воин. — До недавнего времени.

— Ты о чём? — нахмурилась я.

— А ты сама подумай, Янига, — он насыпал в ступку какие-то сушёные семена и начал толочь. — Матёрая ведьма, при одном имени которой все окрестные жители от страха должны были на коленях ползать, вдруг перестаёт бродить по городам и деревням. При её скверном характере о ней никто ничего не слышит много лет. Настолько много, что даже ты выросла в неведении. Однако год назад эта карга появляется в Пеггивилле и не просто накладывает сильное проклятие, но и проводит ритуал призыва демона. Довольно грамотно и успешно, должен заметить. Также год назад в западной провинции появляется банда разбойников, которые не побоялись нападать на большие караваны под Кронтушем. Этим летом разбойники, среди которых по слухам нежить и нечисть, лютуют в окрестностях Игга на юге. А что между ними?

— Салаксхем, — хмуро буркнула я, понимая, куда он клонит.

— Именно. И его герцог, на которого до этого простой народ не жаловался, этим летом сделал что?

Пригрел в постели молодую и прекрасную Вахалу, которая управляет демонами. И в пух разругался с королевским наместником.

Я растерянно качала головой. Надо же, какую картину он из таких разных кусочков собрал... Мне бы и в голову не пришло.

— Думаешь, что это Вахала прибрала к рукам всю власть в провинции Салаксхема?

— А ты сомневаешься? — усмехнулся воин, не отвлекаясь от своего занятия. — Думаешь, просто так эти разбойники соседние уделы жестоко грабят, а свой она демонами запугивает? Нет, Янига. Эта карга хочет и остальное к рукам прибрать. Просто она ещё в силу не вошла.

От таких слов солнечный день померк, словно на светило набежали тучи. Только вот на небе не было ни облачка.

— И я тебе больше скажу, Янига. — спокойно продолжил Шут, не обращая внимания на

мой испуг. — Почему волшебники на это сквозь пальцы смотрят?

Под негромкий «тук-тук-тук» каменного пестика я ахнула, испуганно зажав рот ладонью.

— Ты серьёзно? Но это же... Это же...

— Две вероятности, ведьма. — Джастер поднял вверх руку, показывая мне два пальца. — Или это измена. Или один из волшебников короля — не настоящий. Как понимаешь, одно другого не исключает. Хорошо, если это просто измена. А вот если там он...

Шут покачал головой и снова вернулся к ступке.

— Вашему королю я не завидую. Я вообще никому там не завидую.

Нет. Не может быть.

— Но ведь это... это.... — я беспомощно смотрела на Джастера.

Яркий солнечный день вдруг стал каким-то... ненастоящим. словно протяни руку — и всё развеется как туман, и останутся только чёрные обгоревшие брёвна домов, обрушенные трубы печей и запах горького дыма и крови...

— Это называется «переворот», Янига. — Шут придиричиво осмотрел толчёное, и несколько раз с усилием провёл пестиком, дотирая оставшееся. — Захват власти силой. И скорее всего, потом будет война. Людей с людьми и людей с демонами.

Нет. Не верю. Не хочу в такую жуть верить!

— Почему ты так решил?

Воин отставил ступку, встал, потянулся, огляделся и поманил меня пальцем.

— Вот смотри, — он указал на паутину в углу под крышей. — Что ты видишь?

— Паутину, — сердито буркнула я в ответ. — Это глупый вопрос.

— Угу, — кивнул Джастер. — А что ты ещё видишь?

— Сарай, лес, луг, лошадей, небо, деревню... Зачем ты спрашиваешь? Как это относится к...

Воин покосился на меня, задумчиво наклонив голову к плечу.

— А что ты знаешь про эту паутину?

— Что она висит на сарае, в углу и её сплёл паук, чтобы ловить мух и есть...

В голове словно что-то щёлкнуло.

Паук с паутиной. Вахала со своими демонами. Сарай на лужке между лесом и деревней. Салаксхем между Кронтушем и Иггом.

И «муха» Янига, которая случайно попала паутину и увязла бы в ней, если бы не...

— Джастер...

— М?

— Я чувствую себя мухой...

— Ты не муха, ты оса, Янига. Ты свою паучиху уже дважды укусила больно, потому она и бесится. — ухмыльнулся Шут. — Просто ты привыкла смотреть не думая, как все люди. Паук не видит ничего, кроме своей паутины. Бабочек интересуют только цветы. Пчёлы собирают мёд. Гусеницы едят листья. Каждый занят своим делом, и мир вокруг для него не существует. Как будто сам человек живой, а мир — мёртвый. И другие люди в нём просто говорящие куклы.

— Но ведь не все такие...

— Не все. Так видят мир умные люди. Они сплетают себе сеть из своих представлений о мире и людях, и живут в них, как пауки в собственной паутине. Это очень удобно. Их беда

только в том, что мир вокруг на самом деле не мёртвый, а живой. Поэтому когда в паутину залетит кто-то посерьёзней обычной мухи, например, шершень, пауку может сильно не поздоровиться.

Да уж... Залетел такой в мою «паутину» и всё порвал.

Золотой в чёрном. И с Живым мечом на поясе.

Шершень...

И я ему — оса.

— А ты как видишь?

— Как шут и дурак, конечно, — легко улыбнулся он. — Просто. Как есть. Всё вокруг живое, Янига. Даже то, что кажется мёртвым.

Просто... Ничего себе: просто...

Я вспомнила ночное колдовство. Всё вокруг живое... Брр!

— И что теперь...

— Не бойся, ведьма, — Джастер усмехнулся, снова вернувшись на своё место. — Это пока просто вероятность. Мои предположения. Что ты так смотришь?

— Потому что с твоим «просто» обычно как ты говоришь, так и получается. Ты мог бы для разнообразия что-то хорошее пре... предположить?

Он весело улыбнулся.

— Думаю я обычно ещё хуже. Тебя это успокоит?

Я закрыла лицо ладонями и покачала головой.

Хуже? Куда ещё хуже?!

— Джастер... Если она паук, то твой враг — он тоже...

Шут криво усмехнулся.

— Он намного опаснее, Янига. Такими пауками он завтракает, обедает и ужинает, если захочет.

— Почему ты уверен, что он во дворце?

— Потому что это самое удобное место для засады. — Воин спокойно смотрел на меня. — Ты мантисов когда-нибудь видела?

Я покачала головой. Даже не слышала про таких.

Шут снова встал, огляделся и пошёл по лугу в сторону пасущихся лошадей, внимательно смотря себе под ноги.

— Иди сюда. Только осторожно. И скажи, что ты видишь.

Я подошла и присела рядом с ним, внимательно разглядывая побег клёна.

— Листья. Веточки. Больше ничего не вижу.

Шут кивнул, сорвал травинку, по которой ползла гусеница, и поднёс к ничем не примечательному листочку.

Несколько мгновений ничего не происходило. Гусеница отмерла и поползла на кленовую ветку, когда вдруг «листочек» ожил. Я даже моргнуть не успела, как необычное существо, чьё тело очень напоминало веточку, а сложенные крылья — лист, схватило добычу и буквально разрезо пополам, удерживая части тонкими лапками.

— Великие боги... — я вздрогнула, впервые подумав, что даже не представляла, какие битвы происходят у меня под ногами.

— Это мантис. — Джастер встал и направился к сараю. — Так он обычно охотится. Но он не просто сидит и ждёт. Он умеет быстро бегать и даже летать, хотя и плохо.

Я торопливо шла за Шутом, впервые не чувствуя себя в безопасности. Да уж, такому

мантису обычный паук на один укус...

— Джастер...

— М?

— А с шершнем он может справиться?

Воин замер.

— Когда один силён и опытен, а другой молод, глуп и самоуверен — победит сильнейший, ведьма. А когда силы равны... Всё зависит от зависит. Может да, может нет. Кому как повезёт.

В молчании мы вернулись к сараю. Воин снова сел, не спеша возвращаться к тому, что делал, а я даже не знала, что сказать на неожиданное откровение.

Мантис опытен, а шершень молод и глуп... Значит, они уже сражались прежде, но Джастеру повезло и он выжил. А теперь его враг хочет довершить начатое.

Кому как повезёт...

— Ты уверен, что он будет тебя ждать во дворце?

— Вот это нам и предстоит выяснить. — Шут с сожалением посмотрел на бутылку, в которой убавилось ненамного.

— А, хрен с ней! Что ж я её, зря брал... — вдруг махнул он рукой, откупорил пробку и к моему изумлению сделал несколько больших глотков прямо из горла.

— А-ах, хоррроша, зарраза! — резко и громко выдохнул Джастер в сторону, вытирая глаза. — Аж до слёз...

— Д-джа...

— Всё в порядке, Янига, — он весело улыбался, побалтывая наполовину опустошённой бутылкой. — Я ж говорю — это очень крепкое вино. С той жуткой кислятиной, что у вас тут наливают, даже не сравнить. Очень х-хорошая штука. Была...

С незнакомой мне улыбкой Шут высыпал из ступки весь порошок в бутылку, закрыл её и начал болтать, размешивая, пока мутная жидкость снова не стала прозрачной.

— Давай последний, — он кивнул на ящик с фиалами.

Я взяла круглый и плоский фиал, на крышке которого была гроздь ягод, а на плоском боку сидела бабочка.

— Только очень крепко держи, Янига, — свёл брови Шут, со второго раза попав соломинкой в горлышко фиала.

Бутылку он держал крепко, но всё равно я не могла поверить своим глазам.

— Джастер... ты что, пьян?!

— Чуть-чуть, — с довольной улыбочкой он попытался двумя пальцами показать это самое «чуть-чуть». — Просто держи эту штуку крепче, ведьма. Её проливать нельзя...

— Не буду я ничего держать! — я сердито положила фиал обратно в ящик. — Тебя ж качает! Ты всё прольёшь, а потом будешь говорить, что это я виноватая!

Шут посмотрел на меня и покачал головой.

— Не буду. Это скоро пройдёт.

— Вот когда пройдёт, тогда сам и нальёшь! — Я встала и пошла, посмотреть высохли ли вещи.

— Вот упрямая ведьма... — донеслось мне в спину.

— Сам такой! — огрызнулась я в ответ.

Ну надо же, сколько раз видела, как он пил вино бутылками и пиво кружками, но чтобы он опьянел по-настоящему — вижу впервые. Насколько же эта «огненная вода» крепкая, что

Джастера, наконец, пробрало?

Я наклонилась поднять плащ, но выпрямиться не успела.

Сверху на меня со вздохом удовлетворения навалилось горячее и сильное тело, и Шут упал в траву, утянув меня за собой.

Но я не успела ни возмутиться, ни испугаться, когда он наклонился надо мной.

— Ты и в самом деле хочешь быть моей, Янига? — серые глаза смотрели совершенно трезво и без намёка на улыбку или шутку. Светлые волосы окружали скрывшееся в тени лицо солнечным сиянием. Даже тёмная борода сейчас не выделялась, а смотрелась красиво.

— Джастер... — Я совершенно растерялась от этого внезапного вопроса. Неужели он настолько быстро протрезвел?

Да что он за человек такой?!

— Я не хочу, чтобы ты жалела о своём выборе, Янига, — воин осторожно провёл пальцами по моим волосам, убирая упавшие на лицо пряди. — Я не уверен, что смогу отпустить тебя, когда... если ты захочешь уйти.

К..когда?! Что значит — когда?! Какое ещё «если»?!

Я не хочу никуда уходить!

— Джастер...

— Подумай хорошо, ведьма, — он нежно провёл пальцем мне по губам, останавливая все вопросы. — Подумай хорошо, чего ты хочешь на самом деле. Это очень и очень важно, Янига. Ты даже не представляешь — насколько.

— Джа...

Вместо ответа он коснулся моих губ нежным поцелуем.

Так мог целовать лёгкий летний ветерок, так ласкал тело солнечный луч, так касались кожи крылья бабочки...

С такой любовью целовал Джастер.

— Пойду, доделаю, — Шут отстранился и встал, не глядя на меня. Я села, смотря в спину, укрытую пёстрой лоскутной рубахой.

Джастер шёл ровно и спокойно, словно отродясь не пил ничего крепче воды.

Очень важно... Не представляю — насколько...

Не надоело ему меня так путать и пугать сразу?

Что я хочу на самом деле...

Что за глупый вопрос! Конечно, я хочу быть с ним! Быть знаменитой ведьмой! Чтобы он... Чтобы у нас...

Шанак, Датри... Я что, правда этого хочу?

Но ведь нельзя быть ведьмой и хотеть ребёнка, как обычная женщина!

Так не бывает!

И... И он сказал «когда»...

Я тихо зарычала, сердясь на себя и на него сразу.

О-о, великие боги! Ну почему, почему он всё так усложняет?!

Почему нельзя быть просто любовниками?!

Почему нельзя хотеть от него ребенка?!

Почему я не могу быть просто обычной ведьмой?

Почему я сама не понимаю, чего хочу?!

Шут сел на прежнее место, одной рукой обхватил бутылку, оперев её об колено, в другую взял фиал и начал спокойно наливать жидкость по соломинке.

Вот значит как... И в самом деле, сам всё делает.

Я подняла плащ, и сердито встряхнула. Подумаешь, сама так сказала... Мог бы и позвать помочь...

Свернув плащ, я собрала полог и попоны и направилась к сараю.

Джастер как раз закончил наполнять фиал и тщательно закупорил бутыль.

— Протрезвел и моя помощь тебе больше не нужна? — обиду в голосе скрыть не получилось.

Да и вещи я почти бросила сердито, а не положила аккуратно.

— Нет, ведьма, — Шут оглянулся, сорвал несколько мелких голубых цветочков «мышинного уха», бросил в пузырёк и поболтал. Жидкость приобрела приятный розоватый цвет. Джастер новой соломинкой вытащил побелевшие цветки, плотно закрыл фиал и протянул мне.

— Спрячь у себя, на всякий случай.

— Почему? — Я разглядывала фиал. На моей ладони словно лежала нежная розовая драгоценность.

— Крепко держишь? — уточнил он, тщательно отмывая ступку и пестик. — И держи. Это яд.

— Что? — я в ужасе уставилась на него. — Зачем?!

— Мало ли, — он спокойно осматривал пестик и ступку на предмет чистоты. — Вдруг пригодится. Можешь в питьё накапать, можешь в еду. С пары капель человек просто крепко уснёт, а если больше — то не проснётся. В любом случае, сны у него будут не самые приятные.

— Ты чего туда насыпал? — мне хотелось бросить склянку, но я не решалась. И фиал жалко и Джастер рассердится не на шутку.

— Семена снежнотыдника. Помнишь такие? — он с усмешкой убирал бутылку и мешочек с семенами в торбу. — Хорошая вещь. Главное — действует быстро. До семи сосчитать не успеешь.

— А цветы зачем?

— Для красоты, — ошарашил он меня ответом. — Ты же женщина. Ладно, не смотри на меня так, я пошутил. Чтобы с остальными не спутать.

— Очень надеюсь, что мне это не пригодится, — я осторожно отнесла фиал и убрала его в магическую часть сумки.

— Я тоже, — Джастер без улыбки посмотрел на меня. — Но лучше пусть он будет. На всякий случай.

Поймав себя на том, что судорожно сжимаю под платьем коготь кхвана, я снова посмотрела на безмятежного Шута, который достал из своей торбы свёрток с чёрным платьем.

— Не соскучились по работе, госпожа? — он с усмешкой бросил свёрток мне.

Следом из его торбы появился Живой меч и мой в ножнах.

Шут с нежностью провёл по своему оружию ладонью.

— А я вот соскучился.

— Мы больше не прячемся? — я поймала себя на том, что не очень хочу одеваться в чёрное и носить меч на поясе.

— Нет, — воин когда-то успел взять моё зеркало, и теперь брил ножом бороду. — А тебе понравилось?

Я только вздохнула. Понравилось...

Мне не нравилось, что меня принимали за простую травницу, но яркие платья нравились больше традиционного чёрного. А ещё нравилось как он мне волосы расчёсывал и косу заплетал...

— Ты уверен, что это безопасно? — Я не спешила разворачивать платье ведьмы.

Шут отвлёкся и посмотрел на меня.

— Как тебе сказать... За тобой охотиться самая сильная ведьма этого королевства. За мной — лучший убийца этого мира. Оба сейчас при власти и деньгах. Что в нашем положении может быть безопасным?

Он спокойно вытер нож и снова продолжил бриться, пока я пыталась прийти в себя от услышанного.

— И... что мы теперь будем делать?

— Играть, разумеется. — Весело и страшно ухмыльнулся Шут, умываясь из ведра. — Не только эта карга знает что такое «ловить на живца».

Два меча, два «жала», лежали в траве в подтверждение серьёзности его слов.

23. Вран

В яркой рубаше светловолосый и безбородый Шут, вопреки всей серьёзности нашего положения, выглядел юным и очаровательным менестрелем. Счастливая и радостная улыбка, с которой он взял в руки Живой меч, и вовсе делала Джастера беззаботным мальчишкой.

Мальчишкой, который оружие знает только по рыцарским песням, а любовь и горе — по балладам.

А волшебство... Разное, удивительное, неизвестное ведьмам тёмное волшебство, да к тому же служителей Смерти, о которых в Эрикии и не слыхал никто...

Конечно, нет.

Ничего опасного. Совсем ничего.

Просто красивый и молодой трубадур, который наслушался баллад и сказок, и покинул дом в поисках приключений.

Да я сама так думала иногда, не смотря на его задиристый нрав и умение сражаться.

Ум и силу Джастера выдавал только проницательный взгляд, но все вокруг видели юного музыканта или нахального наёмника. Но если к наёмнику люди относились серьёзней из-за грозного вида и оружия, то вот такой «юный менестрель» наверняка будет вызывать только снисходительные улыбки зрелых мужчин да призывные взгляды женщин и девиц.

Даже я не сразу поверила, какая сила и глубина скрываются за его привлекательной, а сейчас ещё и безобидной внешностью.

Шут отодвинул в сторону сложенные попоны и полог, и с мечом в руках кувыркнулся по траве, плавно и текуче оказавшись затем на ногах. Голубое лезвие Живого меча осколком неба сверкало в его руке, а он словно танцевал в окружении этого сияния.

Танцевал, как волновались на ветру травы, как шумели кроны деревьев, как шелестели листья. Так бежал ручей, так текла река, так сиял солнечный луч, взрезая набегавшие облака.

Джастер был частью мира. И мир был частью его.

Как же я раньше этого не видела?

«Ты просто смотришь, как все».

«Я — не все».

Только сейчас я вдруг поняла насколько же он на самом деле... другой.

Во всём — другой.

И рядом с ним всё становится... иным.

Всё вокруг — живое. Даже если выглядит... иначе.

«Я спросил лес, и он мне ответил»...

Мир — живой.

Вот почему Джастер даже от комаров всего лишь отмахивается, деревья в лесу обихаживает и с любым зверьём по-доброму разговаривает. Даже с нежитью и нечистью по-человечески договаривается.

Для него это не куклы, не игрушки, не чудища и кровопийцы, а живое...

Такое же живое, как он сам.

И мир отвечает ему благодарностью. Вот тебе и тайные тропы, вот тебе и ягоды с грибами, вот тебе и проводник на болоте, вот тебе и снежнотродник...

Опытный воин забытого племени, переживший, умеющий и знающий столько всего, что рядом с ним я до сих пор чувствую себя глупой девчонкой, ничего не выдавшей кроме своей деревни.

Удивительный. Мудрый. Волшебный.

Но предпочитает жить как простой человек.

Помогать другим не волшебством, а обычным словом и делом.

Сказку рассказать. Песню спеть. На лютне поиграть. От грабителей спасти. До дому проводить. Рану зашить. Телегу подержать. По хозяйству помочь. Денег дать... и не медяков, золото! Даже сражается без магии, своей или Живого меча! А волшебство использует только по необходимости.

Как он там сказал про себя: шут и дурак?

Вот точно дурак. С большой буквы.

С его-то умениями и возможностями как бродяга жить...

Только... только тогда это был бы уже не Джастер.

Я ему и в подмётки не гожусь со своим умением, хоть боевым, хоть магическим.

Не равна птица по полёту...

Оберег защитит, когда его не будет рядом...

Когда ты захочешь уйти...

Как же я раньше всего этого не... замечала?

Точнее, не хотела слышать и понимать.

Так же, как не хотела замечать, что у Джастера есть тёмная сторона и кровавое, загадочное для меня прошлое.

А она есть. И это совсем не грубость и язвительный характер.

Прошлое всегда с тобой, так он сказал, кажется?

Неизвестная мне деревня Проклятых земель, утопленная в крови. Женщина, которая отвергла влюблённого мальчишку. Смертельная драка с личным врагом, который желает завершить начатое. Тайны и волшебство слугителей Смерти. Даже просто его умение убивать, легко и непринуждённо.

Наверняка, это лишь малая часть его тьмы.

«А вот если там он... Вашему королю я не завидую».

«Менять мир можно по-разному.... Иногда для этого свергают королей...»

Неужели... Неужели он хочет...

— Джастер... мы пойдём к королю?

— Зачем? — искренне удивился он, прервав танец с Живым мечом. Но в воздухе ещё витало неуловимое волшебство от этого танца.

— Как зачем?! Надо же предупредить!.. Что?!

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем предупреждать?

— Но ведь...

— Ты хочешь начать войну, ведьма?

— Нет, конечно! Я хочу...

— Знаешь, за что я не люблю людей?

— И за что? — нахмурилась я. Как он это «людей» говорит, как будто сам не человек!

— Вот представь, кто-то хочет, чтобы всем вокруг было светло. Но вместо того, чтобы зажечь свечу, он поджигает... ну, к примеру, дом. Или лес. При этом такой человек искренне считает, что сделал добро и никак не хочет признавать, что по его вине погибло много других людей, и не только людей..

— Ты на что намекаешь? — я окончательно помрачнела.

— Целитель отличается от лекаря тем, что он ищет и исцеляет причину болезни. А лекарь борется с последствиями.

— Ты это тоже в Сурае узнал? Там такие целители, что могут безногого на ноги поставить?

— Смотря какой безногий, — невозмутимо парировал он. — Некоторых — могут.

— Джастер!

— Убери причину — и последствий не будет, что непонятно-то, Янига? Если ты ногу или руку занозишь, ты будешь себе пострадавшее место отрубать или просто занозу вытацишь?

— Конечно, занозу вытащу! Что ты глупости говоришь!

— Вот и я о том же, ведьма.

— И как ты хочешь вытацить свою занозу? — обидно, что он опять меня глупой выставил. Но ведь сам виноват: мог бы и по-человечески объяснить!

Джастер усмехнулся. Нехорошо усмехнулся.

— Лучший способ узнать планы врага: пойти и спросить его об этом.

Пойти и спро...

Не может быть!

— Ты что, в Салаксхем собираешься? Но ведь Даэ Нану...

— Нет, не собираюсь, — Шут спокойно смотрел на меня, но мне чудилась скрытая усмешка. — Есть способ проще.

Фу-у, успокоил... Прямо камень с души.

— И какой способ?

— Чтобы проверить моё предположение, достаточно найти кое-кого поближе.

— К-кого? — по спине пробежали мурашки от внезапной догадки. — Нет, только не говори что ты про Гнилое болото!

— Всегда знал, что ты — умная ведьма, — ухмыльнулся Джастер.

— Нет, я туда не поеду! — я решительно сложила руки на груди. — Хочешь с разбойниками разбираться — разбирайся без меня!

Воин вытянул руку с мечом и спокойно изучал сверкающее лезвие.

— Помниться, — он даже не покосился в мою сторону, — не так давно кто-то обещал меня слушаться и пойти со мной куда угодно, что бы я ни задумал. Не подскажешь случайно, кто это был?

Поймал... Опять поймал меня на слове. И ведь не отвертишься же... Сама же обещала... Глупая...

— Это не честно, — я смотрела в сторону, кусая губу с обиды. — Это...

— Ты всегда можешь уйти, Янига.

Спокойный и холодный голос заставил меня вскинуть голову и обернуться к Шуту.

Юный красавец-менестрель в ярком наряде и с Живым мечом в руке смотрел взглядом, какого у наивного романтического мальчишки просто не могло быть.

Это был взгляд человека, который однажды потерял... всё. Даже себя.

И до сих пор живёт с этой болью.

Меня он тоже готов потерять.

Потому что я — ведьма. И в любой момент могу... уйти.

Совсем уйти.

Как ушла она.

Хоть мы и помирились, но он так и живёт с этой мыслью.

А я опять тут... со своими капризами...

Великие боги... У домеров кхвана не побоялась, в Костинограде чуть с обманкой сражаться не начала, а про разбойников услышала и сбежать готова?

Почему всё так сложно-то?!

Обещала же, что не предам.

А сама...

Эх, Янига...

— Что пасмурнела, ведьма?

Джастер закинул Живой меч в петлю на поясе и подошёл ко мне.

— Что тебе не хорошо?

Видит. Он всё видит и всё слышит. Потому что для него всё вокруг — живое.

И... И я ему — не пустое место.

Вот она: «зелёная радуга», искоркой горит на руке...

«Когда ты захочешь уйти...»

— Я... я не хочу уходить. — Я смотрела себе под ноги, но видела цветущие травы, очень яркие на чёрном фоне штанов воина и синем подоле моего платья. — И к разбойникам я тоже не хочу. Мне... Мне страшно, Джастер. Это... это по судьбе, да? Мне обязательно выбирать?

Шут вздохнул и прижал меня к себе.

Запах клевера мешался с запахом луговых трав, тепло тела — с теплом солнечных лучей. Сердце Джастера стучало спокойно и уверенно, а твёрдость мышц была для меня надёжней камня.

Слёзы сами потекли из глаз, впитываясь в шелковистую пёструю ткань его рубахи.

Не могу, не хочу уходить от него! Это... это выше моих сил!

— Что ты хочешь, Янига? — тихо спросил он.

— Я хочу быть с тобой, — я нашла в себе силы взглянуть ему в лицо.

Серые глаза были светлы и чуть печальны.

— Так будь, кто тебе мешает? Разве я тебя прогонял?

— Джастер...

Он опустился на траву, увлекая меня за собой.

— Ты же помнишь легенду о сотворении мира? Люди живут, как завещали им боги. Датри решала, хочет она быть с Шанаком или нет. И он принимал её решение.

— Джа...

— Шанак и Датри, кроме дара магии и умения любить, сделали людям ещё один подарок. — Джастер по-прежнему обнимал меня одной рукой, но смотрел куда-то вдаль. — Про него часто забывают и не всегда им пользуются, но он есть у каждого человека.

Я вытерла глаза и молча смотрела на него, ожидая продолжения.

— Это свобода воли, Янига. Священное право любого человека, с которым не спорят даже боги. Каждый человек волен сам выбирать, как он хочет пройти по своей судьбе. Споря и сопротивляясь или принимая то, что ему дано. А дано может быть... разное.

Разное... Не хочу я это... разное. Наелась уже.

— Судьбы людей сплетаются и расходятся, когда приходит время. Этим узором не заведуют даже боги, и человеку лишь остаётся доверять судьбе, потому что она всегда ведёт к тому, что жаждет душа. Не каждый путь лёгок и прям, но куда чаще люди сами бросают на него камни, терновник и другие преграды, усложняя себе жизнь. Наши судьбы связаны, Янига. Связаны достаточно надолго, если тебя это успокоит. Я не знаю, на сколько, не спрашивай. Это не определено.

Связаны надолго... Шанак, Датри это «неопределенно» ведь дольше, чем просто до осени?

Ведь дольше, правда?!

Джастер обнял меня, прижимая к себе и зарываясь лицом в волосы.

— Я рад, что встретил тебя. И рад, что ты сейчас рядом со мной. Мне бы не хотелось... Нет, не так. Я не хочу, чтобы ты ушла. Но если ты вдруг решишь иначе — я не стану тебе мешать.

Рад он, как же... Не хочет он, чтобы уходила... Только вот и мешать не станет.

И нежно на душе и... горько-то как...

Выходит, поэтому он... он смирился с её решением? Не стал мешать...

Как Шанак смирился с решением Датри?

Как... как я должна решить, чего я хочу?

— Потому что свобода воли?

— Да, ведьма. Насилие над чужой волей — одно из самых страшных преступлений в глазах Божественной пары. — Он убрал руку и встал, оглядываясь вокруг. — И платят за него всегда. Удачей, здоровьем, деньгами жизнью... Боги найдут, чем взять плату.

— Но... — я чувствовала недосказанность в его словах.

— Но иногда судьбы можно связать между собой без насилия над чужой волей. Для этого оба должны понимать все последствия такого шага, потому что обратной дороги не будет. Это не свадебные ритуалы, как понимаешь. Это истинная магия и она нерушима. Такие судьбы даже боги не смогут разъединить.

Истинная магия... Любит же он говорить загадками!

Принуждения он ни в чём не терпит...

И сам не принуждает.

— Солнце уже высоко. Нам пора ехать, если ты не...

— Я не передумала. И не передумаю, — я посмотрела в серые глаза, скрывшиеся в тени светлых прядей. — И я не желаю больше про это слышать!

Вместо ответа Шут мягко улыбнулся и отправился к лошадям, а я коснулась пальцами браслета на запястье.

Вот они, бусины. Разные. Очень разные.

И далеко не все из них... тёмные.

Наши судьбы надолго связаны и срок не определён. И он рад, что я с ним.

Потому что есть свобода воли и право выбора, как прожить свою судьбу. Это значит, что я сама могу решать, хочу я быть с Джастером или нет.

«Вот, видишь, кузнец... большое счастье и удача во всех делах. Счастливое замужество тебя ждёт, красавица...»

Я покачала головой, улыбнувшись воспоминаниям и поглаживая «зелёную радугу».

Вот она какая, его любовь...

Другой бы сказал: «моя» и точка. Или просто любовником быть согласился.

А он: «не буду держать»...

Судьба всегда ведёт туда, к чему стремится душа?

Так к чему стремится моя?

Две луны назад я знала ответ.

Я мечтала стать такой же сильной и известной ведьмой как Холисса.

А теперь...

Теперь я сама не понимаю, что хочу, потому что изменилось... всё.

Одно я знаю точно. Замуж я не хочу.

Я — не она. Я — ведьма.

Но я хочу быть с ним.

И буду.

Я встала и взяла чёрное платье, чувствуя, как неожиданно успокоилась внутри.

Шанак, Датри я... я доверяю вам и своей судьбе.

И... Я верю Джастеру.

Солнце и в самом деле начинало припекать, но я грелась под его лучами, переодеваясь в красивое платье, купленное Джастером в Кронтуше для «госпожи ведьмы Яниги». Оберев удачно скрылся под воротом, а браслет под кружевом рукава. Ни к чему такое напоказ носить.

Когда воин оседлал лошадей, ведьма Янига была готова отправится навстречу своей судьбе.

Но прежде Джастер подошёл ко мне, сняв с пояса Живой меч и держа в руке что-то непонятное, сшитое из кожи.

— Меняемся, ведьма.

— Почему? — Я недоуменно смотрела на Шута.

— Потому что я любым отмахнусь, а он тебе поможет, если что.

От этого «если что» по спине пробежал холодок.

Только я успокоилась и порадовалась, что нам расставаться не надо, как он опять нашёл, чем меня напугать.

— Так ты не шутил? То есть он не передумал? — я не мешала Джастеру делать, что он считал нужным.

— Нет, — он закрепил на моём поясе сшитые им кожаные полуножны для меча. —

Давай, попробуй, как тебе.

Доставать меч и убирать оружие в полуножны для меня оказалось немного сложнее, но Живой меч и в самом деле помогал, неведомо как направляя мою руку.

— А почему ты себе такие не сделал? Не потерял бы его тогда на дороге.

Я смотрела, как воин пристраивает на своём поясе ножны с моим мечом.

— Если бы не потерял, тебя бы не встретил, — пожал плечами Шут, проверяя, как откованный им клинок выходит из ножен. — К тому же я ему хорошие ножны обещал. А это так, временно.

— Ты переодеваться не будешь?

— Зачем? — Он осмотрел себя, стряхивая с яркой лоскутной рубахи невидимые пылинки. — Я же шут. Или не похож?

— Похож. Но я думала, что ты...

— Кур тоже думал, да в суп попал, — усмехнулся Джастер, закидывая лютню за спину. Его рубаха вспыхивала на солнце разноцветными пятнами, словно красочные витражи в ратуше Кронтуша. Рядом с почти рыжей Огоньком Шут выглядел до того ярко и весело, что против воли хотелось улыбнуться.

Зато я в чёрном и Ласточка у меня серая.

Как ворона рядом с зимородком...

— Я хочу красивое платье, — сердито сказала я, расстроившись от такого сравнения.

— А это тебе чем не угодило? — Шут помог мне взобраться в седло и расправить юбку так, чтобы она не оголяла ноги до колен. — В Кронтуше ты была им довольна.

— Это было давно, — буркнула я в ответ, убирая волосы с лица. — Сейчас оно мне не нравится.

Джастер придержал Ласточку за узду и задумчиво смерил меня взглядом.

— Хорошо, — неожиданно кивнул он. — Доберёмся до города — подумаем над твоей одеждой. Сейчас она отлично подходит. Только лицо сделай не жалобное, а посерьёзнее, ты же госпожа ведьма, а не девчонка деревенская.

Нет, он надо мной просто издевается!

— Во, отлично! То, что надо. Всё, поехали, ведьма. Остальное по дороге расскажу, чтобы ты понимала, что тебе нужно делать.

Под сенью деревьев верхом на Ласточке, в чёрном платье и с привычно распущенными волосами оказалось совсем не жарко.

Лесная дорога, по которой мы ехали, щеголяла накатаными колеями, не заросшими травой. Значит, город, где углежоги продавали свой товар, и в самом деле был не так далеко и к вечеру мы вполне могли оказаться за городскими стенами.

Тем удивительней и страшней было нападение разбойников на Чернецы.

Впрочем, всё, что я успела узнать за это утро, включая план Джастера, при здравом размышлении тоже совсем не радовало. Живой меч на поясе не успокаивал, а только подчёркивал опасность путешествия.

Если Шут прав, а я уже не сомневалась, что это так, то наша история приобретала очень непростой оборот.

Заговор ведьмы и герцога по захвату соседних провинций.

Измена волшебника королю или даже не настоящий волшебник.

Мантис, который ведьмами завтракает, обедает и ужинает, если захочет.

Ещё утром ничего подобного мне даже в голову не могло прийти.

— Джастер... Может, уже расскажешь, кто твой враг и почему он хочет тебя убить?

Шут, ехавший на полшага впереди, покосился через плечо, но торопить Огонька с шага на рысь не стал. Меч в потрёпанных ножнах на его поясе выглядел довольно нелепо, зато лютня за спиной очень подходила внешности и наряду юного трубадура.

— Какая ты настойчивая, Янига.

— А ты — упрямый! Между прочим, меня это тоже касается!

Воин фыркнул в ответ, и следом за ним Огонёк подняла голову и тоже фыркнула, потряхнув гривой. Вот ведь, спелись!

— Это очень давняя история, ведьма, — всё же ответил Шут. — У нас... личные счёты. Тебя он не тронет. По крайней мере, не должен, если на тебя заказа нет. А на тебя его нет.

Заказа? На... на меня?

— Ты о чём?! Какой ещё заказ?!

— На убийство, конечно, какой ещё, — спокойно ответил он. — В моём племени это основное ремесло мужчин. Что ты так смотришь? Разве я не говорил, что наёмник?

«Меня с детства учили убивать...»

Нет. Не может быть!

— Джастер... Ты же не такой жестокий!

— Кто тебе сказал, ведьма? — удивился он.

— Я сама видела! — я не собиралась сдаваться. — Ты добрый! Ты даже комаров не трогаешь!

Джастер задумчиво почесал кадык, проводил взглядом пролетевшего мимо жука и посмотрел на меня.

Спокойно и чуть снисходительно.

— А ты всяких букашек хоть раз внимательно вблизи рассматривала, ведьма? Они ж отвратные на редкость. Терпеть ненавижу, когда всякая такая мерзость по мне ползает. И ты хочешь, чтобы я об это руки марал? Да ни за что. Лучше пусть они подальше от меня живут.

Я только молча открывала и закрывала рот, пока воин спокойно смотрел на дорогу.

Вот же... А я-то думала он... А он... чистоплюй...

— Что, даже бабочки? Они же...

— Дневные терпимые. — Джастер покосился на меня. — А ночные — жуть. Гусеницы у них вообще чудища.

Что?! Кхван и демоны ему не мерзость, а бабочки — жуть?!

Теперь я точно верю, что он — не все.

— А ты вообще хоть что-нибудь любишь?

Признаться, я ждала, что он скажет «нет», но Джастер снова меня удивил.

— Молоко. С мёдом. — Он мечтательно улыбнулся. — Малину ещё. Яблоки, ягоды разные, лепешки горячие, только из печи. Особенно здорово, когда всё вместе. Лепешку из печи мёдом намазать, ягодами посыпать и молоком запивать... Пироги всякие люблю, кашу с маслом, вино хорошее, мясо... Много чего люблю. Я — всеядный, ведьма.

Пока он перечислял, я вспомнила, как вкусно готовила Вольта. Рот сам наполнился слюной, а в животе тихо забурчало, как будто мы совсем недавно не съели целый чугунок похлёбки на двоих.

— Джастер... Я не про еду!

Воин коротко покосился на меня, и едва заметно усмехнулся.

— Пчёлы мне нравятся. Шмели. Муравьи тоже ничего. Тараканы, кстати, вполне симпатичные на морду. На муравьёв похожи.

Что?! Да как он может после такой вкуснятины про такую гадость?! Фу!

— Ты... ты не шутишь?! Тараканы?!

— Ну да. Ты знаешь, что они умные, чистоплотные и безобидные? Не чета всяким вшам, блохам и прочей дряни, которая часто в матрасах водится. А что людям противно — это такая тараканья магия.

— Тарака... что?! Магия? Ты шутишь?

— Ну почему шучу? Я их защиту изучал, чтобы ко мне тоже всякая дрянь не приставала. Хорошо работает, между прочим. Ты тоже не жаловалась, кстати.

— То есть с тараканами ты спать согласен, а с клопами нет? — рассердилась я. Вот зачем он сказал, что его защита от комаров — это тараканья магия? Противно же...

— Нет, — Шут смотрел по сторонам дороги. — Я согласен спать в чистой постели без всякой живности. Женщин я живностью не считаю, если что.

Нет, он невыносим!

— А кем ты их считаешь?

— Женщинами. О, ещё кошка спать может. Если не блохастая.

Так, стоп. Это он меня специально убалтывает, чтобы на главный вопрос не отвечать?!

Вот ведь хитрюга какой!

— Наёмники охраняют других людей! А то, что ты говоришь!..

— И чем работа «пса» отличается от этого? — перебил меня Джастер, спокойно пожав плечами, и ничем не показав, что его хоть как-то задела резкая перемена темы. — Одного охраняешь, других — убиваешь. Как по мне, разница только в цене и сложности. «Псом» быть намного проще, но и стоит это намного дешевле. После Посвящения и до первой Игры этим многие балуются. Это же не короля или сильного мага убить. Или одну молодую и наглую ведьму в лесах найти.

— Джастер!

— Да не волнуйся ты так. Во-первых, у этой карги столько золота нет, сколько он за такую работу попросит. А если и есть, то гордыни больше. Если я правильно понял, она хочет сама с тобой разделаться. Ну, пусть попробует...

Успокоил, называется...

— А во-вторых?

— А во-вторых, ты не настолько интересная добыча, чтобы его такой детский заказ прельстил, извини. Ему нужен я, а не ты. Вот если он узнает, что я с тобой... Тогда да, ставки на тебя резко вырастут. Но и цена уже будет другой. Он захочет получить тебя живой. Если такое вдруг случится, используй яд по назначению, Янига. Это будет лучший выход для тебя.

Великие боги... Да что он за ужасы рассказывает?!

Лучше бы про тараканов...

— Тебя послушать, так в Проклятых землях вместо людей одни чудовища живут...

— Ну почему? Люди там тоже есть. Вполне себе обычные, даже без способностей многие, потому что за тёмный дар живьём на костре сжигают, чтобы зла на земле меньше было. Охотники с живностью из Бездны сражаются, с другими племенами воюют иногда.

Весело живут, в общем. Скучать им некогда.

— Джа...

— Всё, хватит болтать, ведьма. Много будешь знать — плохо будешь спать. Главное, в нашу с ним драку не лезь. Тогда он точно убьёт. Причём нас обоих.

С этими словами Джастер пришпорил пятками Огонька, посылая сразу в галоп, и мне ничего не оставалось, как подстегнуть Ласточку.

За внешней беззаботностью и юностью Шута скрывалось страшное и кровавое прошлое.

Проклятые земли и в самом деле были Проклятыми, если там творились такие ужасы.

На костре людей за тёмный дар живьём сжигают...

Мне такое и в кошмаре присниться не могло.

Зато понятно, почему он так легко свои способности скрывает. Тоже с детства учился.

Племя наёмников, которое зарабатывает убийством магов и королей. Где каждый мужчина прекрасно владеет оружием и тёмным даром.

Конечно, такой умелец свои услуги за медяки и серебрушки продавать не станет.

Ему и пять «роз» в день на подумать ещё.

Ставки вырастут...

Цена будет не детской...

Использовать яд по назначению...

Брр!

Лучше бы я этого не знала.

Значит, он поэтому «псом» переодеваться не стал? Красавчика-менестреля в воинском и волшебном мастерстве никто не заподозрит. А что бродячий шут и трубадур при ведьме опивается... Так все знают, ведьмы до этого дела охочи, а такой мальчишка только на песни да любовные подвиги и горазд...

И любое колдовство можно смело «госпоже Яниге» приписать.

Песнями и сказками.

Неужели он так всё задумал?

Шут ехал впереди и догонять его, чтобы уточнить верность догадки, я не стала.

Что-то мне подсказывало, что я сама всё увижу.

К тому же лучше думать о его плане и о том, как изображать из себя сильную и уверенную ведьму, которой демона убить или проклятие наложить — как плюнуть.

Молоко с мёдом он любит, а бабочки для него — жуть...

Ну надо же...

Через некоторое время я вдруг поняла, что лес вокруг не только не редет, но и становится темнее и гуще, а сама дорога заросла травой и выглядит заброшенной. Копыта лошадей глухо ступали по сочному конотопу. В сумрачном воздухе звенели комары, несмотря на полдень.

Неужели мы свернули к Гнилому болоту, и я даже не заметила этого, поглощённая своими мыслями?

Солнце золотило кроны, но внизу, среди ольховых стволов и густого подлеска, мне чудились тёмные тени, тут же исчезающие, стоило приглядеться чуть пристальней.

Джастер сдерживал Огонька, нервно прядущую ушами, и даже Ласточка косилась по сторонам и негромко фыркала, чуя неведомую опасность.

И тут я внезапно поняла ещё одно.

Коготь под платьем ощутимо грел кожу на груди.

— Джастер... твой оберег... он...

Шут коротко кивнул, взгляд мгновенно потемнел, а на губах мелькнула хищная усмешка.

— Ничего не бойся, Янига. Помни, кто ты и что должна сделать, — тихо сказал он. — Об остальном я позабочусь.

Неужели... Великие боги, неужели уже разбойники?!

Быстро-то как мы доехали...

Я положила ладонь на Живой меч, чтобы хоть немного почувствовать себя уверенной, как Джастер вскинул обе руки и громко заголосил:

— Ой-ой-ой, не стреляйте, люди добрые! С нас взять нечего, а от живых пользы больше!

Мгновения внезапной тишины, а затем по кустам вдоль дороги вдруг захохотало на разные голоса.

— Гля, робя, и впрямь шут пожаловал!

— Во голосит с перепугу, шта петух!

— Взять с него неча, во враль!

— Эй, белобрысый, слазий с коня, а то подмогнём!

— И девка твова пушай слазит!

Разбойники выходили из кустов, нацелив на нас короткие копыя с небрежно струганными древками. Четверо, одеты как бедные наёмники, в стёганки, с нашитыми кожаными заплатами. Волосы и бороды лохматые, лица перемазаны, взгляды недобрые. Один и вовсе кривой на левый глаз.

Живой меч толкнулся в ладонь тёплом, я не успела даже вздохнуть, как Джастер широко улыбнулся.

— А примету знаете, добрые люди? Шуты бродячие — как божьи дети! Шута обижать — грех на душу взять, век удачи не видать!

Я постаралась соорудить серьёзное лицо, едва удержавшись, чтобы не рассмеяться, глядя на замерших в недоумении разбойников.

— Ты чаво балакаешь? — хмуро буркнул один. — Чаво удумал ищо?

— Никады ни слыхали, — кивнул второй. — Брехня псиная, а не примета.

— Ну, коли брехня, тады пеняйте на себя, — Джастер развёл руками, не обращая внимания на наставленные копыя. — Не мне с проклятием таким жить, а вам.

— А девка, чо, тож шутиха, сбрешешь? — добавил кривой.

Четвёртый — позади Ласточки, молчал, но мне показалось, что он на всякий случай чуть отступил назад: копьё в руках дрогнуло.

— Кобели брешут, а я правду говорю! — надулся Шут. — Ты сам глянь, кого обзывашь! Кака ж это те шутиха?! Это ж сама госпожа ведьма Янига! — он изобразил вежливый поклон в мою сторону. — А ну извинись тут же, а то она ж вот так бровь подымет и мигом тя в мокрое пятно размажет, коли захочет. Она в Кронтуше двоих так казнила, в Пеггивиле демона испепелила, табор целый от демона спасла... А ну извинись, кому говорю!

Великие боги... Да он что, с ума сошёл?! Теперь будет всем вокруг это рассказывать? Чтобы нас нашли скорее?!

— Пожди, пожди, не трандычи! — замахал рукой один из разбойников. — Ща ты про Кронтуш балакал?

— Я говорю, что госпожа Янига двоих лиходеёв так прокляла, что их по стенкам, как комарьёв, размазало и сарай тот прям так и сожгли, даже разбирать не стали.

Разбойники переглянулись. Лица у всех стали хмурыми и серьёзными.

— А не брешет цыпа-то... — протянул один. — Слыхал я такую байку от «псов» в Чамроке...

— Звиняйте, госпожа ведьма, — кривой и в самом деле изобразил виноватого. — Не признал.

— И я слыхал, — закивал другой. — Токма болтали, шо у ведьмы той «псина» озверевший, на всех лаялся да кидался, хучь на строгаче держи. А ты чой-то на «пса» не похож совсем.

— А я и не «пёс», — широко улыбнулся Джастер. — Я — шут, не похож разве? Госпожа сама за себя постоять может, на кой ей деньги за охрану платить?

— А ты ей на кой?

— На это самое! — горделиво приосанился Шут, а я с трудом подавила желание закрыть лицо ладонью от стыда за его слова.

То он от меня отнекивается, а то хвалится направо и налево...

— Госпожа — ведьма жеж, а в дороге скучно одной, вот я её и развлекаю песнями да сказками!

Разбойники снова захохотали на все голоса, перемигиваясь и показывая друг другу похабные жесты.

Великие боги... Ну почему он решил шутлом прикидываться?! Озверевший «пёс» их хоть бы напугал...

— И впрямь — сказочник!

— Песенками развлекает! Во враль!

— Усё, слазий, белобрысый! — один из них протянул руку к поводу Огонька. — А то нама тута тожись скушно, от о тя с твоей бабой и повеселимся!

Лошадь вздёрнула мордой, наверняка не без помощи Джастера, но разбойник этого не заметил, решив что просто промахнулся.

К Ласточке тоже потянулись волосатые ручищи. А я очнулась и вспомнила наставления Шута, с детским испугом смотревшего на меня.

— А ну, руки прочь! — как могла грозно произнесла я, вкладывая в приказ силу и надеясь, что оберег не подведёт.

Коготь кхвана себя оправдал.

В воздухе резко полыхнуло и двое разбойников с воплями отскочили назад, тряся обгоревшими руками и сбивая с одежды и волос искры. Оставшиеся тут же нацелились на нас копьями, а Джастер примиряюще поднял ладони вверх.

На земле вокруг лошадей остывало чёрное неровное кольцо сторевшей травы.

— Госпожа, не гневайтесь, госпожа! Добрые люди не со зла к вам так, они по невежеству! В лесу бедняги живут, одичали совсем, манерам не обучены! Скушно им, вот они нас в гости к себе и зовут, чтобы я им песни попел да сказки рассказывал!

Великие боги... Ну как он может такую чушь нести с таким чувством, как будто сам в это верит!

Я не выдержала и сделала вид, что поправляю волосы, чтобы совсем уж не рассмеяться от неожиданного облегчения.

Оберег не подвёл. Нас ещё не убили.

Шанак, Датри, очень надеюсь, что план Джастера сработает и дальше.

— От он дурень же... — тихо пробормотал кто-то из разбойников за моей спиной.

— И впрямь — убогий, кажись...

— Дурень-то он дурень, зато ни разу не соврал.

Незнакомый звучный голос, полный силы и уверенности, принадлежал высокому мужчине, вышедшему из-за деревьев. Одет он был в тонкую рубашку, украшенную кружевами и коричневую суконную куртку, поверх которой красовался добротный кожаный доспех, клёпанный кованными бляшками, какой носят наёмники. Зелёные широкие штаны заправлены в высокие сапоги, на поясе боевой топор и кинжал. На среднем пальце правой руки перстень с красным камнем. Чёрные волосы причёсаны, короткая густая борода ухожена. Глаза холодные и безжалостные.

Этот уже не из простых мужиков, сразу видно.

«Волчара» матёрый.

За его спиной мелькнула зелёная куртка и рога лука. Видимо, лучник оказался посообразительней своих напарников, ведьму опознал и сбегал за этим...

При виде черноволосого разбойники вытянулись в струнку не хуже солдат.

Неужели сам атаман этой шайки?

— Дык это, Вран...

Короткий жест и говоривший тут же прикусил язык, вжав голову в плечи.

— Доброго здоровья вам! — широко улыбнулся Джастер. — А вы кем будете, мил человек?

Черноволосый мужчина остановился перед нами по ту сторону сгоревшей травы, положив руки на пояс в непосредственной близости от оружия.

— Лесник я, — ухмыльнулся он. — Враном кличут, потому как в лесу живу, за убогими вот, приглядываю, от лихих людей их охраняю, чтобы не обижали.

Та-ак... А этот кого тут за дураков держит? Джастера что ли?

Или меня тоже?

— Ой, доброе дело, — тут же закивал Шут. — Ой, доброе! А токма что ж ты уважаемый, убогих-то своих вежести не научил? Кто ж так в гости зазывает? Чуть госпожу мою не обидели! Это она их ещё ласково предупредила! А могла бы и мокрого места не оставить!

Я с трудом держала невозмутимый вид, наблюдая это представление. Ласково...

Сам же сказал силы вкладывать чуть, как в обычный заговор.

— Премного извиняюсь за остолопов моих, госпожа ведьма, — изобразил поклон Вран, тоже переходя на просторечие. — Нехорошо и впрямь получилось. Ведьмам у нас завсегда честь и почёт! Позвольте вас в лагерь наш пригласить, ужином накормить, ночлегу, как положено, дать. А дурачок ваш пушай уж убогих моих песнями да сказками потешит-повеселит. А утречком мы вас проводим ужо...

Проводят они утречком, как же. В трясину с перерезанным горлом.

Я посмотрела на Джастера, который весело и непринуждённо улыбался хмурым разбойникам. И впрямь: дурачок деревенский...

«К вечеру на месте будем».

Я посмотрела на солнце. Из-за густых ветвей видно плохо, но и в самом деле к вечеру дело идёт.

И как Джастер всё рассчитал?

— Хорошо, — я милостиво кивнула в ответ, изображая госпожу, но не собираюсь спешиваться. — Так и быть, прощаю вас и ваших остолопов. Конечно, я хотела остановиться на постоялом дворе, но так и быть. Погощу у вас, если обещаете хороший ужин и вино.

Вран прикрыл глаза, пряча хищный и довольный блеск. Значит, он и впрямь посчитал меня такой же недалёкой умом, как и Шута. Получилось! Великие боги, у меня получилось!

Я положила ладонь на рукоять Живого меча, чтобы унять чувства. Самое важное — впереди.

— Не гневайтесь, госпожа! — Вран заметил мой жест. — Всё будет в наилучшем виде! Самое дорогое вино из своих запасов для вас достану!

Да уж, представляю, откуда у него «запасы»...

Эта мысль настроила меня на нужный лад.

— Прекрасно, — я продолжила играть высокомерную ведьму, стараясь не смотреть на беззаботного Шута, как и положено госпоже. — Показывайте дорогу.

— Не проехать верхом, госпожа ведьма. Ножками уж идтить придётся, не обессудьте. — Атаман с поклоном указал в сторону леса.

Ножками, как же... Лошадей к рукам прибрать да в наших вещах покопаться хотят.

— Я помогу вам, госпожа! — Джастер с готовностью прыгнул с Огонька, — только лютня на спине звякнула струнами. — Только подождите чуток! Вот как повезло нам: добрых людей в такой глуши встретили!

Я милостиво позволила Шуту подхватить меня за талию, и снять с Ласточки. Джастер, словно слуга расправлял мне юбку, не переставая говорить о том, как нам повезло встретить в лесу добрых людей, а не разбойников.

Тем временем Вран, не прислушиваясь к болтовне Шута, внимательно разглядывал наше оружие. И если потрёпанные ножны и простая рукоять меча в кожаной оплётке на поясе Джастера удостоились только беглого взгляда и презрительной гримасы, то к Живому мечу атаман разбойников присматривался куда пристальней.

— А вы, госпожа, никак и оружием балуетесь? — вкрадчиво поинтересовался Вран. — Я погляжу, без ножен его носите...

— О, госпожа не балуется, госпожа сражается! — тут же ввернул своё слово Джастер. — Она не чета обычным ведьмам, которые только зелья продают! Госпожа Янига — самая могучая ведьма в королевстве! Я ж говорю — не нужна ей никакая охрана! Она сама кого хошь — фьют!

— Что, и посильнее госпожи Вахалы будет? — недоверчиво усмехнулся Вран, пока его люди уводили в чашу наших лошадей.

— Вахала? — я тоже изобразила удивление, стараясь унять бешеное биение сердца и поднявшийся страх.

Джастер был прав. Во всём...

— Кто это? — искренне удивился Шут, давая мне время справиться с чувствами. — Никогда не слышал. Разве она хозяйка этого надела, госпожа?

Я вдруг вспомнила проклятый Пеггивилль, «тятенька, не надо!»; весёлых гостеприимных домеров, вынужденных повернуть свои повозки в Сурайю; серый запуганный Костиноград; зажиточную — пока зажиточную! — деревню Томила и Вольты... А ведь ещё были Абрациус и Эрдорик, потерявшие любимых, была резня под Упочкой, были сгоревшие останки Чернецов...

Хозяйка... Она?! Эта... Эта... карга, которая смеет называть себя ведьмой?!

Ну уж нет! Хватит с меня!

— Обойдётся! — я в гневе топнула ногой так, что снова полыхнуло огнём: оберег среагировал на мои чувства. — Это мой надел! Никакой Вахалы здесь много лет не было и не будет!

От такого заявления атаман разбойников, отшатнувшись от огня, поперхнулся и закашлялся, косясь на меня настороженно и с опаской.

А вот в серых глазах Джастера неподдельное изумление сменялось искренним восхищением и уважением.

24. Цветок магов

Насладиться произведённым впечатлением, как и понять, что на меня нашло, я не успела.

От моего громкого и яркого возмущения лошади заржали и взвились на дыбы, вырывая повод из рук разбойника, который их вёл.

— Джастер! — подчиняясь новой волне гнева, я властно взмахнула рукой в сторону лошадей. С пальцев слетели искры, и Шут немедленно кинулся туда, ловя поводья и успокаивая лошадей голосом.

Краем сознания я понимала, что «госпожа ведьма» должна держать себя в руках, но наверно, я слишком долго терпела и боялась. Страх перед ведьмой, из-за которой пострадало столько людей, да и я сама оказалась в неприятностях, переплавился в злость, которая вместе с поднявшейся волной дара, стремительно разгоралась в незнакомую мне прежде огненную ярость.

Этой ярости мне бы легко хватило поджарить кхвана, но я была готова обрушить её на стоявшего в паре шагов атамана разбойников.

В моей силе этот негодяй сомневается? С этой мерзкой старухой меня сравнивает?!

Да я из этого Врана всю душу вытрясу!

Он мне всё расскажет!

Уперев руки в бока, я развернулась к атаману, явно не ожидавшему такого беспокойства от молодой ведьмы и её «дурачка».

— Так что ты там про эту каргу говорил, которая в моём наделе себя хозяйкой объявить решила?! — я почти рычала, а в правой ладони наливалась огнём боевая руна.

Конечно, человек не нежить, но мало ему тоже не покажется.

— А ну, повтори!

— Госпожа! — Вран, мгновенно оценивший грозящую опасность, рухнул на колени, скидывая руки в жесте защиты. — Смилуйтесь, госпожа! Вы самая сильная ведьма! Ваш этот надел, ваш, только не гневайтесь!

Ах ты, перебежчик какой! Ну уж нет! Я тебе не дура!

— Что, пока твоя хозяйка далеко, а я близко, так и надел мой?! А как отвернусь, ей докладывать побежишь?! За дурочку меня держишь?! Да я из тебя жаркое сделаю за дела твои!

За моей спиной громко ржали лошади, а на лице атамана отразился неподдельный страх: жар от руны шёл такой, что чёрные волосы в его бороде подпаливались. Но сказать он ничего не успел.

— Госпожа, госпожа, не серчайте! Лошадки наши боятся шибко! — встревоженный Джастер с трудом перекрикивал громкое ржание.

— А ты почему их в чужие руки отдал?! — не задумываясь, я рывкнула в ответ. — Тебе кто на это разрешение давал?! Я?!

— Простите, госпожа Янига! — виновато и жалобно откликнулся Шут. — Виноват, не подумал! Только не гневайтесь, а то не удержим лошадок, сбегут! Не сердчайте на лесничего, госпожа Янига! Он плохого не хотел! Он же нас в гости звал!

Вран торопливо замотал, а затем закивал головой, всем своим видом показывая, что слова «дурачка» чистая правда. Плохого не хотел и в гости звал.

Ну да, как же...

Я оглянулась и увидела, что Джастер на пару с испуганным разбойником и в самом деле едва удерживают рвущихся лошадей. На одно мгновение я встретилась с Шутом взглядами, и с меня словно спала пелена.

Да что я делаю, в самом деле?! Я что, с ума сошла?!

Ладно, разбойники, но лошади и... Джастер?! На них-то я за что накричала?

Эта мысль остудила бушевавшую во мне ярость. Только дар глухо ворочался внутри, снова успокаиваясь, но я уже знала, что он стал заметно сильнее и глубже, чем был.

Хмурясь, я сложила руки на груди, скрывая внезапную дрожь и растерянность от случившегося.

Неужели это из-за оберега дар так усилился? Джастер же сейчас не колдовал...

Ладно, потом с этим разберусь. Сейчас другое важно.

Я постаралась принять вид милостивой «госпожи ведьмы», и обернулась к атаману, по-прежнему стоявшему на коленях.

«Лесник» уже сумел взять себя в руки и всем своим видом показывал глубокое почтение передо мной. Навряд ли разгневанная госпожа Янига сумела внушить ему уважение, но, кажется, заставила считаться со своей силой.

Ладно, посмотрим, что он задумал.

— Вставай и веди в свой лагерь. Расскажешь всё, что знаешь про эту каргу! — грозно произнесла я, глядя на Врана сверху вниз. И, не глядя, бросила через плечо: — А ты забери лошадей и никому не давай! А то так прокляну, хоронить нечего будет!

— Слушаюсь, госпожа! — покорно отозвался Шут, пока атаман вставал на ноги, глядя на меня с определённым уважением.

Если до этого он не особо верил в рассказы «дурачка» и слухи про «госпожу Янигу», то сейчас не сомневался в моём могуществе и грозном нраве.

Вот и отлично.

Надеюсь, моя внезапная вспышка не испортила план Джастера...

Я только украдкой вздохнула, глядя в спину атамана, с угодливыми поклонами показывавшего «могучей госпоже» дорогу в свой лагерь.

Джастер следовал за мной, тихо и ласково разговаривая с «лошадками».

Идти до Гнилого болота оказалось недолго. Очень скоро сухие мхи с черничником и брусничником сменились на поваленные и замшелые коряги, под ногами появились кочки, а про поднятых комаров и мошек и говорить не приходилось.

Вран молча шёл вперёд, явно выбирая тропу посуше. Мне же приходилось подбирать юбку, чтобы не испортить наряда. Я шла за разбойником, отмахиваясь от комарья сорванной веткой брусничного куста и поднятым подолом. Жёсткие листья царапали обнаженные голени, между кочками чавкало и виднелась вода. Даже атаман предпочитал не мочить сапоги, а мне в туфлях и вовсе лучше не соваться в такое. Как Джастеру удавалось вести

следом за нами негромко фыркающих лошадей, я даже не представляла, но слышала за спиной тихое и неразборчивое ворчание.

Шут явно не был доволен.

Эх, Янига, Янига... Опять наговорила всякого не подумав.

Зря я не позволила разбойнику лошадей увести. Не в этом же болоте они их держать собирались? Наверняка место для скотины есть сухое. Они же всю живность с Чернецов увели, да и в караванах лошадей не оставляли...

Джастер позади выругался тихо, но вполне отчётливо.

— Долго ещё? — грозно спросила я, вовремя отмахнувшись от комара, едва не влетевшего мне в глаз.

— Почти пришли, госпожа, — откликнулся атаман, обернувшись через плечо. — Вон за той сосенкой гать.

Я незаметно вздохнула. Надеюсь, лошади там пройдут...

Если с ними что-то случится, Джастер мне не простит.

К счастью, гать оказалась выстланной не просто соломой, землёй и хворостом, но и располовиненными брёвнами. Хотя тропка узкая, провести лошадь возможно. После кочек идти по такой тропинке было сплошным удовольствием. Даже Шут, со всем почтением попросивший госпожу взять повод Ласточки, потому что «две лошадки рядом не пройдут», заметно повеселел, да и лошади негромко цокали копытами по шершавым брёвнам.

По бокам гати плескалась чёрная вода, от которой шёл могильный холод. Солнце ещё не село, но клочья тумана уже гнездились у кочек, скрывая границу между мхом и топью.

Означало это только одно.

Чуть оступился на мокром — и всё. Только тебя и видели.

Гнилое болото и в самом деле было прибежищем не только разбойников, но и нежити, которая ждала своего часа.

Только разбойников опасное соседство ничуть не волновало. Вран шёл спокойно, даже головы не поворачивая в сторону негромких всплесков в нескольких шагах от тропы.

Хотя нервы у меня были натянуты как струны на лютне Шута, я старалась не подавать вида, но в глубине души невольно вздрагивала, вспоминая своё первое путешествие через болото.

«Помни, кто ты и что должна сделать...»

Помню. Я — помню.

План Джастера, казавшийся мне поначалу бредом, работал.

«Сами придут и к себе отведут».

Ведьма Янига и в самом деле смогла заинтересовать разбойников настолько, что Вран согласился привести её в лагерь, куда Джастер хотел попасть.

Кое-что важное мы уже успели узнать, но этого мало.

Атаман — матёрый «волчара», явно якшается с этой Вахалой, и так просто разговорить его не получится...

Разбойничья стоянка оказалась настоящим лагерем, расположенном на большом и сухом острове, густо поросшем соснами и мхом. Срубы из неошкуранных брёвен, крытые тёсом и мхом, прекрасно скрывались среди стволов и сосновой поросли и с берега топи были не видны. Кроме срубов, в лагере было устроено кострище и даже отгорожен небольшой загон для животных, где стоял вороной конь.

Учитывая, что нежить здесь водилась и без проводника добраться до гати можно только случайно, даже без охраны разбойники могли чувствовать себя в полной безопасности.

Тем не менее, охрана была.

Двое широкоплечих разбойников, вооруженных луками и короткими копьями, смотрели хмуро и злобно, мигом оценив как нас, так и наших лошадей с поклажей. Вран же, с поклонами и ухмылочкой, которую прятал в бороде, рассыпался в покорнейших извинениях перед госпожой ведьмой за «скромную лесную обитель сирых и убогих».

Самих же «убогих» оказалось несколько десятков человек. Все вооруженные, кто топором, кто коротким мечом, в одежде простых наёмников, только чересчур лохматые и бородатые, они недобро зыркали на нас с видом тех, кто привык убивать, насиловать и грабить. Моё ведьминское платье не вызывало даже тени почтения или боязни. В их глазах я была просто молодой и красивой девкой, годной только для одного.

Это меня пугало больше всего. Неужели Вахала настолько сильна, что её люди остальных ведьм ни во что не ставят?

И как Джастер хочет с такой толпой в одиночку справиться? Их же здесь с полсотни, если не больше...

Если бы не Шут и его оберег, я бы, наверно, и шагу не смогла ступить от страха.

Но «госпожа ведьма Янига» шла, гордо выпрямив спину, подняв подбородок и не обращая внимания на толпу разбойников, с тихими шепотками собиравшихся за нашими спинами.

Оберег на груди по-прежнему грел кожу, не думая остывать.

— Госпожа, а можно я лошадок в загон поставлю? — Джастер спросил, когда мы миновали охрану гати.

— Ставь, — я кивнула, даже не подумав спросить разрешения у атамана. — И позаботься о них сам!

Обернувшийся Вран только мрачно зыркнул на нас, но тут же закивал головой, изображая согласие с волей «госпожи ведьмы».

— Слушаюсь, госпожа! — с безмятежной улыбкой отозвался Шут, словно мы разговаривали на постоялом дворе.

Забрав у меня повод Ласточки, он направился к загону, насвистывая песенку и приветливо улыбаясь хмурым разбойникам.

— Итак? — я обернулась к атаману, который с нехорошей ухмылкой поглаживал на руке перстень с камнем. — Ты обещал...

Закончить фразу я не успела: оберег полыхнул горячим, и по привычке, вбитой меня уроками Джастера, я отшатнулась назад и в сторону быстрее, чем поняла, что происходит.

В тот же миг перед лицом мелькнуло нечто тонкое и тёмное, а едва успокоившийся дар поднялся новой гневной волной.

Чёрное щупальце, впустую хлестнувшее по мху и прошлогодней хвое, стремительно втягивалось к нижней ветке ближайшей сосны, где у ствола шевелилось нечто тёмное и отвратительное.

Живой меч просился в руку, но я не стала его доставать. Это не его драка.

Мой дар кипел и требовал действия.

Вран, отскочивший от меня подальше, не успел скрыть мерзкой ухмылки, но всё понятно и так.

Глупая ведьма отправила своего «дурачка» прочь и сама подставилась под удар какой-

то нечисти.

Конечно, помогать мне никто не собирался.

Наоборот, разбойнички желали поглазеть на битву ведьмы и нечисти, отступив подальше от места битвы.

Тварь на ветке клубилась чернильным туманом, отростки появлялись и исчезали. Зрелище завораживало и навевало жуть, но я уже была слишком зла, чтобы поддаться этому наваждению.

— Ах ты, мразь... — гнев во мне вскипел с новой силой, воздух вокруг заискрился, а в руке наливалась светом не руна, а целое боевое заклинание, каким меня научил Шуг. Хотя рунические формулы были нужны для демонов, я не пожалею силы и заклинаний на эту мерзкую тварь.

Ты у меня попляшешь...

Да я из тебя жаркое сделаю!

Неведомая тварь почуяла мой настрой, внезапно сжалась в игольчатый шар, на котором вспыхнули алые огоньки крохотных глазок и уже несколько тонких щупалец ринулись ко мне, атакая с разных сторон.

— Ане-ша-хэ! — я вскинула руку, отпуская заклятие и сразу же разворотом уходя в сторону, как учил Джастер.

Юбка взметнула сухую хвою. Два щупальца глубоко хлестнули подстилку там, где меня уже не было.

Огненный щит развернулся передо мной, отсекая чёрные гибкие плети.

Вечерний воздух прорезал резкий пронзительный звук, на мох падали куски обожженной плоти, истекая чёрной густой кровью. Пламя щита погасло, а тварь билась на ветке и злобно щерилась иглами зубов, пытаясь втянуть в себя остатки щупалец.

Но я не собиралась давать ей передышку. Ярость и сила переполняли меня.

Смотреть в алые точки злобных глазок я тоже не собиралась.

Я жаждала уничтожить эту тварь Проклятых земель, а потом обрушить свой праведный гнев на тех, кто решил, что я ничего не стою, как ведьма.

Бить так, чтобы противник не встал...

— Со-ара-ми! Айшарэ ду эст!

Сеть из фиолетовых молний и пламя Шанака обрушились на чернильное пятно, рассекая и сжигая плоть чудища. В воздухе свистело, скрипело и верещало, вокруг растекался отвратительный и горький запах горелой плоти. Тварь упала на землю, сеть продолжала сжиматься, рассекая плоть на куски, а священное пламя не давало твари восстановиться или удрасть.

Угольные куски плоти падали на мох, но подстилка лишь тлела, не загораясь — в отличие от огненной руны волшебное пламя Шанака сжигало только нечисть, нежить, демонов и тварей Бездны.

— Госпожа! Госпожа! Опять вы без меня подвиги совершаете?! — Джастер растолкал стену изумлённых разбойников, и склонился над останками неведомой твари, опираясь ладонями на колени. Торба у него съехала вперёд, лютня и свёрнутый полог висели на одном плече, а меч на поясе выглядел ещё нелепее, чем раньше.

— Ого! Это вы ночного хваталу в одиночку убили?! Ух ты! А почему меня не подождали, госпожа?! Как я теперь песню о таком славном деянии сочиню?!

Дурачка он изобразил так хорошо, что меня снова взяла злость.

Меня тут какой-то ночной хватала убить пытался, а ему песни про подвиги подавай?!

— Не моя забота! — рыкнула я в ответ, поправив свою сумку, в горячке боя тоже съехавшую вперёд. — Ты почему здесь? Опять лошадей бросил?

Шут вскинул брови «домиком» и заморгал, будто вот-вот заплачет. Дитя — дитём.

— Так у добрых людей тута коваль есть, Микай! — обиженно надувшись, сообщил он. — А кто лучше коваля о лошадаках позаботиться, госпожа?

Ничего лучше, чтобы привести меня в чувство, Джастер сказать бы не смог.

Коваль Микай? Неужели тот самый, из Чернецов? Жив, выходит... Не сгинул на болоте, хоть и не «колдуня»...

К разбойникам примкнул. Против своих же соседей и родни пошёл...

— Микай? — растеряно переспросила я.

— Да, госпожа! — радостно подтвердил Шут. — А господин лесничий, помнится, вам покушать вкусно обещал...

Джастер прекрасно играл свою роль, да и я, наверно, вполне походила на знаменитую могучую ведьму, скорую на расправу.

Только вот в отличие от Шута, я не привыкла к таким представлениям.

Да и разбойники тоже. Вон как переглядываются с атаманом, думают, я не вижу, пока дурачка браню...

Это ведь не конец. Это только начало.

Вран стоял возле своих людей, стискивал ладонью палец с перстнем, и смотрел на меня с заметной опаской.

Нервное напряжение ещё не отпустило меня, дар бурлил, а злость не прошла.

Теперь он мне за всё ответит и всё расскажет.

— А ну иди сюда... — я почти рычала, шагнув в сторону разбойников, а в руке снова наливалось огнём заклинание. — Ты на меня эту тварь натравил! Я с тобой знаешь, что сделаю?!

Придумать страшную казнь я не успела.

— Госпожа, госпожа, не гневайтесь! — Шут настолько неожиданно заступил мне дорогу, упав на колени, что я чуть не запнулась через него. — Добрые люди не виноваты, что у них тут такая жуть завелась! Они вам все благодарны очень, что вы их от смерти лютой спасли! Этот хватала мог бы всех за ночь передушить!

Не виноваты?! Это они-то?!

Да что он такое несёт?!

— Верно, госпожа Янига! — Вран ухватился за спасительный бред. — Правду вап дурачок говорит! Не виноватые мы, это всё госпожа Вахала! Её это прислужник был, всех нас в страхе держал! Вельми благодарны вам за спасение от чудища этого! Благодарствуем, госпожа Янига! Правду про вас сказывают, великая вы ведьма!

Атаман истово поклонился в пояс и остальные разбойники недовольно и хмуро стягивали с голов шапки и неловко изображали поклоны, что-то неразборчиво бурча.

— Вот видите, госпожа, добрые люди всегда вашей помощи рады! — Джастер смотрел на меня снизу вверх и улыбался наивно и искренне, как малое дитя. — А ещё я там видал кабанчик лежит, на вертел просится... Давайте покушаем вкусно, госпожа?

В любое другое время я бы могла поверить в его искренность, но не сейчас.

Особенно, когда лица разбойников скривились в понимании, что «гостей» придётся кормить.

— Конечно, конечно, госпожа Янига! — Вран пришёл в себя первым. — Всё будет в лучшем виде! Самое вкусное для вас приготовим! Не извольте беспокоиться!

Самое вкусное они приготовят....

Ага. Топориком в лоб или ножиком в живот изволите?

Но выбора у меня не было. Шут, стоя на коленях, поправлял пожитки, падающие с плеча, пока он старательно расправлял рюши и оборки на юбке госпожи, а атаман с угодливой улыбочкой предложил мне пройти в его «скромную сторожку».

«Сторожка» оказалась небольшим срубом. Окон в нём не было, и потому разбойник распахнул дверь, чтобы осветить жилище изнутри, пока он зажигал лампу, стоявшую на столе.

— О, красота какая! — Джастер просочился в «сторожку» следом за разбойником. — Это ж не в каждом доме такое увидишь!

Я шагнула следом за Шутом, стараясь не слишком пялиться по сторонам.

Но Джастер был прав. Такого богатства не в каждом доме увидишь.

Пол устлали ковры и дорожки в несколько слоёв. На крепко сколоченной грубой кровати лежало несколько матрасов, поверх них — настоящая перина, с целым ворохом покрывал и подушек. Грубый стол был заставлен золотой и серебряной посудой, правда грязной и с остатками засохшего завтрака.

Вдоль стен стояли сундуки, украшенные резьбой, камнями и накрытые богатыми тканями.

В свете лампы, которую Вран держал в руках, «сторожка» казалась настоящей сокровищницей.

— Бедные и убогие, говоришь... — я посмотрела на разбойника, пока Джастер что-то стянул со стола и устраивался на полу, набив едой рот и вытирая руку об одежду. Свёрнутый полог он пристроил на один из сундуков, торбу передвинул за спину, а лютню положил себе на колени.

Можно подумать и в самом деле с детства в прислуге ходит...

— Так и есть, госпожа, — разбойник нагло ухмыльнулся. — Живём мы сами видите как, бедно да убого, домишки худые, хозяйства нету. Люди мои по дорогам милостыню собирают, по деревням подавание просят. Что добрые люди подают, тем и живём!

Я только стиснула зубы, чувствуя, как во мне опять закипает гнев и поражаясь такому наглому вранью.

— Садитесь, госпожа, — разбойник кивнул мне на стул. — Откушайте, чем богат...

— Ты меня за кого принимаешь, с грязной посуды за тобой остатки подьедать?! — Я не сдержала новой волны раздражения. — Совсем страх потерял?!

Вран слегка побелел, поняв, что и в самом деле перестарался с наглостью, а меня подёргали за юбку.

— Госпожа, пока со стола убирают и кабанчик жарится, хотите я вам сказку расскажу? — Шут мило улыбался, устроившись на полу «сторожки».

— Рассказывай, — разрешила я, не давая Врану, и в самом деле сгребавшему грязную посуду в одну кучу, и рта раскрыть. Не смотря на план Джастера, мне совсем не хотелось оставаться с разбойником один на один, и пока Шут рядом, я чувствовала себя уверенней.

К тому же отказывать себе в удовольствии послушать очередную сказку или песню я не собиралась.

С радостной улыбкой Джастер устроился поудобнее, подождал, пока один из разбойников по короткому приказу атамана не унёс грязную посуду, обласкал лютню и заиграл странную мелодию, совсем не похожую на то, что я слышала прежде. Музыка накатывала и отступала, словно волны, но за её переливами слышалась глубокая и грозная сила.

— Когда ещё не было света и тьмы,
И не натянулось Великой струны,
Один Изначальный лишь в хаос играл
И вдруг невзначай Струну он создал.
Порядок от хаоса он отделил.
Струну натянул и миры сотворил.
Играл Изначальный, творил чудеса.
А с песней росла Мировая лоза.
В ней листья и гроздья различных миров
А ствол — то Дорога из сотен дорог.
По нраву пришлась эта песня ему,
Но скучно же жить в тех мирах одному.
И новую песню Игрок тот сложил,
И души в творенья свои он вложил.
Так стали богами все дети его.
Себе ж не оставил творец ничего.
Он в игры другие решил поиграть
В мирах сотворённых пошёл погулять.
Его называют с тех пор Игроком,
Но имя его стало тайной притом.
Лишь тот, кто его на дорогах найдёт
И верное имя в тиши назовёт,
Тот станет легендой прославлен в веках:
Он счастье получит из рук Игрока.
Но чтобы игра не простою была
Людей научил он валять дурака:
Ходить по дорогам и песнями течь,
Бубенчиков звоном удачу привлечь.
Среди менестрелей, шутов и бродяг
Игрок затерялся — не сыщет и враг.
Но ставки в Игре как всегда велики:
Удача навеки иль жизнь не с руки.
Играет на равных Всесильный всегда.
Но коли обманешь — наступит беда.
От гнева его достаётся богам
И демонам он надаёт по рогам.
А смертный подпишет себе приговор:
Судьбины несчастной по жизням узор.
С тех пор его ищут, кто знает о том
Что имя его станет счастья ключом.

Но только проходят века и века...

Никто не нашёл ещё ключ Игрока.

Джастер закончил играть, и нежно перебирал струны, пока я пыталась осмыслить необычную песню. Что он хотел ей сказать?

Что шуты — божьи дети и обижать их чревато? Вдруг это не просто бродяга, а сам Игрок?

Так он про это разбойникам на дороге говорил?

Только вот этим мерзавцам что ведьма, что бродячий шут, что купец, что крестьянин — всё одно: под нож.

— Ишь ты, непонятно ни демона, но хорошо поёшь, щегол, — Вран достал откуда-то бутылку, налил в кубок вина и осушил в один присест. — А ну давай ещё! Только как следует пой, мы тут люди простые, одичалые...

— Как скажешь, добрый человек! — Шут ухмыльнулся, лаская лютню. — Хотите, весёлую застольную спою?

— Пой! Пой! — в разноголосицу откликнулись разбойники, собравшиеся по ту сторону незакрытой двери на нежданное представление. — Давно мы весёлых песен не слыхивали!

— Позвольте, госпожа, я добрым людям песен попою?

— Пой, — милостиво кивнула я, понимая, что всё важное, что Шут хотел сказать — он сказал.

Только вот я ничего не поняла из его песни.

На что он намекал?

Как я должна разговаривать с Враном?

— Если я уйду в луну — бочку выпью не одну! — весело заголосил Джастер, выйдя за дверь и направляясь к костру, где жарился кабанчик. — Если в солнце я уйду...

— Девочек всех с ума сведут! — дружно подхватили разбойники, потянувшись следом за певцом.

— Ишь ты, и от такого дурачка польза есть, — негромко хмыкнул Вран, снова привлекая моё внимание.

Про должную почтительность перед «госпожой ведьмой» атаман опять забыл.

— Не только мордой вышел, но и голосом. А железка — то ему зачем? Поди, пока достанет, сам себе всё порежет... Ась, госпожа?

— Не порежет, — я хмуро покосилась на разбойника, снова наполнившего себе кубок. — Я хочу знать про Вахалу. Рассказывай.

Вран поднёс кубок к губам, и посмотрел на меня поверх него. И по этому взгляду я поняла, что наша с ним битва только начинается.

В моей магической мощи он убедился, но этого оказалось недостаточно, чтобы он развязал язык.

— Так неча рассказывать, госпожа. Соглядай её тута был, людёв моих пужал, так вы его порешили лихо! Так что мы теперя свободные люди! — он запрокинул голову, выпивая вино.

Мне он угощения не предложил, а значит, по-прежнему считал слабее Вахалы.

— Свободные, как же, — я хмуро покосилась на дверь, жалея, что Шут развлекает разбойников у костра.

Впрочем, в его присутствии Вран вряд ли бы стал разговорчивей.

— А что вы предлагаете, госпожа? — разбойник отставил кубок и подался вперёд,

облокотившись на стол.

— Жизнь предлагаю. — Я хмуро смотрела на него. — Тебе и всей твоей банде. Ты меня за дурочку не держи, я знаю, чем вы тут промышляете.

Разбойник откинулся на спинку стула и пригладил усы, заново оценивая меня.

— Экая вы, госпожа, сразу с каких козырей заходите... — он ухмыльнулся, но чёрные глаза были холодны и жестоки. Мои условия его явно не впечатлили. — У вас платье богатое, лошади добрые, даже слугу с собой таскаете, а жадничайте да угрожаете. Нет бы золотишком позвенели, власти предложили, али ещё чего, поинтереснее...

— Не нравится? — под его недвусмысленным взглядом я нахмурилась, невольно нащупывая рукоять Живого меча.

— Почему не нравится, — усмехнулся атаман, заметив мой жест. — Сурьёзный разговор у нас, как у сурьёзных людей. Только вот люди мои есть хотят, да и погулять весело. А на всё это денежка треба, госпожа.

Гулять они хотят и есть... за денежки...

Ага, как же...

Сталью в горло они платят, а не золотом в кошель. И ладно бы убивали просто. А то ведь и мучают, и насилуют...

— Сколько? — я хмурилась, стараясь сдержать свои чувства, но атаман понял по-своему.

— Госпожа Вахала золото и ценности всякие ей отправлять велела. А всё остальное — наше. А вы как хотите делиться, госпожа?

Я молчала, стараясь сдержать негодование. Даже не отпирается, мерзавец какой...

Думает, я и в самом деле его хочу разбойничать нанять?!

«Играет на равных всесильный всегда. Но если обманешь — наступит беда»...

— Попролам, — я ухмыльнулась, подумав, что Вран точно не Игрок. Он не стесняется мне в глаза в который раз врать, так чего мне-то с ним честной быть? — Половина мне, половина вам.

Вран недоверчиво подался назад, но его глаза загорелись интересом.

— Щедрая цена, госпожа, — он щурился и подёргивал себя за бороду. — Ох, щедрая. Нравитесь вы мне! А пойдёмте-ка, госпожа! — Вран вдруг решительно тряхнул лохматой шевелюрой. — Вижу, вы ведьма умная и сильная, посильнее госпожи Вахалы будете. Так и быть, покажу вам всё, как есть! Самую страшную тайну открою, какую сам знаю! Только вы уж меня не выдавайте!

С этими словами он встал, выбираясь из-за стола.

Я не знала, верить его словам или нет, и невольно покосилась в сторону костра, где разбойники весело горланили очередную разухабистую песню.

Шут играл на лютне, увиваясь между размахивающих руками бандитов, и в нашу сторону не смотрел.

Великие боги... Придётся действовать на свой страх и риск.

Вран же понял мою заминку по-своему.

— Они ничего не ведают, госпожа. Сами видите — убогие, что с них взять... — снова мерзко ухмыльнулся он. — Их дело простое: хватай да руби. А что я вам поведать хочу, такое кому попало не сказывают! Ступайте за мной!

И хотя от его слов мне стало не по себе, но деваться некуда. Я сама начала эту игру, придётся играть до конца.

Подхватив юбку повыше, я шла за атаманом, по щиколотку погружаясь в брусничник и мягкий мох.

Идти оказалось недолго. За соснами и вязами открылся берег острова, от которого вглубь болота вела тропинка из гати, скрывавшаяся в тумане.

— Нам туда, госпожа, — угодливо улыбнулся атаман. — Прошу, идите, не бойтесь.

Оберег на груди нагрелся ещё сильнее, и я еле удержалась, чтобы не схватиться за него рукой.

Опасность нарастала с каждым шагом.

Неужели он хочет меня в спину ударить и в болоте утопить?

Ну уж нет, на такую уловку я не куплюсь.

— Иди первым. — Я не собиралась подставлять спину. А то ударит топором — я и пикнуть не успею.

Даже Живой меч и все уроки Джастера не помогут.

Если он впереди пойдёт, я хотя бы чуть спокойнее буду...

— Хорошо, госпожа, — разбойник, скрыв недовольствие, ступил на доски гати и пошёл в сторону островка, вокруг которого уже поднимался туман.

Я взмолилась богам и шагнула на тропинку следом за атаманом.

Тропинка была короткой: всего три доски в несколько шагов, и вот под ногами сухой мох.

Вран стоял в стороне и ждал, когда я сойду на берег.

— И зачем ты меня сюда привёл?

— Кое с кем познакомить, госпожа. — Он паскудно усмехнулся и отступил в сторону, открывая мне то, что было за его спиной.

Молодые полусухие сосёнки.

За ними — дерево. Сухое, перекорёженное и жёлтое, как старые кости, оно стояло в шаге от берега, поросшего белым мхом.

А на дереве...

Нет. Не может быть.

Это просто сумерки и глаза обманывают меня.

Вран исчез с дороги, давая возможность подойти ближе, чтобы убедиться в истинности ужасной картины.

Сухое дерево. Белый мох с бурыми пятнами на нём. Длинные седые пряди, вырванные с корнем и запутавшиеся в жёлтых иглах. И обрывки чёрного платья на полуобглоданном теле, подвешенном вверх ногами.

— Ч-то... — я не смогла сдержать дрожь и слёзы в голосе. — К-как...

— А вот вы у неё сами и спросите, госпожа! — хохотнул атаман, успевший не просто вернуться на тропинку но и забрать доску, ведущую на остров. — Вы же ведьма, вот и поговорите! Эта старуха тоже считала, что надел её! А только сильнее госпожи Вахалы никого нету! Жаль, что она запретила с ведьмами играть, как с другими бабами, но хоть ваши крики послушаю. А щегла вашего я себе оставлю! Он хоть и дурачок, но уж больно голосистый, собака! Жалко такого резать! Пушай моих парней веселит, покуда не надоест!

Довольно насвистывая, Вран уходил по тропинке, оставив доску на кочках вне досягаемости с островка. Над топью поднимался туман, а на моей груди горел жаром коготь кхвана. Живой меч тоже нагрелся, привлекая к себе внимание и требуя взять его в руку.

Желание было настолько настойчивым, что я решила послушаться. Хуже точно не

будет.

Над деревьями в густеющих сумерках поднималась полная луна сильных трав.

И вместе со всем этим во мне поднималось что-то... неведомое.

Страх отступал, гнев переплавлялся в какую-то удивительную, хрустально-чистую ярость, истекающую в клинок белого света в моей руке. Живой меч принимал мою силу.

Но это не испугало показавшихся из воды болотных тварей.

На Гнилом болоте нечисть давно знала вкус человечины и не боялась ничего.

Они, как и Вран со своей бандой, уверовали в безнаказанность и вседозволенность.

Солнце освещало лес закатными лучами, готовясь скрыться и уступить место ночи.

Полная луна сильных трав озаряла своим светом Гнилое болото, ставшее прибежищем для нежити и нелюдей.

«Чего ты боишься, ты же ведьма...»

Я усмехнулась воспоминаниям.

Наивной деревенской девчонки, которая всего луну назад в ужасе дрожала при одной мысли о болотной нечисти, больше не было.

Сейчас меня наполняла боевая ярость. И мой дар.

Шанак и Датри смотрели на меня с небес и были готовы поделиться со мной своей силой.

Я — ведьма! И не какой-то там любовной магии, а ведьма-защитница!

Да чихала я на этих мелких тварей!

Всего лишь кровопийцы и падальщики.

— Вы на кого пасть разъярили... — повторила я слова Джастера, краем сознания удивляясь своей безбашенной и чистой злости. — Ах, вы, мрази недобитые...

Но, кроме проснувшейся голодной нежити, я слышала и другое.

Кровь невинно убитых. Боль и страдания матерей, отцов и детей, погибших от рук разбойников или жестоко скормленных обитателям болота.

Всё вокруг было пропитано отчаянием, страхом, болью и гневом погибших людей.

Их души жаждали отмщения и не могли найти покоя.

Они зывали ко мне. Они просили отомстить за их смерти.

Призрак старой ведьмы колыхался ключьями тумана, в мольбе протягивая ко мне руки.

Я знала, что не забуду то, что видела.

Гнев во мне откликался на их мольбы.

Только вот свет... внутренний свет, который я научилась слышать благодаря Джастеру, говорил иное.

Я — ведьма-защитница.

Я должна положить конец этому злу и бесчинству.

Не месть, но защита тех, кто жив.

Не гнев и ярость уничтожения, но очищение мира от накопившегося зла.

С любовью и без ненависти.

У нежити не было права выбора.

Они просто делали то, что было в их сути.

Собака ест то, что даёт ей хозяин.

Потому и ненавидеть или винить нежить не за что.

С хозяевами будет другой разговор.

— Шанак, Датри, — всем сердцем я возвала к Божественной паре, открываясь и луне,

и заходящему солнцу. — Силой вашей и милостью прошу дайте мне силы, чтобы очистить землю и воду от скверны и зла, что заполонили её...

И ответ пришёл.

Порывом ветра, вспыхнувшим солнцем между стволами сосен, светом луны, ставшей огромной и яркой...

Никогда раньше я не пыталась объединить в себе силу обоих богов.

Никогда не думала о возможности такого.

Но сейчас это так же легко и просто, как дышать.

Золото Шанака и серебро Датри хлынули в меня и вливались в мой дар, меняя и преображая его. Языки удивительного пламени, яркого и искрящегося, вырвались за пределы тела и вздымались где-то над головой.

Я чувствовала себя сердцевиной огромного цветка, чьи волшебные лепестки были готовы вот-вот раскрыться...

В следующий миг я вдруг ощутила себя всего лишь частью огромного и живого мира.

В этом удивительном единении я чуяла каждую тварь, затаившуюся в окрестностях, слышала каждое сердце, бившееся на острове, ощущала малейшее колыхание трав и деревьев, ласковое журчание родников, движение любой тени вокруг...

Только Джастера я не находила.

Словно его не было в этом мире.

Неужели... неужели они что-то с ним сделали?

Эта мысль вспыхнула искрой внезапного страха и в то же мгновение всё изменилось.

Всё пришло в движение.

Болотные твари кинулись на очередную «жертву».

Лунные лепестки цветка раскрылись и кольцо яркого, ослепительного света ударило вокруг сокрушительной волной, мощным ветром несясь над водой, сгибая деревья и травы, рассекая утенцов, гнобышей и выползней не хуже лезвия меча.

Туман разлетелся клочьями, не скрывая больше тёмной топи и тонущие в ней останки нежити.

Но это было только началом.

Сила Божественной Пары текла сквозь меня, и я не могла бы этому помешать, даже если бы хотела.

Огненные лепестки развернулись и полыхнули новым кольцом. Вторая ошеломительная волна развеивала останки нежити в прах, не оставляя даже тени от всех тех, кто совсем недавно чувствовал себя здесь хозяевами.

В полной оглушительной тишине, развернулся третий ряд лепестков.

Последняя волна, тоньше и легче первых двух, прошла над гнилым болотом, окончательно развеивая всё, что ещё оставалось от нежити и нечисти.

Солнце за стволами мигнуло и погасло, уступая время луне.

Огненный цветок сомкнул лепестки вокруг меня, становясь живым бутоном силы.

И только теперь я увидела на берегу разбойничьего острова ошеломлённую банду во главе с растерянным атаманом.

Гнев, до этого уступивший место божественной воле, снова вернулся ко мне.

— Тропу мне! — я топнула ногой, ни мгновения не сомневаясь в том, что тропа появится. И она появилась.

Ровная и прямая полоса лунной дорожки разметала остатки тумана и пролегла между

островами. Я ступила на неё, даже не задумываясь о том, что делаю.

Под изумлёнными взглядами разбойников, в полной тишине я шла с Живым мечом в руке, а сам проявившийся дракса плыл над трясинной слева от меня. Волшебный змей заметно попрос, а голубую огненную шкуру украшали золотые и серебряные узоры.

Но я не смотрела на потрясенные и испуганные лица разбойников. Не смотрела на Врана, отступавшего от берега и ощупью искавшего на поясе топор.

Я искала взглядом светлую шевелюру Джастера. И не сразу увидела его, без лютни, прижавшегося спиной к сосне и в окружении нескольких разбойников. Острия коротких копий упирались в пёструю рубаху, светлая голова опущена, лицо скрыто в тени, но воин был жив.

А значит... Значит, всё будет хорошо.

На душе стало очень легко и спокойно.

Вот теперь можно и с разбойниками разобраться.

Хватит с меня этих нелепых игрищ.

Под туфлями хрустнула прошлогодняя хвоя, возвещая, что я на твёрдой земле.

— Джастер! — я властно позвала Шута, не обращая внимания, как подалась назад разбойничья банда, хватаясь за оружие.

— Да, госпожа, — спокойно откликнулся он, поднимая голову.

И я поняла, почему он прятал лицо в тени. Вопреки всему на губах Джастера играла довольная улыбка, а в тёмных глазах вспыхивали искры предвкушения. Шут был очень доволен происходящим. Копья разбойников, упирающиеся ему в грудь, воина Проклятых земель ничуть не волновали.

Зря я за него переживала.

Эти разбойники, привыкшие убивать спящих и беззащитных, опытному убийце были на один зуб.

Собственно, из всей банды нам был нужен только Вран. Всем остальным Джастер вынес приговор задолго до Чернецов.

Я только не понимала, зачем ему понадобилось всё это представление.

— Что прикажете?

— Ты говорил, что соскучился по работе. — Я перевела взгляд на атамана, который, кажется, начал понимать, что их дела плохи.

— Да, госпожа, — в голосе Шута зазвучали нотки хищника, предвкушающего охоту, а пёстрая рубаха темнела на глазах. — Вы позволите? Я потом весь помоюсь!

Наверно это должно было звучать очень двусмысленно, но мне стало не по себе от его задумки.

«Я утопил в крови целую деревню...»

Значит, лёгкой смерти этим «убогим» не видать, как своих ушей.

Разбойники же недоверчиво переглядывались, не веря тому, что слышали.

Ладно, ведьма оказалась сильнее, чем они рассчитывали. Ошиблись, бывает. Но что её «щегол» способен один выйти против такой банды...

Это сильно походило на сумасшествие. Только вот было правдой.

— Да, — я постаралась холодно улыбнуться, глядя на бледнеющего Врана. — Этого оставь, а с остальными развлекайся, как хочешь.

— А можно я поем, госпожа? Я голодный. Кабанчиком-то нас так и не угостили...

При упоминании о несостоявшемся ужине в животе чуть не забурчало. Но Шут

облизнулся так, что все мысли о еде сразу вылетели из головы.

Разбойники же вздрогнули, приняв эту шутку за чистую монету. Они знали, что Вахала якшалась с демонами-людоедами, так почему и у меня не может оказаться такого чудища в услужении, раз уж я так легко со всеми другими тварями справилась...

Но почти сразу я вдруг вспомнила охотника, забредшего к нашему костру, и едва сдержала улыбку.

Ох, Джастер... Любит же он такие шутки.

— Ты же говорил, что демоны вкуснее?

Джастер задрал голову, смотря на луну цвета коровьего масла.

— Вкуснее, — с сожалением вздохнул он, как будто речь шла о пирогах за столом, а не о стоявших вокруг нас разбойниках. — Но эти тоже сойдут. Есть-то хочется...

— Делай, что хочешь, — я милостиво кивнула, ничуть не сомневаясь, что Шут просто убьёт всех, кто давно это заслужил.

— Благодарю, госпожа! — рыкнул в ответ воин в чёрном, поднял руку и щёлкнул пальцами, устанавливая свою защиту прежде, чем разбойники успели сообразить, что это не шутка.

В следующее мгновение Джастер просто исчез, растворяясь в тенях. Зато в воздухе брызжа кровью, мелькнуло одно искалеченное тело, другое...

Криков умирающих я уже не слышала.

Видеть жестокую, но справедливую расправу я тоже не желала. И потому отвернулась и смотрела на бледного Врана. Бывший атаман с ужасом смотрел туда, где ведьмин «дурачок» рвал его людей на куски голыми руками и бросал истекать кровью.

Может, это было жестоко. Но я помнила тоскующего по своей невесте Абрациуса, помнила страдающего от потери семьи Эрдорика, который чудом выжил и с трудом ходил. Помнила госпожу Гвитлоу с её «моя девочка была чёрненькая...»

И совсем ярким воспоминанием стояли перед глазами сожжённые Чернецы.

И дерево с повешенной ведьмой на острове.

— Мы не закончили разговор.

— Да пошла ты... — Вран выплюнул такие слова, что две луны назад у меня от стыда покраснели бы не только уши, но и щёки, и шея. Однако сейчас я пропустила его оскорбления мимо ушей. — Ничего я тебе и твоему демону не скажу! Будь ты проклята, ведьма!

Атаман внезапно выхватил топор и кинулся на меня.

— Сдохни, тварь!

Уверовав, что Джастер запугал всех, ничего подобного я не ожидала настолько, что не успела растеряться или испугаться сама.

Зато успела метнуться в сторону, поднимая Живой меч для защиты и удара, но дракса решительно взял бой на себя.

Призрачный змей мощным ударом хвоста сбил противника с ног так, что Вран покатился по мху, выронив топор, и упал на живот, выставив перед собой руки, успев остановиться у самого края острова.

Но подняться он уже не успел, тут же придавленный сверху драксой. Чёрные глаза змея щурились, язык метался между клыков, а длинный хвост гневно бил по земле, вырывая из подстилки приличные клочья мха. Острые когти кривыми кинжалами впивались в спину пленника и разбойник притих, поняв, что призрачный змей оказался очень даже опасным.

Убедившись, что дракса охраняет пленника, я осторожно оглянулась на барьер Шута через плечо. В сгустившихся сумерках я видела только тёмную стену, и лишь кое-где мелькали отсветы костра.

Дракса утробно зарычал, а Вран вскрикнул от боли: когти змея пробили его куртку.

— Что, сбежать пытался? — я хмуро посмотрела на лежащего атамана. — Зря. У нас есть к тебе несколько вопросов.

— Помилуйте, госпожа! — взвыл разбойник, чувствуя, как дракса глубже вогнал когти в его тело. — Виноват! Во всём виноват! Каюсь! Всё скажу, госпожа, что знаю! Только пощадите!

— А он живой нужен, госпожа? — спокойный голос Джастера заставил вздрогнуть не только меня.

И только сейчас я услышала ошеломительный запах крови и стоны умирающих.

— Может, мы его мёртвого допросим? — воин в чёрном спокойно остановился возле разбойника. — Это даже проще, возни меньше. К тому же мёртвые не врут.

— Госпожа, госпожа, смилуйтесь! — Вран отчаянно косился на меня из-под лапы драксы. — Я вам живой пригожусь!

— Да зачем ты нам нужен? — Шут спокойно гладил довольного драксу по голове. — Ты и знать-то ничего не знаешь, всё врешь только.

— Знаю! — снова взвыл разбойник, почуяв свой шанс. — Всё знаю! Всё! И что госпожа Вахала герцогов околдовала, и что она демонами управляет, знаю! Что у неё книга волшебная чёрная есть, что она волшебством своим далеко видеть умеет, знаю!

— И всё? — пренебрежительно фыркнул Шут. — Тоже мне тайна. Это мы и без тебя знаем. Госпожа, позвольте...

— Стойте! Стойте, госпожа! — отчаянно завопил Вран. — Не всё это, не всё! Каюсь я, по её приказу в вашем наделе мы разбойничали! Она велела деревни тутошние разорять! Под страхом смерти нас мерзости творить заставляла, демонами своими запугала до смерти! Клянусь!

— Угу, ты сам-то в это веришь? — Джастер фыркнул. — Хочешь госпожу Янигу ещё раз обмануть? Так тебе и в первый раз никто не поверил. Разбойником ты жил, разбойником и помрешь. Я вот только думаю, что тебе сначала оторвать: руки или ноги?

— Простите, госпожа! Смилуйтесь! — атаман отчаянно пытался купить себе жизнь. — Виноват в злодеяниях своих, каюсь! Помилуйте, госпожа Янига! Всё добытое вам отдам! Верой и правдой вам служить буду, только не убивайте!

— Рассказывай всё как есть, пока госпожа думает, — подлил Шут масла в огонь. — Что ещё твоя хозяйка приказывала?

— Ведьм на дорогах искать, заманивать и смерти лютой предавать! — с готовностью воскликнул Вран. Перстень дала волшебный, с ним никакие проклятия колдовские не страшны! И от нежити он защиту даёт!

От услышанного внутри всё похолодело.

Великие боги.... Что ж эта Вахала за чудище-то? Неужто у неё ничего человеческого не осталось?!

Ведьм на дорогах искать и убивать... И перстень волшебный дала, который от проклятий ведьмовских да от нежити защищает...

Понятно, почему они тут осмелели совсем...

И понятно, почему Вран с испугом за перстень хватался: мои-то заклинания работали...

— Вот как? — Шут даже бровью не повёл на такую новость. — И сколько же ведьм ты со своими убогими порешил?

— Двоих! — с готовностью отозвался Вран, видимо уже плохо соображая от страха. — Как велено, лютой смерти предали! Одну на костре сожгли живьём, другую нежити скормили! Ух, и долго они кричали, сладко!

Я молчала, крепко стиснув зубы и сжав кулаки. И этот мерзавец считает, что он такими словами мою милость заслужит?!

Двух ведьм жуткой смерти предал, и хвалиться этим?! Передо мной?!

После того, как сам трижды убить пытался?!

Да я его сама заживо на костре поджарю!

Живой меч в руке дрожал, чуя мой гнев, и разбойник снова закричал, потому что когти драксы вонзились в него ещё глубже.

— Госпожа, госпожа, смилуйтесь! Я самую страшную тайну вам скажу! Во дворце у неё человек есть! У самого короля в милости ходит!

У меня внутри разом всё похолодело и оборвалось.

Гнев испарился, как и не было.

Свой человек во дворце.

Прав. Джастер был прав.

Во всех своих подозрениях прав...

Великие боги...

Но Шут лишь откровенно зевнул, явно показывая, что не поверил ни одному слову.

— Ты, видать со страху, последнего ума лишился. Бреешь, как дурная собака. — равнодушно сказал Джастер. — Наври ещё, что имя его знаешь.

— Не брешу! — Вран взвыл от отчаяния. — Жизнью клянусь, госпожа! Есть у неё покровитель во дворце! Имя не знаю, врать не буду, а остальное — чистая правда!

— Что скажете, госпожа? — Джастер посмотрел на меня. — Думаю, он больше ничего не знает.

— Делай с ним, что хочешь. — Я отвернулась, не желая решать судьбу атамана и убирая Живой меч в полуножны.

Дракса вздохнул и исчез, возвращаясь в клинок.

За моей спиной раздался громкий плеск и берег окатило чёрной волной.

— Госпожа! — Вран отчаянно пытался выбраться из жадно чавкающей трясины. — Помилуйте! Век... век вам служить буду!

— Так и получай, что заслужил, — спокойно отозвался Шут. — Скажи спасибо госпоже, что она всю нежить тут вычистила и тебя не жрут заживо, хотя надо бы...

— Помоги... те! — взвился в воздух отчаянный крик атамана, а затем трясина в последний раз чавкнула, забирая добычу, и Вран замолчал навсегда.

Только теперь я вдруг поняла, что меча на поясе Джастера не было, и огляделась вокруг.

Убитые разбойники лежали вповалку, кто-то лишился конечностей, где-то из тел торчали короткие копья и топоры. Шут расправился с ними голыми руками и их же оружием. Несколько десятков человек он убил настолько легко и быстро, что...

И тут до меня дошла простая истина.

— Джастер...

— М?

— Зачем ты устроил это представление? Ты же мог все сделать сам! Тебе эта банда на

один зуб! И вся местная нечисть тоже! Зачем ты притащил сюда меня?

Воин посмотрел на перстень с красным камнем, который держал на ладони, сжал добычу в кулаке и направился к «сторожке» атамана.

— Знаешь, я хочу поесть и поспать. Там, кстати, кабан на вертеле жарится. И судя по запаху, он скоро гореть начнёт. Поэтому я предлагаю поужинать, а потом отдохнуть, как следует. Добычу и завтра утром посмотреть можно.

Какой кабан, какая добыча?! Опять он от меня отговориться хочет!

— Джастер! Не уходи от ответа!

— А как ты сама думаешь, Янига? — бросил он через плечо. — Разве в тебе ничего не изменилось?

Я закрыла рот, понимая, что он имел в виду.

— Что... Что со мной было? — я подхватила юбку и поспешила за воином. — Джастер!

Шут остановился у распахнутой двери «сторожки», посмотрел на небо, где в сиреневых сумерках светила полная луна, оглянулся на меня и улыбнулся.

— Помнишь, я говорил, что в полнолуние сильных трав расцветает самый редкий цветок?

— Цветок магов?

— Угу.

— Но здесь же нет цветов. Это же боло... Так, подожди! Хочешь сказать, что...

Воин хмыкнул.

— Ну да, цветок магов — это не трава. Но чтобы он расцвёл, нужны особые условия. А тут всё очень удачно складывалось. Нельзя было упускать такую возможность. Считай это обрядом посвящения в свою настоящую силу, если тебе так легче.

Он шагнул в «сторожку», оставляя меня в полном ошеломлении.

Обряд посвящения?!

Особые условия?!

Вот это всё?!

Нет, он определённо надо мной издевается!

— Джастер, ты — скотина! Ты нарочно меня сюда притащил! Ты...

— Да ладно тебе, Янига, не сердись, — отозвался он, выходя из сторожки со своей торбой в руках. — Всё же хорошо получилось.

— Хорошо? Это ты называешь «хорошо»? А по-другому было нельзя?! Обязательно...

— Какой дар, такое и посвящение, ведьма. Очень красиво получилось, между прочим.

Вот ведь... и возразить нечего!

— А если бы их тут не было?! Что тогда?

Шут вздохнул и снисходительно посмотрел на меня, остужая взглядом весь мой пыл.

— Когда ты идёшь по судьбе, то всё складывается как нужно, Янига. Твоему дару пришло время раскрыться полностью и всё сложилось так, как сложилось. На вот, лучше, добавь себе.

Он протянул ладонь, на которой лежали две бусины: маленькая тёмная и крупная, переливающаяся лунной радугой, молочно-белая.

— Ты...

— Пошли, поужинаем, ведьма. Там почти целый кабан ждёт.

Зажав бусины в руке, я пошла следом за Шутом к костру.

Кабан и в самом деле с одного боку почти подгорел, но Джастер повернул тушу на вертеле, срезал горелое и тут же набил мясом рот, лишь стряхнув угольки.

Я устроилась от огня подальше. Мне совсем не хотелось остаться без последнего чёрного платья. И без того ему сегодня досталось: поездка верхом по лесу, болото с кочками, драки с нежитью и Враном...

Конечно, до города рукой подать и Джастер обещал по приезду подумать над моим нарядом, но не приезжать же мне, как хозяйке надела, в свой первый город в обтрёпанном виде?

В свете костра я обратила внимание, что на лице и руках Шута нет даже следов крови, но это меня уже не удивило.

Сил на это просто не осталось.

Постирал он... Помоемся потом весь...

Шут... из Бездны.

Опять какое-нибудь хитрое волшебство использовал, чтобы «не мараться».

Чистоплюй.

Пока воин срезал прожаренное мясо в наши миски, я нанизывала бусины на браслет двух судеб. Почти половина нити...

Ещё утром я переживала, что надела на браслет «зелёную радугу». А сейчас...

Сейчас мне было удивительно спокойно.

Как будто так и надо.

Слова Шута про обряд что-то изменили во мне.

Или я изменилась, когда мой дар раскрылся?

Мне не хотелось об этом думать.

Внутреннее напряжение, которое держало меня с самого утра, пропало.

Хорошо просто сидеть, наслаждаясь тишиной и пониманием, что всё закончилось, и смотреть на спокойного Джастера, возившегося у костра.

Боятся больше нечего.

Тихо шумели сосны. Негромко потрескивали дрова в огне. Звенели комары. Над головой зажигались звёзды. Жёлтая луна озаряла бледным светом тихое болото и опустевший лагерь.

Где-то в лесу раздался хруст.

Джастер протянул мне полную миску и вскинул голову, прислушиваясь к фырканию, доносившемуся из-за деревьев.

Я невольно положила ладонь на рукоять Живого меча, но дракса не откликнулся. Да и оберег на груди уже не грел кожу.

— Вот я растяпа, — Шут отложил нож. — Про лошадей совсем забыл. Схожу, проверю, как они там.

Он сунул в рот кусок мяса, ещё один взял в руку и скрылся в чёрных соснах и лунных тенях, направляясь к загону.

Я только вздохнула, завязала браслет с новыми бусинами на запястье, взяла миску и стала есть.

Про лошадей от всех переживаний и приключений я тоже совсем забыла.

Мясо оказалось хоть и жёстким, но вкусным.

Серебряный бубенчик и медовая бусина на концах браслета сплетались и расплетались под еле слышный звон.

Когда Джастер вернулся, принеся откуда-то ведро с водой, я почти доела и очень хотела пить. Ко всему этому на меня навалилась усталость и начинало клонить в сон.

Если бы воин поставил шатёр, я бы с огромным удовольствием легла спать.

Но шатра не было, ложиться в платье у костра я не хотела, а сам Шут спать пока не собирался.

— Как лошади?

— В порядке, — воин повернул вертел с тушей, сел и взял свою миску, полную мяса. — Я им ком зафал...

— А вода...

— Пей, не бойся, — Джастер прожевал мясо и взял новый кусок. — Тут хороший родник, чистый.

Я зачерпнула чашкой из ведра и вдоволь напилась. Вода оказалась холодной и вкусной, лишь с лёгким привкусом мха и хвои.

Приятная горчинка воды и заметно похолодавший воздух привели меня в чувство, прогнав сон и заставляя заново вспомнить прошедший день.

И воспоминания совсем не радовали.

Безжалостные разбойники, грабители и убийцы ни в чём неповинных людей, служащие этой самой Вахале.

Ночной хватала, которого я смогла убить только благодаря урокам Джастера.

Две неизвестные мне ведьмы, умершие страшной смертью.

Мой дар, раскрывшийся так неожиданно и сильно...

Я совсем, совсем не была готова к такому.

Зато был готов Шут.

Можно подумать, он заранее знал, что всё так будет.

Но разве можно предвидеть судьбу... так точно?

Он же всё время про неё, как про дорогу говорил или как про нить с бусинами.

«Это ведь не та бусина?.. — Не та. И её пока не ищи...»

Воин молча ел, я перебирала бусины на браслете и думала, что Джастер намного умнее и хитрее, чем мне казалось всё это время. Предвидел он каждую бусину или нет, он по-прежнему направлял меня туда, куда ему было нужно. Стоило мне разгадать его хитрость, как он тут же обставлял всё так, что я сама принимала решения и действовала, как он хотел.

И только потом, на второй-третий раз понимала, что опять танцую под его лютню.

Даже сейчас с этими разбойниками...

Я искренне верила, что он просто хочет разузнать про них побольше и покарать за ужасные деяния, а он мне обряд посвящения устроил!

Даже полусловом не намекнул на такое!

Игрок всегда играет на равных.

Ну да, в сказках только.

А в жизни... в жизни Джастер играет в неведомую мне Игру по неведомым правилам, где ставка — его жизнь.

Только вот и моей жизнью он тоже играет.

Шершень он? Да, конечно.

Мантис, который ведьм на завтрак, обед и ужин ест. И разбойниками закусывает.

Не сомневаюсь вот насколько.

Наверняка его враг тоже этой Вахалой, как куклой, вертит, а она думает, что всё по

своей воле делает.

И вот как мне теперь к Джастеру относится?

Как верить тому, что он говорит?

Даже не так.

Как я могу ему... доверять?

— Что тебе не так, Янига? — Шут доел последний кусок из своей миски и снова начал срезать готовое мясо. На меня он не смотрел. — Чего ты опять дуешься?

— Я не дуюсь, — я перестала теревить браслет. — Я думаю, что ты меня всё время обманываешь.

Джастер с маху воткнул нож в землю, поставил миску и встал, сложив руки на груди.

— И с чего ты это взяла? — В свете полной луны и костра воин выглядел настолько грозно и страшно, что я сразу вспомнила о разбойниках, которых он убил голыми руками.

Но я не собиралась уступить. Он меня уже не запугает!

— Потому что ты никогда не говоришь правду! — я тоже встала, повторив его позу. — Ты ни словом не обмолвился ни про посвящение, ни про мой дар! Я думала, ты хочешь свои догадки проверить и разбойников убить, а ты!...

— Одно другому не мешало, ведьма, — хмуро ответил он. — Не знать чего-то заранее и лгать — это разные вещи. Я никогда тебя не обманывал. Но если ты хочешь думать иначе — дело твоё.

Джастер снова присел возле кабана, выдернул нож, обтёр о штаны и продолжил срезать готовое мясо. Но я поняла, что мои слова его сильно задели.

Не знать чего-то заранее и лгать...

Ох, Янига, ну что ты опять наговорила...

— Джастер...

— Скажи я о такой возможности заранее, ты думала бы только об этом и ничего бы не вышло. А так ты верила в себя и твой дар раскрылся правильно. Вот и всё.

Я молча кусала губу, понимая, что он прав.

Пока я боялась разбойников, то и в самом деле не думала о нежити и не сомневалась в своей силе и том, что справлюсь с такими тварями. Доверилась себе и дар раскрылся.

И Джастер это знал. Он знал меня лучше меня самой.

И удивительным образом видел мою судьбу, ненавязчиво и уверенно направляя неразумную ведьму в нужное русло.

«Чёрный — цвет защиты и защитников, он символизирует ночь, соединение всех сил и отсутствие лжи» — вдруг вспомнилось мне давно прочитанное.

«Я всегда говорю правду».

А когда не хочет говорить, то молчит или просто уходит от ответа. И делает это мастерски.

Великие Боги, мне уже стыдно за то, что так про него подумала и сказала.

— Джастер, прости...

— Не за что, ведьма, — не глядя на меня холодно отозвался он, и начал есть.

Обиделся.

Ох, Янига... Ладно, сама обидела, сама и исправлю.

Я подошла к мрачному воину, уберегая юбку от искр, и осторожно коснулась плеча под шелковистой тканью волшебной рубахи.

— Прости, пожалуйста. Я не хотела тебя обидеть.

Шут молча откусил очередной ломоть мяса.

Ну что за упрямец...

— Джастер... — я села рядом с воином, тщательно подобрала юбку подальше от огня. — Не сердись. Пожалуйста. Я просто очень переволновалась из-за всего этого, вот и... подумала...

Шут покосился на меня, но снова промолчал, продолжая жевать. Только обиды в этом молчании было заметно меньше.

— Просто когда ты так недоговариваешь, я потом себя чувствую обманутой.

Воин доел и посмотрел на меня.

— Иногда лучше промолчать, чем сказать, ведьма. Всё, что тебе было нужно знать, ты знала.

Под его спокойным холодным взглядом я закрыла рот, проглотив все возражения.

Да и что я могла ему сказать?

Снова поругаться только из-за своего упрямства?

Ну уж нет. Я не для того прощения просила.

— Что мы теперь будем делать?

— Завтра подумаем, — воин спокойно взял из миски новый кусок. — Утро вечера мудренее.

Опять он загадками разговаривает. Вот все слова простые, а как он их складывает — ничего не понять. Как с песней про Игрока.

— Джастер, что это за песня была? Ты только не сердись, она очень красивая и мне понравилась! Просто я опять ничего не поняла...

Шут поставил миску на землю и внимательно посмотрел на меня.

— Тебе и не надо понимать. Просто надо было тебя в чувство привести. Что первое в голову пришло, то и спел. Забудь.

Забыть?

Ничего лучше, чтобы разжечь моё любопытство, он бы сказать не смог.

— Почему забыть, Джастер?! Она очень необычная. Что это за сказка? Я никогда такой не слышала.

Воин посмотрел на меня, помрачнел и сунул в рот последний ломоть мяса из миски.

Ну уж нет, так просто он не отделается.

— Только не говори опять, что я пристающая, как клещ, — насупилась я в ответ. — Расскажи. Я всё равно не отстану, ты знаешь. Или сама придумаю такое, что ты на меня опять ругаться будешь!

Шут отвернулся, что-то невнятно пробурчав с набитым ртом.

— Джастер...

— Это не сказка, это легенда метавитов. Всё, успокойся. — процедил он, зачерпывая воду из ведра и прикладываясь к чашке.

Пока он пил, я обдумывала неожиданную новость. Легенда его племени...

Понятно, почему он не хочет об этом говорить.

Игрок... игра...

Не может быть!

— Эта песня как-то связана с той Игрой, про которую ты говорил? — Я чуть не подскочила на месте от неожиданной догадки. — Поэтому вы Игроки?

Воин поставил чашку и закрыл лицо ладонью. Губы шевельнулись, словно он беззвучно

выругался.

— Джа...

— Какая ты всё же настырная, ведьма. — Шут говорил глухо. — Хуже клеща. Метавиты считают Игрока своим прародителем. Игра — это священный поединок и ни один Играющий никогда не назовёт себя Игроком. Этого достаточно.

Не глядя на меня, он взял пустую миску и начал срезать в неё готовое мясо с туши, с таким видом, что лучше вопросов не задавать.

Игра — священный поединок...

Сначала прятки, а затем... сражение до смерти.

«Сильный враг — это хорошо... Значит, ты тоже сильна, раз тебя сочли достойным противником»...

Игрок всегда играет на равных.

Только вот я не была уверена, что эта Игра идёт именно так.

Ведь у Джастера не было герцогов, злой ведьмы, демонов, слуг, власти и денег, как у его врага.

У Шута была только одна молодая, не очень опытная и не всегда умная ведьма.

И он сам.

— Он сильнее тебя, да?

Я прикусила язык, ругая себя за высказанный вслух вопрос. Но Шут только резко и громко выдохнул, и повернувшись ко мне спиной, начал срезать последнее мясо с туши.

— Джастер?

— Играть на равных всегда интересно, потому что только так можно понять, чего ты стоишь на самом деле, — сухо бросил он через плечо. — Играть с тем, кто сильнее тебя — очень рискованно, но и победа над таким противником в разы достойнее. Меня так учили. И я считаю, что это правильно.

В разы достойнее... Ох, Джастер...

— Он намного сильнее?

Нож чиркнул по кости. Шут замер, стиснув пальцы на рукояти.

Великие боги... Неужели его враг настолько силён?

— Джастер... А отказаться от этой Игры нельзя?

Шут молчал, закрыв лицо рукой, а потом его спина дрогнула. Раз, другой, третий...

Неужели... Неужели он...

— Ха. Кха-ха-ха... Ха-ха-ха! — Хрипловатый, чуть кашляющий смех быстро стал чистым и искренним.

В полном недоумении я смотрела на воина, а Джастер воткнул нож в землю и хохотал, оперев ладони в бёдра.

Он смеялся громко и весело, я впервые слышала его смех, но было в нём что-то такое, отчего по спине бежали мурашки. Какие-то неуловимые нотки, от которых становилось... жутко.

— Ну, ты даёшь, ведьма, — воин вытер глаза рукавом. — До слёз насмешила. Надо же придумать такое...

— А ты бы рассказал всё по-человечески, я бы и не придумывала! — обиженно огрызнулась я.

— Рассказал по-человечески? — Джастер обернулся. На жёстком лице не было и тени улыбки или веселья. — Зачем тебе, ведьма?

Зачем? Что значит: зачем?!

— То есть ты мне не доверяешь? И как я после этого должна тебе верить?

— Так в этом всё дело? — Воин встал, грозно смотря на меня. — И как ты узнаешь, что я не лгу? Просто поверишь мне на слово, как верила до этого? Что мешает тебе это делать и так?

Неожиданный вопрос поставил меня в тупик.

Как я узнаю, что он лжёт? И в самом деле — как?

Почему я ему верила?

Как понимала, что он говорит правду?

Пока я молча открывала и закрывала рот, пытаюсь придумать ответ, Шут вытер и убрал нож, взял ведро с водой и опрокинул его на затухающий костёр.

Угли зашипели и всё вокруг погрузилось в мешанину густых теней и призрачного лунного света.

Джастер в своей чёрной одежде просто исчез, словно его и не было. Я не успела испугаться или что-то сказать, как услышала его спокойный голос и только потом разглядела тёмный силуэт, едва очерченный лунными отблесками.

— Верить или не верить чьим-то словам, это личный выбор каждого, ведьма. Я очень не люблю, когда мне лгут. Поэтому говорю правду. А ты за себя решай сама.

— А как же разбойники? — я, наконец, нашлась, что возразить. — Хочешь сказать, что ты...

— Я — шут, — холодно обрезала тьма. — И был шутком. И остался шутком. В чём я солгал?

— Но ты убил их как...

— Как наёмник? И что? Разве я хоть раз утверждал обратное? Это моя работа, хоть ты за это не платишь. В любом случае, одно другому не мешает, ведьма. Или надо было оставить их тебе?

И не поспоришь... Шут из него отличный получился. А до этого «пёс», слуга-управляющий, трубадур... Да боги ведают, кем ещё он мог стать!

— Нет! Но ты... Как ты можешь быть и шутком, и наёмником?! Это же совсем разная работа! Я не понимаю! Ты совсем меня запутал...

Тьма негромко хмыкнула.

— Вот за умение быть... очень, очень разными метавитам и платят столько, что тебе и не снилось, ведьма. И если ты не понимаешь, когда тебе лгут, а когда говорят правду, я ничем не могу тебе помочь. Это внутреннее чутьё. Оно есть у всех. Но не каждый к нему прислушивается. Люди давно предпочитают жить в своих придумках, а не знать правду. Но если ты обманываешь себя, как ты можешь поверить кому-то другому?

Опять он меня пристыдил. Даже щёки горят...

— Я — спать, — он поднял обе миски и пошёл в сторону большого тёмного пятна, на фоне которого светилась тонкая нить.

— Стой! Подожди меня! — я вскочила, едва не запутавшись в подоле, и кинулась за воином, тщетно пытаюсь разглядеть, куда наступаю. — Джастер, стой! Ой...

— Ну что ж ты делаешь, ведьма! — сердито буркнул воин. — Я чуть всё мясо не уронил.

— Прости, — я потирала лоб и нос, которыми врезалась в спину стоявшего Шута. — Прости... Я тебя не вижу почти.

— Куда ты бежала-то? — хмуро спросил он. — Тут идти всего ничего.

— Мне темно, — я сердито разглаживала подол. — Не видно ничего. Можно, я за тебя подержусь?

— О, боги... — обречённо простонал Шут. — Ну держись, куда тебя девать... Не дёргай только, а то весь наш завтрак растеряю.

Я уцепилась за плечо Джастера, приподняла юбку, и мы направились к едва приоткрытой двери атаманова жилища.

— Ты хочешь здесь спать?

Джастер оставил миски с мясом на стол, на котором по-прежнему горела лампа, и подошёл к кровати, придирчиво разглядывая постель.

Все его вещи, включая меч, лежали на одном из сундуков.

— А ты хочешь спать среди мертвяков?

— Нет, конечно! — я передёрнула плечами. — Совсем не хочу.

— Вот и я не хочу. А здесь хоть и тесновато, зато на кровати.

С этими словами Шут сбросил на пол верхнее покрывало и начал перебирать всё, что было навалено на постели.

Среди мертвяков... Бррр!

Я покосилась на приоткрытую дверь. Из тёмной щели тянуло прохладой и...

— Джастер... Можно я дверь на засов закрою?

— Зачем? — удивился Шут. — Тут и так духота. Или ты покойников боишься?

— Я не боюсь! Но вдруг...

— Успокойся, Янига. Кроме меня их поднять некому, а мне они не нужны.

— Джа...

— Ну, хочешь, закрой, если тебе так спокойнее. Только спать очень душно будет.

Спать душно... И в самом деле, «сторожка» без окон, одна дверь. Видимо, Вран не шибко доверял своим «убогим», раз уж запирался на ночь изнутри.

— А она точно...

Шут отвлёкся от изучения очередного покрывала и оглянулся на меня.

— Демонов всегда вызывают через магический портал, ведьма. Это требует много сил и это всегда строгий ритуал. Если напортачить, то демон сожрёт и вызывающего, и всех, до кого дотянется, пока его не убьют. Чтобы поднять мёртвых, даже одного, ритуал ещё сложнее и проводится он прямо над телом. Так что не думаю, что мертвяки нас с тобой смогут потревожить. Но если вдруг они восстанут сами, то я с ними сам и разберусь. Тебе стало легче?

Я кивнула, по-прежнему косясь на приоткрытую дверь и вспоминая прошлую ночь в Чернецах.

Сам он разберётся...

Хотя мне всё равно было не по себе, дверь я закрывать не стала.

Пока Джастер перебирал постель, я сняла свою сумку, расстегнула пояс с Живым мечом, сложила всё рядом с остальными вещами и присела на край стула, глядя на полупустую бутылку вина и золотой кубок, оставленные Враном.

Джастер к ним даже не прикоснулся, поставив наши миски подальше, на другой край стола.

Удивительно как... Совсем недавно, ещё засветло, я разговаривала с разбойником, а он

пытался меня обмануть, а теперь ни атамана, ни его банды больше нет...

— Янига, не сиди просто так, — голос Шута вырвал меня из задумчивости. — Посмотри в сундуках чистое что-нибудь. Тут, похоже, все тряпки провоняли, дышать нечем.

Он и в самом деле принюхивался и откидывал на пол то, что ему не понравилось.

Я встала, переложила вещи с сундука на стул и подняла тяжёлую крышку, украшенную металлическими накладками и камнями. Золото всё он Вахале отправлял... Как же. Один этот сундук стоит как хорошая лошадь...

Внутри оказалась посуда из золота и серебра, несколько сундучков поменьше и плоская шкатулка из тёмного дерева, которая больше всего остального притягивала мой взгляд.

Понятно теперь откуда у Врана золотые тарелки.

— Здесь нет ничего, только посуда.

— Угум, — отозвался Шут. Оставив разобранную постель, и, перешагивая накинанные на пол покрывала, он подошёл к другому сундуку. Скинув лежащую на нём парчу, воин открыл крышку и хмыкнул, оглядывая содержимое.

— Ладно, посмотрим, что тут полезное есть...

Пока он копался в своём сундуке, я достала приглянувшуюся мне шкатулку. Дерево было гладким, без всяких украшений, но чем-то неудержимо манило и притягивало. Мне очень хотелось забрать шкатулку себе, но при этом не отпускало ощущение что я тайком беру чужое.

Я решительно поджала губы. Глупости какие.

Это раньше шкатулка принадлежала кому-то из купцов. А потом её забрали разбойники. Но сейчас она уже ничья. Точнее — наша, раз уж мы с Шутом уничтожили всю банду. Вон он, один сундук перерыл и последний перерывает, и ничего, не стесняется.

Поэтому нет ничего такого в том, что я открою её и посмотрю что там.

И ни в чём я не виновата!

На всякий случай украдкой оглянувшись на Джастера и убедившись, что он занят, я подняла крышку шкатулки. На мягкой тёмной ткани лежало серебряное зеркало с длинной ручкой.

Большое, раза в два больше моего. В такое всё лицо видно, а не только глаз или нос.

И оно очень красивое.

Таких я даже на ярмарке в Кронтуше не видела.

Узорная рама с мелкими разноцветными камнями, тёмное холодное и очень гладкое стекло. В руке лежит увесисто и очень удобно. На задней стороне сложная тонкая вязь узора, но в полумраке детали не разглядеть.

Не знаю, сколько оно стоит, но такую красоту наверняка только знатные дамы заказывают.

Странно, что шкатулка у этого зеркала без всяких украшений. Но так, наверно, даже лучше. У мастера Извара изумительные фиалы тоже в простых футлярах хранятся.

Снова оглянувшись на занятого Шута, я вздохнула, закрыла шкатулку и решительно сунула её в свою сумку.

В конце концов, я тоже хорошо поработала и вполне заслужила такой подарок.

Врану зеркало и раньше было ни к чему, а эта карга и без него обойдётся.

Говорить про находку я не стала. Пока я любовалась зеркалом, Шут откопал в одном из сундуков несколько покрывал и теперь застилал постель, и мне не хотелось привлекать его внимание.

«Я не люблю, когда мне лгут»...

А я и не лгу. Просто потом покажу, как-нибудь. Когда в городе будем.

Или не покажу. Какое ему вообще до дело до моих вещей?

Я же не обманываю его!

Он сам говорил, что лгать и не говорить всего — это разные вещи!

Это же просто зеркало!

Моё новое и красивое зеркало...

— Ну вот, готово. — Джастер довольно оглядывал постель. — По крайней мере спать можно. Всё, Янига, давай ложится. Тесновато, но места на двоих хватит.

Я кивнула, не сдержав довольной улыбки от такого предложения, и стала снимать платье.

Шут стянул рубаху, повесил её на стул, сбросил сапоги и завалился на кровать.

— Лампу погаси, не забудь. И дверь приоткрой, — он забрался под покрывало.

Выполнив его просьбу, я на ощупь осторожно пошла к кровати. Света из открытой двери всё же хватило, чтобы не натолкнуться на стол и стулья. С улицы повеяло заметной прохладой, и я сразу поняла, что в «сторожке» и в самом деле воздух был довольно спёртый.

— Можно, я у стенки лягу?

— Почему?

— Ну... там теплее.

— Ложись, — хмыкнул он в ответ. — Мне без разницы.

Я довольно нырнула под покрывало, а Джастер привычно приобнял меня одной рукой.

Но не успела я пригреться, как он внезапно спросил.

— Ты пауков боишься?

— Нет, — я насторожилась на всякий случай. — А что?

— Нет, ничего, — невозмутимо ответил он.

— Джастер...

— Ну, просто там, по стенке к тебе паук спускается. Жирный такой, лохматый. Ещё немного и по волосам...

— Джастер! Убей его!

— Янига, ты что?!

— Где твоя защита?

— Зачем?

— Прекрати! Я не хочу, чтобы он по мне ползал! Убей его! Или убери! Сделай что-нибудь!

— Ты же всяких букашек любишь, ведьма.

— Джастер!

— Да ладно, ладно, успокойся. Я пошутил. Нет там никого.

— Ты!...

— Спи, ведьма. Спи.

Конечно, спи... Сначала напугал своими дурацкими шуточками, а теперь: спи... И ведь даже настроения для любовных ласк у него нет, вон как спокойно обнимает...

Но, раз уж он на меня не сердится, может, тогда расскажет про эту песню ещё?

— А Игрок правда был прародителем твоего племени?

Шут невнятно хмыкнул.

— Ты решила отыграться, Янига? Всю ночь будешь меня вопросами донимать? Может, мне и правда, к покойникам спать пойти? Они пауков не боятся и молчат.

Опять он надо мной издевается!

— Джастер!

— Кто знает, ведьма, — спокойно отозвался он. — Метавитов считали стоящими между богами и демонами. Но я все же думаю, что они дети Шанака и Датри, как все остальные. Просто боги сотворили их первыми и потому они такие.

— Почему?

— Потому что Игрок — это сам Изначальный, Янига. Он всемогущий. И если бы он создал метавитов, то они бы жили и в других мирах. Но они живут только в Бездне. А в других мирах живут другие.

— Откуда ты...

— Читал. Маги древности знали и умели намного больше, чем сейчас. Только их книг днём с огнём не найти. Они писали, что Изначальный сотворил Мировую Лозу и миры на ней подобны листьям и ягодам лозы виноградной. Там, где они соприкасаются, могут открываться проходы из мира в мир. Некоторые маги умели проходить в эти врата и возвращаться обратно. Они и рассказывали о тех, кто живёт за пределами нашего мира.

Я слушала Шута, раскрыв рот. Он не переставал удивлять своими сказками и легендами.

— Джастер... Ты... ты столько всего знаешь и умеешь... Ты же можешь жить где угодно, и хорошо жить! Почему ты пришёл в Эрикию?

Воин тихо вздохнул.

— Ты никогда не думала, что стало с миром после Великой войны, Янига? Это ведь были не просто города, это целые страны, в которых каждый житель обладал даром. Нет? А я думал. Я читал все хроники, какие нашёл. Часть городов была разрушена, часть ушла под воду, но есть города, о которых ничего не пишут, потому что они якобы исчезли. Если верить легендам, к таким исчезнувшим городам относился Нун, город-академия.

— Ака...демия? Что это? Что-то про демонов?

— Нет, ведьма. — Джастер улыбнулся, и по его голосу я поняла, что сейчас будет сказка. — В древности так называлось место, где обучали самой разной магии, в том числе и тёмной. Мир до войны был полон чудес, волшебных существ и магических предметов. Ты даже не представляешь, насколько он был богат и прекрасен... Реки, озера и ручьи были полны хрустальной чистой водой, способной утолить любую жажду одним глотком. Радуги сверкали над горными водопадами, словно сотканые из сотен крошечных драгоценных камней. Волшебные птицы пели в лесах так сладко, что можно было заслушаться и забыть обо всём. Земля давала богатые урожаи, и никто не знал голода. Подгорные народы, рождённые от плоти камня и чья серая кожа была твёрже железа, стоили подземные города, добывали золото и драгоценные камни. Их считали лучшими мастерами, кузнецами и ювелирами. Лесной народ, плоть от плоти деревьев и растений, воспевал природу и рождал лучших целителей. Вечно юные, тонкие и гибкие как лоза, с кожей цвета белого мха, с глазами прозрачными, как лесные ручьи, они, как никто другой, понимали язык птиц и зверей, знали тайны цветов и трав. Крохотные весёлые феи с яркими прозрачными крылышками, беззаботно порхали в цветущих полях и лугах, принося в мир радость и красоту...

Бархатный голос Джастера увлекал за собой и рисунки из книги Аурзуса оживали перед моими глазами. Я словно воочию видела удивительный и сказочный мир, который когда-то

был.

А сказка продолжалась. Шут не просто умел, он любил рассказывать такие истории.

— В лесах бродили единороги и златорогие туры, в предгорьях жили грифоны, в горах — огромные орлы, в степях паслись табуны пегасов и серебряных ланей, в морях царили левиафаны и морской народ... Это был чудесный, волшебный, удивительный мир. Боги ходили среди людей, и от их союзов и любви рождались те, кто становился небожителями и покровителями рода человеческого. Маги и небожители писали волшебные книги по магическим искусствам, создавали чудесные вещи и зачаровывали предметы. Камни силы, дарующие своим хозяевам повышенную способность к определенной магии. Различные амулеты, обереги и талисманы, призванные защищать и помогать своему владельцу. Летающие ковры и повозки, чтобы передвигаться по воздуху. Волшебные посохи как обязательная вещь любого уважающего себя мага. Плащи и капюшоны, которые делали человека невидимым для других. Блюда, всегда полные едой. Неразменные монеты, которые всегда возвращались к своему хозяину, хотя за такое колдовство жестоко наказывали. У некоторых вещей даже были имена по имени их создателя. Например, магические зеркала Митамира, с помощью которых волшебники и маги могли разговаривать друг с другом на расстоянии или видеть прошлое и будущее. А вот Живое оружие всегда получало личное имя от своего владельца. Ещё были кубки Барлока, предупреждающие хозяина о яде...

Джастер говорил, но у меня внутри зудело беспокойство.

Зеркало не давало мне покоя. Хотя это простое зеркало, а не волшебное, — я бы почувствовала магию, я же ведьма! — мне вновь стало стыдно, что я не сказала о находке Джастеру.

Словно... словно нарочно обманула его...

А воин продолжал рассказ.

— Конечно, были и тёмные народы. В лесах, горах, болотах, морях... Страны, где люди поклонялись тёмным богам, маги, служившие могучим демонам. Тёмные искусства тоже не стояли на месте. Магия смерти, демоноведение, проклятия и кровавые ритуалы жертвоприношений, искусство колдовства и ведьмовства, чёрные гримуары, сводящие с ума неподготовленных магов... Много всего было тогда в мире. Боги и демоны покровительствовали живущим. Мир жил и развивался в балансе и равновесии светлых и тёмных сил. Это было время расцвета волшебства и магии.

— Но почему... почему всё изменилось? — тихо спросила я, боясь спугнуть настрой Шуга.

— Вера, Янига. — воин негромко вздохнул. — Я же говорил тебе: вера — это то, что даёт людям силу волшебства. Нельзя заставить кого-то уверовать, верить и доверять против воли. Шанак и Датри установили законы этого мира. Законы, переступить которые не могут даже они сами. Это одно из непреложных правил Игрока. Боги и демоны следили за этим миром и населявшими его народами. Они могли направлять и соблазнять, подталкивать и указывать, карать и миловать, казнить и награждать. Наверно, в какой-то момент они заигрались, забыв о правилах, и народы стали терять веру. Любое сомнение в вере легко толкает в тёмную сторону, отрицание и неверие. А без веры... Без веры в богов в этой войне смогли выжить только люди.

— И метавиты, — тихо добавила я, тут же прикусив язык.

Но Джастер не рассердился на моё вмешательство.

— Да, и метавиты. Волшебные народы и существа не могли жить без прямой поддержки

своих покровителей. Великая война стала для них последней битвой, а Завесу богов не пережили последние из выживших. Мир очень многое потерял. А люди... Люди, лишённые веры и ведомые страхом, уничтожали всё, что ещё оставалось от прежнего волшебства. И всех, кто нёс в себе искру магии. Приграничье стало Проклятыми землями, которое были безлюдны и безжизненны много столетий... Впрочем, об этом я уже говорил.

Он замолчал, и я ждала, чутьём понимая, что это не конец истории.

— Но кое-что всё же сохранилось. Редко, очень редко, но можно найти старые книги и волшебные вещи. Но этим не хвастают направо и налево. Там, за горами, ради обладания такой книгой или предметом не останутся не перед чем.

Да уж... И Живой меч тому доказательство. Только вот Джастер взял и просто так отдал его мне.

Надо всё-таки сказать ему про зеркало.

Хоть оно и не волшебное, зато на душе будет спокойнее.

Точно. Так и сделаю.

Скажу ему. Утром.

Вот. Даже на душе легче стало...

— Ты поэтому пришёл в Эрикию? Чтобы спрятать свой меч?

— Нет. У меня тогда его не было. Я нашёл его по пути, потом расскажу, как-нибудь. А Эрикия... В хрониках говорилось, что в Нуне была огромная библиотека магических книг. Я думал, что она погибла, но в одной летописи нашёл упоминание о том, что белые маги скрыли её, чтобы сохранить знания для потомков.

Целая библиотека волшебных книг? Таких же удивительных, как те, что он носит в своей торбе?

Я не могла себе этого представить. Книжная лавка и дом господина Эрдорика были пределом моего воображения.

— Ты хочешь её найти? Но почему здесь? Почему не...

Джастер невнятно хмыкнул.

— Если верить летописям, то Нун располагался на побережье Энийского океана. Когда началась Великая война, именем богов и волей сильнейших магов города земля встала на дыбы, поднялись горы, реки изменили свои потоки и путь на побережье был навсегда отрезан для остального мира. Никто не знает, что стало с теми, кто остался в Нуне.

— И причём здесь Эрикия? У нас же нет гор со всех сторон. И ни про какой океан я никогда не слышала. И городов с таким названием у нас тоже нет. Ты же сам мне карту показывал!

— Тысяча лет — это большой срок, ведьма. Память людей намного, намного короче. Люди постарались забыть всё, что было до Войны Богов. И потому придумали новые сказки и легенды.

— Джастер...

— Я надеялся, что Нун скрыт в пределах Эрикии. Но раз даже ваши волшебники ничего про это не знают, значит, библиотека до сих пор не найдена. У вас очень тихая страна, Янига. Никто ничем не интересуется, все живут в своих деревнях и дальше соседних городов даже носа не кажут. Вы все здесь тихие настолько, что там, за горами, об Эрикии даже не знают. А вы, между прочим, очень богато живёте. Леса, реки, горы, поля, — для всего место есть. Хочешь — охота, хочешь — рыбалка, земля жирная и плодородная, хлеба и овощей всем хватает. Крестьяне не бедствуют, бродяг с нищими днём с огнём поискать, и даже ворьё

в городах ленивое. Да и золото у вас в ходу. Но это не удивительно. Удивительно, что народ у вас прижимистый. Шутов с менестрелями, да актёрами бродячими не слишком жалуют, медь чаще серебра кидают. А то и вовсе ты им целый вечер песни поёшь, а тебя только покормят да на ночлег пустят.

— Разве это плохо? — мне стало обидно и за Эрикию, и за других людей. Можно подумать, что это забытая нищая деревня на три дома в глуши, где одни жадины живут.

— Как посмотреть. — Воин пожал плечами. — Если бы не торговцы, о вас бы, наверно, даже в Сурае забыли. Хотя нет, эти не забудут... Им пока просто не до вашей милой страны, они с другими соседями воюют.

— Мы тоже воевали, — сердито буркнула я. — Отец нашего короля ещё с Сураей воевал, мне Холисса рассказывала.

— Это сколько лет назад было?

— Давно. До моего рождения ещё. Даже Холисса ребёнком была. А что?

— Да нет, ничего. Повезло тебе, радуйся, что в мирное время росла. Если картам верить, то вы со всех сторон горами окружены, только на юге с Сураей граница есть. По ту сторону гор всё куда веселее. Ирдорин и Аккасса, к примеру, уже лет двадцать между собой воюют, что-то поделить не могут. Перевороты, войны, набеги, грабежи, интриги, то мор, то голод, то болячка какая заразная на полстраны. Люди днём и ночью с оружием ходят, дома как крепости, в город попасть — чуть ли не через дыбу... Но они от вас далеко, на юге, так что вам бояться нечего. Сурае от Аккасы сейчас достаётся, вот они к вам и не лезут, своё защищают. А так давно бы с новой войной пришли. Но вы тут расслабились, даже армии приличной нет. Думаю, ваш нынешний король и дня бы не продержался.

Опять он всякие ужасы рассказывает... Нет бы, что хорошее сказал!

— А ты картам торговцев не веришь?

Джастер хмыкнул.

— Как тебе сказать, ведьма. Я сюда из Тоберии пришёл, через горы.

— Они же непроходимые! — Я даже вскочила. — Ты же сам только что это сказал!

Или...

Воин снисходительно смерил меня взглядом. Я это даже в темноте почувствовала.

— Кто ищет — то найдёт, ведьма. Было бы желание. Хотя там выжить очень сложно. Армия точно не пройдёт, так что спи спокойно.

И тут меня озарило снова.

Древние летописи и хроники. Старые сказки и легенды. Метавитов. Сураи. Из книги Аурзуса. И боги ведают, где и что ещё он читал.

Библиотека древнего города.

Кто ищет, тот найдёт...

«Среди менестрелей, шутов и бродяг...»

— Так ты... Ты поэтому стал шутом и ходишь по дорогам, чтобы найти его? Ты хочешь, чтобы он помог тебе исполнить твою мечту?

Воин закаменел. Мне казалось, что у него даже сердце пропустило удар. Но я не успела ничего сказать или сделать. Джастер ответил. Тихо и глухо.

— Любовь или есть, или её нет, Янига. Даже Игроку не под силу заставить кого-то полюбить против его воли. Это нерушимое правило Игры.

Горько. Как же больно и горько такое слышать...

— А ты... ты узнал имя? Ты же это искал в легендах? Или ты его не нашёл?

— Какая разница, знаю я имя или нет, — Шут устало вздохнул. — Игрока никто не видел много столетий, легенд про него после Великой битвы никто не рассказывал. У вас вот даже имена Шанака и Датри забыли.

— Джа...

— Никто не знает, где его искать, ведьма. Он же Игрок. Ему открыты все пути и дороги всех миров. Думаю, он покинул этот мир ещё до Войны богов, и гуляет где-то по дорогам Мировой Лозы. Будь он здесь, то не допустил бы такого непотребства.

В порыве сочувствия я обняла Шута и прижалась щекой к горячей твёрдой груди, чувствуя едва уловимый запах клевера.

— А даже если он здесь... Никто не знает, как он выглядит, Янига. Никто. Никаких описаний его внешности нет. Эта песня самая полная из всех историй про него.

Я только вздохнула. Сколько же у Джастера тайн, оказывается...

— А что будет, когда ему надоест играть?

Джастер вздохнул, поднимая сползший плащ.

— Наверно, вернёт Мировую Лозу в хаос и создаст что-то другое. Было бы желание. Опыта-то у него с лихвой хватит.

— Джастер... А почему метавиты выжили без веры и сохранили свои силы?

Воин тяжело вздохнул.

— Потому что между верой и знанием большая разница, ведьма. Мы не верим в богов и демонов. Мы — знаем, что они есть, живы и хотят вернуться в этот мир. И сейчас у них для этого есть все возможности. Всё. Спи.

Мне ничего не оставалось, как устроиться поудобней и закрыть глаза.

Сон пришёл почти сразу.

— Вра-а-ан... Вра-а-ан...

Незнакомый тихий голос навязчиво лился в уши, вырывая меня из сна. Я прислушалась, не желая открывать глаза. Мерно и тихо дышал Шут. На улице шумели сосны и пахло дождём. Где-то далеко ухнула сова.

Никаких голосов... Приснилось что ли?

Я попыталась снова заснуть, но сон не шёл.

— Вра-а-ан... — упорно слышалось мне. — Вра-а-ан...

Я приоткрыла глаза и приподнялась на локте, через спящего Шута оглядывая «сторожку». Темно, даже открытую дверь почти не различить. Только слабый свет...

Свет? Откуда здесь свет?!

Это же... Это же моя сумка!

Великие боги! Что с ней случилось?!

Я осторожно перебралась через спящего воина и на цыпочках поспешила к стулу, радуясь, что пол был завален тряпками и моих шагов не слышно.

Сумка и в самом деле светилась, как будто я заснула внутри огарок свечи или почти погасшую лампу.

Но ведь ничего такого там не могло быть! Это же моя сумка!

В испуге я замерла, покосившись в сторону кровати. Может, разбудить Джастера?

Шут вздохнул и повернулся во сне, и я тут же отказалась от этой мысли.

Не буду я его будить. Не маленькая девочка!

Сама разберусь. Я ведьма или кто?!

Решительно сжав зубы, я откинула клапан, готовая отскочить подальше в любой момент. Но, вопреки моим страхам, из сумки ничего не выскочило, зато шкатулка с зеркалом источала довольно яркий свет.

— Вра-ан! — голос стал заметно громче. — Вран!

Что?! Как это?! Зеркало говорит?!

Неужели оно... волшебное?!

Я положила шкатулку на стол и открыла крышку.

Камни на раме зеркала светились разноцветными огнями. А в нём самом...

Чёрноволосая молодая женщина в богатом платье, расшитом золотом и камнями, смотрела куда-то в сторону. По бледной коже плясали разноцветные отсветы. Черты лица были тонкие и изящные, но сведенные к переносице брови и поджатые губы выдавали гнев и не слишком добрый нрав.

— Да будь он проклят этот пьянчуга! Кончится моё терпение, скормлю его...

— А... а... — я бездумно ткнула пальцем в стекло, не в силах поверить своим глазам.

— Так, а ты кто ещё?! — красotka обратила внимание на меня. Её лицо стало ближе, разноцветные отблески на коже ярче, а красивые глаза грозно вспыхнули яркой холодной зеленью. И я поняла, что она тоже смотрит в своё зеркало.

— Этот мерзавец что, дал моё зеркало какой-то грязной потаскухе?! Эй ты, девка! А ну немедленно позови этого безмозглого ублюдка, пока я вас обоих в жаб не превратила!

Ошеломлённая происходящим, я не успела ничего ответить: зеркало было вырвано из моей руки. Тёмная фигура мелькнула, обдав ветром, и за Шутом захлопнулась дверь.

Но я успела услышать как он что-то хрипло и приглушённо говорит женщине в зеркале.

В полном ошеломлении я опустилась на второй стул.

В моих руках только что было зеркало Митамира.

И я не сказала об этом Шуту.

С каждым ударом сердца в голове отдавалась только одна мысль: я обманула Джастера и он мне этого не простит.

Больше всего я боялась, что Шут сейчас вернётся.

Меньше всего мне хотелось попасться ему на глаза.

Только вот бежать и прятаться было... бессмысленно.

Понимание того, что я натворила, лежало на душе тяжким грузом.

Я обманула Джастера.

Ну что, что мне стоило показать ему находку?!

Даже окажись зеркало обычной дорогой безделушкой, не убил бы он меня за это!

А теперь...

«Я очень не люблю, когда мне лгут. Поэтому говорю правду»...

Великие боги...

Он...

Так, стоп! А как он сейчас с Вахалой разговаривает?!

Умеет он быть очень разным, кто бы спорил! Но он же на Врана ни одним боком не похож, хоть изоврись!

Я чуть было не кинулась следом за Шутом, но тут же снова села обратно.

Он меня не простит...

Не знаю, сколько я так сидела, пока не начала замерзать в тишине и темноте. На ощупь я нашла лампу, зажгла её и закуталась в плащ. От маленького огонька стало светлее и немного теплее, но ничуть не легче.

Я металась между чувством вины, угрызениями совести, любопытством и страхом перед возвращением воина.

Шут вернулся не скоро.

— Джастер! — измучившись в ожиданиях и страхах, я с облегчением вскочила на ноги, но тут же замерла, разглядев бесчувственную маску вышколенного «пса». — П. про...

— Один вопрос, ведьма, — воин положил зеркало в шкатулку и аккуратно закрыл крышку. Голос у него был холодный и равнодушный. — Как я могу тебе доверять? Даже не так. Почему я должен по-прежнему тебе верить?

У меня внутри всё оборвалось.

Между нами снова вставала ледяная стена.

Нет... Только не это!

— Джастер, прости! Я просто подумала...

— Подумала? Да ладно. — Он прошёл мимо меня, и устало сел на кровать. — Я бы так не сказал.

— Я хотела тебе рассказать! Честно! Просто потом! Утром! Ты был занят, и я не хотела тебе мешать! И вообще, ты сам говорил, что иногда лучше промолчать и не говорить всего и...

— Я сказал: не знать чего-то заранее. Намеренно утаить важное — это другое, — холодно перебил Шут.

Не знать чего-то заранее...

Подумаешь, не так сказала.

Точнее, не так подумала.

И не так сделала.

Вот и получила опять...

— Джа...

— Знаешь, за что я люблю мёртвых людей? — воин обувался, не глядя на меня. — Не только потому, что они молчат. Они не умеют лгать. Совсем.

Великие боги... Больно-то как....

— Доброй ночи, ведьма. — Джастер встал, сдёрнул с постели покрывало, забрал рубаху и свой плащ, и вышел из «сторожки», обдав меня холодом.

Я села на кровать и зарыдала в голос.

26. Микай, коваль

Утро разбудило меня холодом. Промозглый туман пробрался в «сторожку» через закрытую дверь и затянул пол густой паутиной. Даже под несколькими покрывалами, своим плащом и на перине я застучала зубами. Закутаться с головой не получилось: тяжёлая узорная ткань поехала на пол, и сразу стало ещё холоднее.

С Джастером было бы...

От воспоминаний стало тошно. Рыдала я вчера долго, пока, наконец, не выплакалась и не уснула от усталости, свернувшись клубочком под своим плащом. Зато теперь от просочившегося под покрывала холода пришлось срочно выбираться из постели.

Великие боги, какая же она тёплая, оказывается!

Клацая зубами, я закуталась в плащ и покрывало, сунула ноги в ледяные от холода туфли, едва разглядев их в сумеречном свете, тихо взвыла от пробравшего меня мороза и торопливо побежала на улицу.

Быстрее вернусь — быстрее согреюсь!

Рассвет едва занимался. Туман застилал всё вокруг. Я вытянула руку и не смогла рассмотреть пальцы. Ниже колен ноги исчезали в белом молоке.

Решив, что дальше, чем за угол, уходить не стоит, я пошла вдоль «сторожки» на ощупь по стеночке, стараясь удерживать свою «одежку», чтобы покрывало и плащ не слишком сильно намокли: под ногами влажно и мягко чавкал мох. Муки совести стали сильнее: я-то сейчас обратно в сухую и тёплую постель, а Джастер из-за меня спит в такой сырости и холоде...

Подобрав падающие концы покрывала повыше, я даже оглянулась, но поняла, что искать Шута в этом молоке глупо и бесполезно. Я так и его не найду, и сама заблужусь.

Или ещё хуже: свалюсь в болото и пикнуть не успею в этой трясине.

Печально вздохнув и держась рукой за шершавые брёвна, я отправилась обратно досыпать.

Поспать мне не удалось: едва я сумела снова согреться и задремать, как в открытую дверь заглянуло встающее солнце. Я поспешно залезла под покрывало с головой, но сон сбился окончательно. Хоть лежи, хоть вставай и дверь закрывай, а разницы никакой.

Проснулась уже.

Был бы Джастер рядом, я бы спала дальше. Или просто лежала бы и грелась его теплом и близостью, надеясь на ласки при пробуждении...

А теперь... Теперь я лежала одна, смотрела на рассветные лучи, проникавшие в дверь, на тёмный стол с нашим завтраком, золотым кубком, полупустой бутылкой вина и шкатулкой с волшебным зеркалом.

Вот как так я умудрилась в очередной раз всё испортить?

Как мне теперь с ним мириться?

Особенно после того, как он в такую холодину и мокрень на улице спал...

Может, если я воды принесу и костёр разведу, он подobreет?

Всё равно уже не усну. Так хоть что-то полезное сделаю.

Набравшись решимости, я встала и начала одеваться. Шкатулку с зеркалом Митамира я трогать не собиралась.

Плохо у меня получается обращаться с волшебными вещами.

То с драксой из-за Джастера почти поругалась, то с Джастером из-за волшебного зеркала...

Хорошо, хоть Шут кольцо Врана себе забрал. А то я бы опять что-нибудь напортила.

В платье и плаще стало теплее, и ноги в туфлях тоже согрелись.

Ломти вчерашней кабанятины покрылись застывшим жиром, намекая, что неплохо бы их погреть и поесть горячего.

Конечно, позавтракать я могла и одна, но после вчерашней ссоры лучше не рисковать.

Мне и без того с Джастером как-то помириться нужно...

Но сначала огонь развести и воды набрать.

Зевая и поёживаясь, я вышла из «сторожки».

Всходившее солнце скользнуло с глади болота за стволы деревьев и разогнало туман. По крайней мере, я хорошо видела всё вокруг и даже почти видела, что у меня под ногами. Стволы сосен розовели, птицы просыпались, мох на крыше и брёвнах «сторожки» покрылся серебристыми капельками росы.

Красиво...

Весь разбойничий лагерь казался очень тихим и мирным прибежищем, словно это была заимка углежогов или охотников.

И только теперь я поняла, что понятия не имею, где здесь родник. Да и кремень с огнивом остались в торбе Джастера.

А значит... Значит, нужно ждать когда он проснётся и придёт сам.

Или пойти его искать.

Я усмехнулась этой мысли и покачала головой. Будить Джастера — не самая лучшая идея. Наверно, это даже худшее, что я могу сделать.

Пусть поспит. Добрее будет.

Поёжившись, я решила прогуляться по острову. Делать всё равно нечего, а просто так ждать холодно.

Да и комары с мошкой начинали интересоваться мной в качестве завтрака. У меня же не было «тараканьей» защиты.

Разбойничий остров оказался намного больше, чем мне показалось вчера. От атаманской «сторожки» до общего костра было шагов пятнадцать. Дальше кострища, за соснами, виднелись ещё два или три сруба побольше. Где-то за ними был загон с лошадьми. Тропинка, по которой Вран увёл меня к гати, тянулась вдоль берега по правую руку и скрывалась за сосновой порослью.

Возвращаться на место бойни я не собиралась, но просто немного пройтись по тропинке до поворота и обратно — почему нет?

Джастера там наверняка не было.

Не ушёл же он спать среди трупов, в самом деле.

Над болотом ещё стоял туман, и его белые языки скрывали границу воды и берега. На всякий случай я отступала от белой пелены подальше: повторить судьбу атамана совсем не хотелось.

Заглядевшись под ноги, я не заметила, как обогнула сосёнки и вышла к месту вчерашней расправы Джастера над разбойничьей бандой.

Вчера, в вечерних сумерках, охваченная неожиданной силой и поглощённая допросом Врана, я только мельком бросила взгляд в сторону побоища. Зато теперь увидела его во всей красе.

Зрелище было отвратительным настолько, что желудок сжался и я, уткнувшись лицом в рукав, порадовалась отсутствию завтрака.

Джастер и в самом деле... порвал их на части. Переломанные тела с торчащими наружу костями. Свёрнутые и разорванные шеи. Лица, застывшие в предсмертном ужасе. Всё вокруг залито кровью настолько, что светлый мох стал бурым и даже ночной дождь не смог вернуть ему прежний цвет.

Но были и те, кому «повезло» умереть от оружия своих товарищей. Вспоротые животы с выпавшими змеями кишок. Топорики, нашедшие последнее пристанище в телах бывших хозяев. Копья, пронзавшие людей с такой силой, что ещё на локоть выходили из тела с

другой стороны. Одно копьё проткнуло сразу двоих, а ещё один разбойник был пришпилен к дереву сразу мечом и копьём, и мёртвой куклой висел над землёй.

Они пытались нападать, защищаться, бежать, но смерть находила их везде.

«Я — наёмник... Меня учили убивать с детства... Убийство в моём племени основное ремесло мужчин...»

«...в приступе безумия утопил в крови целую деревню...»

Только теперь я поверила в тёмное и кровавое прошлое Шута окончательно и бесповоротно.

Джастер и в самом деле был убийцей.

Страшным убийцей. Безжалостным и беспощадным. Способным расправится с бандой разбойников голыми руками.

Две «розы» за охрану в день? Это он дёшево брал...

Я медленно отступала от места бойни, не желая мириться с такой правдой, а потом развернулась и побежала обратно в лагерь, скользя по мокрому мху и путаясь в тяжёлом намокшем подоле.

Оберег на груди метался из стороны в сторону, бусины и бубенчик на браслете негромко бряцали.

Я остановилась возле «сторожки», прислонилась спиной к косяку открытой двери, стараясь отдышаться и перестать видеть стоявшее перед глазами побоище.

Впервые мне вдруг стало страшно настолько, что захотелось бросить всё и бежать с этого острова куда подальше, пока Шут не вернулся.

«Ты и в самом деле хочешь быть моей?..» — вдруг вспомнилось мне. — «Я не хочу, чтобы ты жалела о своём выборе... Подумай хорошо, чего ты хочешь на самом деле... Это очень и очень важно...»

Я обхватила себя руками, чтобы хоть немного унять дрожь.

«Если ты обманываешь себя, как ты можешь поверить кому-то другому...»

«Предпочитаю говорить правду...»

Добрый. Нежный. Заботливый. Отзывчивый. Весёлый красавец-трубадур с чарующим голосом. Юный простоватый шут с дурацкими шутками. Добродушный воин, который беззлобно подтрунивал над молодой ведьмой. Сильный и могучий маг, обучающий меня забытому волшебству. Мужчина, страдающий от потерянной любви.

Тот, кто ни разу не тронул меня даже пальцем, как бы сильно я не злила его. Даже ни разу не бранился, как мог бы...

Тот, кто не проходил мимо чужой беды. Кто заботился не только обо мне, но и о других.

Тот, для которого всё вокруг — живое.

Такого Джастера я узнала за половину лета.

Он стал для меня другом, любовником, наставником и... любимым.

Такого Шута я очень боялась потерять.

За таким мужчиной готова идти куда угодно.

«Госпожа, хотите сказку расскажу?»

Добрый, наивный и чистый, как дитя.

Ничего общего с тем, кто вчера... так страшно... убил...

«Я никогда тебя не обманывал...»

«Ты всегда можешь уйти...»

«Это оберег... Он тебя защитит, когда меня не будет...»

Он не лгал. В самом деле никогда не лгал.

Это я обманывала себя, закрывая глаза на очевидное.

Я обманывала себя.

Предпочитала видеть то молодого несчастного музыканта, то добродушного и заботливого трубадура, то удивительного волшебника, который знает намного больше, чем я.

И совсем забыла что он — наёмник и убийца.

Не в силах справиться со своими чувствами, я села на порог, нашла взглядом солнце и сквозь наворачивающиеся на глаза слёзы взмолилась Шанаку.

Где... где же настоящий Шут?! Какой он — настоящий?!

Солнечный свет коснулся моего лица, тепло и ласково, согревая не только кожу, но и душу.

Волшебный цветок силы, чьи лепестки вчера снова сложились в бутон, раскрывался навстречу божественной силе.

Внутренний свет наполнял меня, прогоняя страхи, боль, горечь и сожаления.

И я вдруг поняла, что давно смирилась с тем, что в жизни Джастера есть тёмная сторона.

Смирилась и приняла его ещё и таким.

Наёмником. Грубым, резким и язвительным. Мрачным и хмурым. Неразговорчивым и очень скрытным. Сильным и опасным.

Он же действительно этого не скрывал.

Наше знакомство случилось на поляне, где он убил очередную банду. В Кокервилле он спас мне жизнь, устроив кровавую бойню в комнате. Но потом, в Кронтуше, в поединке с Визурией и его людьми, он показал себя с совсем другой стороны...

Джастер умел убивать. И не скрывал того, что ему нравится сражаться.

«Убить очень легко... А вот вернуть к жизни мёртвое...»

Игра на равных...

«Только так можно понять, чего ты стоишь на самом деле...»

Его привлекала сама игра, бой, священный поединок, а не победа любой ценой. Он наслаждался битвой с достойным противником, но не убийством. Иначе на ристалище он бы убил всех «псов» Саризулы, включая Визурию, чтобы он там о достоинствах этого мастера меча не говорил. А ведь ещё был Махмар с братцем, был хвастливый охотник, был жадный подмастерье кузнеца в Кронтуше, была одна надоедливая ведьма...

Да мало ли кого он мог убить, просто потому что мог?

«Первая кровь легко может стать последней».

В отличие от обычных наёмников, деньги не имели над ним власти. Он был равнодушен к золоту и роскоши, к вину и женщинам.

И дело было даже не в его сердечной ране. Если бы он хотел, то мог бы топить свою боль в вине и любовных ласках. Но он...

Он просто был... другим.

Шут любил книги. Любил истории, песни и сказки. Любил рассказывать их и делал это с удовольствием. Он помогал людям не из корысти, а по зову души, потому что «по судьбе»...

«Всё вокруг живое, даже если кажется мёртвым»

Джастер любил жизнь и умел убивать.

Он всегда... настоящий.

Внутренний свет и внутренняя тьма.

И то, и то в нём было очень сильно.

Только вот Джастер выбирал свет.

Даже когда я неосторожно толкала его во тьму.

«Когда есть, ради чего... слова и поступки можно перешагнуть...»

Надо было послушать себя и рассказать ему про зеркало.

Ох, Янига... Глупая, ты глупая.

И тут я поняла ещё одно.

Всё будет хорошо.

Не может не быть.

Он же сам говорил, что мы друг другу по судьбе...

И Даэ Нану говорила, что я у него на сердце.

Вон ещё, на браслете много места для бусин.

Просто я должна доверять себе. И... и верить Джастеру.

И я... я верю, что мы помиримся.

Не можем не помириться.

И вообще, хватит рассиживаться. Надо хоть воды принести: умыться и попить.

Причесаться тоже не помешает. А то Джастер вернётся и будет опять про птичье гнездо на голове шутить...

Решительно встав, я зашла в «сторожку», нашла в сумке зеркальце и гребень и стала приводить себя в порядок.

Пустое ведро для воды я подобрала возле кострища и отправилась на поиски родника в другую часть острова, где ещё не была.

Утопанная дорожка вела мимо срубов, которых оказалось намного больше, чем я считала. Окошек в них не было, но двери были открыты. Я думала, что Джастер выбрал для ночёвки один из них, но все они оказались пусты.

И пахло там... Отвратительно.

Понятно, почему Шут «сторожку» выбрал. Вран за собой следил и мылся. Только вот поспать в кровати Джастеру из-за меня не удалось.

Но где же он?

Солнце поднялось достаточно высоко, туман над водой рассеялся, но я нигде не видела спящего воина. Только за последним срубом между сосен едва дымился крохотный костерок, окружённый мелким ельником, и кто-то лежал...

Осторожно ступая, чтобы не потревожить сон, я подошла к костерку и вздрогнула.

Это был не Шут.

Не все разбойники нашли свою смерть на другом берегу острова. Двоих она настигла здесь.

Но где же он?

— Джастер... — я негромко позвала воина, обходя костерок и оглядывая ельник.

Не спит же он и в самом деле среди убитых?

— Джастер...

Под ногу попало что-то твёрдое и округлое. Я покосилась вниз, но вместо корня сосны увидела мертвую окровавленную руку, вздымавшуюся мне навстречу, и явно собирающуюся схватить меня за платье или за ногу.

Завизжала я так, как не ожидала сама от себя, отскочив от покойника подальше и едва не наступив на второго. Брошенное ведро откатилось под ёлки.

— Джастер!!!

— О-о, боги... Эта женщина мне даст поспать сегодня или уже нет? — внезапно раздалось где-то над моей головой и я взвизгнула от неожиданности ещё громче.

— Что ж ты так орёшь-то, ведьма? Аж в ушах звенит. Ты мёртвых разбудить хочешь? Так их по-другому поднимают...

— Д..Джастер?! — Я задрала голову, с удивлением разглядывая деревянный настил высоко над головой. Обвешенный еловыми ветками в ветвях сосен он был совершенно незаметен.

— Чего тебе? — хмуро спросил Шут, свесившись с этого птичьего гнезда. Лохматая шевелюра полностью скрывала его лицо. — Что случилось опять?

На глаза навернулись слёзы облегчения, но я постаралась взять себя в руки.

— Н-не... Ничего! — я улыбнулась в ответ. — Всё хорошо! Просто за водой пошла, а тут... вот... Прости, что разбудила...

— Вон там, родник, дальше по тропинке, — он широко зевнул. — Стоило так орать...

— А почему ты там? Я думала, что ты...

— Потому что! — мрачно обрезал воин. — Иди уже, куда шла, ведьма!

— А ты? — я не стала обращать внимание на его грубость. Он всегда такой, когда не выспался.

Поест и подobreет.

— Приду скоро, — буркнул он. — Ты ж хуже клеща, из покойника душу вытрясешь, неугомонная...

Продолжая ворчать под нос, воин, скрылся среди ветвей, но у меня в душе словно крылья выросли, настолько стало легко и радостно.

Он совсем не сердится на меня из-за зеркала. Просто ушёл спать от одной приставучей ведьмы к тем, кто молчит.

Подхватив брошенное ведро, я отправилась к роднику, счастливо улыбаясь.

Источник скрывался почти на самом конце острова. Рядом с ним на сучке старого пня висел деревянный черпак для воды.

Я поставила ведро, умылась и напилась чистой и вкусной воды.

Пока я наполняла ведро, на тропинке появился зевающий Шут. Он щурился, хмурился и нёс ещё два ведра. Чёрная рубаха снова стала пёстрой, и светловолосый не выспавшийся юноша ничуть не походил на того, кто способен уничтожить банду разбойников.

Подойдя к роднику с другой стороны, он поставил вёдра, присел и, зачерпнув пригоршню воды, начал пить.

Я вылила в почти полное ведро последний черпак, и Шут в молчании начал наполнять остальные вёдра. Конечно, я могла бы пойти к костру одна, но я стояла, грелась в лучах утреннего солнца, слушала птичьи трели, радуясь чудесному утру, и думала, как расспросить Джастера о вчерашнем, чтобы он на меня не рассердился.

На середине второго ведра моё терпение кончилось.

— Джастер... А как ты с ней вчера разговаривал? Ты же совсем не похож на Врана!

Воин вылил полный черпак в ведро, смерил меня взглядом и хмыкнул.

— Три тысячи золотых, ведьма. И я подумаю, рассказать тебе или нет.

Три ты... Опять он!..

— Джастер!

— Пять тысяч. За рассказ. — Не моргнув глазом, ответил Шут. — Если хочешь, чтобы я её убил — пятнадцать тысяч золотых.

Ошеломлённая услышанным, я пыталась понять: серьезно это он сказал, в очередной раз отговаривается или так шутит. А воин спокойно наполнил второе ведро, и, зачерпывая воду, пил из пригоршни.

— Джастер... Ты пошутил, да? Это шутка такая?

Он умывался, не обращая на меня внимания.

— Джастер...

— Ты воды набрала? — Он отряхнул руки, вытер мокрые ладони о бедра и встал. — Тогда пошли. Дел сегодня много. Но сначала я хочу хотя бы спокойно поесть, раз уж поспать не удалось.

Вот ведь... И возразить нечего...

Шут взял ведро и направился по тропинке обратно в лагерь.

Мне ничего не оставалось, как подхватить своё и поспешить за ним, стараясь не облить платье и ноги.

— Джастер... Ну ответь! Это шутка? Правда?

— А разве похоже, ведьма? — он покосился на меня через плечо. — Я разве смеюсь? Смерть этой карги от моей руки стоит двадцать тысяч золотых. Пятнадцать — это я тебе навстречу иду.

— Джастер...

— Ты задаёшь очень много вопросов, ведьма. Но у каждого ответа есть своя цена. — Он спокойно шёл вперёд. — Золото — не самая высокая, уж поверь на слово.

— И... — я невольно сглотнула, потому что он и в самом деле не шутил. — Какая самая...

— А ты как думаешь, ведьма? — Джастер усмехнулся и ускорил шаг, оставляя меня в раздумьях.

«Жизнь — это всё, что есть у человека» — вдруг вспомнилось мне. — «Ты уже знаешь обо мне намного больше, чем кто-либо ещё. Несколько лет назад я бы тебя убил за куда меньшие знания обо мне...»

А ведь сейчас я знаю больше, чем тогда. Намного больше.

Но впервые он ответил мне... так.

У каждого ответа своя цена...

Три тысячи «роз» и он подумает... Пять тысяч за ответ.

Пятнадцать тысяч, чтобы он убил Вахалу. И это он ещё навстречу мне идёт...

Платят столько, что мне и не снилось?

Вот уж точно. Не снилось.

Золото — не самая высокая...

Я нашла взглядом Джастера, который поставил свою ношу у кострища и отправился в «сторожку».

Что же за тайну он скрывает, что цена ответа — жизнь?

Вздохнув, я переменяла руку с ведром и побрела по тропинке в сторону кострища.

Когда я дошла до костра, Шут успел его разжечь и нанизывал мясо из наших мисок на

прутики, расставляя их вокруг огня. Над самым костром уже висел котелок с водой, в которой плавали веточки брусники и черники.

Я поставила своё ведро рядом с остальными, и присела возле Шута.

— Джастер, ночной хватала это демон?

— Нет, — воин спокойно занимался нашим завтраком. — Он в Приграничье... в Проклятых землях живёт. По ночам охотиться, как понимаешь. Жрёт всё, до чего дотянется.

— А почему он...

— Так на нём заклятие сторожевое было. Он здесь вместо собаки разбойников караулил.

— Соглядатай?

— Угу.

— Джастер... О чём ты с ней говорил? Я не спрашиваю — как, я говорю: о чём!

Шут едва заметно улыбнулся. Улыбка была настолько мимолётна, что раньше я бы могла легко её не заметить. Но сейчас я поняла, что мой вопрос ему понравился.

— Рассказывал, что Вран тут наделать успел. Она довольная осталась. Велела продолжать бесчинствовать и ведьм ловить и убивать. Ещё сказала, что её человек прибудет в срок и чтобы добыча была готова. И она сказала ещё кое-что.

— Что? — я наострила уши, по опыту зная, что самое главное он оставил напоследок. — Что она сказала?

— Ты точно не хочешь, чтобы я её убил?

— На что... — я невольно сглотнула, понимая, что вопрос задан не просто так. — На что ты намекаешь?

— Она объявила на тебя охоту, Янига. — Джастер спокойно посмотрел на меня. И цена очень... щедрая.

— Охо... — я даже осипла от волнения. — Т-ты...

— Сто «роз» за твою очаровательную рыжую голову и триста за тебя живую. Это она пока не знает, что тут вчера случилось. А когда узнает... Тогда настоящее веселье начнётся.

Пока я хватала воздух ртом, пытаюсь прийти в себя, Шут спокойно завтракал, словно ничего страшного не случилось.

— Д...Да как она смеет! — Наконец я справилась с собой. — Джастер, убей её! Пожалуйста...

— Пятнадцать тысяч «роз», ведьма, — невозмутимо ответил он.

— Это не смешно! Джастер! Не молчи! Посмотри на меня и скажи, что ты пошутил!

— Пятнадцать ты...

— Прекрати! — я грозно наставила на него палец. — Ладно, раз тебе так нужны деньги можешь забирать себе всю посуду из того сундука! Она золотая, надеюсь, тебе этого хватит!

Шут спокойно отвёл мой палец от своего лица и смерил меня снисходительным взглядом.

— Этот сундук, как и всё остальное здесь, и так моё, ведьма. Я убил этих разбойников и теперь это моя добыча. Даже это зеркало. Впрочем, его я могу оставить тебе. Думаю, ты найдёшь, что сказать его бывшей хозяйке. Так же, как и она тебе.

Меньше всего я ожидала услышать такое заявление, но он ещё не закончил.

— Ах да, награду за эту банду, так и быть, можешь забрать. Если не проторгуешься, то по «розе» за каждого вполне можно получить. Глядишь, будет, чем откупиться от охотников за твоей головой. А их скоро станет много... Там, конечно, не сотня «роз», зато намного

безопаснее, чем пытаться тебя убить или взять в плен. Впрочем, у тебя ещё зелья есть, так что если хорошо поторгуешь, то как раз до сотни насобираешь...

Да он надо мной издевается!

— У тебя от жадности торба треснет!

— Проверим? — мило и невинно улыбнулся он в ответ и весь мой гнев как ветром сдуло.

Вот оно в чём дело. Ну и шуточки у него... Как из Бездны.

Я опустила руки и села рядом.

— Ты надо мной издеваешься, потому что я к тебе с вопросами приставала и спать не дала, да? Или ты из-за зеркала злишься?

Воин покосился на меня, выдернул ближайший прут с мясом и с невозмутимым видом начал есть.

Всё понятно.

— Джастер... Прости, что так получилось. Я, правда, хотела тебе сказать про зеркало. Ты мне веришь?

Он проглотил кусок и без улыбки посмотрел на меня.

— Нельзя быть рядом с тем, в кого ты не веришь и кому не доверяешь, ведьма. У тебя опасный и сильный враг, Янига. Я думал, ты это понимаешь. Поэтому и рассказал тебе про волшебные вещи древних.

Я закусила губу и опустила голову, чувствуя себя душой. Совсем забыла, что он всё чувствует и замечает.

Даже если... Нет, особенно, когда не смотрит прямо!

Можно подумать, у него глаза на затылке.

Вот почему он начал про старые времена рассказывать. Нарочно про зеркала упомянул, а мне и в голову не пришло, что такое может у Вахалы оказаться. А ведь должно было прийти. Она же и кольцо волшебное разбойникам дала, и книга для вызовов демонов у неё есть, и... И помогает ей враг Джастера, который наверняка знает про такие вещи не меньше самого Шута.

А я, как девчонка деревенская, решила, что простое зеркало нашла.

Нельзя быть с тем, в кого не веришь...

Он мне верил. В меня верил. И верит. И доверяет.

А я... Эх...

Не буду я больше в нём сомневаться.

И в себе не буду.

Сто «роз» за мою голову... Триста за меня живую...

Великие боги! Это большие деньги. Очень большие.

Хороший хозяин на десять «роз» может целое подворье с пустой земли поднять или свою ремесленную мастерскую открыть. На сто можно в городе дом купить и на мастерскую останется или в торговцы-караванщики податься. А уж на триста — и вовсе можно безбедно жить.

Такие деньги на дороге не валяются.

Они по ней... кгхм... верхом едут...

— Почему она вообще с тобой говорила?

Воин снял с веточки последний шмат мяса и бросил прутик в огонь.

— Я бы мог сказать, что притворился одним из разбойников и наврал ей с три короба,

но это не так. Больше не спрашивай, Янига. — он посмотрел на меня потемневшими глазами. — Не надо тебе это знать.

Я только вздохнула, понимая, что шутки кончились.

— Ты и в самом деле можешь её убить?

Воин дожевал мясо, задумчиво посмотрел на небо, а потом в костёр.

— Могу. Но есть два момента, Янига. Во-первых, стыдно сказать, я её недооценил. Она умнее и сильнее, чем я полагал. А во-вторых... Ты помнишь предсказание? Вещий сон Юнэ, о котором нам сказали?

«Не ходите в замок к шувани этой. Погибель вас там ждёт»...

Я вздрогнула, вспомнив предупреждение Даэ Нану.

— Помнишь, это хорошо... — Джастер хмуро поворошил веточки в костре. — Так вот, пока я не выясню, хотя бы примерно, кто там у неё сидит, в замке делать нечего. Слишком много волшебных вещей у неё есть и слишком много тварей, которым в этих землях не место. Кажется, игроков в этой заварушке больше, чем я предполагал...

От его слов мне стало так нехорошо, что по спине пробежали мурашки от внезапного страха. Если даже Джастер опасается этой Вахалы, то мне можно идти в болоте топиться, чтобы не мучится...

Как он там сказал: воспользуйся ядом? Да?

От таких мыслей губы сами затряслись, и захотелось тихо и жалобно заскулить, как побитой собаке.

— Джа...

Шут посмотрел на меня и внезапно светло улыбнулся.

— Не бойся, Янига, — он приобнял меня за плечи и притянул к себе. — Игрок не выдаст — демон не съест. Но в планы нужно внести изменения...

От того, что Джастер не сердится и не собирается меня бросать, стало заметно легче, но его слова меня озадачили.

Изменения? В планы? Игрок не выдаст...

Ох, Джастер...

— И что нам теперь делать?

— Поедим и лошадыми займёмся. Потом посмотрим, что нам досталось в награду за работу и поедем в город. Вторую ночь я тут торчать не хочу. Ешь, давай.

Я послушно села и взяла веточку с тёплыми кусками мяса. Джастер снял котелок с огня и поставил настаиваться.

— Ты думаешь, что здесь ещё есть...

— Нет, — он качнул головой. — Волшебных вещей здесь больше нет. По крайней мере, я их не чувствую. Но спать я хочу в городе и в нормальной постели. Я уже забыл, когда высыпался по-человечески.

— А зеркало?

— Что зеркало?

— Ну... куда его?

— С собой возьмём, конечно. Такими вещами не разбрасываются, Янига.

Он взял второй прут с мясом, и мы продолжили завтрак в молчании.

После завтрака Джастер встал, потягиваясь и зевая.

— Пошли, Янига. Надо лошадой напоить и покормить.

Он подхватил вёдра и направился в сторону срубов. Я поставила чашку на землю, отряхнула приставшие к подолу иголки и пошла следом за ним.

Загон располагался по правую руку от той гати, по которой мы пришли, на сухом песчаном пригорке. Почти весь мох внутри был убран, земля утоптана, а жерди были прибиты прямо к стволам сосен. В одном из углов стоял навес, где хранилось немного сена. Судя по всему, лошади в загоне не жили постоянно. Скорее, это было место, где они могли переночевать.

Ласточка и Огонёк стояли под навесом и встретили нас приветливым ржанием. Вороной конь был привязан в дальнем углу загона и недовольно фыркал, вздрагивая боками: он провёл ночь под дождём.

Пока Джастер поил лошадей, и наглаживал Огонька, я обратила внимание на сложенные в углу сёдла и брошенные поверх них попоны. Меня удивила не столько внезапная небрежность Шута по отношению к вещам, сколько то, что эта куча выглядела как-то... странно.

Такое впечатление, что на сёдлах что-то лежало, прикрытое сверху попонами.

Решив посмотреть поближе, я шагнула к сёдлам и тут куча замычала и зашевелилась.

— Джастер! — Я отскочила к Шуту, который вырос у меня за спиной, и легко положил ладони на мои плечи, словно и на шаг не отходил.

— М-м-м-м! — снова замычала и задёргалась куча, а в воздухе что-то тонко и едва слышно зазвенело.

Комарьё... Я отмахнулась от невидимого кровопийцы, а воин хмыкнул, убрал руки, подошёл к сёдлам и сдернул одну из попон.

На нас уставились синие глаза на загорелом приятном лице. Рот парня был заткнут кляпом, а коротко, под шею, обрезанные волосы неожиданно белели сединой. Чёрные брови взметнулись вверх, он перевел взгляд с меня на Джастера и непонимание на его лице сменилось чуть ли не ужасом. Парень задёргался и попытался отодвинуться от Шута. Попытка привела только к тому, что оставшиеся попоны съехали на землю, и стало видно, что бедняга ещё и связан.

— О, знакомьтесь, госпожа! — дружелюбно улыбнулся Джастер, оборачиваясь ко мне. — Это Михай, коваль.

27. Первый союзник

Пока я пыталась прийти в себя от изумления, а Джастер радовался своей шутке, Михай попытался отползти от него подальше. Но связанные за спиной руки и спутанные в коленях и щиколотках ноги не позволили ему даже выбраться из западни сёдел.

Простая рубаха обтягивала мощную грудь и сильные руки, серые штаны грязны и засалены, на ногах побитые жизнью сапоги. Сложен парень был на славу, и силой Шанак его наверняка не обидел. Однако нашёлся тот, кто смог одолеть этого деревенского красавца.

— А, ты! Вот хорошо, что напомнил! Я ж чуть не забыл про тебя! — развернулся Джастер к пленнику.

Чуть не забыл?! Но ведь он же...

— Ты уж не сердчай, что я так с тобой, — Шут явно улыбался отчаянно пытавшемуся уползти кузнецу. — Но сам посуди: куда тебя было в ночь отпускать? И коня бы в трясине сгубил, и сам бы утоп с перепугу, а тебе ещё жить и жить...

Молодой кузнец ошалело хлопал ресницами и косил глазами, переводя взгляд с меня на воина и обратно, не веря своим ушам. Я же постаралась ничем не показать своего удивления, обдумывая услышанное и в который раз убеждаясь, что Джастер ничего не делает просто так.

Вот, значит, что за шум был вчера ночью. Коней он проверял, конечно...

Забыл он про пленника, как же. Вон как позаботился: и от смерти на болоте спас, и на сёдла уложил, и попонами накрыл, чтобы бедняга ночью не замёрз. Выходит, Микай не разбойник... Жить и жить ему...

Интересно, зачем он Джастеру?

Почему-то мне не верилось, что Шут спас этого парня просто так. Слишком много внимания он ему уделил, слишком...

И сколько можно у меня над ухом звенеть?! Ненавижу комаров...

— Давай развяжу, — добродушно потянулся воин к пленнику, пока я пыталась найти взглядом надоедливого кровопийцу. — Голова-то как?

— Мммм... — сердито промычал молодой кузнец, но отползти больше не пытался. — Ммм!

— Угу, — кивнул Шут, вытаскивая кляп, и Микай закашлялся и шумно задышал. — Руки давай.

Невидимый комар упорно продолжал звенеть где-то над ухом. Пока воин развязывал веревки, я дала лошадям сена, с трудом подавив желание начать отмахиваться от назойливой мошки.

Я ведьма всё-таки, а не девка деревенская.

— Ну вот, — Джастер выпрямился, сматывая веревку на локоть. — Встать-то сможешь?

— Чай, не малец, — басовито буркнул кузнец, с трудом понимаясь на ноги. И тут же зашикал и ухватился одной рукой за коновязь, растирая второй бёдра. Руки у него были крепкие и привычные к разной работе. Вольте Микай наверняка бы понравился: по всему видно, парень основательный, серьёзный, такой и дом срубить, и семью прокормить сможет. Шириной плеч он превосходил Джастера, но был на полголовы ниже. Щёки и подбородок кузнеца отдавали синевой щетины: видимо, парень не хотел, чтобы его седина на фоне чёрной бороды становилась ещё заметнее.

Даже не смотря на седину и простую одежду, Микай был хорош собой. Не знаю, каким он был раньше, но сейчас та девица навряд ли смогла бы ему отказать.

Рядом с его могучей фигурой Шут казался ещё стройнее и моложе. А ещё я вдруг поняла, что красота Джастера... другая.

Пока я украдкой разглядывала молодого кузнеца, вешая Ласточке на морду торбу с овсом, воин повесил смотанную веревку на плечо и вернулся к Огоньку. А Микай утвердился на ногах и обратился ко мне.

— Пошто я вам сдался, госпожа ведьма? Человек я пропащий, выкупа за меня дать некому...

Почто он сдался?.. Мне?!

«...видишь, кузнец? Это большое счастье и удача во всех делах. Счастливое замужество тебя ждёт, красавица, зря слёзы льёшь»

«Я не твой мужчина... Всё у тебя будет...»

ЧТО?! Так он это... это... Ну уж нет! Я сама решаю, кто будет моим!..

— Экий ты непонятливый, — внезапно сказал Джастер за моей спиной. — Совсем с

лихими людьми разума лишился, одни деньги на уме? Сказано ж тебе: тебя, дурака, спасали, чтобы ночью коня не сгубил и сам в трясине не утоп. День вот наступил, бери вон коня да езжай, куда хошь, кто тебя держит...

Микай стоял, открыв рот, да и на меня как ведро воды вылили. То есть, Джастер его просто спас?

Просто так? Без всякой задней мысли?

Я обернулась к Шуту, который спокойно расчёсывал Огоньку хвост, но ничего сказать не успела.

— Не шуткуешь? — недоверчиво пробасил Микай. — Прямо так могу Воронка взять и ехать, куда хочу? Энтю после всего, чего я тут видал?

— Кто тебя держит-то? — пожал плечами воин. — Хотя я бы на твоём месте поел сначала да подумал, как следует. А то сболтнёшь ненароком где, что год в разбойничей шайке околачивался, так и вздёрнут тебя ни за что без суда и следствия. А награду между собой стража с палачом поделят. Доносчику тоже перепадёт, конечно...

— Н-награду?

— А то. За эту банду золотом платят, так что голова твоя дорого стоит.

Кузнец слегка побледнел, сглотнул и невольно дёрнул завязки на вороте рубахи, распуская узел, как будто это петля виселицы.

Та-ак. Всё-таки у него есть какие-то виды на этого Микая. Но чего он добивается?

Награда золотом... хм... И ведь, кажется, даже не запугивает парня. Мне-то тоже про награду говорил... Не проторгуйся, ведьма...

Я развернулась и вышла из-под навеса, сложив руки на груди, чтобы не прижать ладони к щекам и не выдать своего волнения.

Назойливый звон стал громче и лез в уши, но, сколько я не смотрела по сторонам, комара не видела.

Всё, Янига, успокойся. Возьми себя в руки. Просто перенервничала вчера, не выспалась, вот теперь и в ушах звенит. Пройдёт само, нечего на это внимание обращать.

О главном думать нужно. Ты же знаешь, с Джастером просто не бывает. Он любит одной рукой двух зайцев ловить.

Но... Не думает же он, что я с ним...

Нет. Нет-нет-нет! Микай, конечно, вполне себе хорош, но я не собираюсь брать его в постель!

И замуж я тоже не собираюсь!

Но зачем он Джастеру?

— А вам, значиться, моя голова без надобности? — Хрипло спросил кузнец.

— Хотел бы я тебя вчера убить — сейчас бы не разговаривали.

— А што ж не убил-то?

— Крови на твоих руках нет. За что убивать-то?

Потрясённое молчание Микая я почувяла даже спиной.

«Я сам убью, кого нужно...»

Крови на руках нет... Ох, Джастер...

— Поесть, гришь, для началу? — растеряно пробасил кузнец. — А можно? Хозяйка твоя не прогневается?

— Что ж нельзя-то? — отозвался Шут. — К слову, где тут кладовая? Я б тоже от горячего не отказался. А то мы с госпожой третий день почти голодом...

Да что он такое говорит-то?! Сам же вчера почти полкабана умял!

— Так недалече тут! Вон тама, промеж сосен угол видать... Ты, энто, ты постой! Я покажу...

До кладовой мы дошли втроём. Микай шёл впереди, слегка сутулясь и недоверчиво оглядываясь по сторонам, словно ждал, что вот-вот утреннюю безмятежную тишину нарушат голоса разбойников.

Джастер следовал за мной, как «пёс», а я думала, что опять ничего не понимаю в происходящем.

Шут явно чего-то добивался от Микая. Иначе просто убил бы его вчера, как и остальных, или привёл бы к нашему костру на ужин, а не оглушил бы ударом по голове и не связывал на всю ночь...

Но не в мужья же он, в самом деле, собирался мне его предлагать?

Нет, для этого всё слишком просто. Джастер бы иначе тогда поступил. Не знаю как, но точно не стал бы беднягу связывать...

Как он сказал: придётся планы менять...

Знать бы ещё, что у него за планы. Он же ни полсловом не обмолвился, кроме того, что хочет лагерь обыскать и в город до вечера приехать.

Я потёрла виски: в придачу к непроходящему звону в ушах голова начинала болеть от попыток разгадать задумку Джастера.

Мне бы с ним поговорить, но не при кузнеце же такое спрашивать...

— Вот кладовая, госпожа. Тута и схрон весь, и запасы все.

Микай остановился перед срубом, который на мой взгляд, ничем не отличался от остальных. Разве что дверь была закрыта на огромный навесной замок. Петля у него была толщиной с палец, а запорные петли сидели в нешкуренных брёвнах намертво.

Схрон тут... Выходит, в «сторожке» то, что Вран от своей хозяйки укрыв и к своим рукам прибрал...

— Токма ключи энто... у атамана были. — Парень хмуро смотрел себе под ноги. — Я уж не ведаю, что вы с ним...

— Утоп он вместе с ключами, — Джастер спокойно отодвинул кузнеца в сторону и осматривал замок. — Собаке — собачья смерть. Прут железный какой есть у тебя?

Микай изумлённо посмотрел на Шута, затем кивнул и чуть ли не бегом кинулся куда-то за угол.

Я не стала упускать момент.

Даже в ушах звенеть прекратило.

— Джастер, зачем он тебе? — решительно пошла я в наступление.

— Ты о чём, Янига? — невозмутимо ответил он. — Не понимаю.

— Прекрати шутить! Я тебя знаю! Ты не просто так его спас! — я понизила голос на всякий случай. — Заче...

Воин отвлёкся от замка и посмотрел на меня. Так, словно ответ был у меня под носом.

— Не поняла ещё? Ничего, скоро поймёшь. — Он замолчал, но я и сама слышала торопливые шаги возвращающегося кузнеца.

И в ушах снова тонко зазвенело.

Чтобы Шут не задумал, в одном он точно прав. В город и выспаться в нормальной постели...

Микай показался из-за угла, неся на плече молот, а в руке железный прут, толщиной с два моих пальца.

Джастер взял прут, просунул его под дужку замка, уперев в дверь

— Давай!

Микай, размахнувшись, ударил по пруту сверху молотом.

Что-то громко щёлкнуло, в бревне появилась трещина и вырвался кусок щепы, а замок повис на открытой петле.

— Делов-то, — хмыкнул Шут, прислоняя прут к стене. — Давай поглядим, что тут есть...

Он открыл дверь и шагнул в полумрак кладовой. Микай, опустив молот рядом с прутом и брошенным замком, растеряно переминался с ноги на ногу, не зная, что делать дальше. Говорить со мной, как и смотреть в мою сторону, он кажется, немного опасался.

— Дай-ка сюда... — воин выглянул из двери, подхватил железный прут и снова скрылся внутри. Несколько раз знакомо звякнуло: воин срывал остальные замки.

— Джастер, что там? — я спросила просто, чтобы разбавить тягостное молчание, и Шут, гремевший и шуршавший внутри полумрака, тут же откликнулся.

— Я муку нашёл! И масло! — радостный Джастер вынырнул из кладовой, неся в руках увесистый мешок и горшок с крышкой. — Давайте лепёшек напечём, госпожа? Горячих, с мёдом... Вам же нравится, я знаю!

С этими словами, под изумлённым взглядом Микая, он плюхнул мешок мне в руки. Сверху довольный Шут поставил горшок, и я чихнула от поднявшейся в воздух белой пыли, едва не уронив всё на землю.

«Лепешки с мёдом люблю...»

Горшочек с мёдом, полученный в оплату за настой, лежал у меня в сумке. Но я про него совсем забыла. Интересно, Джастер о нём как узнал?

Хотя, какая разница?

Лепёшки с мёдом... Нравится мне... Сам лакомка.

Я развернулась и пошла к костру, отпिनывая подол, потому что обе руки были заняты ценной ношей.

Кажется, моё платье это приключение не переживёт. Переодеться, что ли, в крестьянское...

Или поздно уже?

Я не успела далеко уйти одна: почти сразу меня догнал кузнец, который нёс полные руки мешков с крупами. Следом нас догнал Джастер, прижимая к груди большую и глубокую глиняную миску, полную бутылей с вином.

— Давайте всё это в дом отнесём, госпожа, — вмешался он в мои планы оставить муку и масло у костра. — Там стол есть и удобнее будет тесто месить. А мы с Микаем другими делами займёмся, пока вы стряпаете.

Я молча кивнула, а кузнец, невнятно хмыкнув, удивлённо косился на нас обоих, но спорить не стал.

Кажется, у него вопросов было не меньше, чем у меня, только вот время для разговоров ещё не пришло.

Неприбранная постель, брошенные Шутом покрывала, наши вещи, оставленные на стуле и возле открытых сундуков, заставили меня неожиданно смутиться, словно это был мой дом,

а не разбойничье логово, где я провела одну ночь в слезах и страданиях.

С Джастером я бы не обратила на это внимания, он сам этот беспорядок навёл. А вот перед Микаем стало неловко, хотя кузнец был чужим человеком и огляделся вокруг коротко и быстро. Сложил свою ношу на стол и торопливо вышел из «сторожки», едва ли не вжимая голову в плечи.

И я вдруг подумала, что ему совсем не до беспорядка в атамановом жилище. Парень до сих пор под впечатлением от случившегося, и то, что сейчас всем распоряжается «пёс» в наряде шута, а не его госпожа, окончательно сбивало беднягу с толку.

Джастер, ни слова не говоря, поставил миску на стол и вышел следом за Микаем, оставляя меня разбираться с этими запасами. Бутылки в миске были из тёмного стекла и запечатаны каменным воском.

Опять что-то необычное нашёл. Простое вино он бы и трогать не стал.

— Не стой столбом, а то обрастёшь мхом! — весело сообщил Шут кузнецу. — Время для песен, а ты нос повесил. Айда за водой, у тебя вороной не поен, не кормлен, да и ты не сломлен.

— Чой-то не пойму я никак, — отозвался Микай. — Хозяйка-то у тебя ведьма как есть, в том у меня сомнений нету. А ты сам-то шут али «пёс»?

— А и то, и то, — спокойно отозвался воин. — Когда надо — шучу, а когда надо — убиваю. Пошли, дел много ещё.

— Ты ж сам вечор молвил, что ей охрана не нужна...

— Не нужна. Так я и не охраняю. Я песни пою да в дороге веселю. К этой банде у меня свои счёты были.

Свои счёты... Знаю я их. Резня в Упочке. Сожжённые Чернецы... Это Микай ещё не знает о судьбе своей деревни...

— Эвон как... А пошто она у тебя нонче молчаливая такая? Вчера-то бойкая была...

— Так это она не выпалась просто. В себя придёт — из демона душу вопросами вытрясет. Так что радуйся, пока она молчит.

Я сердито и с грохотом поставила пустую миску на стол. Выставленные в ряд бутылки негромко звякнули.

Совсем у него не стыда, ни совести, такое говорить?!

— О, слышал? Сердится на что-то... Так-то она ведьма добрая, но суровая-я... Ты ей не перечь, главное. Чуть что не по ней — и костей не соберёшь! Вот были мы в Кронтуше...

Они скрылись в соснах, а я смотрела на мешок с мукой и думала то ли плакать над своей глупостью, то ли смеяться от облегчения.

Чтобы Шут не задумал, одно я знала точно.

Джастер не собирался сватать меня за Микая. Иначе бы не стал рассказывать истории о моих «подвигах».

Звенеть в ушах снова перестало. Закатав рукава, я насыпала в миску муки, положила масло и отправилась к костру, где стояло ведро с водой, чтобы заместить тесто.

Теста получилось много. Пока я пекла лепёшки на жаровне, которую принёс Шут, сам воин проверял разбойничий схрон, а Микай занимался Воронком. наших лошадей Джастер привязал неподалёку от костра, подальше от атаманского коня.

Завтракали мы, разложив лепешки на золотых тарелках из запасов Врана.

Хотя звон в ушах снова вернулся, я уже не обращала на него внимания. Выплюсь и

пойдёт всё. А пока если не прислушиваться, то и незаметно почти...

Горшочек с мёдом очень быстро оказался в полном владении Шута и глядя, с каким непередаваемым удовольствием он ест, я ничуть не жалела времени, проведённого у костра.

А ел он... вкусно. Зачерпывал ложкой мёд, подставлял лепёшку под густую струю, любовался, как солнце играет на золотистых боках и отправлял в рот, жмурясь от удовольствия, как ребёнок. Золотые волосы, золотой загар, золотой мёд... Даже глаза, казалось, излучали свет, и ничто в нём не выдавало безжалостного убийцы. И я невольно любовалась его детской радостью от такой простой вещи...

— Очень вкусно, госпожа, спасибо, — Джастер улыбнулся мне не только губами — взглядом. И от этого тёплого, полного искренней благодарности взгляда меня наполнило таким неожиданным тихим счастьем, какого я прежде не знала. Да я ему каждый день готова эти лепешки печь, лишь бы он так на меня смотрел...

— Благодарствую, госпожа, — негромко пробормотал Микай, не поднимая головы, зато спуская меня с небес на землю.

Ну вот зачем он Джастеру, а? Отпустил бы его сразу, и мы бы снова вдвоём остались. Глядишь, он бы после такого завтрака и на ласки бы раздобрел...

А так и не поговорить, и не... Да ничего не сделать!

Только и остаётся, что опять госпожу ведьму изображать.

Джастер едва заметно улыбнулся, отправляя очередную лепёшку в рот, словно знал, о чём я думаю.

А может и знал. Не сложно догадаться...

Из демона я душу вопросами вытрясу... Так, а не этого ли он от меня ждёт?!

Расспросить этого Микая как следует, и пускай едет, куда хочет! А я снова останусь с Джастером вдвоём...

Я дожевала лепёшку, вытерла руки и посмотрела на кузнеца, не поднимающего глаз от золотой тарелки со скромным угощением.

— Ну что, Микай, рассказывай, как ты здесь оказался.

Получилось очень повелительно. От неожиданности и моего тона парень едва не выронил лепёшку и ещё ниже опустил седую голову, отчего мне стало немного неловко. А вот Джастер даже бровью не повёл, наслаждаясь любимой едой.

— Неча рассказывать, госпожа. — Негромко сказал кузнец. — Человек я простой, в Чернецах жил, недалече тут. Слыхали, поди? Уголь наш много где знают, да и дорога-то в город аккурат через нашу деревню самая короткая, мимо не проедете... Батюшка мой коваль тамошний, и меня ремеслу обучил, да вот не сложилось...

— Почему не сложилось? — я поняла, что Микай ничего не знал о своей деревне с тех пор, как попал к разбойникам. И огорчать его мне совсем не хотелось.

Микай опустил голову ещё ниже.

— На острове... там... — ещё тише заговорил он и даже Джастер убрал руку от очередной лепешки, внимательно слушая рассказ. — Вы видали вчера... госпожа Лира это была... Добрая ведьма, целительница... Так вышло, кады я родился, она у нас гостила. Матушка моя её завсегда привечала, да и любой бы в деревне приютил, потому как её снадобья любую хворь исцеляли... А как матушка мной разрешилась, у коровы нашей весь удои вечерний скис. Вот и шепнула госпожа матушке, что...

Голос кузнеца стал ещё тише и глуше, зато звон у меня в ушах усилился. Надо будет у Джастера спросить, может, посоветует что. А то я оглохну быстрее, чем выплусь.

— Чтобы отписали в столицу, вдруг дар у меня волшебный, — тихо поделился своей бедой Микай.

— И как, отписали? — спокойно спросил Шут.

— Отписали, — кузнец вздрогнул, но головы не поднял. — Батюшка писарю в городе заплатил, тот письмо отписал. И приехали за мной! Такой путь далёкий проделали, а зря всё! Нету у меня никакого дара! Пустышка я оказался!

Он зло ударил кулаком по земле, а мне иглой вонзился в уши пронзительный звук. Это был даже не звон, у меня в голове появилась струна, готовая вот-вот лопнуть.

Великие боги, да что же это такое?!

— Сильно расстроился отец? — негромко спросил Джастер и его вопрос вдруг ослабил невидимую струну.

— Спрашиваешь... — вздохнул Микай. — И он, и матушка переживала. Вся ж деревня ждала, что меня в столицу заберут, а я... Эх...

— А как ты к разбойникам-то попал? — Джастер не давал кузнецу погрузиться в новую бездну отчаяния. — Ремесло родительское не по душе пришлось?

— Как это — не по душе? — возмущённо вскинул голову Микай. — Ты чего глупости болтаешь? Да у меня руки сами к делу горят! Да мои подковы — за лето не сносить! Гвозди — не согнуть! Косы не сломать!

— Верю, верю, — примиряющее вскинул руку Шут. — Ты рассказывай, как докатился до жизни такой.

— Госпожу Лиру искать пошёл. — Кузнец снова опустил плечи. — Прозвали меня колдуней в деревне, жизни не стало. Вот и решил у неё узнать, неужто обидел её чем, что она меня так прокляла... А она уж старая совсем, по дорогам не ходила почти. Слыхал я, что она вроде как в Лисовушках поселилась, это по дороге-то через город и опосля ещё дня четыре. Долго это, не мог я родителей настолько оставить. А через Гнилушку коли, за седмицу обернуться можно. От и обернулся...

— Неужто вы не знали, что они тут лагерь устроили?

Микай поднял голову и коротко посмотрел на Шута. И по одному его взгляду всё стало ясно.

Знали. Прекрасно знали.

— Уговор у нас с ними был, — отвёл кузнец глаза в сторону. — Не трогали они нас. Сам Вран ходил к нам в кузню иногда, то оружие поправить, то железо ломаное продать. Батюшка-то отказался поначалу, а он тады молвил: или помогаешь или всю деревню под нож. Да и ночью я проскочить хотел. Думал, про чудищ брешут всё, пока сам ему в лапы не попал.

Я только качала головой. Вот оно как... Не просто знали, а ещё и помогали, чтобы самих не пожгли. А толку...

Ночной хватала, который тут за место сторожевого пса был...

— И как же ты живым остался? — я вмешалась в беседу. — Это чудище жрёт всё, до чего дотянется.

Невидимая струна в голове болезненно звенела, отзываясь на каждое слово кузнеца.

Договорим и попрошу у Джастера помощи. Иначе я так с ума сойду скоро...

Микай вздрогнул и посмотрел на меня.

— Атаман спас, госпожа. Он со своими мимо проходил да мои крики услышал. А Врана все чудища слушались, потому как перстень у него заколдованный есть. Никакие чары с ним не страшны! От, Вран меня узнал и молвил, что может меня к себе ковалем забрать, чтоб

каждый раз по нужде в кузню нашу не ходить, ноги не топтать. А коли сбегу, то и Чернецов не станет больше...

— И сколько ты ещё терпеть собирался? — спокойно поинтересовался Джастер. — Год, два, всю жизнь?

Микай стиснул кулаки и скрипнул зубами.

— Сей ночью бы утёк, да ты помешал! Ты молвил, подумай, как дальше жить, а тут и думать неча! Домой я пойду. Батюшке с матушкой помогать, дело своё продолжить. Оне уже меня и не ждут поди. И весть хорошую принесу, что нету боле на Гнилушке никого, мошка одна да комарьё. Благодарствую вам за то, — он хмуро посмотрел на Шута и перевел взгляд на меня. — Всё сказал, госпожа. И коли уж я вам всё поведал, и зла вы на меня не держите, сделайте милость, скажите, как мне проклятие госпожи Лиры снять? Не хочу прозвище такое всю жизнь носить, нету у меня колдовского дара, и не было никогда!

Невидимая струна в голове зазвенела и лопнула, серебряной вспышкой ударив изнутри по глазам и погрузив меня в темноту.

— Госпожа? — встревожено донеслось до меня. — Госпожа Янига, что с вами?

Я несколько раз моргнула, приходя в себя. В голове больше не звенело. Зато...

Зато в груди встревоженного Микая горел тёмным пламенем цветок дара.

А Джастер с довольной улыбкой намазывал мёдом последнюю остывшую лепёшку.

— Госпожа? — снова повторил кузнец, подавшись вперёд. — Не прогневал я вас?

В голове царил пустота. Я, не мигая, смотрела на бледневшего на глазах парня, прекрасно понимая теперь причины поступка Джастера.

— Есть у тебя дар. — Тон получился холодным и спокойным. — Только не волшебный он, а тёмный. Колдун ты, кузнец.

Микай растерянно плюхнулся на землю и смотрел на меня, открыв рот. Шут невозмутимо дожевал последнюю лепёшку, собрал все золотые блюда и, пальцем выскребая из горшочка остатки мёда, направился в сторону ручья, оставив меня в одиночку разбираться с таким «подарком».

— Не... нечто шу-шуткуете, г-госпожа... — сипло выдавил парень. — Как же так-то... Н-ни... Никады не... не бывало...

«— ...если мой дар будет... звучать, то на него откликнутся те, у кого...

— Голос дара звучит так же или очень похоже».

Цветок магов...

Неужели мой дар созвучен дару Микая? Но в чём?

Не любовной же магией он заниматься должен?

— Сдаётся, не всё ты мне рассказал, Микай, — протянула я с интонациями Даэ Нану. — Ой, не всё.

Кузнец вскинулся, синие глаза смотрели с испугом и затаённой паникой.

— Говори, пока добрая, — подлила я масла в огонь. Не только Джастеру так пугать, я тоже могу...

— Верно молвите, госпожа, — кузнец виновато повесил голову. — Вечор, кады «пёс» ваш полудурком прикидывался да вас искать пошёл... На остров... Не ведаю, что случилось, госпожа. Полыхнуло всё так, что я ослеп поначалу, а тут так жаром дало, как уголья в горне! — он похлопал себя по груди. — Ох, сосмурнело мне госпожа, так сосмурнело — на ногах не устоял. А потом и вовсе... Всякого ужаса я навидался, а такого не доводилось... — он с опаской покосился в сторону тропинки, по которой ушёл Шут. — Стыдоба молвить, а

упал я, как с угару. Ночью токма очухался, госпожа. Хотел утечь, да вот...

Микай ошупал затылок, чуть поморщился, задев или ссадину, или шишку и вздрогнул, разглядывая седую прядь, попавшую между пальцев.

— Как энто... — растеряно и как-то по-детски пробормотал он. — Откель...

Так значит, поседел он за эту ночь? Великие боги... Это что же за ужас Джастер творил, что беднягу так проняло, как до этого не понимало?

Или, может, это из-за открывшегося внезапно дара?

Но сказать я ничего не успела: кузнец подался перёд, умоляюще сложив руки перед грудью..

— Госпожа, смилуйтесь! Избавьте меня от проклятия такого! Век вам благодарен буду, что хошь вам скую, токма избавьте от дара проклятого!

— Он тёмный, а не проклятый! — оскорблено я поднялась, а кузнец упал на колени. — И сила эта самой Датри дана, потому даром и зовётся! А ты от него отказываться смеешь, да ещё и проклятием зовёшь?! Стыда у тебя нет?!

— Смилуйтесь, госпожа! — взвыл Микай. — Как же ж я такой батюшке с матушкой на глаза покажусь?! Мне ж жизни не будет! Всей деревней засмеют!

Ох, Датри! Ну почему мне опять говорить ему дурные вести?

Почему я, а не Джастер?! Ему же это легко, как ягоду с куста сорвать! Как пылинку с рукава стряхнуть!

«Нельзя быть рядом с тем, в кого ты не веришь и кому не доверяешь...»

Он мне верит. Поэтому и ушёл, оставив кузнеца на меня. Значит, я справлюсь с этим разговором.

— Не засмеют, — я сцепила руки на груди и постаралась говорить ровно, чтобы не выдать свои чувства. — Нет больше Чернецов. Обманул тебя Вран, не сдержал слово. Три дня назад дотла спалил. Под утро пришёл со своей бандой, никого не пощадил. Мы с Джастером в живых только трёх баб нашли, Керика, старика со старухой, да ребятишек малых несколько. Остальных земля взяла.

Бледный, без кровинки кузнец стоял на коленях и смотрел на меня почти сумасшедшими глазами, мотая головой и отказываясь верить.

— Ста...рик... — хрипло пробормотал он, а в глазах отчаянно разгоралась надежда. — Госпожа моя... Ста...ру...

У меня сердце кровью обливалось, а на глаза наворачивались слёзы, но я старалась держаться и только покачала головой. Мне совсем мне хотелось говорить такие вещи, но и обманывать я не могла.

— Нет, это не они, не твои родные.

Микай глухо застонал, уткнулся лицом в ладони, качаясь из стороны в сторону, а затем с яростным рёвом несколько раз ударил кулаком по земле, вырывая мох и оставляя в песке большие вмятины. По его скажённому лицу текли слёзы, он скрежетал зубами, бил землю, бранился и рычал, вымещая свои боль и ярость.

Я замерла, боясь пошевелиться и привлечь его внимание. Это было совсем не похоже на ярость Джастера. С Шутом я была уверена, что он меня не тронет, а вот обезумевший от горя Микай...

Шанак, Датри! Ну где же Джастер?! Почему он бросил меня одну?!

Что мне делать?!

Микай сел, сгорбившись, упираясь кулаками в землю. Его плечи вздрагивали,

растрепанная седина скрывала лицо.

Ох, Датри... Даже смотреть на него больно...

Мне очень хотелось подойти к парню и хоть немного утешить его горе, но я опасалась, что кузнец снова разъярится. Да и не знала я, что сказать. Джастер вот умел в любой беде слова утешения найти...

— Я посуду помыл, госпожа, — весело заявил вышедший на поляну Шут, играя золотыми тарелками. Он подкидывал их и ловил по очереди, тарелки сверкали и сияли, и казалось, что в его руках маленькие солнышки. — Можно собирать вещи и в город ехать. А то дел у вас ещё много.

Слава богам! Как же хорошо, что он пришёл...

— Да, — я отошла от костра, отряхивая и разглаживая подол. Сухая хвоя нацеплялась на кружева, кое-где они всё же успели порваться. Мука и готовка тоже оставили свои небольшие следы, как я ни старалась уберечь наряд. Хорошо, не прожгла нигде. Не по лесу да болотам в такой красоте ходить...

Кузнец с понурым видом сидел у костра и даже не шевельнулся.

— Вставай, пойдём собираться, — похлопал его по плечу Джастер, держа стопку тарелок в одной руке.

— И что ж мне теперь... как жить-то? — глухо пробормотал в ответ Микай, не поднимая седой головы. — Куды ж мне...

— С нами, куды ещё. — Спокойно сказал Шут. — Не бросать же тебя здесь, себе на погибель.

— А и бросил бы! — парень сердито вскочил на ноги. Синие глаза сверкали от переполнявших его боли и отчаяния. — Али гордишься, шта дело доброе сделал, разбойников перерезал да колдуня спас?! Да лучше б родню мою спас, а не меня! Кому я такой увечный нужен?! На кой он мне сдался, дар энтот?!

Микай стоял напротив Шута, сжимая кулаки и глядя Джастеру почти в глаза. Молодой кузнец выглядел старше и грознее, и казалось, что крепкий и здоровый парень легко заломает тонкого и стройного «трубадура», но я уже не обманывалась внешней безобидностью Джастера.

— Кого мы с госпожой успели спасти, тех спасли. — Хмуро ответил Шут, обняв тарелки руками. — Хватит сопли размазывать, чай не малец. Думаешь, ты один родню потерял? Да от этой шайки столько народу полегло, тебе и не снилось. Иль ты и впрямь думал, что если таких волков под боком пригрели, то они в вашу овчарню не сунутся? А по чужим пускай шастают, других режут, не жалко? Много серебра-то на кровавом железе с батюшкой заработали?

Микай взревел и ударил коротко и неожиданно для меня. Чёрная вспышка, порыв ветра и одна из сосен затрещала сломанной веткой, рухнувшей на землю. Лошади испуганно заржали, пытаясь оборвать привязь, Микай оторопело смотрел на свои руки, а легко увернувшийся Шут укоризненно качал головой, глядя на ошеломлённого кузнеца.

— Это называется: сила есть, ума не надо. А если б там лошади стояли, или госпожа сама? Лошадей бы ты зашиб насмерть. А вот госпожа тебя бы зашибла. Не подумал об этом, голова еловая? Иль по друзьям-товарищам своим соскучился? Так ты не стесняйся, скажи. Я тебе быстро помогу свиданку сладить.

Я успокаивала Ласточку и Огонька, глядя их по мордам и ласково шепча всякие глупости.

Зашибла бы я кузнеца... Я даже понять ничего не успела. Или... Или Джастер говорил про оберег?

Вчера-то он хорошо свою силу показал...

Микай, поняв, что едва не натворил, отчаянно замотал головой, явно вспомнив вчерашнюю расправу. Но Шут не обратил на это внимания, разглядывая одну из тарелок с таким видом, словно лезвие меча.

— Ну что, хочешь ещё подурить? Или за ум уже возьмёшься? Это ж сила колдовская, она без ума много бед наделать может. А я такого допустить никак не могу, уж извини. Так что выбор у тебя простой: или здесь помереть, или с даром своим жить учиться. Что хочешь? Подать твою голову госпоже на блюде? Али как?

Край тарелки сверкнул не хуже лезвия меча или топора.

В один миг я ярко представила почти небрежный взмах руки Джастера и голова Микая с навеки замершим ошеломлённым выражением и в самом деле окажется на блюде.

Кузнец испуганно схватился за шею, видимо, вообразив похожую картинку.

«Ты не можешь не использовать дар, когда он у тебя пробился наружу».

«Боги каждому дают учителя, главное, чтобы человек захотел учиться».

— За... за ум... — пробормотал окончательно ошеломлённый всем кузнец. — Ты не серчай токма! По глупости я энто, не подумавши! Чой делать-то, сказывай!

— У госпожи иди, проси, чтобы тебя в ученики взяла, — снисходительно посоветовал Джастер. — Глядишь, пожалеет тебя, бедолагу. Госпожа-то с младых ногтей колдовскую науку постигала, многое тайн ведаёт. Хорошо попроси, глядишь и смилостивится.

Ну, Джастер, ну... Шут!

Не хочу я нянькой у этого кузнеца быть! Надо ему — сам бы его и учил!..

Микай тем временем огляделся, увидел меня и кинулся в мою сторону.

— Смилуйтесь, госпожа! Смилуйтесь! Век вам служить буду, токма научите, как с силой тёмной совладать!

— А ну стой, где стоишь! — прикрикнула я на него, испугавшись, что здоровяк-кузнец просто снесёт меня, как былинку, а лошади снова заволновались.

Микай остановился так резко, что взмахнул руками, чтобы не упасть.

— Сми... — он попытался было встать на колени, но я безмолвно махнула рукой, изрядно устав от всего этого.

— Иди и помоги Джастеру.

Успокаивающе погладив Ласточку и Огонька по мордам в последний раз, я развернулась и пошла в «сторожку», чтобы собрать свои вещи. Голова просто гудела от случившегося. Больше всего хотелось лечь и уснуть рядом с Джастером.

Только вот, к моему сожалению, ничего подобного не ждать не приходилось.

И хотя мне не нравилась затея Шута, но кузнецу я всё же сочувствовала.

Столько потрясений за один вечер и одно утро пережить не просто. Это я уже на себе успела проверить.

А ещё я думала о том, что Джастер никогда так не шумел и меня всё время осаживал. Он любил тишину и я, оказывается, тоже привыкла к этому.

Но теперь появился Микай.

И он портил все мои планы.

Я сидела на стуле и, борясь с наваливающейся дремотой, пыталась понять, что же мне собирать. Все мои вещи уже давно были в торбе, оставался только плащ, пояс с Живым мечом и кинжалом, и зеркало Митамира. А вот вещи Шута, хоть и лежали кучно, казались чуть ли не разбросанными посреди царившего беспорядка.

— Что скучаешь, ведьма? — голос Джастера вытряхнул меня из дремоты не хуже ведра воды. — Заняться нечем?

— А чем? — хмуро посмотрела я на него. — Кузнеца твоего любовной магии учить пойти? Девок привораживать?

Шут широко ухмыльнулся, поставил на стол золотые тарелки, взял свою торбу и молча начал убирать в неё мешки с мукой и крупами, и бутылки со стола.

Ну уж нет. Так просто он не отделается.

— Джастер, я всё понимаю, но зачем он нам? Чему я могу его научить?

Воин убрал последнюю бутылку, поставил торбу на стол и огляделся вокруг, явно прикидывая, что взять с собой.

— Джастер.

— Твой новый слуга и ученик сейчас собирает припасы в дорогу и часть добычи из схрона. — воин невозмутимо посмотрел на меня. — Предлагаю заняться тем же, ведьма.

— Так про добычу ты не шутил? — Удивилась я, глядя, как воин вытаскивает из сундука посуду.

— Конечно, нет, — сказал он, спокойно ставя драгоценную утварь на стол. От обилия золота в «сторожке» стало светлее.

— Во-первых, ты — госпожа ведьма, да еще и объявившая себя сильнейшей ведьмой королевства. Не спорь, ты сама знаешь, кому бросила вызов. Так что, ты не можешь позволить себе выглядеть беднее, чем она. Люди встречают по одежке, ведьма, запомни это. Слуга и ученик у тебя есть, дорогая посуда тоже, платье... Над твоим платьем я подумаю. Готовые наряды красивы, но никуда не годятся в дороге. А ты всегда должна выглядеть как госпожа.

Слуга и ученик? Всегда выглядеть как богатая госпожа?

Встречают по одежке... Да, в этом я успела убедиться и в Кронтуше, и потом, путешествуя под видом деревенской травницы.

А как же он сам?

— Ты в наёмника переоденешься?

— Нет, — он качнул лохматой шевелюрой. — Зачем могучей ведьме охранник? Шут будет уместнее. Давай, помогай лучше.

Я растерянно смотрела на раскрытые сундуки. Одно дело забрать волшебное зеркало, и совсем другое — вот так вот...

— Я не могу! — я посмотрела на Джастера, который придирчиво оглядывал золотую утварь и некоторые предметы прятал в свою торбу. То, что ему не приглянулось, воин возвращал обратно в сундук. — Это же... чужое!

— Хозяева этих вещей мертвы, ведьма. Те, кто их ограбил и убил, — тоже. Сейчас эти вещи не имеют хозяев, но очень быстро найдут, как только ты заявишь о случившемся в магистрате. Или за ними приедут её люди, и всё добро перекочет в сундуки герцога. Ты же это понимаешь?

Я кивнула, признавая его правоту. Такое богатство без хозяев не останется, это точно. Всё приберут к рукам стражники и их начальство. Или Вахала, если я не обращусь в

магистрат.

Нет. Я — против! Не получит она ничего! Хватит с неё на смертях простых людей наживаться!

Стражники и знать в магистрате — тоже не подарок, но пусть лучше это богатство таким людям достанется, чем ей!

Не выгледеть беднее, чем она...

Я вспомнила богатое платье, расшитое драгоценными камнями, и украшения, в которых Вахала себе не отказывала. До многовековых ведьмовских традиций ей не было никакого дела.

Ну уж нет. Я ей не уступлю.

Джастер прав. Клин клином вышибают.

Я ей покажу, кто такая госпожа Янига.

Решительно встав, я огляделась вокруг. Много всего... Долго выбирать придётся.

— А в твою бездонную торбу всё не влезет? — поинтересовалась я у Шута.

— Влезет, просто нам всё не нужно. Не жадничай, ведьма. Да и какие же это разбойники, если у них добра награбленного не найдут? Так что пользуйся случаем, посмотри, что тебе здесь глянется. Ткани, украшения какие. То и возьмём.

— Ты уверен, что других волшебных вещей тут нет?

Шут выпрямился, небрежно бросил в сундук золотую чашу, которую рассматривал, и без лишних слов подошёл к двери и закрыл её.

Стало темно, как в погребке.

— Джа...

— Смотри, ведьма. И чувствуй. Доверься себе.

Я успокоилась и постаралась сделать, как он сказал.

Тихое дыхание, мягкая темнота, моя сила, ставшая глубже шире... Вдох за вдохом и темнота начала расступаться. Точнее, я вдруг заметила слабое золотистое мерцание у себя на груди и левом запястье. Оберег и браслет. Я поняла руку, и сияние стало ярче, обрисовывая контур бусин. И почти сразу полыхнуло голубым там, где лежал Живой меч, и засветилась призрачно-фиолетовым шкатулка с зеркалом...

— О, боги... — тихо выдохнула я, не веря своим глазам. — Они светятся...

— Да, — отозвался из-за спины Шут. — Их видно.

Но я не успела обернуться к нему: свет из вновь открытой двери ослепил меня, и я закрыла глаза рукой.

— Фух, напужал! — раздался голос Микая. — Экий ты резкий...

— Бывает, — хмыкнул Шут, пока я вытирала глаза и привыкала к солнечному свету. — Что хотел?

— Дык энто... Наряд такой непременно носить треба?

Я обернулась и чуть не рассмеялась от неожиданности.

Микай переоделся в рубаху из тонкого полотна цвета топленого молока, подпоясанную узорным поясом. Поверх красовался расшитый узорами синий кафтан, а добротные штаны из коричневого сукна были заправлены в новые кожаные сапоги.

Если бы не растерянность и неловкость парня, не привыкшего к такой одежде, то слуга и ученик госпожи Яниги выглядел бы как сын состоятельного горожанина. Или очень зажиточный крестьянин.

В любом случае, жених получился из него завидный. Вольта бы счастлива была.

— Чем тебе не нравится? — спокойно спросил Джастер, сложив руки на груди.

— Уж больно богато, — кузнец осторожно погладил рубаху. — В таком токма по большим праздникам красоваться, а не в будни ходить. И рази ж у горна в таком сробишь...

— Привыкай, — хмыкнул воин в ответ. — Тебе не молотом махать нужно, а науку колдовскую постигать и госпоже помогать. В самый раз такой наряд.

— Как скажешь, — хмуро пробурчал Микай, ещё не смирившийся с неожиданным поворотом в своей судьбе. — Чой делать-то дале, госпожа?

— Пошли, покажешь, что сделал, — Джастер вышагнул из «сторожки». — Заодно учись говорить правильно. Ты теперь колдун, а в колдовстве слова очень много значат, госпожа соврать не даст. Скажешь что не так — и всё, хоронить нечего будет.

Кузнец поражённо охнул, а Шут обернулся ко мне.

— Я скоро вернусь, госпожа.

Он коротко поклонился, легко толкнул растерянного кузнеца локтем, и Микай тут же встрепенулся и поклонился мне в пояс.

— Не так надо, — добродушно сказал воин. — Ладно, научу тебя потом. Пошли.

Я смотрела в спины уходящим мужчинам и думала о том, что Джастер так сильно изменил мою жизнь, что ничего подобного я даже представить не могла.

Впрочем, смотрела я недолго. Шут был прав: нужно собирать вещи.

Отодвинув оставшуюся часть драгоценной посуды в сторону, я достала из сундука тяжёлые шкатулки и поставила их на стол.

Внутри оказались украшения, золотые и серебряные монеты, и драгоценные камни россыпью. Перебирать сокровища и любоваться этой красотой можно было долго. Решив, что такое богатство лучше взять с собой, я закрыла крышки и подвинула шкатулки к зеркалу Митамира.

Вот ведь тоже, удивительно как... Вчера я не умела видеть ни чужой дар, ни волшебные вещи. А сегодня мир снова удивил меня моей же силой.

Перебирая нарядные ткани и откладывая на кровать то, что понравилось, я думала, что Микаю придётся очень нелегко. Я училась пользоваться своим даром с раннего детства, всегда знала, что я ведьма, и Холисса воспитала меня как ведьму. Парень же всю жизнь считал, что дара у него нет. Мучился и переживал от обидного прозвища. И вот сегодня я сама, как когда-то со мной поступил Шут, огорошила кузнеца известием о его судьбе колдуна. А сам воин даже не оставил парню выбора: или голова на блюде или к госпоже ведьме в ученики...

И всё-таки, чему я должна его учить? Не так и много я знаю о гранях тёмного дара. Да и своим даром ещё не овладела и только учусь. Что это была за вспышка, которая сломала ветку и могла убить даже лошадь? Какая грань у Микая?

Вернётся Джастер — спрошу обязательно. И второй раз он у меня не отговорится.

Шут и Микай вернулись, когда я заканчивала перерывать третий сундук. На кровати высилась гора отрезов шёлка, парчи и удивительной ткани, названия которой я не знала. Очень плотная и красивая, она была гладкой с одной стороны и пушисто-мягкой, как замша, с другой. Мне очень хотелось платьев из этой красоты, но я не знала, одобрит ли Джастер мой выбор.

— Что прикажете, госпожа? — хрипло спросил кузнец, заметно волнуясь и косясь на невозмутимого Шута: всё ли правильно сказал?

— Вот это мы берём с собой, — я кивнула на ткани, решив, что шкатулки прекрасно уместятся в наших сумках.

Микай неловко поклонился, а Джастер едва заметно улыбнувшись, подошёл к кровати и оглядел мою «добычу».

— Ах, какую красоту госпожа выбрала, — открыто улыбнулся он, проведя рукой по тканям. — Микай, иди сюда, завернём всё, и отнеси к остальным вещам. А мне надо своё собрать.

Бочком обойдя меня, кузнец подошёл к Джастеру, который складывал все ткани в расстеленное покрывало. Завязав мою «добычу» в узел, он помог кузнецу закинуть его на плечо.

— Жди нас у лошадей, — похлопал он Микая по плечу. — Скоро придём.

Кузнец снова неловко кивнул, изображая поклон, и вышел из «сторожки» с узлом на плечах.

— Это мы тоже берём, — я показала на шкатулки с драгоценностями. Воин приоткрыл крышки, кивнул и молча сложил всё в свою торбу.

— Джастер, какой у него дар? Чему мне его учить?

— Научи его грамоте, — Шут надевал пояс с мечом. — И тем знакам, которые знаешь сама. Расскажи ему легенды из книг. И кстати, да, заberi их себе.

Он затянул ремень, подошёл к торбе и выложил на стол знакомые мне «Легенды». Я потянулась к книге, но на неё сверху легли ещё три фолианта, купленных в Кронтуше.

«Расхождение миров», «Трактат о камнях и травах», «Записки Альхабура о движениях светил».

— Заодно сама почитай. — Воин спокойно закрыл торбу. — Ничего сложного там нет, ты разберёшься. Ах да, это тоже к себе убери.

Сверху на книги легла шкатулка с зеркалом Митамира.

Я смотрела на эту гору, думая, как бы мне упихать такую неожиданную поклажу в свою сумку. Шкатулка с зеркалом туда входила легко, а вот книги явно превышали её размеры.

Сама с этими умными книгами разберусь... Как же приятно, что он про меня так думает!

А ещё... Ещё это значит, что мне придётся проводить время с Микаем, а не с Джастером.

— Зачем мне всё это? — буркнула я, не надеясь на ответ.

И вздрогнула, когда Джастер вдруг обнял меня со спины, прижимая к себе и дыша в макушку. В этом объятии было столько неожиданной нежности, что я едва устояла на ногах.

— У нас с тобой сильные враги, Янига, — тихо сказал он. — Нам нужны союзники. Все, кого сможем найти. Мы с тобой — сердце урагана. И каким он будет, зависит от нас.

28. Шемрок

Легко поцеловав меня в волосы, Джастер разжал руки, и я со вздохом отстранилась, понимая, что мы не одни и времени на нежности тоже нет.

Сердце урагана...

И красиво, и страшно. Даже спрашивать ничего не хочется.

Зато он сказал — «нам»... Великие боги, всего одно слово, а сразу на душе спокойнее.

Пока я прятала в сумку зеркало и книги, которые на удивление легко поместились внутри, Шут повесил торбу через плечо, накинул на плечи плащ, повесил лютню за спину и

взял свёрток с нашим шатром.

Оставшийся после нас бардак его ничуть не волновал, и я решила тоже не думать об этом.

— Ничего не забыла? Идём? — воин встал в дверях.

Я повесила сумку на плечо, перекинула через неё свёрнутый плащ, оглядела «сторожку» и тихо ойкнула: Живой меч укоризненно блестел на стуле.

— Прости, пожалуйста... — я виновато погладила рукоять меча. — Я не хотела... Не сердись...

Я гладила Живой меч, но под ладонью ощущала чешуйчатую голову драксы. Ох, Янига, стыдобища... Джастер с ним спал в обнимку, а ты бросила и забыла...

А ведь он Живой. И жизнь мне не один раз спасал, как и его настоящий хозяин.

— Джастер, — я надевала пояс, уже не заботясь о том, как выглядит оружие в сочетании с платьем. — А почему у него имени нет? Ты же говорил, что у такого оружия имена были.

— Не успели назвать, — спокойно ответил воин. — Прежние хозяева быстро умерли, а мы друг друга и так понимаем, без имён.

— Можно, я его буду Игвиль звать? — сорвалось вдруг у меня с языка.

— Игвиль? — Джастер вскинул брови, а рядом со мной полыхнуло голубым, и дракса заполнил собой всю «сторожку».

Только сейчас я поняла, насколько сильно он подрос с того момента, как мы с ним спасали Джастера от водяниц. Вчера я не обратила на это внимания, но сейчас дракса смотрел мне в глаза, уже не приподнимаясь на лапах. Его морда стала больше конской головы, клыки по размерам не уступали хорошему ножу. По голубой шкуре перекатывались золотистые и серебряные колечки, вдоль спины появился гребень, а за лапами — крохотные чешуйчатые крылья.

Видимо, мой раскрывшийся дар тоже сильно повлиял на него. Удивительно как...

— Откуда ты взяла это слово?

Я только пожала плечами, но Шуту этого хватило.

— На одном из древних языков это означало «серебряный цветок», — пояснил он. — Это... что? Ты сам придумал?

Дракса опустил морду и неловко махнул кончиком хвоста, до хруста надломив ножку кровати.

— Игвиль? Тебе такое имя нравится? — Я подняла ладонь и провела по морде змея. Чешуя была тёплая и сухая. Чёрные глаза довольно сощурились, и алый язык коснулся моей щеки, выражая согласие и приязнь.

И ведь даже не постеснялся показать, у кого такому научился... «Цветочек»...

Я невольно хихикнула, а змей переступил лапами, и виновато потряс головой, словно получил невидимый щелчок по носу.

Джастер негромко хмыкнул.

— Нам пора.

Дракса в последний раз ткнулся носом мне в ладонь и исчез, а я снова ощутила тепло в рукояти Живого меча.

— Игвиль... — тихо повторила я, и вышла из «сторожки» следом за Шутом, поглаживая пальцами довольного драксу.

Микай и в самом деле ждал нас возле запряженных лошадей. Вороной конь был нагружен тюками, но всё равно косился в сторону кобыл. Однако кузнец повод держал крепко и Воронок не брыкался, видимо хорошо зная его руку.

Из всех вьюков я узнала только свой с тканями. Спрашивать, что в остальных, я не стала. Потом узнаю.

Джастер приторочил наш шатёр к седлу Огонька, отвязал лошадей и протянул мне повод Ласточки.

— Показывай дорогу, — обратился он к кузнецу.

Что? Зачем? Он же сам любую дорогу где хочешь найдёт! А здесь даже я помню, что мы вон с той стороны пришли, там гать... Что не так с той дорогой?

Но кузнец неожиданно замаялся, удивив и насторожив меня ещё больше.

— В чём дело? — нахмурилась я, и Микай испуганно стрельнул синими глазами, тут же отведя взгляд.

— Дык энто, госпожа... Тропка-то аккурат тама проходит, где вы вечор...

— А ты что, мертвяков боишься? — насмешливо фыркнул Шут. — Так они уже никому вреда не причинят. Веди, давай. Солнце уже высоко, а до города далеко. Нам до вечера там быть надо.

Микай посмотрел на солнце из-под ладони.

— Дык к обеду поспеем, — сказал он. — Тут напрямки-то недалече.

Вздыхнув, кузнец повёл навьюченного Воронка в сторону знакомой тропинки.

Мимо места побоища я шла, спрятавшись за Ласточку. Кровью уже не пахло, а на мёртвых я смотреть не собиралась. Хватило уже.

Кузнец лишь один раз взглянул и тут же отвернулся, переменив руку с поводом и укрывшись за вороным. Только Джастер шёл спокойно, и я невольно подумала: сколько таких «мертвяков» он повидал на своём веку? Сотни? Или даже... тысячи?

Он ведь не просто «пёс» и наёмник. Он ещё и... Служитель Смерти. Или нет? Он ведь отказался говорить про это. Но даже если он просто немного знает их магию, само название говорит о многом.

Покойников так не поднимают... Брр!

Не хочу о таком думать!

Миновав ужасное место, и тропинку на памятный мне остров, мы прошли между сосен и молодых елок, и вышли к ещё одной гати, уводящей по кочкам куда-то в камыши на другой стороне болота. Эта тропа была широкой настолько, что двое человек могли спокойно пройти рядом или разминуться. Михай ступил на обтесанные брёвна и копыта вороного глухо застучали по сосновым стволам.

— Джастер, — я оглянулась на Шута, проверявшего подпругу Огонька. — Почему мы...

— Мы не по дороге сюда приехали, — негромко отозвался он. — Там тропинка, по которой местные на болото ходили. А мы на дороге в город идём. Иди, давай.

Я вздохнула, сетуя на свою недогадливость, и пошла следом за кузнецом, ведя Ласточку в поводу.

Всё верно. Если у разбойников на острове схрон, то добычу надо таскать по удобной тропе. К тому же, сюда посланцы Вахалы за данью ездят, тоже надо сундуки носить...

Удивительно, что эту тропу никто не нашёл.

Загадка разрешилась просто: гать заканчивалась на крохотном островке, поросшем осинками и камышом, а дальше до берега настила не было. Зато был Микай, который привязал Воронка к тонкому деревцу и выкладывал тропу из сколоченных попарно досок, спрятанных тут же, в осиннике.

— Это они такую гать сделали?

— Дык нашенская она, госпожа. Давным-давно сроблена, мужики наши её в порядке держали, чтоб, значит, округ Гнилушки по какой нужде не ездить. Гнилушка-то, она узка да долга, с солнышком выехать, токма к вечеру до городу и доберёши. А напрямки и к обеду поспеть можа, а к вечеру обратно воротиться... Хороша гать была, на телеге да на санях ездили. А энти стару гать порастрепали да вона чего удумали...

Я только кивнула в ответ его сожалениям. Разбойники хитро устроились на готовом. Кто бы на берегу ни был, им приходилось ждать, когда придут с острова и перекинут мостки. Перешли — и всё убрали, как ни было.

Вода чёрная проглядывает в ряске, деревья кривые да мелкие, осока да камыш, кочки да трясина. Комары и лягушки одни. Даже клюква не растёт.

С берега — болото и болото. Гнилое.

Вернувшийся Микай отвязал Воронка и повёл на берег. Конь шёл неохотно, но спокойно, и я поняла, что эта дорога ему привычна. Видимо, загон на острове был построен именно для него.

Мостки оказались узкими. Дважды я чуть не оступилась, а вот умная Ласточка прошла, ни разу не споткнувшись.

Топкий берег был устелен сухим камышом, и мне удалось перейти по нему, не провалившись в грязь по щиколотки. Микай ждал нас на берегу, под песчаным обрывом. Смотреть в мою сторону кузнец по-прежнему опасался, и я не спешила его привечать.

Госпожа — так госпожа. Прилежней учиться станет.

В молчании дождавшись Шута, мы поднялись по тропинке в лес и скоро вышли к дороге. Уже там Шут помог мне сесть верхом, в очередной раз расправляя многострадальное платье госпожи. Сам он тоже взобрался в седло, а вот Микай так и вёл Воронка под уздцы: нагруженный конь не вынес бы тяжести всадника.

Впрочем, скоро я убедилась, что так даже лучше: я могла ехать рядом с Джастером и говорить с ним так, чтобы идущий за нами следом кузнец ничего не слышал.

— Джастер... Можно, я у тебя кое-что спрошу? Только ты не ругайся и не сердись, хорошо?

Шут оглянулся через плечо. Серьёзный взгляд никак не вязался с его пестрым шутовским нарядом и лютней за спиной.

Если он так зыркать будет, то лучше бы наёмником переоделся.

— Как много просьб, ведьма. Что ты хочешь?

— Почему вместо небесной любви люди выбирают земную?

Воин вздохнул, снова глядя на дорогу. Он прекрасно понял, зачем я это спросила, но ответил иначе, чем я ожидала.

— Не знаю, Янига. Может, бояться, потому что чувства очень сильные. Может, не верят, что это настоящее. Наверно, каждый решает для себя сам, что ему важнее: простое и понятное будущее или неведомые прежде чувства. А бывает и так, что у человека уже есть семья, и он остаётся с ней. Земная любовь ведь тоже искренняя. Просто она... Только она всегда не такая яркая и... всепоглощающая. Даже когда обычная любовь проходит, у людей

остаются обязательства, дети, общий дом. Не каждый человек это оставит даже ради новой любви, какой бы она ни была. Только в отличие от земной, небесную любовь не забыть. Проще умереть.

— А как люди влюбляются? Когда любовь обычная, а не небесная?

— Почему ты меня спрашиваешь, ведьма? Я любовной магии не учился. Вон, у тебя страдалец есть, его пытай.

— Джастер!

— Что? — ухмыльнулся он на мой насупленный взгляд. — Жалко тебе его?

Я оглянулась на кузнеца, медленно бредущего за нами по дороге. Смотрел он под ноги, широкие плечи были опущены. Воронок успевал щипать на ходу листья с придорожных кустарников и даже траву с обочины, но Микаю до этого, как и до наших разговоров, не было дела. Наверняка о погибших родных думает. Получить долгожданную свободу и узнать, что твоего дома и близких больше нет, а сам ты ещё и колдун, опасный для людей...

Это очень больно и тяжело.

И мне даже сказать ему в утешение нечего.

— Я ему сочувствую, — я посмотрела в глаза Шуту. — Ему сейчас не просто. Ты мог бы...

Воин хмыкнул и перевёл взгляд на дорогу.

— Просто в жизни редко когда бывает, Янига. Он крепкий парень, справится, не волнуйся. Пережил влюбленность, переживёт и это.

— Влюблённость? Ты про ту девицу, которая замуж за друго... Ой, прости! Я не хотела...

— Люди часто путают любовь и влюблённость, ведьма. — Джастер даже не покосился в мою сторону. — Влюблённость всегда яркая и накрывает с головой, как волна. Весь мир кажется прекрасным, голова кружится от счастья, кровь кипит, страсти накалены, как железо в горне. Все мысли только об одном. Лучше возлюбленной на свете нет, все кто не согласен — враги навек...

Джастер не видящее смотрел на дорогу, печально улыбаясь, и я подумала, что ему это состояние очень знакомо, а вот я ничего подобного не переживала.

— Разве это плохо?

— М? — он вздрогнул, возвращаясь из задумчивости. — Нет, не плохо. Недаром менестрели её сравнивают с весной или цветком. Таких цветов-весен в жизни может быть очень много. У кого-то она быстро проходит, а кого-то года на три хватает. Плохо становится, когда влюблённость заканчивается, а всё, что люди успели наговорить или наделать — остаётся. Хорошо, если влюблённость в любовь перейдёт, такие пары живут и счастливы. Но и плохой конец не редкость. Люди много глупостей в таком состоянии делают.

Я прикусила губу, вспоминая себя. Как он тогда сказал: увлеклась, пройдёт...

Но не прошло же... Да и непохоже было на то, что он описывает...

— А какая любовь ещё есть?

— Родственная, — воин спокойно смотрел на дорогу. — Так детей любят, родителей, друзей, ремесло, дом, землю... Такая любовь, наверное, всем знакома. Ты вот наставницу свою так любишь.

— С чего ты взял?

— А разве нет, ведьма? Она же тебя вырастила и воспитала, можно сказать: матерью

тебе была. Или ты её ненавидишь за это?

— Нет, конечно! Просто я никогда об этом не думала... так.

— Люди вообще о таких вещах редко думают, — фыркнул Шут, сразу напомнив мне разговор в Кронтуше.

Как он тогда сказал: «ты же ведьма любовной магии, должна в этом понимать...»

— А муж с женой тогда как друг друга любят?

— Так и любят, — спокойно ответил он. — Как мужчину и женщину. Каждый друг друга за что-то любит, за что-то терпит, за что-то ненавидит... Этим обычная любовь от влюблённости отличается. Когда человек влюблён, он ничего плохого в предмете обожания не видит и любые его поступки оправдывает. Влюблённость застит и глаза, и разум. А когда человек просто любит, то легко может сказать, что в любимом нравится, а что нет.

Эти слова меня и обрадовали, и озадачили.

Неужели у меня такая любовь? Я ведь люблю его, как мужчину, и точно знаю, за что люблю, и что мне в нём не нравится...

— Ещё есть духовная любовь, но это редкость совсем. — Оказывается, Джастер ещё не закончил. — Это очень высокое чувство. Не каждому дано и не каждому оно нужно. Когда так любят, то не за что-то и не вопреки, а просто любят другого таким, как он есть. И не тело манит, а душа... Я такое всего несколько раз видел.

— А небесная любовь на что похожа?

— На всё сразу, ведьма. На всё сразу. И хватит об этом. Лучше подумай, что в магистрате говорить будешь. Я теперь простой шут, а ты могучая и известная госпожа Янига. Мой тебе совет, ведьма: не бойся показать свою силу. И веди себя достойно госпожи ведьмы-защитницы.

Джастер окончательно пасмурнел и поторопил Огонька с шага на спокойную рысь, оставляя меня в одиночестве размышлять над услышанным.

Что в магистрате говорить...

И ведь придётся свои права заявлять и отстаивать, раз уж я этот надел своим объявила. Как ведьмы между собой отношения выясняют — простых людей не касается, а вот объявить им о том, что этот надел теперь мой — я должна.

Госпожа Лира точно спорить не станет...

Силу свою показать не бояться...

Ладно при разбойниках, это я ещё понимаю. А в городе-то зачем?

Догонять Шута я не стала, чтобы бедняга кузнец не остался совсем один. И до полудня мы так и ехали, растянувшись по дороге: Джастер трусил на Огоньке впереди, я на Ласточке спокойно ехала шагом. За мной, в нескольких шагах позади, плёлся Микай с Воронком.

К полудню лес стал редеть, солнце припекать и через некоторое время впереди сильно посветлело: дорога выходила из леса.

Джастер, придерживая Огонька, ждал нас под сенью деревьев.

— Шемрок, — невозмутимо уронил он с губ.

Я натянула поводья, оглядывая открывшиеся поля и город вдаль. За городом блестела река, наверно та самая, которую мы перешли несколько дней назад. На другом берегу поля перемежались с перелесками. Выходит, через болото дорога и впрямь короче...

На серебристой воде виднелись чёрточки рыбацких лодок, у подножия города широко раскинулся подол из простых изб, окружённых огородами. Где-то в небо поднимались дымки из труб, кто-то работал в полях.

Только вот дорога оставалась на удивление пуста. Лишь у городских ворот мелькали местные жители.

— Что-то торговых людей не видать, — хмуро озвучил мои мысли Джастер. — Никак твои бывшие друзья-товарищи всех распугали. Ладно, поехали, обрадуем местных новостями.

Микай вскинулся, сверкнув глазами, но Шут уже пришпорил Огонька и трусцой направился в сторону города.

— Не обращай внимания, — я не могла промолчать. — Он обычно всегда такой... грубый.

Кузнец только кивнул, ничего не ответив, однако я заметила, что ядовитое замечание Джастера заставило Микая встряхнуться.

По крайней мере, он шёл быстрее и решительнее, не опуская головы.

У открытых на одну створку городских ворот трое стражников играли в кости. Стёганные куртки и кожаные нагрудники были брошены у оставленных копий, а на горожан, проходящих в город и обратно по своим делам, доблестная охрана внимания не обращала.

Слышно азартных игроков было издалека.

— Четвёрка, два, один... Проклятье!

— Двойка, пятёрка и тройка! Ага, мои денежки!

— Эй, почтенные... — Джастер остановил Огонька в нескольких шагах от игроков. — Пустите в город, песен поиграть, хмельного попить, с девками погулять...

— Ишь ты, его... А ну, дай сюда, я ещё не метал! А ты проваливай, откуда пришёл! Бродяг в город пущать не велено!

— Проиграешь же, почтенный...

— А ну заткнись, бродяга! Ага! Во, видали! Шесть! Ше... А-а, демоны!

— Одна! И ещё одна! И впрямь — продул!

— Ничего не продул! Она на ребре стояла, шестёрка была! Дай переметну! Энто он мне под руку накаркал, демонское отродье!

— Ты хоть и старшой, Заруба, а правила не ломай! Каркал — не каркал, а ты продул! Плати, давай!

Проигравший стражник зло вытряхнул из кошелька монету, сверкнувшую на солнце белым. Бросив плату на дорогу, он решил обратить свой гнев на виновника его поражения.

— Эй ты! — Заруба наставил копьё на Джастера. — Кто таков?

— Шут я, — ухмыльнулся Джастер. — Сказки сказываю да песни пою, народ веселю. Хотите, и вам спою, почтенные?

Не дожидаясь ответа, он сдёрнул со спины лютню и запел, наигрывая простой мотивчик:

— Как у городских ворот стража денег не берёт! Пропускают всех, не глядя, хоть там вор, а хоть народ!

Несколько молодых подмастерьев, как раз вышедших из города, негромко рассмеялись, а стражники наоборот, нахмурились.

— Ты чего хулу поёшь, трепло собачье!

— Какую же хулу, почтенные? Я играю и пою, правду людям говорю! Коли стража спит у врат, разве шут в том виноват?

— А ну слазий с коня, шутник! И железку свою сюды давай!

— Зачем это, почтенный? — Шут одной рукой ухватил повод и заставил Огонька, нервно грызущую удила, отступить. — Мне и так хорошо.

— А затем, что краденый у тебя конь! И оружие тако тебе не по чину!

— По себе других не судят, — огрызнулся Джастер, под негромкие смешки подмастерьев, задержавшихся у ворот на бесплатное представление. — И вообще, шуты — божьи дети! Кто шута обижает, удачу провожает!

Похоже, старшего Зарубу здесь не слишком жаловали.

В нашу с Микаем сторону собирающиеся у ворот горожане почти не смотрели, лишь скользили взглядами да отворачивались. Живой меч скрылся под складкой юбки и в глаза не бросался. А в остальном богатая девка со слугой откуда-то едет, эка невидаль. С такой стража ругаться не станет, спину согнёт да пропустит. А что платье чёрное по жаре — так у богатых свои причуды.

Заезжий шут, который со стражей лается — другое дело. Веселье!

— Да и нет у меня коня, только лошадь у меня. Коль с досады не сличишь, на меня зачем кричишь? Сам же деньги проиграл и товарищам отдал. А я тебя предупреждал, чтоб шутов не обижал! Иль ты на словах старшой, а на деле-то меньшей?

Стоявшие в воротах горожане, коих собралось уже много, как и сидящие на земле стражники зашлись от хохота, а Заруба разозлился окончательно.

— Щас ты у меня по-другому запоёшь, сопляк! Я тя щас так обижу — до смерти помнить будешь!

Он подскочил к копьям, схватил одно и замахнулся, явно собираясь выбить наглеца из седла. Толпа зевак возбуждённо зашептала, товарищи Зарубы поспешно собирали кости, а я поймала на себе серьёзный внимательный взгляд Микая.

Кузнецу было не до смеха.

«Да лучше б родню мою спас, а не меня...»

«...только солдатики-то, королевски, по опушечкам да по солнышку прогулялись, закрома наши потрясли, а в Гнилушку-то не полезли»...

Быть госпожой ведьмой и не бояться показать свою силу, да?

Я не боюсь, Джастер. Нет. Уже нет.

— Вы чем тут занимаетесь, бездельники?! Так-то вы свою работу делаете?!

Огненная стрела, которой я отбивалась от водяниц, ударила в древко копья с такой силой, что едва не выбила его из руки Зарубы, оставив на дереве палёный след. Немудрено попасть с десяти-то шагов.

Ошеломлённый стражник уставился на меня. Его напарники растерянно сидели на земле, а толпа горожан замолчала, не зная, что делать.

Ничего подобного они не ожидали.

Ни одна ведьма не ездила верхом и в богатых платьях.

Ни одна ведьма не таскала с собой слуг и вьючную лошадь.

Ни одна ведьма никогда себя не вела как знатная госпожа.

Ни одна ведьма не умела колдовать такие заклятия.

Кроме Вахалы, наверное.

А теперь вот и меня...

Но я — не она.

— Джастер, вернись немедленно.

— Слушаюсь, госпожа Янига, — Шут, крепко держа повод Огонька, отвесил учтивый

поклон, широко махнув в сторону рукой с лютней. Но я уже снова смотрела на застывших в недоумении стражников.

Вести себя достойно госпожи... Ох, Великие боги, надеюсь, у меня получится...

— Открывайте ворота и проводите меня в магистрат. У меня очень важное дело.

Установившуюся тишину прерывал только глухой топот копыт по дорожной пыли: Шут спокойно развернул Огонька, подъехал к Микаю и остановился возле него.

И только теперь оторопь с людей спала.

— Шо за ведьма? — пробормотал один из сидящих стражников, а другой растерянно икнул.

Неожиданная ярость во мне вскипела мгновенно. И также быстро вспыхнула в пальцах новая огненная стрела.

— Шо за ведьма?! Ты как ко мне обращаешься, дубина неотёсанная! Совсем страх потерял? Так я тебя живо вежести научу!

Старшой Заруба поспешно опустил копьё, грозя за спиной кулаком своим подчинённым.

— Виноват, госпожа ведьма, а токма не велено... — почтительно обратился он ко мне.

Однако меня это ничуть не успокоило. Дар ярился и требовал выхода.

— Хочешь сказать, что я какая-то бродяжка? — я почти рычала, чувствуя, что ещё чуть-чуть — и запущу стрелу прямо в лоб этому Зарубе. — И потому мне нельзя в мой город?

— Госпожа, госпожа, помилуйте! — Микай вмешался настолько неожиданно, что я вздрогнула, приходя в себя. — Позвольте, я сам с имя потолкую!

— Ступай, — милостиво кивнула я, развеивая заклятие, а про себя радуясь вмешательству кузнеца. Эх, Янига, ведьма-защитница, а сама чуть людей не поубивала...

Ох, не было со мной такого раньше. Сколько вон злилась, сердилась и обижалась... А сейчас дар на малейшее недовольство откликается...

Неужели Джастер поэтому так легко вспыхивает? Надо будет у него спросить...

Микай в это время неторопливо шёл к стражникам.

— Эй, Заруба, а меня ты тоже не признал, шо ле? Энто ж я, Микай, с Чернецов.

Сидевшие на земле стражники переглянулись и вскочили на ноги, пока старшой, оперевшись на копьё, пристально вглядывался в лицо кузнеца.

— Не признал, — подозрительный Заруба выставил копьё вперёд. — А ну стой, где стоишь. Чужих людей пущать в город не велено! Микай-то с Чернецов сам чорён был, да одежей завсегда не богат. А ты вона, седой, как дед, да одежа у тебя как сынка купеческого. А ещё я слыхал, Микай-коваль тем летом на Гнилушке утоп. А ты кто таков?

— А я он и есть, — кузнец остановился перед стражниками. — Не утоп я, госпожа Янига меня спасла, да в ученики по милости своей взяла. Колдун я теперя, так-то.

Мгновения тишины и стражники, а следом за ними и зеваки захохотали.

Они били друг друга по плечам, пихали локтями, держались за животы, а кузнец молчал, опустив седую голову. Только кулаки сжимались и разжимались, отчего мне становилось немного не по себе.

Это Джастер от его волшебного удара увернулся легко. А эти...

Я покосилась на Шута. Он успел снова закинуть лютню за спину, и держал повод Воронка, щурясь на солнце и беззаботно поглядывая по сторонам, явно не собираясь вмешиваться.

«Я теперя просто шут, а ты госпожа Янига...»

А Микай — мой ученик-колдун.

И всех нас подняли на смех и даже в город не пускают...

Неожиданный шум и резко стихший смех заставили меня вновь обратить внимание на происходящее перед воротами.

Заруба лежал на земле, держась за челюсть и сплёвывая в пыль кровь, а Микай, набычившись, навис над ним, держа за грудки. Ещё один стражник с оханием и кряхтением поднимался с земли, опираясь на товарища.

— И теперь не признал? — громыхнул кузнец басом. — Смехуешки вам?! А где вы были, кады мою деревню разбойники пожгли?! Кады они батюшку мово с матушкой смерти лютой предавали?! Пиво пили да бабам юбки задирали?!

В толпе горожан кто-то испуганно охнул, а стражники уставились на разгневанного кузнеца.

— Ми...кай... ты это... ты чаво тако болташь-то... Как Чернецы пожгли?... — растеряно спросил поднявшийся стражник. — У меня ж тама сестра с зимы... Замужем, брюхатая... Я гостинцы... купил...

Кузнец отпустил несчастного Зарубу и шагнул к говорившему.

— Как пожгли, молвишь? — синие глаза нехорошо прищурились и стражник испуганно отшатнулся. — А до тла пожгли! Нету Чернецов боле! И живых не осталось! Родню свою теперь токма поминать моги!

— Постой... — Заруба, вытирая рукавом кровь, поднимался с дороги, опираясь на копьё. — Каки-таки разбойники? Ты умом никак помутился?

— Помутился? — бас Микая громом раскатился над дорогой. — С горя я такой стал! — он ухватил седую прядь. — А разбойников всех госпожа на Гнилушке смерти лютой предала за дела их мерзкие, покуда вы тут на медяки играете да пиво хлещете! Али староста наш не кликал на подмогу-то?! Шо моргашь?! Знаю я всю правду! Кликали вас, да токма на Гнилушку-то вы не сунулись, струхнули по болотине рыскать! А оне тама и сидели, изверги! Одна госпожа Янига не побоялась, проместо вас за всех обиженных да неповинно убиенных заступилась! Всю вражину с нечистью да нежитью гневом да силой своей покарала! Шо гляделками лупашь, стоишь? Могуча она ведьма, коих ты и не видал никады! Кончай госпоже перечить, отворяй ворота, да пуцай нас в город! Госпожа Янига таперича тута ведьма. Все слышали?!

Короткая драка, грозный вид кузнеца, как и его жаркие искрение слова, произвели большое впечатление.

Толпа зевак загомонила, обсуждая неслыханные новости, какая-то баба негромко голосила, видимо по погибшее родне. Сплетники уже спешили разнести такие новости по городу и подолу.

Однако стражники по-прежнему недоверчиво переглядывались, хотя перечить больше не осмелились. Заруба кивнул, и его товарищи, тычками и руганью разогнав толпу, стали открывать вторую створку ворот.

Конечно, мы бы проехали и в одну, но так почёта было больше.

— Эй, Хорь, проведи госпожу ведьму к ратуше, — Заруба снова сплюнул кровью и кивнул тому, кто пострадал в драке меньше всех.

Я тронула Ласточку и поехала шагом. Джастер ехал следом за мной, крепко держа повод Воронка.

Микай ждал нас в воротах, и я вдруг подумала, что, не смотря на всё случившееся,

говорил он на редкость складно и не сказал ничего лишнего. Как будто его кто-то научил тому, что надо говорить.

Шут же с улыбкой вернул повод Воронка кузнецу и с невинным любопытством поглядывал по сторонам, словно ничего не случилось.

Шемрок, не смотря на нелюбезный приём, внутри оказался довольно милым городом. Он и в самом деле был больше Костинограда раза этак в два. Каменные дома в один и два этажа, крытые глиняной черепицей, имели при себе крохотные садики за каменными заборами и растеклись по берегу, не слишком прижимаясь боками друг к другу. Окна украшали горшки с цветами, кое-где на верёвках во дворах сушилось бельё. По боковым улочкам вполне могла проехать телега, а по центральной, ведущей на городскую площадь, спокойно разъехались бы и две. Вдоль всех улиц шли сточные канавы, которые содержались в чистоте.

Улица от самых ворот была вымощена берёзовыми и ясеновыми спилами, а потом стала каменной. Ласточка фыркала и недовольно мотала головой, но ехали мы шагом, и я не боялась, что она оступится. Огонёк же с самого начала стычки Шута со стражей вела себя намного спокойнее, чем было обычно в её характере, и я подумала, что Джастер опять что-то наколдовал.

Стражник, снова одевший стёганую куртку и кожаный нагрудник, время от времени вытирал рукавом мокрый лоб. Несло от него потом, луком и пивом. Копьё он нёс на плече и на удивлённые и встревоженные взгляды горожан не обращал внимания, лишь недовольно отругиваясь на осторожные вопросы. Судя по всему, он явно не горел желанием идти к ратуше, мечтая поскорее вернуться обратно к воротам.

Микай же, напротив, иногда кивал кому-то, завидя знакомые лица, но люди прятали глаза и делали вид, что приветствие было не им.

Странное место. И день ясный, солнечный, и город не серый и унылый, как Костиноград: камень светлый, крыши красные, деревья, цветы, люди в яркой одежде, а чувство, как будто давит что-то.

И почему вход в город закрыт для всех чужих?

Мне хотелось узнать, что здесь происходит, но хмурый и недовольный вид Хоря не располагал к беседе даже Шута.

— Ратуша, госпожа, — пробурчал наш проводник, выйдя на довольно просторную площадь, украшенную в центре небольшим фонтаном. На дальней стороне площади красовалась местная ратуша, а с трёх других — крытая колоннада. Под её сенью яркими разноцветными навесами привлекали покупателей торговые лавки. Торговля шла лениво и неспешно, женщины выбирали зелень, рыбу, овощи, мясо. Кто-то покупал ткани, кто-то горшки, кто-то просто чесал языки с соседями, собирая сплетни.

Наше появление вызвало волну внезапной тишины, растекающуюся вокруг с каждым нашим шагом. В этой тишине люди расступались и Хорь, который явно чувствовал себя неуютно под столькими взглядами, громко стучал каблуками сапог по камням, пока наши кони размеренно цокали копытами следом за ним.

— Пришли, — стражник остановился перед ступенями. — Вона вход, госпожа.

— Что, нам прямо так самим и заходить? — спокойно поинтересовался Джастер, спешиваясь с Огонька. — И лошадей тут бросить? А когда уважаемые советники спросят, как мы тут оказались, так и сказать: сами пришли, пока стража на воротах спит?

— Чтоб те демоны язык выдрали, трепло, — зло сверкнул глазами Хорь, но поднялся по

ступеням и громко постучал в дверь.

— Что ещё? — Недовольно раздалось с той стороны. — Кого там принесло?!

— Го... кхм, — Хорь прочистил горло и, подхватив копьё, вытянулся в струнку. — Госпожа ведьма Янига по важному делу к совету, капитан!

— Чо? — дверь приоткрылась, и из-за неё показался стражник, одетый в полный кожаный доспех. Худое лицо украшали усы, которыми хозяин явно гордился — настолько они были ухожены. Капитан грозно смерил Хоря, ещё сильнее вытянувшегося в струнку, взглядом и шумно приняхался. — Ты чо, нажрался на посту и пришёл мне тут шутки шутковать? Какая ещё ведьма, охолонь башку-то! И не ори мне тут: господа советники отобедавши и отдохнуть изволят...

— Госпожа Янига, самая могучая ведьма королевства, ведьма-защитница и новая хозяйка этого надела, прибыла в Шемрок по важному делу. — звучно и на всю площадь сообщил Джастер. — А также с ней прибыл её ученик, Микай-колдун из Чернецов, и я, её шут. И на вашем месте, уважаемый, я бы доложил о госпоже Яниге совету, поскольку дело не терпит отлагательств.

От такого представления мне оставалось только с гордым видом восседать на Ласточке. Микай исподлобья косился то на мило улыбавшегося Шута, то на опешившего от такого заявления капитана стражи. Бедняга Хорь от волнения потел так сильно, что я с трудом сдерживалась, чтобы не зажать нос.

— Чо? — опять переспросил капитан, выйдя на свет целиком и сложив руки на груди. В отличие от Хоря и его приятелей, вооружён он был мечом. — Я не ослышался? Прямо так и немедленно я должен тревожить достопочтимый совет из-за прихоти какой-то там приبلудной ведьмы и её ряженных любовников?

По площади зашелестел шепоток. Кто-то уже слышал историю у ворот, и слух об этом успел доползти и досюда.

Но мне было от этого не легче.

Великие боги... Опять всё с начала?!

Микай скрипнул зубами, но Джастер предупреждающе коснулся его запястья пальцами, останавливая гневный порыв. А я не знала, что ответить на такую грубость и дерзость. Дар внутри снова заволновался, готовый выплеснуться наружу разрушительной силой. Больше всего мне хотелось подпалить гордость этого капитана в буквальном смысле, но я сдерживалась, понимая, что так нельзя. Это Вахала могла кидаться проклятиями направо и налево.

А я — госпожа Янига, ведьма-защитница. Я не могу людей вот так... карать за их неверие в мои силы.

Иначе... Иначе никакой разницы между мной и Вахалой для них не будет.

Надо придумать что-то другое.

Но что?!

Шанак, Датри, что мне делать?!

Словно в ответ на мою молитву Хорь ожил и жарко зашептал на ухо капитану. По мере рассказа самоуверенное выражение лица сменялось на хмурое и озабоченное, и к концу доклада капитан уже дёргал себя за кончики усов.

— Ну, ежели это всё правда, то торопиться некуда. Разбойники мертвы, угрозы никакой нету. Я, конечно, доложу это дело совету, и они вас пригласят, госпожа...

Над площадью внезапно громынуло, и под ноги капитана с ясного неба ударила

молния, выбив из ступени каменные осколки.

Шепотки смолкли. Будто и не было.

— Мой вам совет, — Джастер успокаивающе похлопывал Огонька по шее, как будто не сам это представление устроил, — не сердите госпожу Янигу. Она после Чернецов и Гнилушки ой как сердчает на безделье ваше...

— И я тоже! — очень внушительно прорычал Микай, сжимая кулаки, при виде которых капитан слегка дрогнул, а Хорь и вовсе попятился.

— Н-но господа советники... — дал слабинку защитник послеобеденного сна.

— С господами советниками я разберусь сама, — я решила, что уже могу вмешаться в этот разговор. — Немедленно доложите им о моём деле. Или я их разбужу так, что мало им не покажется.

— Ждите здесь, — хмуро буркнул капитан и скрылся в ратуше, с грохотом закрыв дверь.

Вернулся он не так скоро, как мне хотелось. Хорь, которого капитан забыл отпустить обратно на пост, маялся у двери, то и дело вытирая лоб и пытаясь прикрыться от палящего солнца копьём.

Признаться, я сама с трудом удерживалась от того, чтобы не обмахиваться рукой от жары. Спасало только то, что мы отошли к фонтану, и его прохлада хоть немного облегчала мне муки из-за чёрного платья. Лошади и вороной пили, Микай и Джастер молчали, и я вынужденно молчала тоже, хотя вопросов хватало. Особенно я досадовала на Шута: если уж Микай научил, и они уже обо всём договорились, то мог бы и мне подсказать, что говорить!

Но Джастер держался, как слуга, и я понимала: если он ничего мне не сказал, значит верит, что я сама справлюсь с этим разговором.

Эта его вера удивительно грела мне душу.

Народ на площади по-прежнему толпился у торговых лавок, зевак стало даже больше, но к нам подойти не осмеливался никто. Все ждали, чем закончится визит госпожи ведьмы в магистрат.

Наконец, дверь ратуши отворилась, и капитан громко провозгласил:

— Совет города Шемрока ждёт госпожу ведьму в зале заседаний!

Внутри ратуша значительно уступала по богатству и красоте тому, что я видела в Кронтуше. Немногочисленные гобелены со сценами охоты или прогулок красивых дам, витые подсвечники, каменный пол, гулко отдававший эхом шагов. Даже высокие окна не расцвечивали серый коридор цветными пятнами витражей, потому как солнце стояло почти над головой.

В целом здесь было хоть и прохладнее, чем на улице, но душно.

Бедняга Хорь остался у фонтана охранять наших лошадей. После явления молнии с ясного неба возражать Джастеру он даже не посмел.

Я шла, выпрямив спину и приподняв подол платья, почти не глядя по сторонам, как когда-то научил меня Шут. Сам он спокойно шёл следом за мной, а вот Микай хоть и старался держать себя в руках, но нет-нет оглядывался, передёргивая плечами. В ратуше он явно был впервые и чувствовал себя здесь не в своей тарелке.

Великие боги, я ведь была такой же всего две луны назад...

Но сейчас — я госпожа ведьма. Настоящая ведьма, а не та деревенская девчонка.

Джастер в меня верит. Значит, я справлюсь.

— Прошу, госпожа, — хмурый капитан открыл перед нами очередную дверь, и мы зашли в зал совета Шемрока.

Советников было пятеро. Возглавлял совет старик, чьё лицо и руки были покрыты морщинами, как кора дерева, а богатая одежда отличалась отделкой золотой тесьмой. Остальные четверо, одетые попроще, но с серебряными цепями на шеях, наверно, представляли торговцев, ремесленников и рыбаков.

Не слишком довольные моим внезапным визитом, почтенные господа советники восседали за широким дубовым столом, а писарь, должный вести запись, ютился в уголке зала и торопливо очинял перо, стряхивая обрезки с пергаментного листа на пол. Лист перед ним был всего один, а потому как неловко он держал нож, видно, что исполнять эту работу бедняге приходится не часто.

Ох... Ну всё, Янига, держись. Теперь дело за мной.

Шанак, Датри, не оставьте меня вашей милостью...

Собрав всю свою решимость, я остановилась в нескольких шагах перед советом.

— Добрый день, господа. Предлагаю перейти сразу к делу.

Советники переглянулись, явно не ожидая такого начала разговора.

— Вам не кажется, что это не слишком вежливо, госпожа... — начал один из них, всем своим видом давая понять, что он думает о наглой рыжей девчонке в моём лице.

— Мне не кажется. — Я решительно сложила руки на груди, всю повторяя поведение Джастера. — Я уверена, что вы уже в курсе моего дела. Разве не так?

Сановники вновь переглянулись.

— Нам доложили, госпожа, — ответил другой. — И раз уж вы предпочитаете такой... кхм... деловой тон, что вам угодно от нас? Зачем вы...

«Не продешевите, ведьма...»

— Раз уж я была вынуждена выполнить работу стражников и вашу, господа, то я желаю получить свою награду. — Я смотрела на этих людей, чуть приподняв голову. — Ту, которую обещал герцог Кронтуша за поимку или убийство этой банды.

В этот раз потрясённое молчание над столом зависло дольше.

— Вы желаете получить награду за уничтожение этой банды, госпожа? — наконец проскрипел глава совета. — Я не ослышался?

— Не ослышались, — я улыбнулась одними губами в лучших традициях Джастера. — Микай, сколько их там было?

— Пять десятков и ещё трое, госпожа, — откликнулся кузнец. — И атаман ихний.

Сколько?! Пять деся... Так, Янига, не об этом сейчас думать, о другом!

— Стало быть вы мне должны пятьдесят три «розы» за банду и десять «роз» за их главаря, господа. Всё честно.

Советники вновь переглянулись и рассмеялись.

Внутри снова стало подниматься раздражение и сдерживать его становилось труднее. В третий раз за день меня здесь на смех поднимают...

Да сколько можно?!

— Аха-ха-ха! Разбойники, госпожа ведьма? И вы с ними в одиночку справились? С такой-то бандой, которую даже королевская стража с того лета не нашла? А вы ведьма ли? Или вы все артисты бродячие посмешить нас решили?!

Эти неожиданные слова настолько поразили меня, что я молчала, не зная, что ответить на несправедливый упрёк. Я-то думала, что капитан сумел их убедить!

Пусть и не в одиночку, а с помощью Джастера, но это мы за них всю работу сделали!

А они, выходит, слову ведьмы не верят?!

Да что тут вообще происходит?!

— Эх, добрая вы, госпожа, — вдруг громко забурчал Джастер. — Терпеливая да порядочная. За справедливость стоите, а нужно ли? Вы гляньте только, как вас у ворот встретили, да тута сколько перед дверьми держали, как не ведьма вы могучая, а бродяжка какая! А вы с ними ещё говорите вежливо, лишнего не просите! Да оставьте вы город этот соседке вашей, за рекой которая! Пускай она его себе забирает! Подумаешь, пожгёт всё да демонам скормит... Вон, её разбойнички сколько народу порешили, и что? Никто не ловил да не чесался даже! Вон стража на воротах пиво пьёт да в кости играет вместо работы своей! Одна вы за людей заступаетесь, жалеете да спасаете! В Пеггивилле проклятие с людей демонское сняли! По Костиноградом караван от демона спасли! А стоит ли силы тратить на неверующих таких? Не заслужили они такой госпожи доброй!

Не до конца веря своим ушам, я посмотрела на Джастера. Шут с недовольным видом обхватил себя руками и раскачивался с пяток на носки и обратно.

Вот значит, что он задумал. Очередное представление.

Ну что ж...

— Ты сейчас серьёзно? — я вскинула подбородок и сложила руки на груди, изображая негодование. — Предлагаешь мне бросить город на растерзание её демонам?

Шут закивал, не обращая внимания на беспокоянно переглядывающихся советников.

— А на кой вам эти люди сдались, госпожа? — он махнул рукой в сторону стола. — Ведьм не уважают, богов не помнят, в демонов не верят, пока те их жрать не начнут... Они ж вам даже на вот столечко не верят, и доброту вашу не ценят ничуть! Вот и пускай ей останутся. Она ведь как узнает, что город ничейный да бандюки её тут вырезаны все, мигом сюда примчится да свои порядки наведёт! Ни камешка тут не оставит, всё огню предаст да демонам своим скормит!

Я покосилась в сторону советников, склонившихся друг к другу и о чём-то яростно шепчущихся. Здесь, на границе двух герцогств, слухи о Тратале, в котором с весны люди пропадают бесследно, а по ночам всякие бэнги появляются, успели достичь ушей достойного магистрата.

И судя по заметно побледневшим лицам, этим слухам они верили.

Кое-кто напряжённо дёргал серебряную цепь с медальоном советника, кто-то распутывал на шее тонкий платок... Даже капитан стражи взволнованно стрелял глазами с нас на советников.

— Что ж, наверно, ты прав. — Я с задумчивым видом посмотрела в потолок. — Раз уж меня слушать не желают и под мою защиту не хотят, пусть с Вахалой сами разговаривают. Надел мне от госпожи Лиры большой достался, обойдусь и без этого города. Зря только время потеряли. Идёмте.

— Вот и правильно, госпожа! — Джастер расцвел и вприпрыжку отправился к выходу из зала. — Да и что вам эти полсотни «роз»-то? Тьфу! Там же добра столько осталось — на всю жизнь хватит! Давайте пару телег купим, вернёмся да и заберём всё, а? Прикупите себе землицы у герцога, замок свой построите, слуг наймите, как госпоже положено... Микая колдовству дальше учить будете, а я вам сказки сказывать стану да песни петь! А люди сами к вам пускай на поклон идут! Вы ж госпожа, а не бродяжка какая! А то придумали чего: по дорогам, да по дорогам ходить. Вон, госпожа Лира, доходилась до смерти, жуть какая с ней

приключилась...

Глядя на Джастера, непринуждённо изображавшего простоватого и болтливого шута, я в очередной раз поражалась его задумке.

Угроза и сокровища. Лучших доводов для советников просто невозможно найти.

Только бедняга Михай ничего не понимал, но молчал и не вмешивался, очевидно, предупреждённый Шутом.

Сдерживая улыбку, я тоже развернулась и сделала несколько шагов к двери, когда за моей спиной раздался шум отодвигаемых кресел.

— П-постойте, госпожа Янига! — раздался скрипучий голос главы совета. — Покорнейше просим простить нас за неучтивость!

Я еле сдержала улыбку и обернулась с невозмутимым видом. Советники выбрались из своих кресел и спешили ко мне с угодливыми улыбками, надеясь меня этим задержать.

Ну уж нет. Джастер не для того это представление затеял, чтобы я так легко на уговоры сдалась.

— Так и быть, прощаю. — Я изобразила вежливую улыбку. — И всего доброго, господа.

Отвернувшись, я не успела сделать и шага, как советники меня окружили, едва не хватая за рукава платья. Капитан кинулся к двери и, опередив Джастера, прижался к ней спиной, всем своим видом показывая, что никого добровольно не выпустит.

Я положила руку на Живой меч, и клинок, до этого момента не привлекавший к себе внимания, полыхнул синим, разом заставив советников испуганно отступить и стереть с лица угодливые ухмылки.

Такого они тоже ещё не видели.

— Госпожа Янига, — старик, не смотря на годы, держался хорошо и глаза у него были чёрные и цепкие, как клещи. — Покорнейше прошу, не извольте гневаться на неверие наше. Прошу понять нас, вы такие новости рассказали, что в пору детям на ночь как сказки сказывать. И ученик-то у вас мужеского полу, и сама вы по годам юница совсем, наряжены не по-ведьмински богато, при слугах, при конях, да и оружие у вас...

— В таком случае, что вы от меня хотите? — я приподняла бровь, стараясь сохранять вид госпожи. — Оставайтесь при своём, а я займусь своими делами.

Старик ухмыльнулся, потирая руки и заинтересованно косясь на мой меч.

— Вопросы бы задать слугам вашим, госпожа. Для достоверности, так сказать.

— Какие ещё вопросы? — я нахмурилась.

— О, самые простые госпожа, — ухмыльнулся глава совета. — Много времени не займёт! Эй ты, шут! Пойди сюда!

— Звали, ваша милость? — Джастер подошёл, надувая щёки и высоко поднимая ноги, в шутку изображая солдата. — Чем могу служить?

Он отвесил поклон, чуть ли не согнувшись пополам. Я только покачала головой, глядя на эти дурачества.

Никогда его таким не видела...

— Про какое разбойничье добро ты говорил? — Глава магистрата впери́л взгляд в невинно улыбавшегося Шута. — А ну-ка рассказывай, да не ври!

— О, разное, ваша милость! — восхищённо всплеснул Джастер руками. — И ткани богатые, и посуда серебряная, и меха, и каменья...

— Хватит, хватит! — глава магистрата замахал рукой. — Мы тебя поняли, шут. А ты, значит, говоришь, из пожжённых Чернецов коваль?

— Так оно, ваша милость, — низко поклонился Микай. — Отец мой там ковалем был...

Глава магистрата махнул рукой, обрывая кузнеца, и обратил внимание на меня.

— Допустим, мы вам верим, госпожа. Но чем докажете, что это и впрямь те разбойники, а не бродяги какие?

— Так у них тама, в схроне-то, доспехи «псиные» и оружо воинско, — вдруг сказал Микай. — Они жеж так караваны и грабили: в охрану нанимались, а ночью честных людей резали.

— А ты откуда знаешь это? — взгляд старика снова стал хищным.

— Так мы с самого Кронтуша за ними идём, ваша милость, — снова влез в разговор Шут. — Живёт там добрый человек, в караване таком был, сам чудом выжил, а семью потерял. Он и рассказал, как посреди ночи одни «псы» других резали.

— И на деревню мою они ночью напали, — хмуро пробасил Микай. — В шкуры звериные да личины страшные рядилися, чтоб пужать сильнее, да шоб не опознали их. От поштите людей, сами всё увидют, добро-то энто тама в схроне лежит.

Советники собрались за спиной старика, снова переглядывались и негромко переговаривались. Сам глава магистрата напряжённо думал.

Я стояла, поглаживая Живой меч, сдерживая снова поднимавшееся раздражение и думая, как бы поторопить этих советников. Обед уже прошёл, дело к вечеру, а нам ещё ночлег найти нужно. Я-то мечтала с дороги помыться, поесть вкусно да в постели поспать вдоволь, а тут, с таким гостеприимством, как бы за городом в лесу ночевать не пришлось. Хорошо, хоть Джастер с собой еды набрал, горячего поедим... А искупаться и в реке можно.

Хотя с Микаем никакой радости от такого купания. По кустам только прятаться да в сухое одеваться, а не у костра рядом с Джастером голышом погреться...

Такие мысли окончательно испортили мне настроение.

— Долго мне ещё ждать? — я нахмурилась и притопнула ногой. — У меня ещё дела есть!

Советники вздрогнули, а старик внимательно смерил меня взглядом.

— Складно ваши слуги говорят, госпожа, — снова заговорил он. — Только одно нам не ясно: как же вы смогли в одиночку расправиться с такой опасной бандой?

Ах ты, хрен старый... За тебя твою работу сделали, сокровища отдают, а ты полсотни золотых награды пожалел?! Сам же потом герцогу отпишешь, и с него эти деньги получишь!

Верно Джастер сказал: вернутся туда и всё самим забрать!

Но я не успела и рта открыть: снова вмешался Шут.

— Так ваша милость видать от возраста не расслышали. Госпожа Янига не абы какая ведьма-то, а самая могучая! Она и зелья любовные отменно делает и с кем угодно справится! Ей что демон, что разбойник, что нечисть болотная — всё едино! У неё же и оружие волшебное есть, только ей одной служит. Кто госпожу тронуть посмеет — смерть тому лютая придёт!

ЧТО?! Да он с ума сошёл про Живой меч рассказывать?!

— Ты ври да не завирайся, шут! — нахмурился глава магистрата, но на всякий случай отступил подальше, а остальные советники и вовсе кинулись обратно к столу. — На улице сказки такие...

— Не хотите — не верьте, а мне врать ни к чему, — светло улыбнулся в ответ Джастер и тут же заканючил как ребёнок. — Пойдёмте уже, госпожа, а то вечер скоро, а мы не обедавши ещё... У меня пузо к хребту липнет...

— Идёмте. — Я решительно кивнула, и шагнула вперёд, намереваясь обойти недоверчивого и жадного старика. Не собираюсь я никому Живой меч показывать!

Обойдутся.

Пусть Вахала с ними разбирается.

— Пойдите, госпожа, — глава совета выставил перед собой руку, останавливая меня. — Прошу вас решение наше выслушать!

Как будто я его и так не знаю...

— Выслушав уважаемую госпожу ведьму Янигу, совет постановил, — глава магистрата поднял морщинистую руку, подчёркивая торжественность момента и призывая писаря усерднее скрипеть пером. — Завтра поутру отправить на место, указанное госпожой Янигой, как обителище разбойничье, отряд стражи для проверки всех обстоятельств дела. Ежели всё сказанное подтвердится, то совет обязуется выплатить госпоже Яниге обещанную награду в шестьдесят «роз»!

— Шестьдесят три, — невозмутимо заметил Шут. — За голову атамана же десять «роз» обещано, а не семь.

Я только сложила руки на груди и вопросительно приподняла бровь.

— Шестьдесят три «розы», — недовольно проскрипел старик. — Именем короля быть посему.

— Госпожа, а может, Микая пустите, отряд проводить? А то заблудятся ещё или утопнут в болоте-то, по незнанию. — снова ввернул своё Джастер. — Да и спокойнее будет страже-то с ним.

Микая со стражей отпустить?

Это ещё зачем? Что он опять задумал?!

— Хорошо, — я кивнула, не давая главе совета и кузнецу возразить. — Микай проводит ваш отряд.

А то и впрямь опять до болота не доедут. Или заблудятся в лесу вместе с золотом. И ищи-свищи потом новых разбойничков...

— Госпожа, а почто их провожать-то? — Микай спросил, едва за нами закрылась дверь ратуши. — Тут все Гнилушку-то знают.

— И гать новую знают? — спокойно поинтересовался Джастер. — И на самом деле доедут до лагеря, а не проболтаются в лесу полдня, а потом вернутся и скажут, что мы наврали всё? А как мы уедем, так всё добро себе приберут, и награду ещё с герцога получают?

Хмурый кузнец почесал седой затылок пятернёй, и только крякнул в ответ.

— И впрямь, опять твоя правда выходит... Прежде тако и не подумал бы, а теперя... Эх, энто они могут...

— Вот и проследи, чтобы доехали и одежду разбойничью привезли совету показать. Только держись позади, чтоб за спиной никого не было.

Микай нахмурился и остановился.

— Чой-то совсем дурные у тя мысли. Чай они ж люди, а не изверги каки...

— Дело твоё, — хмыкнул в ответ Шут. — Я предупредил. Утопнешь в болоте с дыркой в башке, спасать тебя некому будет.

Хмурый кузнец ещё раз почесал затылок и в молчании мы дошли до фонтана, где изнывающий от жары Хорь караулил лошадей и наши вещи.

Не говоря ни слова, Джастер забрал у него поводья и кивком головы дал понять, что стражник свободен. Хорь с облегчением умылся в фонтане, подобрал копьё и направился к воротам, на ходу оглядываясь по сторонам и огрызаясь на вопросы горожан.

— Есть тут место попримечнее, чтобы нам несколько дней пожить?

Джастер придержал стремя Ласточки, пока я садилась в седло, и помог расправить юбку.

— Абы какой сарай госпожу не устроит, сам понимаешь.

Микай задумчиво почесал подбородок с пробивающейся чёрной щетиной.

— Мы-то с батюшкой, кады сюды приезжали на торг, у Домчика столовались, энто на подоле, двор постоялый. У него постель недорога, и стряпают вкусно. А тута, я слышал, для торговцев заезжих, был побогаче двор, «Золото яблоко» кличут, кажись.

— Ну, веди в это «Золотое яблоко», посмотрим, что за оно. Дорогу-то знаешь, или пойти спросить?

Микай пожал плечами.

— Найду поди-што. Где-то оно тута недалече.

Глядя на оглядывающегося кузнеца, я вдруг подумала о том, что Джастер никогда ни у кого не спрашивал дорогу. Раньше я считала, что он просто много где бывал, и потому хорошо знает города и дороги, но сейчас поняла, что это часть его удивительного дара. Волшебная способность, которую он почему-то не стал прятать от меня, но не собирался показывать другим людям.

Даже Микаю.

Наверняка Джастер мог найти это самое «Яблоко» гораздо быстрее кузнеца. Но, кажется, он решил и в самом деле изображать обычного шута и менестреля, который развлекает могущественную ведьму песнями и сказками.

С площади мы уходили под настороженные взгляды и шепотки горожан.

Подойти и заговорить с госпожой ведьмой или её «слугами» никто не осмелился.

29. "Золотое яблоко"

Когда после блуждания по улицам и расспросов Микая мы добрались до этого самого «Яблока», солнце сильно скатилось за реку и небо начинало едва уловимо розоветь.

Большие и украшенные росписью ворота постоялого двора были закрыты. Микай, скрывая смущение, подошёл к ним и под одобрителный кивок Джастера громко постучал.

— Кто там? — откликнулись через некоторое время.

— Великая и могучая госпожа Янига прибыла в Шемрок и почтила это место своим присутствием! — громко и цветисто ответил Джастер.

В правой створке ворот приоткрылось окошечко, и в нём показалось любопытное лицо, гладкое, краснощёкое и круглое, как настоящее яблоко. Коричневые глаза-семечки живо и с интересом оглядывали нас, перебегая то на меня, то на Джастера, то на вороного.

— Отворяй давай, шо смотришь? — сказал Микай, грозно нахмурившись и наклонившись к окошку.

Коричневые глазки испуганно расширились, яблочное лицо исчезло, и окошко захлопнулось. Загремел засов, и створка с окошком стала открываться.

— Милости прошу, госпожа! Я — Сидро, хозяин.

Дальнейшие переговоры Шут взял на себя, испросив для госпожи лучшие комнаты и отдельно комнату для её ученика и него самого.

Микай негромко хмыкнул, скрывая удивление, но я приняла решение Джастера как должное, как бы горько от этого ни было. Госпожа Янига не может жить в одних комнатах с прислугой и даже с учеником. Хотя я не понимала, зачем Шут так настаивает на этом, но спорить даже не пыталась.

Джастер помог мне спешиться, а явившийся на зов Сидро слуга с поклонами повёл госпожу ведьму в её комнаты.

Внутри «Золотое яблоко» не отличалось роскошью, зато здесь было добротно и чисто: стены побелены, полы мыты, столы выскоблены. Наверняка и купальня есть, можно будет помыться.

Спрашивать я не стала, по опыту зная, что Джастер с его чистоплюйством о мытье позаботится в первую очередь.

Мои комнаты оказались небольшими и состояли из двух, разделённых синей занавесью: передней и спальни. В спальне была широкая кровать, у её изголовья небольшой столик, а в ногах — сундук. На столике стоял кувшин с водой и чаша для умывания. В передней был стол и несколько стульев. Окна комнат выходили на двор и ворота. В общем и целом, обстановка напомнила мне Кронтуш, только заметно скромнее. И жить в этих покоях я буду одна. А Джастер...

— Вот и мы, госпожа! — Дверь распахнулась, и показался Шут, несущий мой узел с тканями. За ним, зыряка по сторонам, шёл Микай, неся на себе остальные узлы.

— Эх тут скудно-то как, — Джастер огляделся и прошёл в спальню, укладывая узел на сундук. — А хозяин болтал, что это лучшие комнаты...

— Ничего, мы же здесь ненадолго.

— Угу, — Шут забрал у кузнеца остальные узлы и сложил возле сундука. — Микай, узнай, сходи, госпоже купальню приготовили или как. И про ужин не забудь. Пусть сюда подадут, мы все тут поедим.

Кузнец молча и неловко поклонился и вышел, закрыв за собой дверь.

Что бы он ни думал про наши отношения, но тоже понял, что Джастер хочет поговорить со мной наедине.

Впрочем, у меня самой было что сказать.

— Джастер, ты сдурел всем про него рассказывать! — Я положила ладонь на рукоять Живого меча. — Тебе что, мало того, что она уже на меня охоту устроила?!

— Мало, — срезал он меня, утрамбовывая узел с тканями в сундук. — Триста «роз» — это ни о чём. Цена за тебя должна быть намного выше.

— Зачем?!

— Ну-у... — Джастер с усилием давил на крышку, пытаясь закрыть сундук. — С обычными головорезами я разберусь. Микай тоже не лыком шит, одного-двух завалит. Ты теперь тоже с ними справишься. Только Игвиля кормить не забывай. Его сила зависит от твоей.

Я вспомнила, что Шут даже спал в обнимку с Живым мечом, а я постоянно про него забываю и мне стало стыдно перед драксой.

Перед Игвилем.

— А он сильно вырастет?

Воин пожал плечами, и снова начал перекладывать вещи в сундуке.

— Вообще, они ездовыми были, человека могли возить. А он волшебный, его сила от

силы хозяина во многом зависит. Ты свой дар раскрыла, и он с тобой сразу вон как попрос.

— И зачем ты хочешь всем про него рассказывать? — Я гладила рукоять Живого меча, чувствуя в ответ тёплую волну приязни Игвиля.

Выходит, Джастер свой дар скрывал и скрывает, если дракса рядом с ним маленьким был? Но ведь Игвиль видел его силу намного больше моей...

Ничего не понимаю.

— Во-первых, это тебе боевая слава и хорошее объяснение для людей. А во-вторых... О, отлично, закрылся! Во-вторых, приманка больно хороша. За такой добычей или она сама, или тот, кто ей помогает, пойдёт.

— Ты серьёзно?! Я не хочу быть таким «живцом»!

— Я бы пошёл, — ухмыльнулся Шут, подойдя к окну и игнорируя мой гнев. — И они тоже должны клюнуть. Волшебное оружие — это редкость намного дороже твоего зеркала.

Я обхватила себя руками, сдерживая нервную дрожь.

Не хочу. Вот совсем не хочу такого!

— Не волнуйся, она об этом так скоро не узнает, — улыбнулся Джастер, отвлекаясь от разглядывания видов. — Доносчиков сейчас у неё нет, а когда будут... Дней десять у нас в запасе есть.

— А потом?

— А потом посмотрим, Янига. Сидеть здесь и ждать мы точно не станем.

— Джастер... Двадцать тысяч... Это правда столько стоит?

Воин с усмешкой посмотрел на меня.

— Ты хочешь...

— Джастер!

— Это самая низкая цена заказа, Янига. Такие берут только недавно прошедшие Посвящение. Настоящие заказы начинаются от сорока тысяч золотых. С учётом волшебного оружия цена за твою голову станет намного выше. Так что, или твоя карга вытряхнет всю казну герцога, или... или он сам захочет поближе посмотреть, что ты за птица. В любом случае, они должны зашевелиться. Попробуем пока так.

— А если не получится?

— Тогда и будем думать дальше.

— Намного — это на сколько?

— Ну-у...

— Джастер...

— Думаю, семьдесят-восемьдесят вполне возможно запросить. Это чисто за твоё убийство.

— Ты не шутишь?

— Разве похоже?

— Нет, но ты говорил, что за оружие...

— Всё, что принадлежит жертве, становится добычей охотника. И я не думаю, что он согласится отдать ей Игвиля. Если она захочет получить меч, ей придётся искать других исполнителей. Или попытаться убить тебя самой.

— Это ужасный план. Он мне не нравится.

— У тебя есть лучше? Я готов выслушать, ведьма.

Лучше... Только убить Вахалу и жить спокойно. Ну, или самоубиться ей на радость.

— Ты бы мог убить её бесплатно...

Я проворчала больше из духа противоречия, но Шут неожиданно подошёл ко мне, и я подняла голову, чтобы взглянуть ему в глаза, не дожидаясь, когда он заставит меня это сделать.

— У каждого — свой враг, Янига. — Джастер смотрел серьёзно и без улыбки. — Если её убью я, это будет моя победа. А тебе нужна твоя. Понимаешь?

Я кивнула, опустил глаза и закусив губу.

Всё верно. Я бросила вызов, я и должна сражаться с Вахалой за свой надел. Иначе...

Иначе какая из меня ведьма-защитница?

— Почему ты хочешь, чтобы мы ужинали все вместе? — Я не смотрела на Шута.

— За ужином и поговорим, ведьма, — он прошёл к двери и открыл её. — А вот и Микай идёт. Твоя купальня готова.

После купания я переделалась в голубое платье, которое в Кронтуше прислал Саризула взамен испорченного. Моё чёрное Джастер снова отдал в стирку, а надеть красное, подаренное Вольтой, он мне не разрешил.

— Слишком простое для твоего статуса. Оставь для деревни какой. А пока надень голубое. Цвет, конечно, не твой, но лучше сейчас всё равно нет.

Хотя я не была с ним согласна: платье мне нравилось, но спорить не стала. Другого богатого и нарядного платья действительно не было.

Впрочем, даже в этом неподходящем цвете я произвела впечатление как на хозяина «Золотого яблока» с прислугой, так и на Микая, который и без того робел в моём присутствии, а при виде такого наряда знатной дамы даже смотреть на меня боялся.

Ужинали мы, вопреки обещанию Шута, молча. Я бы даже сказала: в тягостном молчании. Я ждала обещанного разговора, кузнец боялся глаза от тарелки поднять, и только Джастер ел беззаботно, уминая печеное и жареное за обе щёки и запивая пивом.

В конце концов, моё терпение закончилось.

— О чём ты хотел поговорить? — Я положила ложку и требовательно смотрела на Джастера.

Он спокойно допил пиво, поставил кружку и вытер губы.

— О завтрашнем дне, госпожа.

Микай вздрогнул и поднял голову. На его лице застыли напряжение и тревога.

— Ты хочешь, чтобы Микай остался?

— Нет, — Джастер покачал головой. — Пусть едет. А то потом ни сокровищ, ни разбойников не найдём.

— Экий недобрый ты, — буркнул кузнец. — Худо о людях думаешь.

— Лучше я худо них подумаю да остерегусь лишний раз, чем на хорошее понадеюсь, а они мне худо сделают, — обрезал Шут. — И тебе советую отныне в оба глядеть. Потому как дела у госпожи серьёзные и нешуточные.

— Энто ты про госпожу Вахалу? — нахмурился Микай. — Дык ты жеж...

— Ты не знаешь, кто ей ещё служит, и я не знаю, — Джастер улыбнулся одними губами. — Расскажи лучше, где граница надела была у госпожи Лиры?

— Аккурат по реке и была, поди, — развёл руками кузнец. — Мы на тот берег торговать не ездили, шоб, понимаешь, сбору тама не платить лишку. Тута всё сбывали, а ужо торговли люди-то по воде да по дорогам везде ходили, сами торговали...

— По воде, значит... — Джастер достал из-за пазухи карту и развернул на столе. — Как река-то зовётся?

— Волокушка, — Михай привстал, разглядывая диковинку.

— Иди сюда, — поманил его Шут. — Гляди, эта?

— Откель жеж я ведаю... — растерянно зачесал в затылке кузнец, наклонившись над плечом Шута. — Знаки мудрёные...

— Простые, ничего мудрёного. Вот гляди: это Шемрок, а вот река. Вот видишь, ниже остров большой: один приток правее идёт, другой к горам ближе. По какой граница?

— Поди что энта... — Михай растерянно ткнул пальцем. — Остров, не знаю, чейный. Я жеж тама не был...

— Ладно, садись... — Джастер хмуро разглядывал карту. — Будем считать, что по ней... Ты завтра на болоте не задерживайся. Добро они и без нас потом вывезут, а ты проследи, чтобы разбойничье что привезли для подтверждения. Или сам захвати. Только к обеду обернись.

— Прослежу, — буркнул в ответ нахмурившийся кузнец, примостившись на стуле. — А почто спешка така?

— Что ты задумал? — не выдержала я. — Джастер? Что-то случилось?

Он качнул головой, но хмурый вид говорил о другом.

— Джастер...

— Хочу прогуляться по окрестностям пару дней. Может, подольше. Вот Михай вернётся, я и пойду, чтобы вас одну не оставлять.

— Зачем? — Я встревожено заглядывала ему в лицо. Одну не оставлять... «Защтит, когда я уйду...»

Нет уж! Не хочу я Микая в защитники! И оберег Шуту не замена!

— Джастер...

— Ничего страшного, госпожа. Так, погляжу, что вдоль реки делается, да вернусь.

Вдоль реки? Ничего страшного? Кого он собрался ловить? Демонов? Или очередных тварей из Бездны?

— Ты что-то почувал? Она опять кого-то выпустила?

Шут не успел ответить.

— Эвон как... — вдруг протянул Михай. — Так ты, выходит, к своим умениям ищцо и колдун?

Ой мне! Ну что я за дура болтливая...

— А ты, выходит, ещё и догадливый? — ухмыльнулся в ответ Шут, даже не удостоив меня взглядом за такую оплошность.

— Дык, голова-то, она для думанья дана. — Кузнец опасно косился то на меня, то на Джастера. — Али не так, молвишь?

— Так, так, — согласился Джастер, убирая карту обратно за пазуху. — Вот и расскажи, что ты ещё надумал. И не трясись, никто тебя убивать не собирается, я же сказал. От тебя живого пользы больше.

Михай крякнул от неожиданности и ударил кулаком о бедро.

— Ох ты ж и язва, а не!...

— Я жду. — холодно и весомо уронил Джастер, и кузнец разом выпрямился, крепко сцепив пальцы.

— Что сказывать-то?

— Что надумал, то и говори. В третий раз повторять не стану.

— Чудной ты больно. — Микай опасно косился на невозмутимого воина. — Не по годам умно молвишь, да и госпожа ты, не как «пса» али хахаля свово слухает, а как ровню... Вы уж не гневайтесь, госпожа, сами велели...

— Говори-говори, — кивнула я, стараясь ничем не выдать своего недовольства по поводу оплошности и «хахаля».

— Я б на Гнилушке-то году не пожил, и не распознал бы, — кузнец расцепил руки и положил ладони на бёдра. — Токма я там разного нагяделси да покумекал себе о всяком. Кто силой-то колдовской не владеет, те всё перед Враном заискивали, а он-сам перед хозяйкой своей со страху кланялся да её приказчику поклоны бил. А ты хучь перед госпожой своей кланяшьси, да силы её не боишьси. И на Гнилушке никого не боялси и опосля с госпожой по-свойски говаривал, как не хозяйка она те, а ровня всем. Хучь ты трижды умелый «пёс» иль хахаль ейный, а перед ведьмовской силой госпожи любой бы страшилси да кланялси. Да и не слыхал я ни разу, шоб ведьма для своего хахаля поесть готовила, аки жонка послушная.

Что?! Я — жонка послушная?! Да чтобы я ещё хоть раз на привале готовкой занималась!..

Шут же откинулся на спинку стула и, ковыряясь ножом в зубах, смерил кузнеца спокойным и снисходительным взглядом, отчего парень снова ссутулился и вжал седую голову в плечи.

— Чой я не так-то молвил?

— Да всё. — спокойно сказал Шут, рассматривая нож. — Каша у тебя в голове, даже вчерашний день забыл, как я погляжу.

— Чой-то забыл? Ничой я не забыл, всё помню!

— Угу... Ты лучше скажи: ты пока в деревне спокойно жил — разбойников боялся?

— А то!

— А сейчас, когда на болоте пожил и всякого нагяделся, больше стал бояться или меньше? Под надзором чудищ-то да ведьмы злой каково жилось?

Микай хмыкнул и задумчиво почесал седую шевелюру на затылке.

— Твоя правда выходит... Страшно было, да пообвык я... Потому как разбойники хоть и душегубцы, а всё ж не чудища, люди... Да и госпожа Вахала тож баба...

— Вот то-то, — довольно ухмыльнулся Шут. — И я пообвык. Плох тот «пёс», коли могучей ведьме служить берётся, а сам от волшбы со страху в кусты бежит. Потому госпоже по мере сил помогаю и от всякого сброда охраняю. Не ей же самой руки об отребье разбойничье марать.

— Хошь молвить, что ты не хахаль ейный? А чего ж она те хлеб тады пекла?

Да он что, совсем стыд потерял, при мне меня так обсуждать?! Я ему что, девка уличная?!

Джастер только мельком взглянул в мою сторону и насмешливо наморщил нос, снова глядя на Микая.

— Вот ты дубина деревенская, ни ума, ни воспитания. Тебе жить, что ли, надоело? Хочешь госпожу Янигу словами своими прогневать? Думаешь, если она тебя в ученики по милости взяла, так тебе грубости с рук сойдут?

Кузнец вздрогнул и испуганно посмотрел на меня, а Шут изобразил вежливый поклон.

— Вы уж простите, госпожа, что при вас такой разговор грубый зашёл. Моя вина — не

объяснил, как должно себя вести в вашем присутствии.

— Ничего, продолжай, — милостиво ответила я, сделав вид, что пью, чтобы не улыбнуться заступничеству Джастера и удивляясь его словам.

За грубый разговор он извиняется... Ну надо же. Впервые от него слышу такое.

— Н-не гневайтесь, гос-госпожа, — сипло пробормотал кузнец, вжимая голову в плечи. — Энто не подумавши я ляпнул...

— На первый раз прощаю, — не упустила я случая закрепить воспитательный урок. — В другой раз думай, прежде чем говорить.

Под моим суровым взглядом Микай поспешно закивал, пока Шут играл ножом, пряча улыбку.

— Госпожа Янига — ведьма серьёзная, она настоящим делом занимается, а не подолом перед мужиками машет. Ты разницу между войной и мирной жизнью понимаешь? Нет? Так я тебе объясню. Мы с госпожой, да и ты теперь, — на войне. Про Вахалу сам знаешь, она шутки не шутит. Нам с госпожой каждый мирный миг ценен хоть лепёшкой, хоть ночью спокойной, хоть крышей над головой.

Виноватый взгляд Микая метался с меня на Шута и обратно. Я же старалась сохранять серьёзный вид и ничем не выдать, как мне приятно слышать, что я серьёзная ведьма и занимаюсь настоящим делом.

Даже гордость берёт, хоть и не сделала я пока ничего такого...

— Госпожа по доброте своей мою просьбу за службу верную уважила, и тебя угостили, так что благодарен будь, а не придумывай чего нет. Это всё? Или ещё что на болоте своём накумекал?

Парень сглотнул, глядя, как легко и быстро мелькает лезвие ножа в ловких пальцах Джастера.

— А не прирежешь? — решил уточнить он.

Шут ухмыльнулся. Очень выразительно.

— За честность ещё никого не убил. А вот за ложь и длинный язык — случалось.

Кузнец сглотнул, и покосился на меня. Я только кивнула, придавая весомости словам Шута и подбадривая своего «ученика».

— Говори, Микай, не бойся.

— Умён ты шибко для «пса» да дерзок чересчур для трубадура бродячего, — на одном дыхании выдал Микай. — На вид кутёнок, а сам любого «волка» задавишь.

— И много ты «псов» да трубадуров видал?

— Сколь не видал, а таких шоб и там, и там с умением не по годам, не встречал! — огрызнулся Микай, не заметив, как складно у него получилось. — И петь-то ты мастак, а уж кровушку пушцать — и того шибче! Шо зыркашь? Али энта догадливость моя опять не в масть?

— И там, и там, с умением не по годам... — Джастер с негромким стуком положил нож на стол и задумчиво потёр подбородок. — Хорошо сказал, складно вышло... Может, ты и песни складывать умеешь?

— Чегой-то ещё удумал! — пробурчал кузнец, разом растеряв пыл. — Я и плясать-то не шибко мастак, а песни петь — ещё хужей.

— Ладно, боги с тобой, — неожиданно махнул рукой Шут. — Так и быть, научу тебя кой-чему, глядишь и пригодится.

— Чему энто? — сразу насторожился кузнец. — Колдовским штукам каким?

— Боевым. Чтоб ты при виде оружия чурбаном не стоял да в коленях не слабел. — ухмыльнулся Шут. — Колдовским тебя госпожа научит. Только при людях язык за зубами держи. Смекаешь?

— А чаво ж не смекнуть-то, — хмуро пробурчал кузнец. — Видал я, каку жуть ты творить могёшь. До смертушки помнить буду.

— Вот и помни, — довольно кивнул Джастер. — Хорошая память в колдовском деле вещь очень важная. А над словами тебе работать надо. А то как ляпнешь своё «чаво» не вовремя — и хоронить нечего будет. Ладно, раз ужин закончен, собирай посуду и пошли. Госпоже отдыхать нужно, да и у нас завтра дел много.

Кузнец торопливо закрыл рот, хотя явно хотел сказать что-то ещё.

— В чём дело, Микай? — спросила я. — Говори, не бойся.

— Энто, госпожа... Я тык, понимаю, задержимси мы тут?

— Задержимся, — ответил Шут, не дав мне слова сказать. — На несколько дней точно.

— Тады я б, с вашего позволения, в кузню, к Осташенку наведалься бы лошадок наших подковать.

— Ласточку подкуй, а мою не трогай, — сказал Джастер. — И коня своего продай, только не продешеви. За него двух лошадей взять можно. Нам быстро ехать нужно, некогда тебя пешего ждать.

— Жалко Воронка, — насупился Микай. — Норовистый он, а ко мне привыкший. Да и я к нему привязалси.

— Ну, смотри сам. Не справишься, его судьбу разделишь.

Я вздрогнула, а кузнец кивнул, даже не догадываясь, насколько страшные слова сейчас услышал.

— Прослежу.

— Хорошо. Тогда я тебе денег дам, выючную лошадь купишь.

— Энто можно, — довольно кивнул Микай.

— Вот и отлично. — Джастер встал из-за стола, давая понять, что ужин и разговор закончены. — Всё, собирай посуду и пошли. Доброй ночи, госпожа.

— Доброй ночи, — кузнец торопливо вскочил на ноги, помогая Шуту собирать миски и кружки.

— Доброй, — мне не оставалось ничего другого, как проводить их до двери и закрыть её на ключ.

Как бы мне ни хотелось, а Джастера сегодня я больше не увижу.

За окном небо наливалось сумерками. Я закрыла ставни и отправилась спать.

Проснулась я от настойчивого стука в дверь. В спальне было прохладно, царил полумрак, в щели ставней лился серый дневной свет, пахло свежестью и дождём. Кажется, день сегодня непогожий. Хорошо же я разоспалась под крышей и в нормальной постели...

— Госпожа, вы проснулись? — голос Джастера разом прогнал с меня весь сон. — Я завтрак принёс.

Я мигом вылезла из нагретой постели и босиком кинулась к двери, даже не подумав, что на мне одна рубаха.

— Да, — я торопливо открыла замок, поджимая по очереди босые ноги: пол был холодным. — Входи.

Шут с подносом в руках проскользнул в полуоткрытую дверь и ногой закрыл её, недвусмысленно кивнув в сторону ключа.

— Я долго спала? — Я закрыла замок, торопливо проскакала к постели и сунула замерзшие ноги в туфли.

— Немало, — хмуро буркнул он, расставляя посуду на столе. — Садись, завтракай.

— А ты? — Я подошла к столу, села и пододвинула к себе миску с дымящейся кашей.

— Обед скоро. — Воин подошёл к окну и раскрыл ставни. Небо было затянуто серыми дождливыми тучами.

Как же хорошо, что мне сегодня никуда ехать не надо... И каша вкусная, горячая, с маслом.

— Микай уехал?

— Давно.

— Джастер...

— М?

— Зачем ты его со стражей отправил? Ты правда им настолько не веришь?

— Им полезно. Чтобы не расслаблялись. И ему тоже не мешает.

— Почему?

— Чтобы не цепляло и не тянуло памятью. Ешь давай — и посмотрим, где его носит.

— Как это? — Я чуть кашей не подавилась от неожиданности и вспыхнувшего любопытства. Что за новое волшебство он хочет мне показать?

Вместо ответа Шут скрылся в спальне и вышел, неся шкатулку с зеркалом Митамира.

За окном громыхнуло и по стеклу застучали первые капли.

— Что? — я отодвинула миску с недоеденной кашей. — Зачем оно?

— Посмотрим, как дела у твоего ученика, — ухмыльнулся Джастер, сев рядом и доставая зеркало. — Разве я не говорил, что оно может показать то, что ты хочешь увидеть?

— Ты говорил, что в нём можно увидеть прошлое или будущее. И что через него волшебники разговаривали.

— А, ну и это тоже, — махнул он рукой. — Ты доела? Тогда иди сюда, смотри.

Я торопливо доскребла и проглотила остатки каши, и подвинулась к Шуту. Он по очереди коснулся нескольких камней в раме и произнёс имя кузнеца. В следующий миг тёмная, как осенняя вода, поверхность зеркала пришла в движение. Затаив дыхание, я с детским восторгом и страхом смотрела, как от центра к краям прошла серебристая рябь и в раме, словно в окне, появилась картинка разбойничьего лагеря.

На болоте шёл ливень. Микай вместе с небольшим отрядом стражи прятался в «сторожке» атамана. Кузнец стоял в дверях и недовольно глядел на струи воды, сложив руки на груди и кутаясь в плащ. Кони были привязаны к соснам и вздрагивали от холодных капель, пробивавших хвою, а вот стражники были полностью увлечены изучением вранова богатства.

— Ну, что ж, думаю, к обеду он не вернётся. — Джастер коснулся нескольких камней, и всё погасло. Шут спокойно убрал зеркало обратно в шкатулку и хмуро барабанил по столу пальцами.

— Что-то не так? — осторожно поинтересовалась я.

— Долго всё, — мрачно буркнул он в ответ. — Я думал, до вечера все дела с советом закончим. Но, видимо, придётся тебе завтра с ними самой разбираться.

— Ты так торопишься уйти? — Я еле сдержала неожиданную обиду. — Прямо сегодня?

Зачем? Зачем тебе эта «прогулка»? Что ты хочешь найти на границе наделов?

Он вздохнул и посмотрел на меня.

— Как ты думаешь, ведьма, что случится с этим городом, когда мы уедем, а эта карга узнает, что произошло?

Я нахмурилась и сердито посмотрела на него. Умеет испортить настроение, ничего не скажешь.

И дураку ясно, что. Но что я могу сделать?

— Предлагаешь мне тут жить остаться?

— Нет, — ответил он с едва заметной усмешкой. — Я предлагаю поступить так, как поступали ведьмы древности. Защитить свою территорию от чужой магии.

— И каким образом?

— Самым простым и действенным, разумеется. Установить защитные глифы, которые будут охранять твой надел от посягательств чужой магии. Вдоль реки я их поставлю сам, чтобы не терять время. А в городе и дальше уже будешь ставить сама.

Защитить границы от чужой магии... Ничего себе...

— А я смогу?

— Ты же ведьма.

Я — ведьма... Вот как он может одно слово сказать так, словно я эти неведомые глифы всю жизнь по щелчку ставлю. Хотя... А может, действительно могу? Про болотника он ведь тоже говорил, что я — ведьма, просто я тогда не понимала ни его, ни свою силу...

— А глифы — это что?

— Знаки особые. Их на камень или на дерево наносят и заговаривают. Когда глиф начинает работать, ты будешь это ощущать. Если кто-то попытается нарушить границы или повредить знак, ты это сразу почувствуешь.

Хм... знаки ... Значит, и в самом деле ничего сложного, я справлюсь. Вон уже сколько всяких выучила, выучу и эти.

— Ты поедешь верхом? Поэтому просил Огонька не ковать?

— Нет. Пешком я управлюсь быстрее. Не волнуйся, за пару дней ты не успеешь соскучиться. Тебе хватит других дел.

Да я уже по нему скучаю! Ходит рядом, а на людях всё время как чужой...

— С твоей ведьмой нужно разобраться как можно скорее. — Шут спокойно смотрел в окно. — Желательно до осени.

— Почему? — Я невольно сжала ладонь на браслете с бусинами. Неужели он хочет уйти и бросить меня?

— Потому что за зиму она окрепнет, наберётся сил, и весной вместо дождей земля будет полита человеческой кровью.

— Что ты предлагаешь делать?

— Для начала объехать границы твоих новых владений и поставить защиту. — Воин сложил руки на груди. — Думаю, за пару недель мы управимся. Заодно о тебе везде узнают.

— А потом?

Шут покосился на меня и ухмыльнулся уголком губ.

— Ты думаешь, она всё это время будет сидеть сложа руки?

— Джастер!

— Зависит от «зависит», Янига. Пока я не узнаю, какие ещё козыри у неё припрятаны, в замок мы не поедем.

— Ты же говорил...

— Предсказания, тем более во сне, штука тонкая, ведьма. Ни ты, ни я не знаем, что именно видела Юнэ, нам ничего не рассказали о её сне. В любом случае, относиться к её предупреждению следует с осторожностью. Опасность, несомненно, есть. Как я и говорил, пока не выясним, кто ещё помогает этой карге и что у неё припрятано, лезть на рожон глупо.

— Ты уже не думаешь, что твой враг там?

Джастер нахмурился сильнее.

— Я очень надеюсь, что он — не там, ведьма.

— Почему?

— Потому что тогда я ничем не смогу тебе помочь. Как и ты мне.

— Джа...

Шут протянул руку и взял меня за подбородок двумя пальцами, заставляя неотрывно смотреть ему в глаза, тёмные, как ночь.

— Запомни, Янига. Раз и навсегда запомни: Игра — это святое. Никто не смеет вмешиваться в поединок между нами. Никто.

Я только кивнула, чувствуя, как резко пересохло в горле под этим почти чёрным взглядом.

Игра — это святое... Смертельный поединок между двумя... мантисами.

Шут же отпустил меня, отвернулся, и когда взглянул снова, его глаза были серыми, как обычно.

— Ладно, чтобы время зря не терять, иди себя в порядок приведи, а я пока посуду отнесу. А потом тебе про глифы расскажу, чтобы ты здесь их сама поставила.

Он встал, собирая посуду, и мне ничего не оставалось, как отправиться в спальню одеваться и причёсываться.

Урок Шута затянулся до обеда. Дождь к тому времени закончился, и немного распогодилось: солнечные лучи время от времени проскальзывали в облаках, высушивая мокрые крыши и стены, а заодно одевая город в сверкающие разноцветные искры. Закончив писать, я отложила перо и поняла, что в моей книге случилось всего несколько чистых листов. А ведь Микая тоже нужно грамоте учить... Надо будет завтра выяснить, где тут книжная лавка, и купить ему всё необходимое для уроков.

Пока я убирала книгу и перо с чернилами в сумку, Шут снова достал зеркало и пробежался пальцами по камням на раме.

— О, они уже из леса выезжают, — довольно сказал он. — Глядишь, сегодня с советом успеем разобраться.

Он радовался скорому приезду Микая, но я думала совсем о другом.

— Джастер, а мы можем её так же увидеть?

Шут нахмурился и качнул головой.

— Можем, но я бы не стал так рисковать, Янига. Магия Митамира связывает все зеркала, и при должном умении через них можно не только говорить, но и нанести магический удар по врагу. Эта карга обязательно почувствует, что за ней наблюдают, и поймёт, что с её разбойниками что-то не то. Я пока не знаю, на что ещё она способна, а ты не владеешь нужными техниками защиты. Пока она думает, что всё идёт по её плану, и пусть так думает как можно дольше. Кроме того, она там не одна, если ты забыла. И я не собираюсь играть с ней в поддавки. По крайней мере, пока.

— А разве она не может увидеть нас... меня через своё зеркало?

Вместо ответа Джастер усмехнулся и поддел пальцем ожерелье с когтем кхвана.

— Не снимешь — не увидит. На нём заклятие такое. «Непрогляд» называется. Пока ты его носишь, к тебе чужая и враждебная магия не липнет.

— А тебя я могу увидеть?

Он ухмыльнулся так, что я снова почувствовала себя глупой деревенской девчонкой. Если уж меня спрятать смог, то что ему стоит этот самый «непрогляд» на себя наколдовать? Ведь не просто так его неизвестный враг до сих пор не нашёл, хотя наверняка колдует не хуже Шута. Ну конечно! Вот почему я его дар не видела и не вижу! Если бы он при мне не колдовал, я бы так и не догадалась о его даре!

Тут я поняла ещё одну вещь.

— Подожди, но она же меня видела тогда ночью!

Шут спокойно убрал зеркало в шкатулку и посмотрел на меня.

— Чтобы увидеть конкретного человека, надо знать не только его имя, но и то, как он выглядит. Ночью она видела всклокоченную и одуревшую с перепугу безымянную девку Врана, а не госпожу ведьму Янигу. Она о тебе тут же забыла, можешь мне поверить.

— С чего ты взял? — Мне стало обидно от его слов. Микая за «хахалю» стыдил, а сам...

— А ты бы предпочла позволить себя убить? — Он насмешливо вскинул бровь. — Самый лучший способ спрятаться, ведьма, это позволить людям принимать тебя за кого-то другого.

— Не сильно-то ты прячешься, — сердито буркнула я. — Даже Микай про твою волшебную силу понял.

— Он понял это с твоих слов, ведьма, — спокойно парировал Шут. — Сам он этого не видел.

— Ну извини, — сердито буркнула я в ответ и хмуро посмотрела на Джастера, пытаюсь понять, что он умалчивает. Я знала бродячего менестреля и шута. Знала «пса», горячего и охочего до драки. Знала... тёмного волшебника, чьи грани дара оставались для меня едва известными. Но что, что он скрывает на самом деле?

Джастер пожал плечами.

— Это уже не исправить. Или ты предлагаешь его убить?

— Нет! Но...

— Вот и я думаю, что от него живого пользы больше.

— Джастер!

— Что?

— Ты всегда такой мелочный?!

Шут усмехнулся.

— Хорошие кузнецы на дороге не валяются, ведьма. Ты его ещё оценишь. — С этими словами он пошёл к двери, пока я краснела, вспоминая карты Даэ Нану. — Я пойду, встречу Микая, и распорядюсь насчёт обеда. А потом отправимся в совет. Не хочу откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Обедать опять будем вместе?

— Да. А ты против?

— Нет, но... Я не понимаю тебя! То ты всячески подчёркиваешь, что я должна жить отдельно в своих комнатах, что у нас с тобой ничего общего, учишь Микая мне кланяться, сам ведёшь себя как слуга, а потом настаиваешь, чтобы мы ели все вместе! Я не понимаю!

Шут замер у двери и оглянулся на меня.

— Если ты ждёшь какого-то умного ответа, ведьма, то его не будет. Мне просто нравится есть вместе с тобой. А ему полезно привыкать к обществу ведьмы и чувствовать себя твоим учеником. Но если ты против, мы с Микаем можем есть в общем зале.

— Нет! Я не против! — Щёки у меня просто полыхали от неожиданного признания и смущения. Нравится ему со мной вместе есть... Мелочь ведь, а как приятно такое слышать...

— Вот и хорошо. — Джастер закрыл за собой дверь, оставляя меня в одиночестве и ожидании.

В ратушу я пошла одна. После обеда, который прошёл в молчании, не считая краткого рассказа Микая, Джастер отпросил себя и уставшего кузнеца погулять по рыночной площади. Запретить это я не могла, хотя стало обидно, что Шут не взял меня с собой.

— Мы с Микаем вас здесь подождём, госпожа, — улыбался он, дружески приобняв хмурого кузнеца за плечи. — Негоже слуге да ученику советникам лишний раз глаза мозолить. Они с нас всё взяли, что хотели, теперь ваш черёд с них своё потребовать. Такие разговоры важные люди наедине ведут, не при чужих глазах. А мы покуда оглядимся, глядишь, прикупим что полезное, да и Микай на солнышке отогреется после дождя да болота.

Мне оставалось только кивнуть в ответ и подняться по ступеням, стараясь не оглядываться на удалявшихся мужчин, один из которых весело подшучивал над вторым.

Капитан стражи уже ждал меня в дверях ратуши.

— Глава совета, уважаемый господин Горицуп, примет вас в своём кабинете, госпожа, — с заметной неохотой поклонился он и повёл меня по боковому коридору, показывая дорогу.

Личный кабинет старика, цепко державшего власть в Шемроке в своих руках, был богат настолько, что я едва не открыла рот, но вовремя опомнилась и приняла равнодушный вид. Подумаешь, резные панели из тёмного дерева, богатые драпировки и массивная мебель, украшенная искусной резьбой. Пол выложен каменной мозаикой, распахнутое окно из цветных стёкол. Серебряные подсвечники тоже добавляли богатства и роскоши.

Сам господин Горицуп сидел за столом и внимательно читал бумаги. В кабинете, несмотря на открытое навстречу солнцу окно, было прохладно, но глава совета не приказывал зажечь дрова в камине, предпочитая кутаться в подбитый мехом плащ. На полу перед ним стоял один из сундуков Врана и разбойничья одежда, о которой говорил Микай. Балахоны и кожухи мехом наружу, страшные рогатые маски из бересты и дерева и обувь из шкур, наподобие звериных лап. Вот какие отпечатки я видела на разорённых огородах Чернецов...

В ответ на доклад капитана о моём приходе старик только кивнул, внимательно дочитывая свиток. Опять меня за попрошайку держит...

Мой черёд своё потребовать, да, Джастер?

— Добрый день, господин Горицуп, — громко поздоровалась я, не дожидаясь, когда он оторвётся от своего занятия. — Вижу, что доказательства моих слов у вас есть. Теперь я хочу получить свою награду.

Глава совета отложил свиток и, махнув рукой, отпустил капитана стражи. Когда дверь за моей спиной закрылась, старикан одним взглядом окинул моё голубое платье и изобразил

вежливую улыбку, не сулившую ничего хорошего.

— Как следует из отчёта моих людей, госпожа Янига, разбойники были убиты не колдовством, а с помощью силы и оружия...

— Разумеется, — перебила я и сложила руки на груди, демонстрируя спокойствие и уверенность. Ох, Джастер, как же многому ты меня научил! — Мне помогали мои люди. Что вас в этом смущает?

Глава совета сердито пожал губы и стал водить пальцем по свитку, явно не спеша отдавать мне положенную награду.

— Тут так же сказано, что голов убиенных обнаружено равным счётом пять десятков, а головы предводителя сей банды обнаружено не было. Что скажете на это, госпожа?

— Скажу, что ваши солдаты толком даже доклад написать не умеют. Атаман утонул, Микай им об этом сказал. А ещё три головы лежали в других кустах, до которых ваши brave вояки даже не дошли, ослеплённые разбойничьим богатством.

Старик сбился, поперхнулся и нахмурился, не ожидая от меня такого отпора.

— Хорошо, госпожа, допустим, трое разбойников были убиты в других гхм... кустах, как вы выразились и их найдут. Однако, чем вы докажете, что предводитель этой шайки именно утонул, а не сбежал?

Теперь я поняла, почему Джастер предпочитает сразу плохо о людях думать.

Чтобы не разочаровываться потом.

«А про умертвия ничего не говорят люди?» — вдруг вспомнилось мне, и изнутри поднялось что-то очень дерзкое и прежде незнакомое.

— Хотите, чтобы я вызвала его труп? — Я вздёрнула подбородок, чувствуя, как вместе с дерзостью и бесшабашностью во мне начинает закипать гнев. — Хорошо, я это сделаю. Разбираться с ним будете сами. Или Вахалу на помощь позовите, мне всё равно.

У господина Горицупа нервно задёргалась щека, но я не испытывала к нему ни жалости, ни сочувствия.

— Также мне доложили, что найденные богатства уже были...

— Мои люди взяли свою награду. — Меня просто распирает гнев. Ещё чуть-чуть и воздух вокруг гореть начнёт. — Но я вижу, что вы этим недовольны, притом, что ваши солдаты палец о палец не ударили, чтобы выполнить свой долг и защитить простых людей. Мой шут был прав: я слишком хорошо о вас думала. Следовало не поступать по закону, а забрать все сокровища себе и оставить вас самих разбираться с Вахалой и её гневом. Впрочем, это и сейчас несложно сделать. Всего вам доброго, хоть и ненадолго!

Я развернулась, но не успела сделать даже шага, как за спиной заскрежетал отодвигаемый стул.

— Прошу вас не горячиться, госпожа Янига! Не поймите меня неверно, я должен был всё проверить... Вот, прошу, ваша награда!

Должен был проверить, конечно... Повод искал несчастные шестьдесят «роз» зажать и нахальную девчонку на место поставить!

Только не на ту попал. Я госпожа ведьма Янига, а не деревенская девчонка!

Постаравшись унять чувства, я не спеша обернулась, сохраняя достоинство.

Старик стоял и с кривой улыбкой указывал на кожаный кошель, появившийся на столе.

— Давно нас госпожа Лира не навещала, да и дел у неё таких серьёзных никогда не было. А нынче времена другие, очень много разных слухов ходит и про вас, и про... вашу соседку. Вы уж простите недоверие наше, госпожа Янига, законы мы блюдём! От имени

совета нашего города прошу вас принять Шемрок под защиту и покровительство!

— Принимаю, — ответила я. — Надеюсь, пересчитывать не нужно?

— Не нужно, госпожа, — глава совета тяжело сел обратно. — Шестьдесят три «розы», как вы просили.

— Прекрасно.

Я неторопливо подошла к столу и взяла кошель. Судя по весу — золото. А уж сколько... Потом проверю.

— Госпожу Лиру вы бы тоже в город не пустили и так допрашивали? — Под внимательным взглядом я убрала кошель с наградой в сумку. — Что это вообще за запрет никого не пускать?

Глава совета смущённо кашлянул в кулак.

— Не уверен, что вас это заинтересует, госпожа. Вы всё же ведьма и по колдовским делам, любовным. А это дела, гхм, торговые....

— Я не ведьма любовной магии, — ответила я, наблюдая за появившимся недоумением на лице старика. — Я — ведьма-защитница, хотя любовные зелья тоже делаю и продаю. Я заметила, что по дороге нет торговцев. Казна города пустеет?

— Признаться, вы правы, госпожа Янига. Разбойники, разумеется, подпортили торговлю, но всё же Шемрок находится несколько в стороне от большого тракта, и основная торговля всегда шла по реке. Мы живём торговлей лесом, углём и рыбой, хотя в городе есть и другие мастера. Но именно эти статьи составляют основной доход казны Шемрока.

Лес, уголь и рыба? Даже мне всё понятно. Конечно, богатства разбойников сейчас придутся Шемроку весьма кстати. Если в казну вообще что-то попадёт, а не осядет по сундукам советников. Впрочем, судя по всему, до вмешательства Вахалы город под управлением господина Горицупа не бедствовал.

А сейчас даже он дрова экономит, хотя явно не против погреться: вон как в свой плащ кутается.

— Думаю, я поняла вашу беду. Из-за разбойников вы не можете добывать лес и уголь, и торговцы к вам по дорогам тоже не ездят. Правильно?

— Да, верно. Вы ухватили суть, госпожа.

— Хорошо, — кивнула я. — Разбойников больше нет, добывать лес вы можете. Но при чём здесь приказ не пускать чужих в город?

Старик нервно потёр жилистые руки и положил их на стол. Узловатые пальцы заметно подрагивали.

— Должен признать, ваша помощь в уничтожении этой банды неоценима, госпожа. Жаль, что мы потеряли Чернецы...

Я только молча пожала плечами. Сами виноваты, надо было людей слушать и разбойников ловить, а не по дворам деревенским столоваться.

— У вас есть река и рыба, теперь появится и лес. Лучше, чем ничего, разве нет?

Глава совета пристально взглянул на меня.

— В том-то и дело, что рыбы у нас тоже нет, госпожа.

— То есть? — Я недоуменно смотрела на старика.

Почтенный господин Горицуп тяжело вздохнул, с его лица сползло надменное выражение, и я вдруг поняла, что это глубоко уставший старый человек.

— Водяник разбушевался, госпожа. Топит рыбаков без разбору. То волной захлестнёт, то весла ломает, то лодки так закручивает, что бедолаги сами за борт прыгают. С начала лета

у нас рыбы нет. С берега люди мелочь рыбную ловят, на прокорм, чтобы с голоду семьи не померли, а на большую воду никто не осмеливается. Торговые корабли к нам тоже не заходят. Разворачивает их водяник, а кто сам к тому берегу не свернёт, тех на дно пускает. И задабривать подарками его пытались, и даже в столицу к волшебникам отписали, да только всё без толку. Откупы не помогли, а из конклава ответа не пришло... Вот такая беда у нас, госпожа. Любопытно вам ещё?

Я только хмыкнула. Разбушевавшийся водяник для Шемрока похуже разбойников будет. И ведь ни одна ведьма с таким не справится. Кроме...

Кроме меня.

— А чужие-то здесь при чём?

Старик устало вздохнул.

— Переправа лодочная у нас была. Один лодочник пришлого повёз, а тот что-то в воду с того берега бросил, слово какое-то крикнул, с тех пор и началось. Обратного парень доплыл, а потом водяник такое устроил, что люди под страхом смерти на воду не выходят...

Я молчала, чувствуя, как по спине пробежал ощутимый холодок.

Колдовство.

Выходит, у Вахалы есть помощник, который владеет колдовством и разозлил водяника, чтобы люди из города никуда сбежать не могли. Ни леса, ни угля, ни рыбы... Интересно, что Джастер про это скажет. И что он мне посоветует, чтобы помочь городу в этой беде.

— Я подумаю, что можно сделать, господин Горицуп, — посмотрела я на главу совета.

— Вы... — Он удивлённо привстал со стула, опираясь на стол ладонями. — Вы можете справиться с нашей бедой? С водяником?!

— Мне нужно разобраться в том, что здесь произошло, и тогда я вам скажу, — уклончиво ответила я. — Джастер или Михай вам сообщат.

Глава совета тяжело опустился на стул. Взгляд у него был серьёзен как никогда до этого.

— Я буду с большим нетерпением ждать от вас вестей, госпожа Янига. Поверьте, если вы нам поможете, мы не останемся в долгу.

— Всего доброго, — попрощалась я и вышла из кабинета, спиной чувствуя цепкий и внимательный взгляд человека, не привыкшего бросать слова на ветер.

В сопровождении капитана, который ждал за дверью и наверняка подслушивал нашу беседу, я дошла до главного входа и с удовольствием покинула холодное пространство ратуши.

Стоя на ступеньках, я оглядывала площадь в поисках Шута и Микая, заодно отогреваясь на солнышке. Хотя по небу ещё неслись облака, но после грозы уже заметно распогодилось, и теперь всё вокруг сверкало лужами.

— Мы здесь, госпожа! — раздался весёлый голос Джастера откуда-то слева.

Я оглянулась и увидела, что Шут издали довольно машет мне рукой, а вот Михай, напротив, смотрит в сторону. Впрочем, Джастер не обращал на это внимание, и я решила, что мне беспокоиться тоже не стоит. К тому же, мне есть, что им рассказать.

Приподняв юбку, я спустилась со ступенек, обошла лужу и пошла навстречу «своим людям».

— А вы долго, госпожа. — Джастер улыбался, но серые глаза смотрели серьёзно. — Всё хорошо?

Кузнец стоял рядом и держал в охапке какие-то свёртки. Вид у него был хмурый и

уоставший. Видимо, поездка опять всколыхнула в нём неприятные воспоминания, и он снова переживал прошлое.

— Не совсем, — я не стала притворяться. — Если вы закончили свою прогулку, то нам лучше вернуться обратно.

— Как скажете, госпожа. — Шут изобразил поклон, и Микай, встревоженно смотревший на меня, тоже неловко кивнул.

В молчании мы направились в «Золотое яблоко». Кузнец сосредоточенно шагал, прижимая к груди многочисленные свёртки. Я старательно обходила лужи, поднимая юбку и беспокоясь о чистоте туфель и платья. Только Джастер шёл с безмятежным выражением на лице, глядя на бегущие по небу облака и беспечно улыбаясь солнцу.

В «Яблоке» Джастер и Микай сразу пошли ко мне, хотя я думала, что кузнец оставит покупки в их с Шутом комнате.

— Что случилось, госпожа? — Шут перешел к делу, едва за нами закрылась дверь. — Совет отказался выплатить награду?

— Нет, с этим всё в порядке. — Я прошла в комнату и села на стул. — Я узнала кое-что другое.

Джастер тут же занял своё любимое место у окна, и Микаю ничего не оставалось, как сложить свёртки на стол и тоже присесть.

Когда я закончила короткий рассказ, кузнец ещё больше помрачнел и нахмурился, а вот Джастер снова стал похож на «пса», которого я знала.

— Вот как, значит, — он задумчиво тёр подбородок. — Вот же старая карга! Хитро придумала...

— Что придумала, чой-то я не пойму никак.

— А чего тут понимать? Город, отрезанный от торговли, без еды, без возможности хоть как-то попросить помощь, сдаётся на милость победителя — а именно этой карги, в обмен на избавление от страшных бед. Не сомневаюсь, что гонец, отправленный с письмом конклаву, давно уже червей кормит. Или нежить на Гнилушке покормил, потому и ответа совет не дождался. Надо бы найти того лодочника и спросить, как тот человек выглядел.

— Я поищу. — Микай поднял голову и посмотрел на меня. — Не сердчайте, госпожа, токма вас тут не знают покуда, а я всё ж свой, со мной им говорить легче будет.

— Согласен, — поддержал его затею Шут. — У госпожи дел и без того хватит. Надо же будет снимать колдовство.

— Ты всё равно хочешь уйти? — Я с тревогой смотрела на Шута.

Он кивнул.

— Теперь это ещё важнее, чем я думал. Надо проверить, какие подарки она ещё припасла.

— А ты сдюжишь супротив её подарков-то?

Джастер весело улыбнулся.

— Я ж «пёс», а не колдун. Всё колдовское, что найду, я вам с госпожой оставлю.

Микай вздрогнул, недоверчиво покосившись на него, а мне стало не по себе. Я-то надеялась, что он останется и подскажет, что с водяником делать, а ещё лучше — поможет, потому и пообещала подумать!

А он...

— Джастер...

— Вот после ужина и пойду, — сказал он, сделав вид, что ничего не понял, и встал. — Пошли, Микай, госпоже отдохнуть и подумать надо, да и тебе отдых не помешает. А мне ещё много чего до ужина успеть сделать надо. Это оставь, я сам заберу.

Пока Шут перебирал свёртки, кузнец молча вышел из комнаты, оставляя нас одних.

Конечно, я не собиралась упускать эту возможность.

— Джастер, что мне делать?

— Подклад надо найти и сжечь. Это самое главное. А потом уж видно будет, что там останется.

— Подклад?

— Вещь, которую в воду бросили. Только руками её не трогай, возьми с собой сачок или багор.

— Но это же... Это же на том берегу!

— Угу.

— Но я... как я...

— С водяником ты справишься, не бойся. Плыви на лодке и Микая бери. Силы ему не занимать, пригодится. Игвиля тоже возьми.

— А ты...

— С остальным я разберусь. Ты не волнуйся и не бойся. Всё, мне надо идти. У меня сейчас действительно много дел.

Он сгрёб все покупки в охапку и вышел из комнаты.

Ужин прошёл в тяжёлом молчании. И без того я расстраивалась, что Джастер уходит, а теперь, когда стало ясно, что придётся разбираться с водяником без помощи и поддержки Шута, настроение было совсем не радостным. Сам Шут ел молча и несколько отрешённо, словно мыслями уже был не здесь, а на берегу Волокушки. Микай тоже думал о своём и не поднимал взгляда от тарелки.

После ужина я решила, что лучшее, что могу сделать, — это лечь спать.

Но неожиданности на сегодня ещё не закончились.

Я уже закрыла ставни и собиралась ложиться, когда в дверь постучали.

— Кто там? — недовольно спросила я, косясь на платье, которое только что сняла.

— Это я, госпожа, — отозвался Шут. — Вы ещё не спите?

— Нет! — Я стрелой метнулась к двери, открывая замок. — Нет! Входи!

— Я зашёл попрощаться перед дорогой и попросить приглядеть за лютней. — Шут прошёл в комнаты и положил инструмент на стол. Торба была перекинута через плечо, меч висел на поясе.

— Ты уже уходишь? — мне сдавило горло от чувств. — Сей... час? Но ведь уже темно, ворота закрыты!

— Да, — он кивнул. — Но мне это не помешает. Микая я предупредил, он утром обо всём позаботится. Что?

Сама поражаясь тому, что делаю, я подошла к нему и встала на цыпочки, потянувшись к его губам. Не могу я его отпустить просто так, даже не поцеловав.

Не могу и всё.

И он ответил на мой поцелуй. Глубоко, нежно и так проникновенно, что проще было бы умереть, чем дать ему уйти прямо сейчас.

— Остайся со мной сегодня... — тихо попросила я, обнимая его за шею и прижимаясь

к горячему сильному телу всей собой. — Пожалуйста...

Вместо ответа Джастер обнял меня, повернул ключ и щёлкнул пальцами, устанавливая свою защиту.

Я думала, что знаю его. Я ошибалась.

Такой нежности я не знала никогда. Я купалась и растворялась в его ласках, отдавалась ему так, как никогда прежде. Мне казалось, что соединились не только наши тела, а нечто большее. Нечто волшебное, тонкое, невидимое и воздушное окутывало нас, перетекало от меня к нему и обратно, качало на волнах бурно вскипавшей страсти и ласкало в такой нежности, что впору захлебнуться от чувств. Каждая частичка меня пела в его руках, от его поцелуев и прикосновений. И мне хотелось отплатить ему тем же. И я старалась, вкладывала всю себя, чувствуя, слыша, как расплывается его огонь от моих ласк и поцелуев, и сгорала в пламени ответной страсти, снова и снова желая этого.

Было глубоко за полночь, когда я поняла, что даже пальцем не смогу пошевелить, и в сладкой истоме просто лежала на его груди, слушая, как успокаивается его сердце, обнимая, греясь, наслаждаясь запахом клевера и захлёбываясь в переполняющих меня чувствах.

Великие боги... я люблю его. Всей душой и всем сердцем...

— Я люблю тебя... Не сердись только...

Вопреки моим страхам, Джастер лишь крепче обнял меня, прижимая к себе и легко гладя по волосам.

— Я знаю, Янига. Спи. Всё будет хорошо.

— Обещай, что вернёшься. — Я попыталась в темноте рассмотреть его лицо, но ничего не вышло. — Пожалуйста. Обещай.

— Непременно, — тихо ответил он с едва заметной грустной улыбкой в голосе. — Непременно. Спи.

Темнота укрыла меня одеялом, и я уснула.

30. Ведьма и водяник

Утро началось с зябкого сумеречного света, пробивающегося между ставнями. Я закуталась в одеяло, сохраняя тепло. От постели едва заметно пахло клевером. Джастер...

— Возвращайся поскорее, — тихо пробормотала я, обнимая подушку. — Пожалуйста.

Вот ведь как... Он и прежде уходил в лес, оставляя меня одну, но тогда не было никакой Вахалы, войны за надел, и тем более, никакой Игры. Я знала, что он просто где-то бродит по лесу и вернётся, принесет трав для зелий и еду. А сейчас...

Сейчас он ушёл помочь мне защитить надел от посягательств Вахалы. Колдовские штуки он нам с Микаем оставит, как же...

Я не сомневалась, что со всеми «подарками», если они будут, Джастер справится легко и просто. Он и Вахалу наверняка может убить, не особенно напрягаясь, что бы он там ни говорил. Если уж даже я, по его мнению, могу ей противостоять...

Только вот водяник... Найти подклад и сжечь — дело несложное. А вот переплыть реку, в которой бушует околдованная нечисть... Пусть даже с Микаем, берегом и Игвилем — я не представляю, как это сделать.

Проще по дороге к переправе вернуться и по тому берегу до нужного места доехать, даже если это неделю займёт.

«Ты же ведьма. Чего ты боишься?»

Нет, Джастер! Нет-нет-нет, я не могу! Без тебя я чувствую себя растерянной

деревенской девчонкой, которая ничего не понимает в колдовстве. Это же не на берегу с водяницами драться и даже не на Гнилушке божественной силой нежить перебить! Это реку с околдованным водяником переплыть надо! Люди, вон, с берега рыбу с оглядкой ловят, торговые корабли вдоль того берега мимо Шемрока прокрадываются, а я должна водянику напрямик в пасть лезть?! Микай мне в этом не помощник, чтобы ты там ни говорил.

— Прости, Джастер, я не могу, — виновато пробормотала я в подушку. — Мне страшно. Я не знаю, что делать с водяником. Можно, я тебя подожду, и мы вместе с ним справимся?

Конечно, мне никто не ответил, но мысль подождать возвращения Шута мне понравилась. В самом деле, я же не обещала советникам прямо сегодня решить их проблему. Я обещала подумать, что могу сделать. Вот я и подумаю, пока Джастер не вернётся. А пока Микая грамоте поучу, книги почитаю, которые Шут мне оставил, глифы порисую, может, кто и зелья купить захочет. Да и у кузнеца дела найдутся: он лошадей собирался ковать и подочника найти, расспросить.

Да, так и сделаю. За пару дней ничего не случится, а там Джастер вернётся, и всё будет хорошо.

Успокоив себя таким решением, я выбралась из постели и стала одеваться.

В отличие от Джастера, Микай не обладал талантом знать, что я проснулась. Когда я, к удивлению прислуги, сама спустилась в их с Шутом комнату, а не велела позвать своего «ученика», кузнец заливисто храпел. Мне пришлось несколько раз громко постучать, прежде чем храп прервался, а дверь открылась.

— Доброе утро, Микай, — поздоровалась я, глядя на ошалевшего спросонья парня в одном исподнем.

— Я энтэ... Проспал, шо ле? — Он торопливо тёр лицо широкой ладонью. — Нежтс обед ужо?

— Нет, это я встала рано. — Я еле сдержалась, чтобы не улыбнуться, до того забавно он выглядел. Вон сколько любопытных смотрят, как ведьма со своим учеником речи ведёт. — Когда приведёшь себя в порядок, приходи завтракать.

— Как прикажете, госпожа! — донеслось мне в спину, и я опять сдержала улыбку. Всё-таки Джастер его учит помаленьку...

Завтракали мы молча. Кузнец и в присутствии Шута был не слишком разговорчив, а без Джастера и вовсе не знал, куда себя девать. Такое ощущение, что ему кусок в горло не лезет и он только и ждёт момента, чтобы сбежать куда подальше.

Вот почему так? Джастера со всем его умением он не боится, а от меня шарахается, как мышь от кота!

И как я должна его учить?

Хорошо Холиссе было: взяла меня малой и учила потихоньку, промеж делом... Где ругала, где хвалила, а где и строго наказывала за шалости и непослушание.

А взрослого, да ещё мужчину ведьмовству учить...

По своей воле я сейчас даже девчонку с даром бы учить не взялась, а с Микаем вообще не знаю, как разговаривать!

Великие боги, за что мне судьба такая? Почему я? Вот бы Джастер сам и учил всему, он же умеет...

— Микай, — я постаралась говорить мягко. — Ты меня боишься?

Он кивнул, тут же испуганно замотал головой и вжал голову в плечи, окончательно меня запутав.

— Так боишься или нет? Отвечай, я не стану сердиться.

Парень поднял седую голову и, стрельнув глазами, снова упёр взгляд в стол.

— Ну, нет, Микай, так у нас дело не пойдёт. — Я отложила ложку, села прямо и сложила руки на груди. — Если ты будешь сидеть и трястись, то ведьмовству не научишься.

Кузнец вздрогнул и посмотрел на меня из-под упавших на глаза волос. Джастер тоже иногда так делал. Но взгляд Шута при этом всегда был насмешливым и чуть снисходительным, а в синих глазах моего «ученика», кроме испуга и вины, не было ничего.

— Виноват, госпожа, — негромко пробормотал он. — Не гневайтесь... Токма... Уверены вы, что колдун я?

Что? Неужели всё дело именно в этом?

— Само собой, — я пожалала плечами, глядя на тёмный огонь его дара. — Я же ведьма, я вижу твой дар.

Кузнец охнул и сгрёб рубашку на груди.

— Микай? — Я недоуменно смотрела на него. — Что с тобой?

— П-простите, госпожа. — Он потёр кулаком глаза и посмотрел на меня. — Я ж всю жисть... Всю жисть думал, что пустышка! В мальчиках-то колдуней дразнили, да зареклись, как колотушки мои тяжелы стали. Апосля... Вы ж не слышали, госпожа, невеста у меня была, Каринка! Мы уж за свадьбу сговорились, хотел сватов засылать, а Нахломчик, трепло поганое, бывшее помянул! Болтать без продыху начал, что колдуня я пустой, от коего волшебники отказались, и она мне от ворот поворот дала! Мол, коли колдуня я никудышный, то и муж негожий, а ей такой не нужен! За прохиндея этого пойтить решила! Он-де, старостин первыш, хучь и тощей, да умной и на морду не черной! Ух, зол я был! На осемь дён в лес ушёл, по всем заимкам мужикам топоры да ножи правил, покамест не унялся. Хучь и радый тепереича, что дурного тады не натворил, но жалел люто, что не колдуня! Вот опосля того я госпожу Лиру искать и пошёл...

В завершение жаркого рассказа Микай опустил на стол крепко, до хруста сжатые кулаки. Последний год в нём жили не только обиды на отказ волшебника, стыдное прозвище и несостоявшуюся невесту, но и надежда.

Надежда на колдовской дар.

Вот что грызло его, кроме горьких вестей о родне и деревне: страх. Страх, что я ошиблась, как и госпожа Лира.

Только вот его дар вернее всех разглядел Шут.

Я-то и вовсе не видела, пока во мне что-то не изменилось...

— Ты хочешь стать настоящим колдуном, Микай? — Я легко коснулась руки кузнеца. Под тонкой тканью рубашки ощущались твёрдые, как дерево, могучие мышцы.

Кузнец вздрогнул и посмотрел на меня. Синие глаза были полны горячей решимости.

— Хочу, госпожа Янига. Коли уж и впрямь так вышло, что есть у меня дар этот и не жить мне ковалем, как батюшка... Выучусь всему, что велите! Хоть так память родительску утешу, что не пустышка я у них, а правду госпожа Лира молвила! Век вам служить буду!

— Хорошо, — я сдержанно улыбнулась, в душе поражаясь его страсти. — Ты знаешь грамоту?

Микай покачал головой.

— Откель мне, госпожа? Счёту-то батюшка обучил, а грамоте — энто к писарю в город

надобно было учиться иттить на цельный год, а я ж родителям помощничал, один я у них был.

Один был... Редкость для деревни — одно дитя в семье. Впрочем, вон, у Вольты с Томилом и вовсе долго дитя не было, только лекарь и помог...

— Здесь есть книжная лавка? Или пергамент можно купить у писаря?

— Энто грамоте учиться? — Кузнец довольно заулыбался. — Есть, госпожа, ужо куплено, я принесу, как велите!

Я только кивнула, удивляясь про себя, как Шут успевал подумать и позаботиться обо всём. Хотя это я вчера спала до обеда, а не он...

— Хорошо. Тогда закончим завтрак и приступим к обучению.

Кузнец кивнул и быстро заработал ложкой, опустошая миску. Когда он забрал посуду и обещал вернуться с листами и чернилами, мне показалось, что он был почти счастлив.

Для урока письма Микай принёс дощечку с воском и деревянное перо, чем сразу напомнил моё ученичество у Холиussy. Ещё он положил на стол несколько небольших листов пергамента, судя по виду, использованных для обучения уже не один раз. Выходит, книжной лавки в Шемроке не было, и Джастер навестил местного писаря.

Я достала своё перо и чернила, чтобы написать на пергаменте буквы для обучения. Кузнец смотрел на них как на невидаль. Восковая дощечка и деревянное перо, которые он держал с заметным трепетом, в его руках выглядели хрупкими и совсем детскими.

— Начнём с простого. — Я взяла лист пергамента и написала первую букву. — Смотри, вот это «А» певчая.

Взрослый парень смотрел на то, как я пишу, с таким видом, словно я учила его настоящему колдовству.

— А теперь ты пиши на своей дощечке. Не бойся написать не так. Острым концом пишешь, а плоским стираешь, если не получилось.

Я успела написать половину букв, когда старательно повторявший за мной Микай вдруг широко улыбнулся.

— А энту я знаю, госпожа! — Он довольно ткнул пальцем в пергамент, едва не размазав чернила. — Токма чутка не так его малевать надобно... Вот тута чёрточки не хватает... Дайте-ка...

Без малейших сомнений он взял моё перо и дорисовал «правильно», умудрившись даже не поставить кляксу. В итоге получилось нечто, похожее на топор.

— От так надобно, госпожа. Энтот знак батюшка «твердью» называл и молвил, что коли на горячем железе его нацарапать, то будет железо, как камень, твёрдо и крепко!

— И ты рисовал? — Я, скрывая удивление, смотрела на незнакомую волшебную руну. То, что это был именно магический знак, я не сомневалась: «топор» словно светился на пергаменте. Эх, Джастера бы сюда...

— А как же, — улыбался Микай, довольный тем, что не ударил передо мной в грязь лицом. — Завсегда рисовал, как батюшка научил.

«Моих подков не сносить, гвозди не согнуть, косы не сломать...»

«Верю, верю...»

«Такие кузнецы на дороге не валяются...»

Значит, Микай и в самом деле кузнец-колдун?! Как древние мастера, которые живое

оружие делали?!

От этих мыслей по спине пробежал холодок. С момента знакомства с Шутом одна за одной древние легенды оживали у меня на глазах, и я не понимала, что с этим делать.

Великие боги, ну почему Джастер ушёл так не вовремя? Как мне самой с этим разобраться? И какому колдовству я должна учить Микая, если его дар совсем другой?!

— А ещё какие знаки тебе отец показывал?

— «Быка», — вдруг смутился кузнец. — Энто, чтоб, значится, сила в руках и чреслах была... Вы не серчайте, госпожа, я не в обиду ремеслу вашему...

— А ну-ка, рисуй. — Я обмакнула перо в чернила и дала ему, старясь ничем не выдать своего удивления и неожиданного недовольствия.

«Бык» у него какой-то... И чем, спрашивается, мои зелья хуже?!

— Только сильно не дави, а то перо сломаешь и пергамент проткнёшь.

Микай старательно водил пером, рисуя линии новой руны, пока я пыталась успокоиться и заодно осмыслить новости. Я-то думала, что мне придётся его учить грамоте, как дитя наставнице, а тут кажется, самой учиться в пору.

— От, госпожа, — кузнец положил перо.

— Почему «бык»? — Я рассматривала знак, больше всего похожий на кривые ворота.

— Дык энто... — Микай сжал кулак, выставив вперёд два пальца: указательный и мизинец. — Бык же.

— А разве не «коза»? Которой младенцев тетешкают?

— Не, госпожа, — улыбнулся кузнец. — «Коза» энто кады роги рядом, от так. А кады так, это бык.

— Хм, — не стала я спорить: в конце концов, ему виднее, с родителями рос. — Это ты им ветку сломал?

Микай разжал кулак и смущённо спрятал руку под стол.

— Правда ваша, госпожа, — кивнул он. — Батюшка так меня учил: мол, сложи пальцы и бей, аки бык живой. Я так всегда в драках и делал. Поперва сложу, штоб не увидал никто, а потом зажму в кулак и того... Никто супротив меня на кулачках устоять не мог! А в энтот раз меня как накрыло чем из нутра, и эвон как вышло...

В этот раз «бык», подхваченный тёмным даром, и в самом деле оказался страшной силой. Ох, Джастер, сколько же всего ты мне не рассказал про Микая!

— Отец свой сам этими знаками пользовался? Кто ещё про это знал?

— Редко кады, госпожа, — кивнул Микай. — Батюшка-то токма мне энто поведал, кады я в возраст вошёл, и особливо велел крепко помалкивать, чтоб дурного соседи не подумали, значится... Энто уж я вам поведал, не подумавши...

— Правильно поведал. Только не говори больше никому. Больше батюшка тебя ничему не учил?

— Ремеслу токма, госпожа. Оно у нас по наследству идёт...

— И эти знаки тоже по наследству? От отца к сыну?

Микай кивнул.

Я взяла чистый лист пергамента и заново написала на нём буквы.

— На вот, перепиши всё, как здесь, без своих знаков. А это я у себя оставлю, чтобы не увидел никто.

Пока Микай старательно скрипел по дощечке своим пером, переписывая буквы, я отошла к окну, рассматривая знаки на пергаменте и раздумывая над рассказом кузнеца.

На дощечке все буквы были корявыми, а «бык» и «твердь» чёткими и уверенными, явно не один десяток раз нарисованными, хотя Микай впервые писал чернилами.

Один в семье...

«Дар передаётся по крови... одному...»

Нет. Не может быть.

— Микай, у твоего отца братья-сестры были?

— Нет, госпожа, — покачал он головой, отрываясь от письма. — Единственный батюшка сын был, и дед мой один, и его отец один сын. Батюшка молвил, что исстари в нашем роду тако: сын родилси, а боле и нету детей али мёртвыми родются. Ищцо он молвил, что не проклятие энтю, потому как и дед, и прадед, и прадеда дед к ведьмам ходили, и батюшка тож у госпожи Лиры выпытывал, а всё одно услышал, что нету в том колдовства. Али не правы они были, госпожа?

Я покачала головой, поражаясь услышанному.

— Правы, Микай. Нет на тебе проклятия. Про батюшку твоего не знаю, а на тебе точно нет.

Кузнец вздохнул и снова вернулся к письму, старательно выводя незнакомые знаки.

Отвернувшись к окну, я вспоминала давний разговор с Шутом и в который раз поражалась, сколько всего он знает. Выходит, тёмный дар передавался в роду Микая по крови, как и у ведьм. Только был слабым настолько, что хватало лишь железо заклинать да силу мужскую. Неудивительно, что волшебники такой слабый дар не распознали. А ведьмы... Ведьмы никогда не допускали даже мысли о колдунах-мужчинах.

И тут меня озарило ещё раз.

А что, если таких вот знаков, которые тайком передавались от отца к сыну или — чем демоны не шутят? — от матери к дочери, сохранилось намного больше? Джастер же говорил, что дар есть у каждого человека, просто без использования он ослабевает. Вот и хватает волшебных сил на самые простые вещи: железо на крепость заговорить да кулак на силу. Даже ребёнок рождался один, чтобы сохранить остатки волшебства в своей крови и передать колдовскую силу по наследству. А если наследник не женится и дитя не зачнёт, не только род прервётся, но и дар исчезнет.

Только вот у Микая судьба сложилась... иначе.

Моё посвящение на болоте помогло его дару пробудиться, а не просачиваться иногда по каплям, как у его предков.

Великие боги... Сколько же всего мы забыли...

Хотя нет, не забыли!

Если мужчины свой дар от отца к сыну передают, то и у женщин такое наверняка есть! У женщин-то вон сколько слов всяких! Закваску нашептать, чтобы хлеба пышнее были, корову заговорить от травы плохой да мошкары, ляльку утешить, одежду с припевками пошить да украсить... И ведь не думая же делают, потому как матери так учили, от прабабок наставления передали!

Не у каждой бабы заговор сработает, но ведь это заговор! Его уметь говорить нужно! Силу в него вкладывать!

А травники и травницы? Это ведь тоже дар: зверью в зубы не попасть, траву в лесу распознать, снадобье простое составить... Не яркий дар, скромный да незаметный, как родник в лесу, но ведь дар! И учатся травники друг у друга, как я у ведьмы училась!

Шанак, Датри... Сколько всего вокруг, оказывается!

Вернуть богов, разбудить в людях дар...

Вот про что Джастер говорил! Знал, он это знал!

А мы... Мы, ведьмы, возомнившие себя единственными носительницами тёмного дара, почему забыли про это?!

Почему отказались от семьи?

Почему решили бродить по дорогам и не носить украшений?

Почему решили, что тёмный дар бывает только у девочек, а светлый — у мальчиков?!

Почему забыли, что волшебная сила есть у каждого?

Ох, Джастер! Как мне тебя не хватает! Столько всего нужно спросить! Столько обсудить! Где же ты?! Когда вернёшься?..

— Вспомнил, госпожа Янига! — напугал меня кузнец, внезапно забасив за спиной. — Батюшка ещё говаривал, мол, ежели энти знаки кровью написать и слова сказать нужные, то сила в них будет великая.

— Кровью написать? — Я обернулась к Микаю. — Ты уверен?

Парень кивнул. В словах своего отца он не сомневался и потому начисто забывал о своём смущении.

— Кровью, верно. Токма куды их таки малевать и слов, кои молвить надобно, батюшка сам не ведал, госпожа. Дед его помнил, а потом и позабылися за ненадобностью...

Я кивнула, вдруг понимая, что вот он, ответ богов на мой вопрос.

За ненадобностью терялись заклинания, волшебные знаки, древние книги и... И память о том, что когда-то мир был совсем другим. Память о том, что все люди владели волшебством.

«Мир до войны был полон чудес... Нун, город-академия... в Нуне была огромная библиотека магических книг...»

Я попробовала представить много-много книг с заклинаниями по разным граням тёмного и светлого волшебства, с историями жизни и деяний великих волшебников и героев и наверняка с чем-то таким, о чём даже не догадываюсь, и голова закружилась.

Не могу. Не хватает моего воображения на такое.

Зато Джастер может. И не просто может: он видел и читал древние летописи и свитки, какие находил в своих странствиях.

А теперь рассказывает «сказки» и поёт легенды всем и каждому. Рассказывает с улыбкой, не обижаясь на насмешки. Чтобы вспомнили. Чтобы пробудились капли дара, которые есть в каждом. Чтобы Великие боги снова пришли в наш мир и озарили его своей благодатью.

И помогли людям противостоять злу и демонам.

Шут будет уместнее «пса»...

Уместнее, чтобы будить других, помогать осознать и принять случившееся. Как это вышло с Микаем и... Фели...

Фелисией?

Великие боги, что мне за мысли в голову лезут?!

Я потёрла виски пальцами: голова просто кипела неожиданных раздумий. С Фелисией... Судьба у неё счастливая... Ох, Джастер...

До этого момента я не сомневалась, что он её просто спас. Но теперь...

Теперь я уже не была ни в чём уверена. В конце концов, я всего лишь день назад научилась видеть чужой дар, а Джастер...

Даже когда Шут отвечал на вопрос, его ответ создавал ещё больше загадок. А искать ответы мне приходилось самостоятельно. Или надеяться на его подсказки.

Как бы там ни было, таких пробуждённых, как Микай, нужно учить. И учить... разному. Очень разному.

В одиночку я точно не справлюсь с такой задачей.

У тёмного дара много граней, и я не знаю их всех. Я и свой-то дар ещё не знаю, как следует. А тут вот уже Микай с новыми знаками и со своей гранью...

Даже Джастер наверняка не знает всё, ведь не просто так он этот город с книгами искал!

А ведь, кроме тёмного, есть ещё светлый дар. Дар, который волшебники искали только у мальчиков. А девочки... Боги ведают, сколько девочек со светлым даром, уже став взрослыми, тихонько нашёптывали своим детям старые песенки и сказки, не придавая словам значения, но вкладывая в них капельки своей светлой силы...

Великие боги, я так с ума сойду! Как же мне не хватает сейчас Джастера! У меня просто голова лопается от всего этого!

— Гхм, госпожа... — вернул меня на землю негромкий бас Микая. — Я энто, того...

— Закончил? — посмотрела я на кузнеца, кивнувшего в ответ.

— Агась, госпожа. — Он протянул мне дощечку. — Ужель как смог...

— Хорошо. — Я проверила написание и вернула дощечку ему. — Этот лист тоже возьми себе и пиши сам, почаще. Тебе надо выучить буквы, чтобы научиться читать и говорить правильно. — И... скажи, Микай, — я взглянула ему в глаза, подчинившись своему наитию. — Если бы твои родные были живы, ты бы пошёл учиться ко мне?

Парень отвёл взгляд, закаменел лицом и выпрямился так, что стул под ним скрипнул.

Но молчал кузнец недолго.

— Не ведаю, госпожа, — снова посмотрел он на меня. — Хуть гневайтесь, хучь проклиняйте, а не ведаю. Мальцом мечтал силушку таку заиметь, шоб обидчиков за дразнилки наказать. А потом «быка» батюшка показал, и я кулаками со всеми брехунами разобрался. А без дразнилок-то обвык да забылся, покуда Нахломчик Каринку мою с толку не сбил... От тады я крепко о волшбе возмечтал! Бить-то брехуна энтого не с руки было! Он-то языком кружева плести горазд, что ваш хаха... что баба дурная, — поспешно поправился он, опасливо взглянув на меня, и тут же продолжил. — В гульбе-то он супротив меня, что былинка на ветру: чихну — свалится, а мне позору не оберёшься, на малохольного руку поднял... Эх...

— Ты её любил? — Я решила сделать вид, что не заметила его оговорки про «хахалю». Грубо и неприятно такое слышать, но не объяснять же ему, что Джастер мне больше, чем любовник. Пусть думает, что хочет.

Микай тяжело вздохнул.

— Энто ужо дело старо, госпожа. Я на Гнилушке-то всякого повидал да наслухалси. Кады горевал, а кады и радовался, что нету у меня силы колдовской. Мерзотно на душе было, каждый день — хучь топись, а матушку с батюшкой помяну, оно и легче становилось... Каринку-то... Поминал, как не помянуть. Токма я так рассудил, госпожа: ежели б она меня любила, так и брехне б той не поверила и со мной бы осталась, а не убёгла другому бока греть. Верно я молвлю, госпожа?

«Люди идут к тебе за помощью в сердечных делах, а не за зельями, приворотами и проклятиями. Они хотят обрести счастье с тем, кого любят, или думают, что любят...

Иногда человеку может помочь магия, а иногда важнее и нужнее мудрый совет, который люди хотят услышать от тебя».

Коли бы любила, не убёгла бы...

Неужели Джастер ещё и поэтому его пожалел? Про серебро кровавое да про разбойников насмешничал, а про невесту ведь даже не заикнулся ни разу...

Молодой и привлекательный парень, поседевший от пережитого, смотрел на меня серьёзными синими глазами и ждал ответа госпожи ведьмы.

«Люди путают любовь и влюблённость... Лучше милой никого нет... Кто не согласен — враги навек...»

— Верно. — Я кивнула, решив, что на сегодня с меня довольно разговоров и обучения. — На сегодня хватит, Микай. Завтра продолжим.

Кузнец скрипнул стулом, вставая. Неумело сложил пергамент с буквами, убрал за пазуху, сгрёб ладонью дощечку с пером, но уходить не спешил.

— Ты что-то хотел спросить? — помогла я ему.

Он кивнул, поглядывая на пояс с Живым мечом и кинжалом, который Джастер вчера повесил на спинку моего стула.

Вместе с оружием висела моя сумка.

Я бы убрала их в сундук, но Шут завалил его узлами с разбойничьим добром, на самом сундуке теперь лежала его лютня, и другого места для моих вещей просто не нашлось.

— Вы не прогневайтесь токма, госпожа, но интерес у меня дюже крепкий! От я гляжу, ведьма вы могучая, одёжа у вас богата. Ещё и оружие у вас волшебно имеется, да и кинжальчик наверняка мастером делалси. А почто без надлежащего убору-то оне оба? Оно, конечно, всё дельно слажено, да шибко уж по вам скромно...

— Мастера для убора не нашлось, — не думая, ответила я, и в следующее мгновение меня осенило.

«Найдём кузнеца — будут тебе ножны...»

Ох ты ж... Ну, Джастер! Ну, Шут! От живого кузнеца пользы больше, да?!

— Эвон как... — задумчиво пробормотал Микай. — Мастера, молвите...

— Вот ты колдовству выучишься и сделаешь, — выдала я планы Шута.

Вопреки моим ожиданиям, кузнец не удивился и не смутился, а задумчиво почёсывал короткую чёрную щетину.

— Сроблю, госпожа, — вдруг кивнул Микай. — Выучусь и сроблю вам убор воинский на славу. Ни вас, ни батюшку не посрамлю.

Я не успела ему ответить, как вдруг с улицы перед воротами «Золотого яблока» донеслись громкие женские крики:

— Беда-а-а-а! Госпожа ведьма! Беда-а!!!

Великие боги! Неужели опять Вахала?! Нет, оберег холодный...

Что же тогда?!

Я сдёрнула со стула сумку и перекинула через плечо. На всякий случай прихватив пояс с оружием, я поспешила из комнаты, насколько позволяла пышная юбка и достоинство госпожи ведьмы. Следом за мной шёл Микай.

При виде госпожи ведьмы, которая вооружалась на ходу, как заправский наёмник, прислуга жалась к стенам, награждая меня испуганными взглядами.

Когда мы вышли во двор, перед воротами уже собралась громко гомонившая толпа, скрывая зачинщицу от моих глаз.

— А ну разойдись! — вдруг зычно громыхнул кузнец за моей спиной, и я вздрогнула, не ожидая подобного. К представлениям Джастера я привыкла, а он и Микая научил этому, выходит...

— Шо за шум подняли? — Микай выступил вперёд. — Шо за беда? Пошто госпожу от дел отрываете?

Толпа разом замолчала и расступилась, открывая моим глазам рыдающую на земле женщину в сером платье. Чепец съехал с головы, открывая растрепавшиеся волосы, лицо покраснело и распухло от рыданий.

— Беда-а-а-а... — Она подняла голову, нашла меня ополоумевшим взглядом и, путаясь в юбке, кинулась в мою сторону. — Беда, госпожа ведьма!

Я остановилась, не зная, что делать, но Микай решительно выступил вперёд, жестом останавливая несчастную.

— А ну охолонь да толком молви, чего стряслось-то?

— Помогите, госпожа! Скорее! Спасите мою кровиночку! Погубит её водяник проклятуций!

Меня словно окатило ведром ледяной воды. Погубит вод...

Великие боги... Только не это. Я не хочу сражаться с водяником! Я хочу дождаться Джастера!

— Умоляю, госпожа! — рыдала женщина. — Спасите доченьку! Утопнет!..

Под взглядами людей я стиснула зубы, понимая, что не могу так просто развернуться и уйти. Нужно хотя бы дойти до реки и посмотреть, что там случилось.

Иначе... Иначе слава госпожи Яниги, ведьмы-защитницы, даже ломаного «шипа» стоять не будет.

— Скорее, прошу вас, госпожа ведьма!..

— Веди, давай, — распорядилась я. — По дороге расскажешь, что случилось!

Бежать оказалось недалеко, ревушая баба даже толком объяснить ничего не успела. Впрочем, стоило завернуть за угол соседнего с «Золотым яблоком» дома — и открылся спуск к берегу Волокушки. Вот почему Сидро устроил свой постоянный двор на этом месте. Большая часть товара шла с реки, и торговцам удобно останавливаться на постой недалеко от пристани.

Но сейчас торговых кораблей у Шемрока не стояло. Зато я слышала крики девчонки, которую течение всё дальше и дальше относило от берега к середине широкого плёса.

— Скорее, госпожа, скорее!

Можно подумать, я ворон считаю, а не бегу сломя голову, как ведьме не положено!

Один из причалов, с которого горожане брали воду, был сломан. Внезапный удар волны пришелся на середину настила, и обломки досок торчали вверх белыми сколами, напоминая скелет рыбы. Рыбачьи лодки в несколько рядов лежали на берегу вверх дном, и было видно, что ими давно не пользовались.

Плыть за упавшей в воду девчонкой никто не спешил.

Если бы не страх перед водяником, уже бы спасли и ко мне не бежали за помощью.

За моей спиной собралась, наверно, половина города. Несчастливая мать билась в рыданиях и, если бы не сердобольные соседи, которые её удерживали, кинулась бы следом за дочерью.

Посреди Волокушки поднялся водяной горб, к которому несло несчастную жертву,

ставшую игрушкой водяника. Её голова мелькала в волнах, и даже я понимала, что долго она не продержится.

А значит... Значит, или я сейчас разберусь с этим водяником, или никогда себя не прощусь за трусость. Да и ведьмой-защитницей называться тоже не смогу.

А уж как Джастер на меня посмотрит... хотя нет. Он даже смотреть на меня не захочет. Просто молча развернётся и уйдёт.

Навсегда.

Нет. Ни за что.

Лучше водяник.

Живой меч на боку откликнулся теплом, и я положила ладонь на рукоять Игвиля, благодаря драксу за поддержку. Я не одна. Игвиль поможет.

«Подклад найди... Только руками не трогай, возьми с собой сачок или багор...»

— Дариночка! Доченька! — снова взвыла несчастная мать. — Спасите кровиночку мою, госпожа!

— Михай! Лодку мне! Живо! И багор с сетью!

— Я... Я на лодках не умею, госпожа, — негромко и виновато сказал кузнец. — Извиняйте уж...

— Я! Я с вами пойду! — закричал вдруг какой-то рыбак, расталкивая толпу. — Мою лодку берите, госпожа! Вон ту!

Толпа зашумела.

— О-ой, один беду накликал, второй спасать полез!

— Ариз, спаси Даринку мою!

— Пропадёте ж, Ариз! Погубит вас всех водяник-то!

— А пущай плывёт, глядишь, водяник сожрёт его и уймётся! Так им с брато...

— Захлопни рот, Вагол! Не смей мово брата хулить! А вы что встали? Не поможем ведьме, сами с голоду передохнем! — закричал в ответ рыбак. — Я из-за нечести этой отца с братом схоронил ужо! Не хочу остальных хоронить! А вам неужто помереть охота?

Мгновения ошеломлённой тишины, а затем несколько мужчин под встревоженный ропот горожан стали переворачивать нужную лодку. Кто-то из рыбаков принёс сеть и багор.

— С госпожой не пропадём! — внушительно прорычал Михай, присоединившись к рыбакам и помогая спускать лодку на воду, пока я пыталась рассмотреть в сверкающих на солнце волнах голову жертвы водяника.

Пока не наиграется, утонуть не даст. А уж сколько играть будет — пойди, угадай...

С госпожой не пропадём... Удивительно, но я поняла, что уже не боюсь. Напротив, меня наполняла сила и боевая злость. Мой дар был готов к битве, и я решительно подняла юбку, перешагивая через борт.

— Гребите к нему! — Я устроилась на носу лодки, держась рукой за борт, пока Михай и рыбак устраивались на вёслах. — Быстрее!

— Делай как я! — командовал Ариз. — Вперёд заводи, опускай и на себя! Со мной в лад гребите! И раз! И раз!

Кузнец послушно налёг на весло, входя в ритм, и лодка понеслась на середину реки.

В следующее мгновение водяник заметил наглецов. Водяной горб стал длиннее, над волнами показалась огромная пасть, и голова несчастной мелькнула на поверхности и пропала. У меня перехватило дыхание от отчаяния, но в следующее мгновение оберег на груди полыхнул жаром, и отчаяние уступило место боевой злости.

Водяной горб хозяина реки стремительно двинулся в нашу сторону. Размером он был, наверное, с настоящий корабль. Такому обычную лодку потопить — ничего не стоит.

Коготь кхвана под платьем пульсировал в такт ударам моего сердца, предупреждая об опасности и готовый меня защитить, пока Джастера нет рядом.

— Сожрал... — испуганно пробормотал рыбак, бросив грести, и сжался в комок, закрыв голову руками. — Забытые боги, помилуйте меня, неразумного...

— Шанак не выдаст, никто не съест! — Я встала коленями на сиденье, не спуская глаз с приближающегося водяника. Бедняжку уже не спасти, но я могу помочь всем, кто остался на берегу. Спасти целый город.

А значит, я не имею права сдаваться.

Я — ведьма-защитница. И всё равно, какого цвета у меня платье.

В руке наливалась силой «аурузу» — самый первый знак магии Датри, которому меня научил Шут и которым я отбила нападение водяниц.

«Джастер, почему ты их не убил?»

— А почему я должен был их убивать? Они здесь хозяева, а мы гости... Так, на место поставил...»

Игвиль на боку трепетал от желания вступить в бой, но мне не нужно убивать хозяина реки. Мне нужно найти подклад и снять с водяника чёрное колдовство Вахалы.

«Микая возьми с собой, он поможет...»

«Бык» энто... батюшка научил...»

Ну конечно!

— Микай! — решительно возвала я к «ученику».

— Д-да, госпожа, — отозвался кузнец. Он наверняка боялся не меньше что-то бормотавшего Ариза, но всё же держался заметно лучше. Год жизни на Гнилушке не прошёл для него даром.

— Когда я скажу, врежь ему как умеешь!

— Как уме... Понял, госпожа! Справлю!

— Ариз, а ты лодку удержи, чтобы мы не промахнулись!

Глухой звук подзатыльника и возмущенное бранное слово в ответ дали понять, что Микай достучался до разума рыбака.

— Мы с госпожой биться будем, а ты лодку держи!

— П-понял...

Между нами и водяником оставалось меньше четверти перестрела, когда водяной горб пришёл в движение. Над водной гладью стало появляться жуткое лицо, напоминающее человечье, но принадлежащее огромной чёрной рыбе со светящимися лиловыми глазами. Хозяин Волокушки даже не пытался уподобляться человеку, он просто распахнул пасть, усеянную множеством игольчатых зубов, собираясь сожрать наглецов.

— 3-за...бы... — Ариз стучал зубами в неумелой молитве, но весла ударили по воде, удерживая лодку на месте.

— Микаай... — я отвела руку назад, не сомневаясь, что кузнец поймёт меня правильно. — Целься в пасть... Бей!

Вспышка света и вспышка тьмы ударили по глазам и исчезли в захлопнувшейся пасти водяника. В следующее мгновение огромный хозяин реки взревел, взметнувшись из воды, и я, не думая, вскинула руку и зажмурилась, желая защититься от ответного удара.

Оберег полыхнул жаром. Оглушительный грохот падения в воду огромного тела

заставил распахнуть глаза и вцепиться в борта лодки изо всех сил. Река ходила ходуном. Чудовищные волны перекатывались через невидимую и знакомую мне защиту. Но сама лодка кружилась и скакала на волнах, то взлетая вверх, то падая глубоко, до самого дна реки, покрытого водорослями и корягами.

Великие боги... Шанак, Датри, помогите!!!

Мужчины цеплялись за борта и сиденья, как могли. Бледный Ариз упустил весло, а Микай согнулся на дне лодки, придавив собой оставшееся. Мне тоже становилось дурно от царившей вокруг круговерти. Только полыхавший на груди оберег удерживал меня на грани чувств.

Великие боги! Пожалуйста... помогите!

Зажмурившись и изо всех сил цепляясь за борта, я от всей души молилась божественной паре.

Из-под воды раздался усталый полустон-полурёв хозяина реки. Я не столько услышала, сколько ощутила, как он прокатился от водяника во все стороны, порождая другие волны, дрожью проходившие по спине и доскам, в которые я впивалась пальцами. Я не успела ни о чём подумать, когда вдруг поняла, что лодку больше не швыряет. Водяник залёг на дно и затих, лишь иногда по воде прокатывалась болезненная рябь.

Оберег больше не обжигал жаром.

Нашу лодку уже просто качало на волнах, и я осмелилась открыть глаза.

Первое, что я увидела, был лежавший на дне лодки кузнец.

— Микай, ты как? — я коснулась его руки. Парень вздрогнул и поднял на меня совершенно ошалелый взгляд. Пальцы стиснули весло так сильно, что побелели.

— В-в-в п-п-п... — губы его явно не слушались. Впрочем, Ариз выглядел не лучше.

Я огляделась, давая мужчинам время прийти в себя. Лодка качалась в какой-то заводи, уткнувшись в заросли камыша.

Шемрока не видно, только обрывистые берега, заросшие лесом. Река была заметно уже, но текла неспешно. Кроны деревьев и ветви кустарников качались над водой, всё вокруг выглядело мирно и даже красиво.

Только вот любоваться на это некогда. Надо торопиться, пока водяник не пришёл в себя.

— Эй, очнитесь! — Я зачерпнула воды и плеснула в лицо Микаю, а затем и рыбаку. — Некогда спать!

Мужчины вздрогнули, и зашевелились.

— Ж-жуть... — выдавил кузнец и сглотнул, закрывая глаза. — До сих пор всё кружит...

— Ум... умойся, — посоветовал Ариз, с трудом разжав пальцы и зачерпывая воду дрожащей рукой. — П-полегчает.

— Где мы? — Я нахмурилась, а рыбаки огляделся.

— Кажись, это Тихая, госпожа.

— Тихая?

— Ага. Тихая да Щучка, они вокруг острова бегут, а далее снова Волокушка.

Вот как... Выходит, нас отнесло к тому самому острову, и где-то на этом берегу может быть Джастер?

— Далеко до Шемрока?

— Под парусом-то быстро. — Ариз почесал в затылке и его взгляд упал на Микая, державшего весло. — А на вёсла... С одним веслом супротив течения, к вечеру, почитай,

будем. Ну да теперь торопиться некуда, вона как вы лихо с водяником разобрались! Я уж думал всё, сожрёт — и поминай, как звали!

К вечеру? Солнце ещё к зениту не дошло! Нет, меня это не устраивает.

— А по берегу?

— По берегу — не знаю, не ходил. Это ж не наш берег, госпожа. По нашему не шибко далече, ребятишки за щукой да карасями сюда бегают...

По правую руку? Выходит, нас отнесло к нужному берегу? Значит, Джастера здесь нет.

— Нам очень нужно на пристань, которая на этом берегу. И как можно скорее.

Мужчины недоуменно переглянулись.

— Иначе колдовство с водяника не снять.

— Тык он, что... — Микай сглотнул, а рыбак снова побледнел и вцепился в борт лодки. — Живой?

— Живой, только оглушённый. Поэтому надо торопиться.

— Забытые боги, пожалейте меня, глупого... — негромко пробормотал Ариз.

— Не забытые, а великие, — не задумываясь, поправила я. — Шанак и Датри, так к ним и обращайся. Тогда и помогут, и помилуют.

Рыбак поспешно замолчал, но весь его вид говорил о том, что он крепко жалеет, что увязался помогать ведьме.

Ещё бы. Девчонку не спасли, водяника не убили, сами чуть не утопли, а теперь ещё и обратно плыви, страх такой...

Но мне было не до его переживаний. Я думала, как бы в такой ситуации поступил Джастер, и эти мысли мне очень не нравились.

Только, похоже, другого выхода у нас нет.

— Вот что, — я решительно посмотрела на обоих мужчин. — Мы с Микаем пойдём пешком до пристани, а ты плыви за нами вдоль берега. Одному быстрее будет?

— Сподручнее, — хмурый Ариз смотрел на воду, и я вдруг ясно поняла, что он мечтает бросить это дело и вернуться домой. А ведьма с учеником пусть сами с водяником разбираются.

Что ж, придётся его огорчить.

— Водяник по этому берегу не бушует. А у того — утопит. Понял?

— Что уж не понять... — хмуро пробормотал рыбак и пихнул Микая локтем. — Дай-ко весло, я поближе к берегу подойду. Вон там, кажись, сподручнее вам выбраться будет.

— А почто нам на ту пристань, госпожа? — Микай продирался через заросли, помогая себе прихваченным из лодки багром. — Нечто там важное такое? Почто вы чудище энто не убили-то?

«Убить легко, ведьма. А вот вернуть к жизни...»

— Там подклад. — Я не собиралась делать тайны из нашей цели. — Помнишь, я говорила, что какой-то человек бросил что-то в воду? Вот после этого водяник начал буйствовать. Если эту вещь найти и сжечь, то водяник успокоится, и всё хорошо будет. Убить кого-то несложно, а как река без хозяина жить будет?

— Эвон как... заколдованный он, значит... Тады ваша правда, госпожа, без хозяина реке не можно. Так вот зачем я эту штуку тащу! — догадался кузнец. — Понял, госпожа, найдём подянку энту, не волнуйтесь!

Я только вздохнула, выпутывая кружева платья из очередных ветвей. Что ж со мной не

так? Только надену платье красивое, так обязательно что-то случается! То Гнилушка, то водяник... Вот, полдня не прошло, а я последнее богатое платье испортила... Вон оно, от травы пятна да от смолы, ещё и в тине выпачкалась, пока на берег выбиралась. Сейчас вот по кустам цепляется...

Придётся завтра надеть платье, которое Вольта подарила. Может, и не по статусу, как Джастер выразился, но больше ничего приличного у меня нет. Не надевать же то синее, в котором меня за деревенскую травницу принимали? Так я и в нём повоевать с кхваном успела...

Может, и правильно, что ведьмы простые чёрные платья носят? Замараешь — не видно, в дороге что случится — одно на другое поменять, и разницы никто не заметит. Заштопать, если где зацепишься, тоже быстро, это не банты с кружевами чинить. А если по дорогам ходить, как все ведьмы делают, а не по лесам да болотам с нечистью и нежитью воевать, так и вовсе такой одежде сносу не будет.

Жаль, Шемрок — не Кронтуш, тут готовое платье не продают. Даже простое чёрное ещё пошить нужно, и то — если такая ткань в городе найдётся. Конечно, я набрала много красивых тканей, но ведь нужно портного найти и время, чтобы новый наряд сшить. Да и не знаю я, что там Шут с моим нарядом придумает, а он наверняка придумает, он ведь обещал...

Под эти мысли я не заметила, как мы миновали остров, и Волокушка разлилась перед нами во всей красе.

— Вон Шемрок, госпожа! — раздалось с воды. — Вон, видите?

— Где? — всматривалась из-под руки в дальний берег. Река ровно катила свои воды, под солнцем широкий плёс Волокушки сверкал и ослеплял. Ничего не видно...

— А вона, госпожа, с краю на ладонь правее смотрите, — отозвался рыбак, указывая рукой.

Пока я пыталась понять, с какого краю смотреть на ладонь правее, Ариз развернул лодку и погрёб к острову.

Ох, мне... Не поверил моему слову, выходит...

— Ты куды, мил человек?! — крикнул Михай. — Вертайси давай, без госпожи он тя сожрёт и не подавится!

Вместо ответа рыбак причалил к острову и, вытянув лодку на берег, скрылся в прибрежных зарослях.

— Эх, какой... — разочарованно вздохнул кузнец. — Выходит, опять он правду молвил, а я не верил...

— Кто? — Я догадывалась, о чём говорит Михай, но не спросить не могла.

— Да «пёс» ваш, госпожа. Про то, что не след всем подряд верить, поскольку на словах люди одно молвят, а потом другое творят.

Я молчала, глядя на брошенную рыбаком лодку. Одно молвят, а потом другое творят...

«Знаешь, за что я не люблю людей?»

Ох, Джастер... Ведь не все люди такие, ты же сам знаешь, иначе не помогал бы никому! Я же помню, как ты на Эрдорика сначала фыркал, а потом его от грабителей спасал и лечил. Помню, как меня госпоже Гвитлоу одной улыбкой помочь попросил; как Гузару помог племянника к делу пристроить; как за Абрациуса с его возлюбленной переживал; как Томилу с Вольтой помог, как домэр защищал; как в Чернецах выживших спасал... И в меня верил. Несмотря на все мои глупости и промахи, верил и веришь. И в Микая ты тоже веришь,

иначе не стал бы с ним так возиться.

Я вдруг вспомнила свой разговор с главой совета. Как я сердилась сначала на этого самодовольного и жадного человека, и каким старым и усталым и... переживающим за судьбу города я увидела его потом.

Шут, с его проницательностью, наверняка это понял раньше меня.

— Джастер и прав, и не прав, Микай, — сказала я. — Просто он встречал очень много плохих людей, и его встречали не слишком ласково. Поэтому он часто на всех ворчит и не ждёт ничего хорошего, но я думаю, что в душе он верит в людей.

— А вы как мыслите, госпожа? — Кузнец стоял в двух шагах от меня, воткнув багор в землю.

Как я мыслю...

Джастер бы знал, доверять Аризу или нет. А я вот стою на берегу и надеюсь непонятно на что.

Или просто не хочу идти к пристани, потому что мне горько и обидно от поступка этого рыбака?

— Я думаю, что все люди разные. И не всегда они такие, какими кажутся на первый взгляд. Джастер тоже это знает.

Кузнец молчал, поглаживая заросший чёрной щетиной подбородок.

— Батюшка с матушкой учили меня, что плохих людей нет, госпожа. А токма потом я столько плохого нагляделси и наслушался, что разуверился в этом крепко.

На берегу острова что-то мелькнуло, и в душе всколыхнулась надежда.

— А теперь? — С глубоким облегчением я смотрела на появившегося рыбака, который тащил в лодку второе весло.

— Теперь я не знаю, что и думать. — Микай выдернул багор и отряхнул влажную землю. — Совсем не знаю.

— Пошли, — я стала спускаться к небольшой косе, к которой грёб Ариз. — И захвати немного веток для костра.

До пристани мы добрались намного быстрее, чем я ожидала. Микай, усаженный рыбаком на место гребца, быстро освоил несложную науку. Течение вдоль обрывистого берега было спокойным, и лодка быстро плыла по водной глади. Рубаху кузнец снял, и я отвернулась, чувствуя внезапное смущение, потому что Микай был... хорош.

Конечно, он совсем не походил на Джастера, но я не могла не оценить широкие грудь и плечи, как и крепкие, перевитые мышцами руки. От него веяло силой и пахло мужчиной.

«Для любой ведьмы мужчины — просто игрушки. Их легко менять, как платья...»

«Ты его ещё оценишь, ведьма...»

Великие боги... Я обхватила ладонью запястье с браслетом двух судеб, вспоминая прошедшую ночь и перебирая бусины.

Вот она, «зелёная радуга». Вот она, его любовь. Та, которая мне нужна.

Нет, не хочу я никого оценивать, Джастер! Не хочу, слышишь! Ты мне нужен! Ты, а не Микай!

Сам же говорил: забудь, что там Даэ Нану нагадала...

Чтобы отвлечься от этих мыслей, я стала смотреть на дальний берег, заметно вздымавшийся над рекой. Шемрок я разглядела быстро, и, признаться, мне стало легче на

душе при виде городских стен и толпы народа на берегу.

Ждут, переживают...

Слева берег тоже изменился. Возвышенность опустилась, деревья и кусты уступили место осоке и широкой низине, лишь вдали очерченной лесом.

— Ну-ко, пусти меня, — рыбак поменялся местами с Микаем. — А то с такой прытью мы мимо проскочим.

— Пристань такая маленькая? — Я заставила себя встряхнуться и вспомнить о деле, пока кузнец умывался и надевал рубаху.

— А чего её велику делать? Две доски кинули и ладно. Она ж каждую весну топнет, выше-то луга заливные.

— Вот как? Я думала у вас тут переправа...

— Да какая переправа, вы что?! — фыркнул Ариз. — Бабы за ягодой, да у кого родня тут, в Выселках, недалече.

«...один беду накликал, второй спасать полез!»

«...глядишь, водяник сожрёт его и уймётся! Так им с брато...»

— А чужих возите?

Рыбак вздрогнул и покосился на меня.

— Энто вы про тот случай, госпожа?

Я кивнула, уже догадываясь про ответ.

— Брат мой, Самак, лиходея тово вёз, — сгорбатился Ариз. — Коли б он знал, что тот зло такое учинит, ни за что б не повёз! Чем хотите, поклянусь! Хучь богами, хучь демонами! Нету вины брата в колдовстве этом, госпожа! А коли и была, то искупил он! Я потому вам помогать взялся, чтоб вы людям энтю сказали! Не виноват Самак ни в чём!

— Я его и не обвиняю, — жестом я постаралась успокоить рыбака. Всё-таки я ошиблась со своей догадкой. — Мне бы поговорить с ним, как вернёмся...

Ариз покачал головой.

— Не выйдет, госпожа ведьма. Утоп он. Как этого лиходея перевёз, так на другой день и утоп.

— Так, мож, он те поведал чего? — вмешался в беседу Микай. — Что за человек был, чего молвил, чего делал?

Рыбак пожал плечами, не переставая мерно грести.

— Человек как человек, прохожий. Назвался путником с деревни какой-то дальней, попросил дорогу скоротать, чтоб до моста неделю не идти. Вперёд заплатил, как брат сказал.

— Что и где тот человек в воду бросил?

Ариз пожал плечами.

— Кабы знал — я б сказал. Да токма кто ж ведаёт, госпожа? Брат говорил, что слышал только, как в воду что-то плюхнулось, да лиходей этот крикнул непонятное, как ворон каркнул. Самак покуда оглянулся — ни лиходея, ни кругов...

— Там глубоко?

— Где по пояс, а где по колено, — задумчиво протянул рыбак. — Хотя есть омут один, но не у пристани, а недалече.

Я кивнула в ответ, глядя на поросший осокой топкий пологий берег, от которого в воду уходили узкие мостки. Дно вокруг было песчаным, но во многих местах затянута тиной.

Пойди, найди тут подклад...

Джастер, как же мне тебя не хватает...

Выбравшись из лодки, я прошла по мосткам на берег и крепко задумалась, что делать дальше.

Бродить по осоке и мелководью, шаря по тине — это не дело. Чтобы сделал Джастер? О чём бы подумал он, и что не замечаю я?

«Что ты видишь? — Паутину...

— А что ты знаешь о паутине?..»

«...ты привыкла смотреть не думая, как все люди... Каждый занят своим делом, и мир вокруг для него не существует...»

Ясный, солнечный день. Река спокойно течёт, вода блестит. На дне видно песок и тину. Осока растёт, я стою на границе луга... Микай, с охапкой веток, выбирает место для будущего костра. Рыбак остался в лодке и ждёт моего решения.

Нет здесь никакого подклада. Нет никакого колдовства.

Привыкла смотреть, не думая, да, Джастер?

Что я знаю про паутину? Нет. Что я знаю про Вахалу?

Вот с чего надо начинать поиски.

Ведьма. Старая, опытная, сумевшая подчинить себе демонов и желающая получить власть ещё больше, чем у неё уже есть. Она не стесняется использовать проклятия и свою силу, чтобы причинить вред другим людям. У неё есть много слуг, и ей помогает кто-то загадочный и очень могущественный, кого Шут считает своим врагом. Однако... Однако при всём этом Джастер считает её просто хитрой, но... Но не настолько умной и сильной, чтобы я не могла с ней справиться.

И ведь я справлялась. Хоть и с его помощью или подсказками.

В Пеггивиле проклятие было наложено на воду и демонскую тушу, которая лежала на дне озера.

На Гнилушке у Врана было кольцо, которое помогало ему управлять нечистью и нежитью.

Здесь — какая-то вещь, которую неведомый помощник Вахалы тоже бросил в воду.

Учитывая, что подручный Вахалы владел колдовством, подклад на видном месте он явно не оставит. Хоть люди тут не часто бывают, а увидят, достанут — и всё, колдовству конец.

Значит... Значит, нужно искать там, куда простые люди по доброй воле не полезут.

А значит...

Он в омуте!

Но поделиться своей догадкой я не успела.

— Госпожа! — громким шёпотом вдруг позвал меня Микай, стоя в паре десятков шагов от меня и прикладывая палец к губам, призывая не шуметь. — Гляньте-ка, тут кто!

Я нахмурилась, а рыбак торопливо выбрался из лодки, неся с собой гарпун. Но я не стала дожидаться Ариза и пошла к кузнецу, который стоял и что-то разглядывал в траве.

Сердце у меня встревоженно колотилось: неужели я ошиблась в своей догадке, и он нашёл подклад?!

Как оказалось, нашёл Микай кое-что другое. Точнее, кое-кого.

За осокой, на сухом месте, лежала худая девчонка, в сером платье, с длинными растрёпанными и влажными волосами. Круглое личико бледное, нос облуплен, глаза

закрыты, а маленькая, только наметившаяся грудь вздымалась и опускалась.

— Никак водяница! — Подошедший Ариз ловчее перехватил багор, не зная, то ли прибить нежить, то ли бежать.

Только вот я не чувствовала в спящей девчонке никакой опасности.

— Чой делать-то будем, госпожа? — в голос пробасил Микай, и «русалка» открыла глаза. Обычные, коричневые, каких полно у людей.

Несколько мгновений она испуганно хлопала ресницами, оглядывая нас. Её взгляд скользнул по Микаю, потом переместился на меня, задержался на слегка потрёпанном, но по-прежнему дорогом платье, метнулся к Живому мечу, потом к моим волосам — и испуг сменился узнаванием. Значит, слышала уже про меня, хорошо.

А девчонка вдруг широко улыбнулась, обнажая зубы с щербиной.

— Ой, дядька Ариз! — пискнула «русалка». — Энто я, Даринка! Суседка ваша!

— Тя ж водяник сожрал! Мы сами видали! — замахал на неё руками рыбак, едва не ударив девчонку багром. Только вовремя ухвативший его за руку Микай помешал этому.

— Не сожрал, не сожрал! — заревела Даринка. — Он меня с причалу утащил! Игрался мной, как кот с мышом, утопнуть не давал! Страху я натерпелась, воды нахлебалась, неделю пить не буду! Живая я, живая, скажите, госпожа ведьма! Не утопла я!

— Тут-то ты как оказалась? — спросил Микай, не отпуская руку Ариза.

— Не ведаю я того, — шмыгнула Даринка носом. — Помню токма, что гром жуткий раздался, а потом река с небом смешались. А потом я на берегу очнулася, от воды отползла подале да уснула с устатку. Покуда вы не пришли.

— Живая она, — положила я конец сомнениям, чувствуя внутри неожиданное облегчение и радость от такого подарка богов. — Благодарю Шанака и Датри, Даринка, что тебе так повезло.

— Хтой-то? — захлопала девчонка глазами, но мне некогда было объяснять. Время уходило, водяник скоро придёт в себя, а нам надо успеть подклад из омута достать.

— У родителей спросишь, — отмахнулась я и посмотрела на Ариза. — Показывай, где омут? Там искать надо. Времени мало.

Рыбак, успокоившись, что девчонка — не водяница, потянул к себе руку с багром, и Микай его отпустил.

— Вон тама он, госпожа, — указывал рыбак остриём багра вверх по течению. — Он, видите, где вода синее — это он и есть, а за ним совсем глубина начинается.

— Микай...

Кузнец резко смутился.

— Прощевайте, госпожа, токма не помощник я вам тут. Утопнуть боязно. По сих пор я ищцо могу, — чиркнул он ладонью по груди, — а дальше не просите.

— Ты не умеешь плавать? — удивилась я.

— Как топор разве что! — засмеялся Ариз. — Оне в Чернецах — то отродясь воды глубже ведра не видали. Откель ему плавать-то уметь?

— А ты б не болтал зря, а помог, коли всю жизнь на воде живёшь! — обиделся Микай. — Што моргашь? Сам вызвалси! Бери багор да иди, лови в этом омуте своем, как госпожа велит!

Рыбак сердито насупился, но мне это предложение очень понравилось.

— Микай дело говорит, — я изобразила улыбку. — Кто лучше рыбака сможет найти в омуте то, что туда попало? К тому же, я думаю, что твой брат был бы очень счастлив, если

бы ты помог избавить город от беды.

— Глубокий он, сетью можно и не достать. А то и вовсе нырять треба, — хмуро буркнул Ариз. — Токма один я нырять не стану, госпожа, боязно. Хоть и водокрута там нету, а кто ж знает, чем затянет? И кому-то на вёслах быть нужно, чтоб лодку не сносило.

— С энтим я тебе пособлю, — ободряюще похлопал кузнец рыбака по плечу. — Айда скорее, шоб к обеду домой вернуться.

— А мне что сробить, госпожа ведьма? — пискнула откуда-то из-под руки девчонка, о которой я успела забыть.

— В порядок себя приведи, а то смотреть страшно. И сиди смирно, — ограничилась я воспитательными наставлениями Шута. — А вы что найдёте — руками не трогайте! Поняли?!

— Хорошо, госпожа! — махнул рукой Микай, садясь в лодку следом за рыбаком.

От причала до омута было не так далеко, не больше двух десятков шагов.

Я стояла на мостках и с напряжением следила за своими помощниками. Ариз уже дважды кидал сети в надежде хоть что-то вытянуть, но в первый раз сеть вышла пустая, а второй — выловилась коряга.

Я видела, как рыбак недовольно распутал добычу и бросил её в осоку.

— Нырну, госпожа! — крикнул он. — Щас муть осядет, а то дна не видать!

— Осторожней! — ответила я. — И поспеши!

Рыбак что-то пробормотал, стягивая рубаху, но я не расслышала. Впрочем, и так понятно, что нырять ему совсем не хочется, но желание обелить имя брата перед соседями было сильнее страха.

— Постой, мил человек... Кажись, вижу, госпожа! — Микай перегнулся через борт и водил багром в воде. — На самом краю ямины чой-то блестает!

— Осторожнее, не упади в воду!

— Дай-ка мне! — Ариз отбросил рубаху и перехватил багор. — Где? Агась, вижу! Ближе подплыви! Правее, правее бери! Сейчас достанем, госпожа!

Мужчины взялись за дело, и совсем скоро рыбак вытащил багор из воды. На крюке висел блестящий медальон на цепочке. Мой собственный оберег тут же откликнулся волной жара, подтверждая опасность находки.

Река заволновалась и я поняла, что водяник скоро даст о себе знать.

«Только руками не трогай...»

— Никак золото? — Ариз потянулся к находке, но Микай решительно положил руку на багор.

— Оно, госпожа? — спросил кузнец, держа свою ладонь поверх рыбачьей.

— Оно! Только не трогайте его, если жить не надоело! — Я сердито сверкнула глазами. — На нём такое проклятие, от вас обоих пепла не останется! Скорее на берег!

Услышав о проклятии, рыбак так поспешно отдёргнул руки, что едва не упал, и лодка закачалась. Микай вцепился в борт одной рукой, но багор не выпустил. Золотой медальон сверкал на солнце и качался над самым омутом. Если они его упустят... То нырять Ариз прийдётся. И то неизвестно, найдёт ли он подклад в глубине, или нет...

Я прикусила рукав платья, чтобы не закричать, пока мои помощники и их добыча балансировали над омутом. К счастью, Микай удержался и удержал добычу, намотав цепочку вокруг крюка.

— Гребни садись, — кузнец поменялся местами с Аризом. — А энту штуку я покуда подержу.

Рыбак кивнул и сел за вёсла.

Багор с медальоном я забрала у Микая сразу же, едва они подплыли достаточно близко, и не дожидаясь, когда лодка причалит.

Золотой кружок с чёрным камнем качался на золотой же цепочке и просто истекал чёрно-фиолетовыми языками злобы и ненависти. Ну и как такое сжигать?! Он же не сгорит! Что мне с ним делать, Джастер?!

Не касаясь проклятого металла, я отошла от воды подальше и стряхнула колдовскую вещь на землю.

Медальон упал на траву, и я ощутила, как по земле и воде прокатилась тёмная волна силы, которая не коснулась моих ног только из-за защиты оберега.

Ничего себе, подклад... Да это проклятие сильнее всего, что я знаю! Тут же разбираться и разбираться...

— Госпожа, гляньте! — заставил меня обернуться встревоженный голос Микая.

Мужчины стояли на берегу и смотрели на реку, вода в которой стремительно темнела и волны становились всё яростней. Лодку качало, и она ударялась бортом о мостки.

— Надеть поскорее расколдовывать, госпожа! Кажись, ему не по нраву пришлось, что мы энту штуку нашли!

А то я сама не вижу...

Только что мне делать? Как...

Горячая волна окатила левый бок. Игвиль! Игвиль, как же я про тебя забыла...

— Микай, иди сюда, помогать будешь!

Кузнец поспешил ко мне, пока Ариз пытался что-то сделать с лодкой и звал на помощь девчонку.

— Чой делать, госпожа? — остановился передо мной кузнец.

— Подцепи его на багор и держи. Остальное я сама сделаю.

Микай кивнул, зацепил медальон крюком и замер, вытянув руку с багром вперёд.

— Госпожа ведьма!

Я обернулась на крик девчонки и увидела, что посреди бушующей реки поднимается не просто водяной горб, а целый вал. Огромная волна чёрной воды вскипала белой пеной и готовилась обрушиться на нас.

На меня.

И если я не поспешу, то нам всем конец. По заливному лугу убежать не получится, а волны смоют подклад и утянут на такие глубины, что никогда в жизни никто не найдёт.

Значит, надо спешить.

Я развернулась к кузнецу и оторопела.

Чёрная призрачная змея обвивалась вокруг его руки и шеи и заглядывала ему в лицо. Микая трясло, он побледнел, но стоял, держа багор с подкладом, как я велела.

— Микай, держись! — закричала я, доставая Живой меч.

Змея раскрыла пасть и коснулась языком бледной щеки. Кузнец дёрнулся, но тут же замер. На его губах начала появляться пена, а в синих глазах — безумие.

Великие боги! Так она и Микая заколдует!

«Не подведи, Игвиль!» — мысленно обратилась я к драксе, и он меня услышал.

Живой меч сам взметнулся в моей руке, проявившийся змей раскрыл пасть, готовясь к битве с магическим врагом.

Чёрная змея подклада развернулась и зашипела, показывая ядовитые зубы. Яд капал на землю, и трава чернела от этой злобы.

«Вместе, Игвиль! — обратилась я к Живому мечу, полностью доверяясь его боевому опыту. — Помоги мне!»

Холодный порыв магии драксы накатил на меня, и клинок меча обрушился на багор, рассекая дерево, железо и золото. Клыки Игвиля сомкнулись на тонком теле добычи. Яд чёрной змеи бессильно стекал по сверкающей серебром чешуе, не оставляя следов.

Игвиль дёрнул головой, разрывая ужасное проклятие. Черная змея билась в агонии, брызгая ядом и стараясь укусить драксу. Звук, похожий на крик, мешался с грохотом реки, поднявшийся ветер дул, казалось, со всех сторон, метался и ревел водяник, наводя ужас на людей, волны захлёстывали берег...

Хрясь.

Голова змеи хрустнула на клыках драксы. Алые глаза проклятия погасли. Чёрный камень медальона покрылся трещинами и стал серым, как сгоревший уголь.

И стало тихо.

Очень тихо.

В этой тишине обрубок багра выскользнул из руки Микая и с глухим звуком упал на чёрную землю. Туда, где лежал разрубленный подклад.

Игвиль сплюнул расколотый череп. Останки чёрного проклятия истаивали на глазах, как пепел, уносимый ветром.

— Спасибо! — прочувственно сказала я вслух, глядя драксу по чешуйчатой голове. — Спасибо, Игвиль.

Волшебный змей довольно сощурился и облизнулся, давая понять, что ему понравилось закусывать такой добычей и он совсем не против участия в подобных развлечениях.

За спиной зашумела осока, и лодка забила бортом о мостки, качаясь на докатившихся до берега волнах. Волокушка медленно светлела, рыбак и девчонка стояли в нескольких шагах от причала, крепко вцепившись друг в друга со страха.

Впрочем, они были живы и просто напуганы, а вот Микаю срочно требовалась моя помощь.

— Мы с тобой ещё обязательно поговорим, — пообещала я Игвилю, убирая Живой меч в полуножны. Дракса в последний раз ткнулся мордой мне в ладонь и исчез, а я торопливо осматривала своего ученика.

Бледный и холодный, он стоял, застыв, словно статуя. Глаза смотрели в пустоту, на полуоткрытых губах застыла слюна. Да что ж эта карга за ведьма такая! Откуда она такие жуткие проклятия находит, что последствия тоже снимать нужно!

— Разведите костёр и согрейте воды, быстро!

Я торопливо шарила в сумке, доставая из неё травы и зелья и не обращая внимания на свидетелей моего очередного «колдовства».

Могучая я ведьма, вот и волшебных вещей у меня много, пусть знают.

Хуже после раскрытия Игвиля уже всё равно не будет...

Так, что у меня тут? Любовное, приворотное, от дурной сыпи, от красной чесотки, от лунных болей, от разных дурных болезней... Нет, всё не то!

— В чём греть-то, госпожа Янига? — робко поинтересовалась Даринка и получила от

меня миску, пока Ариз устраивал костёр из тех веток, которые мы привезли.

Джастер, как же мне нужна твоя помощь! Я ведь даже не понимаю, что с ним! Стоит, как оглашённый, будто его приво... Так, стоп! Где у меня тут отворотное зелье было?!

— Микай, открой рот, — уговаривала я кузнеца, старательно впихивая горлышко склянки с зельем ему в зубы. — Не упрямься...

Склянку я споила всю. Если уж проклятие такое сильное, то и противоядия должно быть много, и нечего его жалеть.

Если я так глупо потеряю Микая, Джастер мне не простит!

Нет, я сама себе не прощу.

Потому что такие кузнецы на дороге не валяются.

— Микай! — я встревоженно заглядывала ему в лицо. — Микай, приди в себя! Давай, ты сможешь, я знаю!

— Управились, госпожа, — негромко отозвался из-за спины рыбак. — Костёр готов, и вода греется, как велели.

— Микай, очнись! — я звонко хлопнула кузнеца по щекам и тут же прижала ладони к бледной коже.

Теплее... Он стал теплее! И глаза уже не такие пустые! Зелье действует!

— М-м... — невнятно изрёк кузнец и медленно моргнул, явно начиная приходить в себя.

Шанак, Датри, благодарю вас!

— Посадите его к огню! — Я кинулась к своей миске, которая грелась на краю костра. — Давайте, помогите ему!

Пока рыбак и девчонка помогали Микаю сделать несколько шагов и сесть у огня, я бросала в тёплую воду лечебные травы. Ох, Джастер, как же хорошо ты меня научил готовить это исцеляющее зелье! Конечно, это не отвар, но даже тёплый настой лучше, чем ничего. Главное, сейчас Микая в чувство привести, а как вернёмся, я настоящее лекарство сделаю!

— Б-б-б... бла... с-с-с-спа... — кузнец стучал зубами о край миски, пытаясь одновременно пить лекарство и выразить свою благодарность.

— Пей, поговорить мы успеем. — Я спокойно собирала травы и зелья обратно в сумку.

Рыбак и Даринка смотрели на меня с ужасом и восхищением.

Когда Микай окончательно отогрелся и пришёл в себя, я велела затушить костёр.

— Что дальше, госпожа? — спросил кузнец, поднимаясь на ноги.

— Возвращаемся.

Подклад я осторожно, не касаясь металла голыми руками, завернула в оторванную от подола ленту, решив, что хуже платью уже не будет. Плотно замотав свёрток, я убрала его в свою сумку, потому что надёжнее места просто не было.

Вернётся Джастер — покажу ему «подарочек».

Ариз грёб привычно размеренно, пересекая реку наискось, чтобы не слишком сносило течением.

Даринка, успевшая умыться и кое-как прибрать волосы, сидела на дне лодки, у брошенных там же сети и багра, а Микай о чём-то думал да время от времени потирал кулаком широкую грудь. Признаться, я беспокоилась за него: я не была уверена, что

отворотное зелье и лечебный настой смогли справиться с проклятием Вахалы. Сама я такое видела впервые и ничего подобного от Холиссы не слышала.

А Джастер вернётся не скоро...

Задумавшись, я опустила пальцы в воду, и меня словно ожгло изнутри внезапной мыслью.

«Всё вокруг живое...»

«Где граница была?..»

«Знаки защитные поставить...»

— А ну стой! — Я замахала руками. — Суши вёсла!

Наученный горьким опытом, Ариз тут же замер, выполнив команду. Его лицо снова побелело, глаза испуганно забегали из стороны в сторону, высматривая новую опасность.

— Случилось чего, госпожа?! — Микай подался вперёд так, что лодка заметно закачалась, Даринка пискнула, а я схватилась за борта.

— Доделать надо. — Мне стало неловко за эту панику. — Просто посидите и не мешайте.

Микай серьёзно кивнул, рыбак на всякий случай закрыл глаза, беззвучно зашевелив губами, а девчонка прижалась к нему, обхватив колени руками.

Я отвернулась, снова опустив руку в воду.

Живое. Всё живое. И река живая, и её хозяин, водяник, ни за что пострадавший от Вахалы...

С помощью Игвиля я уничтожила проклятие, но что ей помешает повторить такое снова? Даже если поставить глифы на том берегу, кто остановит руку, решившую кинуть в воду очередную заколдованную вещь?

Никто.

Никто, кроме...

— Датри всемилостивая, — я прикрыла глаза, сосредоточившись на своей глубинной силе, и говорила еле слышно, слова сами текли с губ, складываясь в нужное, а пальцы выводили в воде все защитные знаки, которые я знала. — Ты мира мать, богиня ночей, ты хозяйка звёзд, лик твой — луна, голос твой — серебро. Ты всё живое породила, силой своей наделила, к миру допустила. Тебя призываю, твоей силой заклинаю: огради реку эту, и хозяина её, и всех тварей живущих в ней, от слов злых, колдовства тёмного, проклятий чёрных...

Вода становилась вязкой, как кисель, сила текла с пальцев, знаки наполнялись серебром, не растворяясь в струях течения. Их сияние устремилось в глубину, и река пришла в движение. Тихо ахнули за спиной, но я неотрывно смотрела, как вздымается перед лодкой водяной горб огромной рыбы с почти человеческим лицом. Жёлтые, как песок, глаза смотрели на меня. На сверкающей, как зеркало, чешуе множество точек от ядовитых укусов и чёрные полосы от яда проклятия.

Сопrotивлялся. Дух реки, как мог, сопротивлялся чужой злой воле.

Только где водянику устоять против той, что смогла подчинить себе демонов...

— Прости, что так больно было, — повинуюсь наитию, я осторожно коснулась пальцами гладкой морды. — Я не умею лечить такое. Но я хочу помочь. Защитить твою реку.

Водяник молчал. Или я не умела понимать нечисть и говорить с ней, как умел это делать Шут.

— Ты позволишь?

Огромный прохладный лоб упругой волной толкнулся в мою ладонь. Хозяин реки шумно вздохнул и без всплеска погрузился обратно в воду.

— Да будет так, — едва слышно прошептала я.

В следующий миг все защитные знаки вспыхнули и рассыпались солнечными и серебряными струями, вплетаясь в сущность самой реки и её хозяина.

Водяник принял защиту не ведьмы Яниги, а самой Датри, матери мира...

Я только грустно улыбнулась. Что ж, река — не склянка с зельем, всю воду в ней заговорить никакой ведьме не под силу.

— Всё, домой. — Я закрыла глаза, чувствуя, как на меня наваливается глубокая усталость. В воду бы не упасть, защитница...

Больше всего мне хотелось сейчас очутиться в надёжных объятиях Джастера и ни о чём не думать.

В полном молчании мы плыли к пристани Шемрока, на которой собрался весь город.

31. Осколки прошлого

Берег был пёстр и тёмн от заполнивших его людей.

Шемрок встречал нас молчанием. Только вода тихо плескалась под вёслами гребцов и накатывала на опоры многочисленных причалов.

Люди стояли в десятке шагов от кромки воды, неподвижные и молчаливые. И от этого молчания, от висевшего в воздухе настороженного ожидания вдруг стало не по себе.

Я думала, горожане обрадуются тому, что водяник успокоился, а такое впечатление, что они ничего не видели, и до реки им вообще дела нет...

Гнетущее молчание не нарушалось до тех пор, пока лодка не ткнулась носом в пристань и Даринка не поднялась во весь рост со дна лодки, выглядывая в собравшейся толпе мать.

— Дариночка! — истошный женский крик разорвал тишину. — Доченька!

— Маменька! — девчонка кошкой выскочила на пристань и побежала навстречу женщине, шлёпая босыми ногами по доскам. — Маменька!

— Живая! — раздался в толпе крик, и над берегом полетела радостная разноголосица: — Спасли! Живая! Вернули!

Женщина целовала и ощупывала девчонку, не веря, что она цела и невредима. Я смотрела, как мать и дочь радостно обнимались, и чувствовала себя странно.

Не ведьминское дело о других переживать, а эти мне и вовсе никто, чужие люди. Только вот щемило на душе и сердце от радости и счастья, и на глазах наворачивались слёзы.

Я сморгнула влагу с глаз и постаралась принять достойный госпожи ведьмы вид. Холисса бы меня на смех подняла за такое.

А вот Джастер...

Он бы меня точно не осудил.

Неужели я и чужим людям сочувствовать от него научилась?

— Госпожа, — Михай тоже выбрался на пристань и протягивал мне руку. Не так красиво, как делал Шут, так ведь кузнец учиться только начал...

Ариз привязывал лодку к одному из железных колец пристани. Я встала, опёрлась на широкую ладонь кузнеца, и, приподнимая подол потрёпанного платья, выбралась из лодки, разглядывая толпу.

Народ ликовал. Здесь собрался все: мужчины, женщины, дети; рыбаки, ремесленники, торговцы, и даже члены совета в сопровождении стражи. Впрочем, советники держались

наособицу от простого люда и о чём-то переговаривались между собой. Только господин Горицуп возвышался среди них прямо, опираясь на трость, и смотрел на меня.

«Вы можете справиться с нашей бедой? С водяником?!»

Советники стояли на взгорке, между мной и ними — десятки людей, но я вдруг поняла, что только один человек всё это время думал о водянике.

Весь остальной город ждал от госпожи ведьмы спасения девчонки, ставшей жертвой речной нечисти.

И если бы мы не привезли Даринку, то и победа над водяником не была бы... настоящей победой.

Ох, Датри... Твоей милостью девчонка жива осталась и у меня всё получилось...

— Вы спасли её, госпожа! — Счастливая мать кинулась ко мне. Лицо мокрое от слёз, но глаза сияют счастьем. — Благодарствую вам!

— Шанака и Датри благодари, — ответила я. — Их милостью твоя дочь жива осталась.

— Не ведаю никаких таких шанариков! — Отмахнулась женщина. — Вы мою дитятку спасли, вы, госпожа! А не энти шадрики неведомые!

— Шанак и Датри — Великие боги. — Я нахмурилась и сложила руки на груди. — Они всем людям помогают, кто просить умеет. Без их милости никто бы твою дочь не спас.

— Ты, Ушала, госпоже не перечь!

Из-за моей спины неожиданно выступил Ариз.

— Велено Великих благодарить — благодари! Госпожа Янига дурного не советует! Она водяника усмирила, девчонку твою нашла, и заклятие страшное с реки сняла!

— Заклятие? Како за... заклятие?

— Жуткое! — Воздел рыбак палец вверх. — Чёрное да страшное! От злой ведьмы проклятие на всю нашу реку было! От него водяник бесился да топил всё!

Баба, открыв рот, прижала ладони к щекам, а девчонка обхватила мать руками и что-то горячо зашептала ей на ухо. И словно по команде люди начали замолкать, обращая внимание на пристань, где собрались все участники радостного события.

Наверно, раньше я бы порадовалась такому вниманию, но сейчас мне захотелось как можно скорее вернуться обратно в «Золотое яблоко» и побыть одной. Только вот Ушала с дочерью и рыбак перегородили мне дорогу, а хмурый Микай молчал и думал о чём-то своём, не спеша их прогонять. Впрочем, кузнец тоже очень устал и много пережил, и нужно поскорее сделать ему отвар, чтобы наверняка исцелить от остатков проклятия.

Было бы проклятие обычным, я бы не волновалась. А от Вахалы всякого можно ожидать, это я уже усвоила хорошо.

— Идём, Микай. — Я обратилась к кузнецу, надеясь, что он поступит как Джастер и расчистит нам дорогу.

Так и вышло.

— Посторонись-ко. — Без лишних слов Микай положил ладонь на плечо рыбака. — Госпоже пройти мешаешь.

Рыбак и притихшие женщины тут же отступили в сторону, на край пристани. И тогда я увидела, что нам навстречу идёт совет города во главе с господином Горицупом. Люди почтительно расступались перед ними, и стражники только делали вид, что охраняют советников.

Хотя эти вояки наверняка не представляли опасности, у совета ко мне не было никаких претензий, но без Джастера я вдруг почувствовала себя беззащитной.

Нет, Янига, так нельзя! Ты госпожа ведьма, а не деревенская девчонка! Ты только что сняла проклятие с водяника и освободила реку от чёрного колдовства!

А ну не смей трусить перед этими людьми!

Я невольно положила ладонь на рукоять Живого меча и тут же ощутила под пальцами чешую Игвиля. От драксы пришла тёплая и уверенная волна. Огромный змей словно потёрся о мою ладонь головой, напоминая, что даже без Шута я не одинока.

Я прикрыла глаза, позволяя этой волне смыть мой страх.

Да, Игвиль, ты прав. Я не одна. Мы — вместе.

Подняв подбородок, я уверенно пошла навстречу советникам.

Мы встретились посередине между толпой горожан и пристанью. Двое стражников, идущих впереди, расступились, и я оказалась лицом к лицу с советниками. Михай скромно стоял у меня за спиной.

— Добрый день, господа.

Я решила покончить со всеми делами как можно скорее и перешла в наступление.

— Как видите, господин Горицуп, я исполнила своё обещание. Ваша река свободна от проклятия, водяник не будет больше топить лодки и мешать рыбачить и торговать.

Советники снова зашушукались, но старик неторопливо поднял руку, и шепотки смолкли.

— Да, кое-что я видел, госпожа. Но я уже стар и мои глаза не так остры, как в юности. Поэтому прежде я хочу послушать человека, который был с вами. Эй, ты, подойди!

Я даже не стала оборачиваться и смотреть: и так, ясно, кого он звал. Оставалось только скрывать досаду на эту задержку. Надеюсь, на здоровье Микая это никак не отразится...

Пока советники допрашивали робеющего и запинаящегося рыбака, я думала о Джастере. Интересно, он заметил, что произошло с рекой? Должен заметить, у него же такое тонкое чутьё на любое волшебство! Может, когда он поймёт, что река под покровительством самой Датри, он вернётся? Должен вернуться... А вдруг он ушёл с берега в лес?! Он же так любит лес... Конечно, он обещал, что его не будет пару дней, но... Я-то знаю, какими тропами он ходит и как далеко от города может оказаться за эти пару дней!

— Истинно так всё и было, ваши милости! Великими богами клянусь!

Жаркие уверения рыбака вырвали меня из размышлений.

Ариз кланялся и прижимал ладонь к сердцу в знак искренности своих слов.

— Ступай, — милостиво отпустил его глава совета.

Не переставая кланяться, рыбак пятился до тех пор, пока не миновал стражников. И только тогда он развернулся и поспешил к остальной толпе, жаждущей посмаковать все подробности случившегося.

— Итак? Вы убедились в моих словах?

Я хмуро посмотрела на советников, чувствуя, что во мне начинает разгораться недовольство. Солнце печёт так, что на камнях скоро яйца жарить можно будет. Я столько пережила и устала, а они всё никак очевидное признать не могут!

— Да, госпожа Янига. — Господин Горицуп неторопливо кивнул. — Сколько вы хотите за вашу помощь?

— Десять «роз»! — не задумываясь, выдала я. В конце концов, я не хуже Джастера! Мои услуги тоже стоят дорого!

Где они ещё найдут такую ведьму, которая с нечистью справиться может?! Да нигде.

Разве что к самой Вахале на поклон пойдут.

Советники молчали, переглядываясь между собой и косясь на Живой меч. Они явно не ожидали услышать такую цену. Глава совета не успел ничего сказать, как из притихшей толпы донеслось:

— Ишь чо, ведьма кака... И богатство водяное ей досталось, ищцо и золота нашего в награду хочет...

Я посмотрела в сторону говорившего и толпа разом отхлынула от коренастого мужика средних лет, оставляя его в одиночестве. Судя по одежде: или рыбак, или небогатый ремесленник.

Богатство моё ему покоя не даёт. Палец о палец не ударил, а туда же, чужие деньги считать.

— Ты башкой-то думай, прежде чем языком трепать, чо не понимаешь! — возмутился Микай. — А то как чужу добычу делить — все охотники, а как дело доброе сделать — так по кустам отсиживаться норовят!

Я с трудом сдержала довольную улыбку. Молодец, Микай!

Теперь дело за мной.

Наверно, будь я в другом настроении, всё вышло бы иначе. Но сейчас я решила, что небольшой урок, как это любит делать Джастер, горожанам совсем не повредит. В конце концов, они должны понять, что я ведьма серьёзная.

— Подожди, Микай. Великие боги Шанак и Датри дали людям свободную волю. Хочет этот человек проклятым золотом жизнь себе испортить — пускай. Не будем ему мешать.

Я сунула руку в сумку, достала замотанный в ленту подвес, и, держа через ткань, покачала его на солнце, чтобы блестел ярче.

— Ну что ж, раз ты проклятия на лихую долю не боишься, могу отдать. Ни счастья, ни удачи больше не увидишь, горя со всего поимеешь, с ума сойдёшь, да и утопишь по итогу. На, забирай! Только ко мне за помощью не приходи.

С этими словами я бросила подклад на землю между мной и завистником. От мужика и проклятого золота люди отшатнулись ещё дальше, но многие поглядывали на заманчиво блестящую драгоценность.

— Не хочу я такого! — испуганно всполошился завистник.

— Бери, бери! — подзадорила я. — Как только возьмёшь, всё твоим будет: и лихо, и золото. Ну, что медлишь?

Завистник нерешительно переминался с ноги на ногу. Золото манило его, как и многих в толпе, но мои слова о таком страшном проклятии заметно напугали.

— Бери, Борчик! — подзадорили из толпы завистника. — Чай не будет ничо!

— А коли будет, тады шо? Ты с меня колдовство тако сымать станешь?

— Глупый ты! — раздался откуда-то женский голос. — Она ж его в руках держала, и нишо, живая!

— Дык она ж ведьма! Вона как водяника лихо утопла! Шо ей проклятье-то! — огрызнулся Борчик в ответ. — А ты, коли така умная — сама подбирай, а мы поглядим, шо с тобой сдеется!

— Да кому оно нужно, колдовско да проклято! — тут же откликнулась спорщица. — Пуцай себе оставляют!

— Заберите энто, госпожа! — решил Борчик. — Не надить мне такого! Энто я так молвил, по глупости...

— Заберите, заберите! — загудела толпа.

Микай посмотрел на меня. Я кивнула, протянула ему ленту, и кузнец через ткань осторожно поднял подклад, возвращая его мне.

— Я ещё поживу здесь несколько дней. — Я аккуратно завернула подклад, убрала его в сумку и обернулась к советникам. — Любовными снадобьями я тоже торгую. Дорого.

Советники переглянулись, а я, не дожидаясь их ответа, направилась обратно в «Золотое яблоко».

Люди, перешёптываясь и переглядываясь, расступались передо мной с заметным почтением.

Дорога назад оказалась длиннее, чем когда я бежала к берегу под крики несчастной матери.

Толпа горожан осталась позади, обсуждая происшествие, и мы поднимались по дороге в город одни.

На меня навалились равнодушие и усталость, заболели многочисленные синяки и ссадины, которых я успела нахватать, пока нас болтало в лодке. Больше всего хотелось лечь и ни о чём не думать.

— Никогда прежде не слышал о таком, — заговорил вдруг Микай. — Нежто все ведьмы между собой так враждуют?

— Нет. — Я покачала головой. — Ведьмы не враждуют между собой и не враждовали до этого лета. Вахала одна такая.

— Госпожа... — тихо сказал кузнец, — не гневьтесь... Токма... понапрасну вы время на меня тратите. Не сдюжу я ремесло тако.

— Почему ты так решил? — Я удивлённо смотрела на парня, опустившего седую голову.

— Стыдно молвить, — ещё тише ответил он. — Токма... думал я, что всякого навидалси, а ошибся...

— Страшно было, да? — понимающе спросила я.

Микай кивнул, сжав кулаки.

— Не гневьтесь, госпожа, токма не вояка я! Мне бы к горну да руки к делу приложить, душа стосковалася без кузни! А таки колдовски драки не могу я...

Все слова благодарности и поддержки, которые я думала сказать в ответ, застряли в горле от неожиданного разочарования.

На фоне белой шапки волос чёрные брови и синие глаза смотрелись ярко и необычно. Высокий, широкий в плечах, молодой и привлекательный, несмотря на седину, Микай мог бы поспорить с Шутом за девичьи сердца. И он куда больше походил на грозного бойца, чем Джастер.

Только вот... Только вот за безобидной внешностью юного красавчика-трубадура скрывался не просто опытный, а матёрый воин. Микай же, несмотря на свой дар и могучий вид, оставался простым деревенским парнем.

Кузнец. Он просто кузнец, хоть и с колдовским даром. Дом построить, семью завести, в кузне работать, семейное дело продолжать... Вот о чём он мечтал.

Не всем быть такими, как Джастер.

Хотя... Что я знаю о Шуте? Почти ничего.

Он стал таким, потому что любимая женщина его отвергла. А если бы у них всё получилось?

Когда я успела позабыть, как он с Фелисией возился и ребятишкам в Чернецах сказки рассказывал?

Вот бы и у нас с ним...

— Госпожа?

Микай вопросительно и виновато смотрел на меня, приводя в чувство.

Ох, Янига-Янига, опять ты не о том думаешь.

— Понимаю, — я развернулась и пошла дальше. — И не сержусь.

— Вы-то уж сызмальства такому учились, госпожа. — Микай догнал меня и пошёл рядом. — Вам энтó всё привычно. Эвон как лихо вы со всем управились... А мне привычно у горна робить.

Я сбавила шаг, невольно посмотрев на небо в поисках ночного лика Датри, и тут же сощурилась от яркого летнего солнца. Полдень скоро, луна только вечером покажется.

Сызмальства...

— Две луны назад я ничего этого не умела.

Я оглянулась на кузнеца. В синих глазах недоумение, чёрные брови недоверчиво сошлись к переносице.

— Этой весной я закончила обучение и продавала любовные зелья в наделе моей наставницы, далеко отсюда, дальше Кронтуша.

— Две луны? Шуткуете, госпожа? Нешто за две луны такому колдовству обучиться можно?!

— Можно.

Я снова пошла вперёд, невольно погрузившись в воспоминания о давнем договоре с Джастером.

«...не по своей судьбе ты идёшь, вот путь в узелки и завязывается. Впрочем, это я могу легко поправить...»

И поправил. Поправил так, что...

Стерлинг. Кронтуш. Наши с ним прогулки по лесам. Наша ссора, когда я его чуть не убила. Драка с водяницами. Живой меч. Пеггивилль... И моя судьба решилась на берегу озера.

А уж сколько всего было потом... Фелисия, браслет, домэры, оберег, Чернецы, разбойники, Гнилушка...

Всего лишь в начале лета я не сомневалась, что у меня самый обычный ведьмовской дар. Была простой деревенской девчонкой, которая ничего не знала о своей судьбе. И не узнала, если бы...

Если бы не Джастер.

Подумать только, мы встретились всего лишь две луны назад, но я чувствую себя так, словно уже прожила несколько жизней.

Даже вот битва с водяником уже как будто вчера была...

— Что ж с вами-то стряслось, госпожа? — Догнал меня кузнец. — Как сюды-то попали?

Простые вопросы, но я вдруг поняла, что не хочу делиться своим прошлым.

Нет. Нашим с Джастером прошлым.

Потому что оно вдруг стало очень... очень наше. Только моё и его.

Вот почему он тоже не хочет про себя рассказывать...

— Это долгая история, Микай. Как-нибудь в другой раз расскажу.

— Энтэ из-за него, из-за «пса» вашэго? — Кузнец верно понял мою отговорку. — Так он и впрямь колдун?

Я снова посмотрела на седого парня. Несмотря на деревенский говор, в уме ему не откажешь. Догадливый, как Джастер выразился.

«Он понял это с твоих слов, ведьма».

Шут не хотел, чтобы о его даре знали другие люди. И я не собиралась допускать ещё одну оплошность.

Поэтому сказала другую правду.

— Он много раз спасал мне жизнь и научил сражаться.

Кузнец задумчиво чесал затылок, а я пошла дальше.

— Нечто вам не страшно с чудищами такими воевать, госпожа? Ни разочку?

«Чего ты боишься? Ты же ведьма...»

Я замерла, невольно вспоминая все, что пережила с момента знакомства с Джастером, и неожиданно для себя грустно улыбнулась. Страшно... Мне даже рядом с Шутом иногда жутко было.

— Страшно, Микай. Иногда очень страшно. Только... Когда у тебя просыпается дар, ты не сможешь жить как прежде и не использовать его силу. Это воля богов. Я хотела быть ведьмой любовной магии, как меня учила Холисса. Но я ведьма-защитница, это мой дар, моя судьба. Любовные зелья можно купить у разных ведьм. А кто поможет людям в такой беде, кроме меня?

Кузнец молчал, хмурился и смотрел в сторону. Под чёрной щетиной ходили желваки.

— Пойдём, Микай. — Я снова неторопливо пошла по дороге. — Это было очень сильное проклятие. Надо приготовить тебе хороший отвар.

До «Золотого яблока» мы дошли в полном молчании.

Отвар я делала у себя в комнате, пока ждала купальню, которую прислуга готовила по моей просьбе. Мне вдруг захотелось помыться, и я решила, что Микаю это тоже не повредит. Конечно, они с Шутом мылись, когда мы только приехали, но сейчас был особый случай.

Если хозяин и счёл моё пожелание за блажь, перечить не стал. Особенно, когда его жена вернулась с берега и громким шёпотом рассказывала на кухне о подвигах госпожи ведьмы.

Готовый отвар я отнесла кузнецу, чтобы убедиться, что последствий от проклятия не осталось.

Комната мужчин ничем не отличалась от обычных комнат в постоянных дворах: две кровати, в ногах сундуки, между кроватями, у окна, стол. Хотя здесь попросторнее и заметно чище, чем было в Костинограде. Постель Джастера застелена ярким лоскутным покрывалом. Кузнец поспешно расправлял своё, смятое, когда я пришла. На столе лежала дощечка для письма и пергамент с утреннего урока.

— Ты решил учиться дальше?

Я поставила чашку с горячим отваром на стол. Микай выпрямил спину, стрельнул глазами на стол, потом — виновато — на меня, и кивнул. Может, Джастер и не упустил бы возможности подшутить над кузнецом, но я не собиралась этого делать.

— Это лечебный отвар, выпей весь, а потом сходи в купальню.

— Зачем энтэ? — удивился кузнец. — Мы же ж давеча парились. Ежли што не так, я и

на реку могу...

— Хватит сегодня реки.

Я сердито нахмурилась, не зная как объяснить своё решение отправить его в купальню. Вот знаю, что надо и всё тут! Ох... Был бы здесь Джастер, он бы наверняка нашёл, что сказать!

— Как раз после неё тебе и надо попариться. Я сейчас туда пойду, а ты пока отвар выпей. Если вдруг почувствуешь себя нехорошо или странно — сразу скажи мне! — Строго наказала я ему.

— А должно, госпожа?

Парень испуганно сгрёб в кулак ворот рубахи.

— Нет, — я постаралась успокаивающе ему улыбнуться. — Не должно.

Микай облегчённо вздохнул, отпустил рубаху, взял чашку с дымящимся отваром и сел на кровать. Я собиралась уйти, но поймала на себе внимательный взгляд синих глаз.

— Что-то не так?

Кузнец покачал седой головой и отвёл глаза.

— Госпожа... Любопытно мне очень... Вы и впрямь бы тому дурню порчу чужу отдали бы и помогать не стали?

Услышав такое, я хотела возмутиться, но осеклась, не сказав ни слова.

Отдала бы я этому Борчику проклятый подклад?

Вахала бы отдала. И Холисса бы отдала.

Да любая ведьма бы отдала и посмеялась над дураком. И проклятие снимать не каждая бы стала.

А я...

Я, как дурочка, понадеялась, что людям хватит ума не трогать проклятое золото.

Ой, глупая, Янига, глупая... А как бы тронули? Чтобы я тогда делать стала? Стоять и смеяться, как любая ведьма?

Или... или что?

Отбирать подклад у жадного дуралея и отпаивать его зельями?

Как спасала глупых баб от проклятия Вахалы в Пеггивилле?

Как заступалась за охальника-охотника перед Джастером?

Как пожалела водяника?

— Не знаю, — хмуро буркнула я в ответ. — Не тронул и слава богам, что ума хватило.

— А вы и впрямь добрая, госпожа. — Вдруг негромко сказал кузнец, грея широкие ладони об чашку. — Верно я, значит, понял: того скрягу вы отговаривали хитро. Уж не гневайтесь, я поначалу о вас дурно думал. Шибко зол был на всех, а пся ваш ищцо по голове так огрел — трещало аки с похмелья. Вы сама-то уж шибко пригожи, да и он любую девку захомутает. От я и мнил, де он хахаль ваш, а надо мной шутки шуткует...

Я молча сложила руки на груди и смотрела в окно, стараясь ничем не показать свою растерянность и не зная, что сказать в ответ на неожиданное откровение. Вот значит, как с его стороны виделось... Молодая пригожая ведьма с красавцем-любовником беднягу напугали, обидели, да ещё и смеялись над его бедой...

Хахаль... Если бы всё было так просто...

Джастер мне не любовник.

Он для меня... всё.

— И почему ты передумал? — Голос получился немного хриплым.

— Дык глаза-то у меня есть, госпожа. — Парень прихлёбывал отвар. — Да и умом, чай, не обижен. Я ж видал, как вы тревожились, кады за девчонкой велели плыть. И кады меня тама отпаивали зельями вашими, тож волновались. И опосля за дурёху энту радовались да плакали... Госпожа Лира ужо на что к матушке моей расположена была, а и то над радостями нашими али бедою и слезинки не уронила.

— Ведьмы не плачут, Микай.

И не волнуются о чужих людях, и не переживают из-за незнакомых девчонок и их дур-матерей!

Я незаметно стиснула пальцы в кулак, чтобы не выдать своих чувств. Надо было уйти, а не стоять и слушать! Зачем он мне это говорит?! Зачем мне его признание?! Чтобы опять себя глупой девчонкой чувствовать, которая по любой ерунде слёзы льёт?! Хороша ведьма...

Стыд и позор!

— Госпожа... вы энтэ... вы не серчайте токма... — голос кузнеца стал тише и виноватее. — Я ж не в укор вам...

— Я не сержусь.

Постаравшись ответить ровно и спокойно, я развернулась и пошла к двери.

— Отдыхай сегодня. Лошадьми завтра займёшься.

— Хорошо, госпожа. — Негромко отозвался Микай, и я закрыла за собой дверь.

Неожиданное откровение кузнеца ещё сильнее растревожило воспоминания о Джастере. Сидя в горячей воде, я вспоминала Кронтуш, и нашу жизнь в лесу, когда Шут учил меня собирать травы. Как я его не слушала, спорила и приставала со своими откровениями или догадками о его прошлом. Вспоминала, как он молча выслушивал, иногда смеялся надо мной, но чаще холодно бросал «доброй ночи, ведьма» и поворачивался ко мне спиной. А то и вовсе забирал лютню и уходил в лес.

Как я сердилась и обижалась на него тогда! Но теперь...

Теперь я его понимала.

Он не хотел берeditь прошлое и, конечно, не хотел рассказывать о сокровенном какой-то назойливой и глупой деревенской ведьме, ничего не понимающей в сердечных делах.

— Прости меня, Джастер, — тихо пробормотала я. — Я была такой дурой...

Не буду я его больше о прошлом спрашивать. Захочет — сам расскажет.

Голубое платье оказалось не настолько грязным, как я боялась, но я всё равно попросила служанку его постирать.

Мне очень хотелось отмыть всё, что соприкоснулось с проклятием Вахалы.

А я пока в красном похожу. Конечно, богатое оно только для деревенской травницы, а не для госпожи ведьмы Яниги, но всё же Томил его на ярмарке покупал, да и Вольта от души дарила.

Джастер вернётся, и я не я буду, если не выпрошу у него новое удобное платье!

Туфлям-то вон, ничего не сделалось. Что с болота, что с реки тину присохшую смахнула и как новенькие...

Остаток дня прошёл в тишине. Меня никто не беспокоил и до ужина я читала «Трактат о камнях и травах». Этот фолиант я взяла, чтобы хоть чем-то занять себя, и незаметно

увлеклась. Даже достала свою книгу и делала заметки, записывая лечебные и магические рецепты.

Ужинали мы с Микаем в молчании. Кузнец тоже помылся и переоделся в чистое, но выглядел подавленным и хмурым. Даже на моё новое платье не обратил внимания. Впрочем, я была этому только рада. Мне самой не хотелось ни о чём говорить. Но когда парень после ужина пожелал доброй ночи, отпросившись утром ковать лошадей, я чуть волком не взвыла от тоски, какая поднялась в душе.

Какими бы достоинствами не обладал молодой кузнец, Шута не заменит никто. С ним даже в молчании ужинать веселее...

Джастер... Как же мне тебя не хватает! Когда же ты вернёшься?!

Хоть бы одним глазком тебя увидеть...

Бусины на браслете привычно тяжелили запястье и тихо позвякивали, когда я перебирала их пальцами. Почти половина нити. Много или мало времени у меня ещё осталось? Что будет, когда последняя бусина займёт своё место?

Что решит Джастер?

Что будет со мной, если он...

Нет, не хочу об этом думать! Не хочу!

Я достала коготь кхвана из-под ворота платья и сжала в кулаке. Оберег был холодным, убеждая меня в полной безопасности.

Только вот от сердечной тоски он не защитит.

Как и Игвиль, мирно дремавший в полуножках, сделанных Шутом.

Не тревожа Живой меч, я встала из-за стола и села на кровать.

Браслет, оберег, волшебный меч... Вон сколько всего Джастер мне оставил. А ещё заколдованная сумка, магические книги, волшебное зеркало... Про лошадей и сундук, набитый тканями, драгоценной посудой и украшениями даже говорить не приходится. Только лучше бы вместо этого богатства он сам был бы рядом...

А без него... Без него мне одиноко. Холодно, неудобно и тоскливо, хоть вой. День ещё не прошёл, а я уже места себе не нахожу и жду его возвращения как никогда прежде.

Джастер стал частью моей жизни. Частью моей души.

Не думала, что он... что он настолько глубоко и сильно мне дорог.

А ведь Джастер говорил, что это обычная человеческая любовь. И что она может пройти со временем.

Что же пережил он сам, когда любимая его отвергла? Что переживает до сих пор, ведь он по-прежнему её любит... Даже представить такое страшно.

Я передёрнула плечами. Как же тяжело ему было, что он согласился на помощь молодой неопытной, но очень самоуверенной ведьмы...

А эта ведьма вместо помощи сама в него влюбилась. И... И очень по нему скучает.

В порыве чувств я провела пальцами по лежащей на сундуке лютне. Капризный инструмент сердито звякнул струнами, давая понять, что слушается только своего хозяина. Вздохнув, я вытащила из своей сумки шкатулку и достала зеркало Митамира. Тёмное, как осенняя вода, и такое же холодное, оно не отражало ничего. Я обняла себя руками, прижав зеркало к груди. Ещё вчера Шут показывал, как оно работает.

Но это «вчера» было очень, очень давно.

Целую жизнь назад.

— Джастер...

Я бездумно водила пальцами по узорной раме, едва касаясь камней и вспоминая Шуга. Как же я хочу его увидеть! Хотя что-нибудь о нём узнать... Хотя бы капельку...

Тёмная поверхность дрогнула, от центра побежали круги, становясь всё светлее и светлее. Перестав дышать от испуга, я смотрела на зеркало, не зная, что делать. Великие боги, что я опять натворила?!

Джастер же просил не искать его!

В узорной раме посветлело, и я забыла обо всём, потому что...

Деревья в лесу не были привычными соснами, елями, дубами, клёнами или ясенями. Огромные листья походили на ладонь с растопыренными пальцами. Тёмные приземистые стволы перебиты толстыми зелёными верёвками, на которых я с удивлением заметила листья и цветы. В ветвях что-то мелькнуло и на мгновение зеркало показало странное создание: не то зубастую птицу в чешуе, не то ящерицу с клювом и крыльями. Но в то же миг странная тварь исчезла, потому что между деревьями показался человек.

Тёмноволосый юноша упругим лёгким шагом уверенно шёл по необычному лесу, явно не задумываясь о дороге. Он что-то сжимал в руке, время от времени поднимая на уровень глаз и с улыбкой любясь своим приобретением. Волнистые пряди в солнечных лучах отсвечивали золотом и рыжим, свободно падая на узкие, почти мальчишечьи плечи. Кожаная жилетка, поверх светлой рубахи с широкими рукавами, украшена вышивкой, и дважды перехвачена ярким тканым поясом. Яркие кисточки на концах пояса танцевали в такт шагам. Тёмные широкие штаны заправлены в высокие узкие сапожки. Никакого оружия при нём не было, впрочем, торбы и лютни тоже. Хотя я не могла рассмотреть его лицо, тревожно забившееся сердце стало успокаиваться.

Это не Джастер. Так, мальчишка какой-то...

Странное что-то это зеркало мне показывает. Никогда такого леса и такой одежды не видела.

Тем временем юноша вышел на крохотную полянку и поднял к небу бронзовое от загара лицо. На губах блуждала улыбка, а в ярко-зелёных глазах мечтательное выражение.

Я вздрогнула, а сердце снова забило от волнения.

Это был Шуг. И не Шуг.

Тонкий, звонкий, влюблённый юноша, ещё совсем мальчишка — он ничем не походил на Джастера, которого я знала. Только вот этот взгляд... и улыбка... Вчера Джастер также подставлял лицо солнцу, когда мы возвращались из ратуши...

Тень мелькнула в зеркале, и мечтатель упал на землю. Из разорванного горла хлестала кровь, а в нескольких шагах от него, почти спиной к умирающему, возник статный мужчина в белых просторных одеждах. Белые прямые волосы касались широких плеч. Он стоял неподвижно, словно статуя из камня или снега, только с точёных длинных пальцев в зелёную траву капала кровь.

В ужасе я зажала рот ладонью, судорожно стиснув ручку зеркала.

Великие боги... Что же это?!

Как так можно убить без оружия, без...

Откуда он вообще взялся?!

Юноша скалился, зажимая шею левой ладонью. Правую он сжимал в кулак, не желая терять то, что нёс. Несмотря на смертельную рану, взгляд зелёных глаз полон гнева и мечется в поисках врага.

Беловолосый мужчина покосился через плечо.

Холодное точёное лицо больше всего напоминало каменную маску. Глаза в этой маске были чёрные и совершенно... безразличные. Ни гнева, ни ярости, ни торжества, ни презрения...

Ничего. Совсем ничего. Полное бесчувствие.

И от этого взгляда меня пробрала дрожь ужаса.

Джастер умел убивать, но никогда не оставался при этом равнодушным.

А этот...

— Шиин хо сса... — прошипел умирающий. Весь его вид говорил, что он желает сражаться, а я поражалась тому, что он ещё жив. — Шиин...

Беловолосый развернулся и шагнул к нему. Глаза раненого изумлённо распахнулись, и тут же снова сузились от ярости и бешенства. Зелёный огонь полыхал так знакомо, что я прикусила кулак, чтобы не закричать от отчаяния. В следующее мгновение мне показалось, что беловолосый просто чуть шевельнул окровавленную ладонью, но юноша выгнулся в немом крике и почти безжизненно упал снова, резко побледнев и закрыв глаза. Рубаха и жилетка на животе окрасились кровью. Крепко сжатый кулак раскрылся, и в траву с ладони что-то соскользнуло.

Беловолосый перевёл взгляд на упавший предмет, сделал шаг, и я услышала негромкий, но отчётливый хруст. Юноша вздрогнул и приоткрыл глаза, но больше сделать ничего не смог. Кровь уже не пульсировала на шее. Зелёный огонь в глазах угасал.

— Ксо, брэн. — негромко и невыразительно упало с едва дрогнувших губ, и в следующее мгновение убийца исчез, оставив свою жертву на солнечной поляне.

Зеркало давно погасло, а я так и сидела, глядя в тёмное стекло и пытаюсь прийти в себя после увиденного. Я не верила тому, что мне открылось прошлое Джастера.

Когда-то я представляла Шута наивным и влюблённым менестрелем, но сейчас не могла поверить, что он и в самом деле мог быть таким. Этот мальчишка совсем на него не похож! Ничем! Джастер очень умён и осторожен! Он сам говорил, что его учили убивать с детства! Это не может быть он! Он же убил целую деревню взрослых охотников! Шут не мог так... так глупо попасться и проиграть!

«Когда один силён и опытен, а другой молод, глуп и самоуверен...»

Но это... Это не поединок! Это подлое убийство, нападение из засады!

«Ты мантисов видела?»

Нет, Джастер, даже если этот страшный тип сидел в засаде, как твои любимые мантисы, как вообще можно выжить с такими ранами?! У тебя же ни одного шрама нет, только те, которые оставила я!

Это воспоминание привело меня в чувство, и я даже негромко рассмеялась от облегчения. Конечно, это не Джастер. Это какой-то несчастный, который просто немного похож на него.

Шут же сам говорил, что для прятков от своего врага не пользовался магией. Он мог покрасить волосы краской, которая смывалась за несколько раз, и отрастить бороду, чтобы стать неузнанным. Только вот глаза у него всегда оставались серыми. Живая сталь лишь темнела или светлела, завися от настроения Шута, но не больше.

А я опять напридумывала всякое, и переволновалась из-за ерунды...

Эх, Янига, глупая ты ведьма. Джастера всего день нет, а ты уже с ума сходишь. Готова в каждом встречном-поперечном его увидеть. Ладно бы, мальчишка хоть светловолосым был! Так ведь нет, ничего общего с Шутом.

— Глупости ты мне показало! — Я сердито бросила волшебное зеркало на кровать. — Глупости! Это не Джастер! Этот мальчишка на него совсем не похож! Ничем! У него даже волосы и глаза другие!

Зеркало молчало.

Убрав волшебную вещицу обратно в шкатулку, я затушила свечи и легла спать.

32. Возвращение Шута

Утром мне полегчало.

День стоял погожий, после сна и завтрака тоска отступила, и я думала, чем себя занять, пока Микай работает в кузне. Читать не хотелось, зелья продавать пока никому...

Мои размышления прервались неожиданным стуком в дверь. Пришёл человек, назвавшийся слугой господина Горицупа, и передал кошель с золотом. Хотя я не сомневалась в честности главы совета, но не поленилась пересчитать деньги. Слуга всё это время ждал у двери. Но, к моему удивлению, не ушёл, когда я сказала, что всё в порядке, а кланяясь, испросил для хозяина лекарственное снадобье от боли в коленях и спине, ежели у госпожи ведьмы случаем таковое найдётся.

Услышав просьбу, я поняла, что Великим богам этот старик почему-то по душе. Никак иначе я не могла объяснить очередное везение главы совета: лекарственные составы я только вчера переписывала из фолианта Джастера. И нужное средство среди них было.

Всё, что мне требовалось, — отправить Микая за всем необходимым. Лечебные травы обычными сорняками росли на огородах, дорогах и за городской стеной. Но, вспомнив, что парень ушёл ковать наших лошадей, я решила, что могу прогуляться сама. Всё лучше, чем просто так в комнате сидеть.

Назвав цену за целительное снадобье, я велела слуге приходить завтра и стала собираться на прогулку.

Оба моих платья были выстираны, высушены и заштопаны умелыми руками хозяйки «Золотого яблока», и я без раздумий надела чёрное.

В нём мы с Джастером сражались с разбойниками. В нём я доказала свою силу ведьмы сначала на Гнилушке, а затем и в городской ратуше. Вот и сейчас мне хотелось снова ощутить эту уверенность.

Как будто Шут где-то рядом.

Переодевшись и причесавшись, я взяла сумку и едва не оставила Живой меч висеть на стуле. Но Игвиль напомнил о себе, чувствительно ткнувшись под руку рукоятью. И сразу же появился, заняв едва ли не всю комнату.

— Прости. — Я смущённо погладила драксу по голове. — Я не привыкла всё время ходить с оружием.

Змей насмешливо приоткрыл пасть, показав длинный язык, словно говоря: «Привыкай теперь».

— Зачем мне привыкать? — Не понравился мне его намёк. — Джастер же вернется. Он же вернётся?

Игвиль широко зевнул, всем своим видом давая понять, что ни на мгновение не сомневается в своём настоящем хозяине. Конечно, Шут вернётся. Он же ушёл всего на два дня.

— Я очень по нему скучаю.

Дракса не ответил, устраиваясь в полуножках на моём поясе.

Закрыв комнату на ключ, под удивлёнными и испуганными взглядами прислуги вооружённая госпожа ведьма отправилась на прогулку.

После вчерашнего происшествия Шемрок заметно изменился. Я не поленилась дойти до спуска к берегу и некоторое время смотрела на царившие здесь суету и оживление. Река пестрела от рыбацких лодок. Лишь несколько человек возились у перевёрнутых посудин, просмаливая днища. Небольшие торговые корабли спущены на воду, и возле них царила суета. Да и сам спуск был многолюден.

Ехали пустые и гружёные телеги, женщины несли корзины с бельём и вёдра с водой, мельтешила ребятня, помогая взрослым...

Горожане спешили наверстать упущенное время.

Меня видели и обходили, вежливо здороваясь и кланяясь. На многих лицах даже появлялись улыбки.

— Доброго здоровьица вам, госпожа ведьма!

— Да благословят вас боги, госпожа!

Женщины, нёсшие полные вёдра воды, с улыбками поклонились и продолжили путь вверх по улице, не дожидаясь моего ответного кивка.

Шемрок снова ожил.

Я вздохнула и пошла в сторону городской площади.

Крытая колоннада хорошо защищала от жаркого летнего солнца. Я неторопливо шла вдоль прилавков, с вежливой улыбкой кивая торговцам. У мясного прилавка я задержалась, спросив нутряного сала или заячий жир. В ответ на просьбу торговец тут же позвал мальчишку-помощника и велел тому ветром бежать к хозяйке и принести с ледника нужное. Мальчишка бросил нож, которым обрезал мясо с костей, и, на ходу вытирая руки о передник, помчался с площади.

Пока я ждала заказ, прогулялась по остальным рядам и угостилась за несколько медяков пирогом с грибами и ягодным квасом. Горшочек с нутряным салом взъерошенный и мокрый от бега мальчишка принёс мне прямо в руки, и я вместе с ним вернулась к прилавку, чтобы рассчитаться с хозяином.

Сало я купила про запас. В дороге всякое может случиться, целебная мазь по рецепту Шута очень сильная. Конечно, заячий или медвежий жир лучше, но зайцы да медведи жир только нагуливают. Да и пойдёшь, поймай их в лесу...

Господину Горицупу и лечебного зелья хватит.

Стражники в воротах при виде меня вытянулись в струнку. Одеты они были по форме и, судя по мрачному виду, в кости больше не играли.

Жалоба Шута на их безделье не осталась без внимания магистрата.

— Никак уже уходите от нас, госпожа ведьма? — скалясь в вежливой улыбке, поинтересовался Заруба. — Пешочком да в одиночестве?

— Прогуляюсь по делам и вернусь, — холодно ответила я, игнорируя недобрые взгляды стражи.

Сами виноваты: надо работу свою по совести делать, а не пиво на посту пить.

— Приятной прогулки, госпожа, — выдавил из себя Заруба, пока стражники придирчиво допрашивали какого-то беднягу, несущего в город большую корзину, завязанную

сверху тряпицей. В корзине кудахтало и квохтало, но стражники требовали показать, что там, проявляя невиданное прежде рвение. Хозяин корзины ругался, отказываясь выпускать кур на волю, охрана не оставалась в долгу, и стало ясно, что стража нашла себе новое развлечение.

Слушать их перепалку я не стала и пошла по дороге в сторону леса, решив, что сверну с дороги подальше от любопытных глаз. Мне всего-то нужно пройти по задам огородов да нарвать крапивы и лопуха.

Пройти незамеченной мне не удалось. Новости здесь тоже знали и про меня слышали. Женщины здоровались из-за заборов, парни и девушки смотрели вслед, мужчины вежливо кланялись, снимая шапки, и снова возвращались к своим делам. Миновав несколько домов, я решила, что проще пройти к огородам напрямую и свернула с дороги в ближайший проулок.

Идти между домов оказалось не так жарко. Земля не пылит, под ногами мягко от вездесущего конотопа, среди которого ходили куры, склёвывая семена и букашек. Пахло травой и скотиной. За заборами росли яблони с бисерной россыпью мелких яблок на ветках. Вишня и даже смородина вырывались в щели между досками, превращая проулок почти в лесную тропинку. Только крапивы и лопухов здесь не росло. С сорняками у забора хозяйки нещадно боролись.

Лаяли собаки, во дворах гремели вёдра, стучали топоры, переговаривались женщины, где-то заревел и замолчал младенец. Я обходила коровьи лепёшки и подняла повыше подол платья, чтобы не замарать куриным помётом.

— Ой, да никак сама госпожа ведьма энтю! — внезапно раздалось за моей спиной. — Глянь-кось, Вахромка! Диво како!

Я обернулась на голос, понимая, что уйти просто так — дать столько поводов для сплетен, что всю жизнь не разберешь и жалеть будешь.

Из-за невысокого забора на меня смотрела дородная женщина в домотканой рубаше и завязанном на лбу платке. Рукава закатаны до локтей, а коричневое платье на груди скрыто передником. Рядом с ней возник худенький и юркий парнишка с озорными чёрными глазами, весь коричневый от загара. Соломенные волосы у него торчали в разные стороны. Мальчонка цеплялся за доски не только руками, но и пальцами ног, стоя на поперечной перекладине.

— Добрый день, — поздоровалась я.

— Добрый, как не добрый-то! — отозвалась женщина. — Он-а, благодать кака! А вы какими же тропками к нам забрели, госпожа?

— Кузницу ищу, — сказала я первое, что пришло в голову.

Не говорить же, что мне огороды нужны. Решат ещё, что госпожа ведьма от своего колдовства из ума выжила, посреди дня по чужим грядкам шастает...

— Ученик мой туда с утра ушёл, за ним иду.

— Эвон как вы заплутали-то госпожа! — по-доброму рассмеялась хозяйка. — Кузня-то у реки, он тама!

Она махнула полной рукой совсем в другую сторону, чем шла я. Чёрные глаза-бусинки мальчишки озорно сверкнули, и соломенная голова исчезла.

— Спасибо, — вежливо улыбнулась я в ответ, собираясь пойти дальше и жалея, что вообще свернула в этот проулок. Дошла бы до леса, а там по кромке и до огородов добралась бы незаметно...

— Пойдите, госпожа! — остановила меня словоохотливая хозяйка. — Вахромка мой

вам дорогу покажет! Слышал, Вахромка? Ась? От негодник... Вахромка, а ну не трожь поросю, уши оторву! А ну подь сюды, кому молвью!

В ответ раздался лай, поросячий визг и хохот мальчишки. Хозяйка, браня сорванца, кинулась спасать животину.

Вздохнув, я отошла в тенёк ждать провожатого. Что ж, дойду до кузни и попрошу Микая тогда крапивы с лопухами нарвать... Времени не так много прошло, наверняка стосковавшийся по работе парень ещё там.

Под очередной поросячий визг через забор кубарем перелетело нечто коричневое, лохматое и непонятное. Кувыркнувшись по траве, Вахромка вскочил на ноги, стряхнул с головы застрявшую солому и широко улыбнулся мне щербатым ртом. Кроме залатанных портков, на мальчонке больше ничего не было.

Если бы не чёрные глаза...

Хватит, Янига! Он не похож на Джастера. Это просто обычный деревенский мальчишка.

— Ах, негодник... — его мать, бурно дыша, опёрлась на забор. — Удрал-таки...

— Я госпожу ведьму к кузне провожу, маменька? — заискивающе наклонил голову Вахромка.

— Проводи, проводи, — женщина вытерла рукой лоб. — А кады воротишься, ужо я тебя хворостиной поучу, как на поросе верхой ездить...

Улыбка мальчишки заметно увяла, и я поспешила вмешаться. Без того сколько времени зря потеряла, глядишь, ещё и Микая в кузнице не застану, совсем глупо и зря всё будет.

— Показывай дорогу, Вахромка, — обратилась я к мальчишке. — Только короткой веди, у меня дела.

Тот подтянул портки и важно кивнул.

— И чтоб обратно бегом бежал! — прикрикнула ему мать. — А то знаю я тя, сорванца! Ох, добегаешь у меня, бездельник, молвью отцу, не миновать тебе вожжей поперёк спины!

— Я мигом, маменька! Ногой здесь, ногой там!

От щербатой улыбки не стало и следа. Видимо, эта угроза была куда серьёзней, чем обещанный урок матери.

— То-то же! — довольно кивнула женщина и улыбнулась мне. — Он у меня смьшлёный, госпожа!

По её добрым, смеющимся глазам я поняла, что хворостина Вахромке не грозит, но говорить об этом не стала.

Мальчишка вывел меня обратно на дорогу в город, а с неё сошёл на другую улицу, ведущую к реке. Вахромка важно шагал впереди меня, поглядывая по сторонам. Он солидно отвечал на приветствия взрослых и задира л нос перед сверстниками, явно гордясь тем, что показывал дорогу самой госпоже ведьме. Но меня его мальчишеские подвиги не волновали.

Глупо как всё получилось... Хотела прогуляться и тихонько трав набрать, а сама весь подол прошла, как на показе. Хоть мальчишка и в самом деле не петлял, но и без того уже все наверняка знают, что госпожа ведьма своего ученика ищет.

А ещё я думала, что сказать Микаю, когда приду в кузню.

Весёлый звон молотов я слышала раньше, чем заметила поднимающийся в небо дым кузницы.

Миновав последний дом подола, мы остановились. Кузница стояла наособицу, и даже отсюда я слышала негромкое ржание Воронка во дворе. Значит, Микай ещё там.

— Вот кузья, госпожа, — важно сообщил Вахромка, выпятив вперёд пузо и отставив ногу. — Как обещано.

— Спасибо, — я бросила ему серебрушку, которую достала, пока мы шли.

Конечно, можно было не платить за услугу или дать медяшку, но Джастер бы не пожалел «листка». И я не стала.

— Благодарствую, госпожа! — Мальчишка поймал монетку, восхищённо покрутил в пальцах и сунул за щеку, чтобы не потерять, пока его губы расплывались в широкой улыбке. — Ужо вельми...

— Беги домой, — кивнула я, стараясь не улыбнуться в ответ. — И родителей слушайся.

Вахромка снова кивнул, и только пятки засверкали, когда он припустил обратно.

Я же вздохнула и под любопытствующими взглядами из-за соседних заборов пошла к распахнутым воротам кузни.

Удары молотов прекратились, и я слышала мужские голоса. Говорили трое, но слов не разобрать. Один голос принадлежал Микаю, другой был мне незнаком, а вот третий...

Не может быть!

Подхватив юбку, я чуть не кинулась бегом, но вовремя опомнилась и сдержала шаг, остановившись в открытых воротах, потому что колени ослабли от нахлынувших чувств.

Хорошо. Теперь всё будет хорошо.

— Ты здесь.

Мужчины, стоявшие у горна, замолчали и посмотрели на меня.

— Добрый день, госпожа! — солнечно и невинно улыбнулся Джастер и тут же изобразил обиду. — Опять вы без меня подвиги совершаете? И как мне теперь новую песню складывать?

Я с трудом подавила желание опереться плечом о столб, потому что ноги держали слабо. Песни ему складывать... Подвиги я без него совершаю... Нужны они мне! Лучше про чужие слушать, чем свои совершать.

Ещё лучше — подошёл бы, обнял... Я так соскучилась...

А вместо этого нужно опять изображать госпожу ведьму.

— Твоя забота, не моя. Ты как здесь оказался? Нагулялся уже?

— Нагулялся, госпожа! — весело подтвердил Шут, всем своим видом давая понять, как именно он гулял. — Ах, хорошо было!

Микай крякнул в кулак, а хозяин кузни, по годам годящийся мне в отцы, отвёл взгляд, явно не желая быть свидетелем разборки госпожи ведьмы с её «хахалями».

Но у меня не было настроения играть в эти игры. Джастер вернулся. Вернулся раньше назначенного срока, потому что река изменилась, и он это увидел.

Значит... Значит, всё хорошо.

А остальное неважно.

— Микай, ты закончил?

Парень покосился в сторону кузни и со вздохом кивнул. Уходить ему явно не хотелось, но повода остаться он придумать не мог.

— Госпожа, — неожиданно вернулся Джастер. — У Осташенка работы много, он как раз просил Микая помочь. Дозволите? А Ласточку обратно и я отвести могу!

— Помочь?

Я недоумённо осмотрелась. Двор кузни ломаным железом не завален, Ласточка и Воронок у коновязи стоят, подковы новые на копытах. Жеребец под седлом, а моя лошадь

нет.

— Дозвольте Микаю остаться до вечера, госпожа ведьма, — негромко сказал Осташенок. — Одному мне не сробить.

Парень вскинул седую голову и с надеждой смотрел на меня, пока хозяин кузни шурился и гладил короткую бороду. И в один миг я вдруг поняла, что речь не о горне. Осташенок был другом семьи Микая, и им есть, о чём поговорить.

И кого помянуть.

Одно дело переживать горе в себе, и совсем другое — излить свою боль почти родному человеку.

Да и я смогу в это время побыть с Джастером вдвоём.

Великие боги, да я только ради этого на всё согласна!

— Хорошо, Микай. — кивнула я. — Оставайся, сколько нужно.

— Благодарствую, госпожа! — Кузнец прижал ладонь к груди и коротко кивнул. — К вечеру ворочусь!

— Можешь не торопиться. Джастер с делами справится.

— Я готов, госпожа! — весело отозвался Шут, отвязывая Ласточку и оставив жеребца Микаю. Впрочем, тот возражать не стал.

Ещё раз выслушав благодарности обоих кузнецов, мы с Джастером покинули двор кузницы, и я не удивилась, когда ворота закрылись за нашими спинами.

Вопреки моим ожиданиям, Шут пошёл не в город, а к реке. Берег здесь густо порос травой, в которой натоптали тропинок, вдалеке паслись коровы. Но Джастер обошёл пастбище, направляясь в сторону ивовой рощицы, которая спускалась вниз по склону к самой воде.

Сердце радостно забилося в предвкушении. Неужели он хочет побыть вдвоём?

— Как ты здесь оказался? И куда мы идём?

— Подальше от лишних глаз и ушей, — неожиданно хмуро отозвался Шут. — Ты что здесь устроила, ведьма? И каким ветром тебя в кузницу занесло?

Всю мою радость от встречи как водой смыло. Я так его ждала, так скучала, а он...

На людях улыбался, а без людей как пёс цепной лает! словно я ему чужая девка...

Сам же сказал, чтобы я с водяником разбиралась!

— А ты разве не слышал? — сердито огрызнулась я.

— Я много чего слышал, пока обратно шёл, — спокойно ответил он, стреноживая Ласточку и пуская её пастись. — Теперь хочу послушать тебя.

Он сел на траву в тени деревьев, и мне ничего не оставалось, как сесть рядом.

Пока я рассказывала, Джастер насобирав сухих веточек и запалил небольшой костерок. Так же без слов он протянул руку с раскрытой ладонью. Я полезла в сумку и достала разрубленный подвес.

— Я же сказал сжечь его. — Воин хмуро посмотрел на меня. — Ты забыла?

— Я помню! Но это же золото! Оно же не горит!

— Зато отлично горит, что на него привязано.

С этими словами Шут двумя пальцами подцепил завёрнутый в ленту подклад и бросил его в костёр.

Огонь вспыхнул так, словно ему дали пук сухой соломы. Лента горела с треском и чёрным дымом, от подклада в разные стороны летели искры.

— Вода Датри может очистить многое, но только пламя Шанака уничтожает любое зло вместе с корнями. — Джастер поворошил ветки сырым прутом, следя за тем, чтобы прогорело всё.

— Я не знала... — тихо ответила я, глядя, как успокаивается пламя. — Прости...

— Не за что, ведьма, — хмуро буркнул он. — Датри тебя любит, да и Шанак тоже.

— Разве это плохо?

— Как посмотреть. — Джастер не сводил взгляда с затухающего костерка. — Кому много дано...

— С того много спросится, да?

— Да.

— И... Много мне дано?

— А как ты думаешь, ведьма? Если на твою просьбу сама Датри целую реку освятила, да так, что этой водой теперь можно демонов изгонять.

— К-как де... демонов из... изгонять? Ты шутишь?!

— А ты пробовала? Нет? Тогда попробуй. Я не шучу.

— Джастер!

— Что?

— Я не виновата, что так получилось! Я хотела помочь!

— Если бы не хотела, ничего бы не получилось. И не реви, ты ведьма, а не девчонка сопливая.

— Я не реву, — торопливо шмыгнула носом я и вытерла мокрые глаза рукавом.

Я-то думала, что он меня похвалит за водяника, а он...

— Вот и хорошо. Так что ты в кузне забыла?

Шут веточкой выкатил из прогоревшего костерка закоптившийся медальон и затоптал тлеющие угольки. Пока я рассказывала о неудавшейся прогулке на огороды, воин сорвал пучок травы и чистил бывший подклад от копоти.

— Значит, крапиву и лопух нужно... — Джастер небрежно бросил золотую безделушку в свою торбу и встал, отряхивая одежду. — Ладно, забирай лошадь, и пойдём, поищем. А то уже обед скоро, а я со вчерашнего дня не ел.

Я только вздохнула, понимая причину его плохого настроения. Не ел он...

Мог бы сразу сказать, что голодный, а не ворчать на меня из-за этого.

Крапиву и лопух я нарвала под стенами Шемрока.

Ворота мы миновали под изумлёнными взглядами стражи. Смотрели они не на меня, а на Джастера, который одной рукой держал повод Ласточки, а другой обнимал целую охапку сорняков.

— А ты откель взялся? — не выдержал один из стражников. — Ты ж не выходил!

— Откель взялся, там уж нет, — фыркнул в ответ Джастер. — А вы никак с открытыми глазами спать научились?

Заруба если и затаил на Шуга обиду, то промолчал. Его помощники и вовсе отвернулись, будто никого не видели.

Впрочем, я была уверена, что их косые взгляды Джастера волнуют меньше всего. Да и вообще, мы скоро уйдём из города, можно об этом не думать.

До «Золотого яблока» мы дошли молча, но почти у самых ворот меня снова подстерегала неожиданность.

— Госпожа! Госпожа, постойте!

Я остановилась, недоуменно смотря на бегущего к нам мужчину. В руках он нёс корзину с крупной рыбой. Шут сунул повод Ласточки кому-то из дворовой прислуги и встал рядом со мной, поджидая незваного гостя.

Рыбак добежал ещё несколько шагов и остановился, тяжело дыша, поставив корзину в ноги.

— Что-то случилось, Ариз? — спросила я.

— Вспомнил, госпожа ведьма! — Он отдышался, вытер лоб, выпрямился и посмотрел мне в лицо. — Как есть вспомнил! Всю ноченьку думал, слова братины вспоминал и вспомнил! Чёрен тот человек был и глазом, и волосом. И держался с гонором, хоть и деревенским назвался. Ищцо брат молвил, что ему болотиной пахнуло. Токма энто вряд ли, померещилось ему, поди.

Я кивнула, понимая, кто оставил подклад. Выходит, Вран служил своей хозяйке не просто за страх и золото. Ему нравилось причинять людям зло, нравилось просить ничего не подозревающих людей о помощи, а потом убивать или делать подлости...

— Если тебя утешит, этого мерзавца госпожа Янига на дно Гнилушки недавно спровадила. Атаман разбойничий это был. — Джастер приняхался и с тоской посмотрел в сторону распахнутых ворот. — Пойдёмте, госпожа, обедом дюже вкусно пахнет...

— П-правда, госпожа? — Ариз стиснул кулаки. — Отомстили вы за мово брата, выходит?

Я снова кивнула, подтверждая сказанное Шутом. Рыбак посветлел лицом и подхватил корзину с земли.

— Энто вам, госпожа! За брата мово, что имя его обелили перед людьми! Коли б знал, шо вы и отомстили за него, я б... я б...

Я не успела ничего сказать в ответ, как корзина оказалась в руках Шута. Как он при этом не выронил охапку трав — ума не приложу.

— И тебе спасибо за подарок, добрый человек! — Джастер приветливо улыбался. — Мы с госпожой рыбку любим, а у тебя вся как на подбор, хоть сырую ешь! Из такой и уха навариста будет, и пироги на славу выйдут! Не стыдно герцогу на стол подать!

Я еле сдержала улыбку. И в самом деле — голодный...

Ариз довольно ухмыльнулся и горделиво приосанился.

— Энто ты верно заметил, трубадур! Мы с братом таки места знаем, никто там рыбу не берёт! Я вам завтра ищцо принесу, госпожа!

— Неси, благодарны будем!

Довольный рыбак отправился домой, а Джастер вручил мне лопухи и крапиву и понёс корзину с рыбой на кухню, пообещав госпоже ведьме королевский ужин.

Под любопытными взглядами слуг я перехватила охапку покрепче и отправилась в свою комнату готовить обещанное зелье.

До обеда я возилась с травами и не знала, чем занимается Джастер. Только иногда слышала, как за окном или в коридоре раздаётся весёлый смех прислуги, а то и самого хозяина «Золотого яблока» или его жены. Мне было и завидно, и обидно, что Джастер проводит время с этими людьми, но я понимала, что, когда госпожа ведьма работает, приبلудному шуту в её комнате делать нечего.

Так думали люди, и так вёл себя Джастер.

Потому я, стиснув зубы, старалась закончить работу поскорее, чтобы после обеда побыть с Джастером вместе хотя бы немного и расспросить о его «прогулке». Сейчас, когда история с водяником немного улеглась, я вспомнила про тайные знаки, о которых рассказывал Микай, и свои мысли на эту тему. Мне очень хотелось обсудить это с Шутом, но мои надежды не оправдались.

Ели мы молча. Джастер был сосредоточен и погружён в свои мысли настолько, что я лишний раз боялась ложкой о миску стукнуть. Неужели что-то случилось на его «прогулке»?

Конечно, он играл на публику, но почему не хочет поделиться со мной? Неужели боится, что нас подслушают? Но он даже на берегу только меня пытал, а сам ни словечком не обмолвился...

Когда он собрал посуду и понёс к двери, я не выдержала.

— Джастер, что происходит? Что с тобой?!

Он устало потёр лицо ладонью и оглянулся на меня. Под глазами залегли тени, и я вдруг подумала, что он ещё и не спал всё это время.

— Мне надо подумать, Янига. Вечером поговорим.

— Но...

— Я Огонька заберу и прогуляюсь. К ужину вернусь. Хозяйка отменные пироги обещала.

— Джастер, скажи прямо: что случилось?!

— Ничего, ведьма. Просто хочу верхом проехать, лошадь застоялась.

— Я с тобой. У меня тоже Ласточка застоялась.

— Нет, — холодно отрезал Шут. — Сиди здесь.

Я не выдержала и вскочила на ноги, сжав кулаки. В глазах стояли слёзы, но было уже всё равно. Меня захлёстывало от обиды.

— Да что с тобой случилось?! Почему ты ведешь себя так, словно я тебе чужая девка?! Лаешься и лаешься, как пёс цепной! Я столько всего вчера сделала, весь город благодарен, один ты обругал, как ученицу нерадивую! Всё тебе не так и не этак! Я тебя ждала, так по тебе соскучилась, а ты даже обнять не подошёл, слова доброго не сказал! И сейчас на меня рычишь, словно я тебе враг! Чем я такое заслужила?!

Слёзы застилали мне глаза, и я рыдала, выплёскивая обиду и не обращая внимания ни на что. Даже пестрая рубаха, в которую я вдруг уткнулась лицом, не остановила слёз.

— Прости, Янига, — негромко сказал он, прижимая меня к себе и успокаивающе глядя по спине и волосам. — Ты права. Я не должен был так себя вести. Ты действительно молодец и сделала очень большое дело. Я тобой горжусь. Великолепная работа. Эта карга желчью со злости изойдёт, когда узнает.

Гордится он... Приятно-то как...

— А сразу сказать не мог?! Скотина ты! — Я всхлипнула и попыталась ударить его кулаком в грудь. — Невоспитанная... Грубиян, наглец и...

Шут негромко хмыкнул, прерывая меня.

— Что есть, то есть, — неожиданно согласился он и улыбнулся, глядя на моё недоумение. — Ты правда хочешь покататься верхом?

— Я с тобой хочу, — шмыгнула я носом и обхватила его руками, прижавшись щекой к мокрой рубахе. — Всё равно куда.

Джастер вздохнул, но в этом уже не было веселья. Его настроение снова переменилось, хотя он не перестал гладить меня по спине.

— Хорошо. Собирайся, ведьма. Я буду ждать тебя во дворе.

С этими словами он меня отпустил, взял со стола поднос и вышел из комнаты.

Ласточка звонко цокала подковами по камням, и слышать это было непривычно. Огонёк шла намного тише, и я сдерживала желание постоянно оглядываться через плечо, проверяя, едет ли Шут за мной.

Конечно, он ехал. Джастер всегда выполнял свои обещания — в этом я успела убедиться.

Пока я умывалась и приводила себя в порядок, он успел позаботиться не только о лошадях. Я не знала, чем он задобрил жену Сидро, но дородная хозяйка вынесла с кухни корзинку с припасами и закупоренной бутылкой.

— Вы уже по солнышку шибко не гоните, госпожа! — напутствовала она, пока Шут помогал мне взобраться в седло. — По тенёчку прогуливайтесь!

— Непременно! — Джастер легко взлетел в седло Огонька и принял корзинку с едой. — Благодарствуем, хозяйка! Золотые руки у вас! Тесто только заведено, а уже пирогами пахнет!

— Ежжай уже, трубадур! — довольно рассмеялась женщина. — Состряпаю госпоже пироги к ужину!

— Госпожа Янига! — Сидро тоже вышел проводить нас на прогулку, и я вдруг поняла, что свою супругу к Шуту он совсем не ревновал. — Коли ученик ваш воротится, что передать-то ему?

— Сегодня не воротится, госпожа его погулять отпустила, — весело ответил Джастер. — А коли воротится, пускай госпожу к ужину ждёт.

Сидро перевёл взгляд на меня, и я кивнула, подтверждая слова Шута.

— Всё понял, госпожа, — поклонился хозяин «Золотого яблока», и мы выехали со двора.

Верхом город мы миновали быстро. Люди расступались, заслышав цокот копыт, Ласточка шла неторопливой рысью, и до ворот мы добрались скоро. Я думала, что стражники опять будут на нас коситься, но им было не до того. Перед воротами стояло несколько телег, а их хозяин что-то бурно обсуждал с Зарубой. Оставшиеся стражники беседовали со слугами торговца, и я поняла, что они вовсю делятся новостями.

Все люди были настолько увлечены разговорами, что мы выехали из города незамеченными.

Когда мы миновали торговые телеги, Джастер обогнал меня и пустил Огонька сначала рысью, а потом галопом по дороге прочь от города. Огонёк весело задрала хвост, и из-под копыт полетела пыль. Я пришпорила Ласточку, и мы с ней тоже наслаждались этой скачкой.

Мелькали мимо дома подола, затем пролетели огороды, до которых я так и не дошла, и только под пологом леса Джастер натянул поводья, останавливая Огонька.

— Куда мы? — подъехала я к нему.

— К реке, — он махнул рукой, показывая направление. — По лесу объедем только, чтобы на глаза не попадаться.

Я кивнула, и мы свернули с дороги под кроны деревьев.

От Шемрока мы уехали далеко. Джастер вёл нас вверх по течению Волокушки. Лошади

ши шагом, только иногда переходя на рысь там, где лес уступал место луговинам. Позади осталась ивовая рощица, берег несколько раз вздымался покрытым лесом холмами и снова опускался к воде, когда Шут решил сделать привал. По покатому склону мы спустились почти к самой воде. Берег здесь был песчаный, над головой шумели сосны.

Волокушка перед нами лежала сверкающей серебристой скатертью, чью поверхность не трогали рыбацкие лодки. Над головой плыли белые облака, пахло смолой и свежестью.

— Хорошее место. Давай отдохнём.

Джастер спешился, поставил корзину с едой на землю и помог мне выбраться из седла.

— Мне очень нужно новое платье. — Я привязывала Ласточку к ветке сосны. — Это мне нравится, но в нём многое неудобно делать. Ты обещал подумать, когда мы будем в Шемроке, помнишь?

— Угу. — Шут кивнул, проверил привязь Огонька и с весёлым прищуром посмотрел на меня. — Хочешь искупаться в святой реке, ведьма?

Я не успела ответить, как он перекинул меня через плечо, и под мои оглушительные взвизгивания, мы рухнули в воду прямо в одежде.

Когда я вынырнула, то почему-то не сердилась, а наоборот, смеялась, как девчонка. Ошалевший Игвиль выбрался на берег, тряс головой и подросшими крыльями, окружив себя радугой. Джастер по пояс в воде хохотал и плескался то на меня, то на драксу, и мы с Игвилем не остались в долгу. Крылья не мешали волшебному змею резвиться в речных струях и окатывать нас внезапными волнами и брызгами.

Мы веселились и дурачились, как дети, и никогда прежде я не была так счастлива.

Потом мы выбрались из воды и развешивали мокрую одежду на сосновой поросли. Джастер отнёс Живой меч на соседний пригорок, прислонив к рыжему стволу сосны, и дракса с удовольствием свернулся греться и спать на солнце. А я думала, что многострадальное платье опять всё будет в иголках и наверняка в смоле, но это уже было не важно.

Важным было другое.

Как горячо и неотрывно смотрел на меня Джастер, когда я зашла в воду, чтобы сполоснуть руки.

Как я улыбнулась ему в ответ и как он ко мне подошёл.

Как нас, уже без одежды, приняла река.

И всё, что было между нами потом.

Я ли так стосковалась по Шуту, или вода в реке и впрямь изменилась от благословения Датри, но такого блаженства я не знала никогда.

— Мне кажется, Игвиль на нас смотрит.

В какой-то миг я снова обрела дар речи, чувствуя себя ожившей струей воды в любимых руках. Мне хотелось обвиться вокруг стройного и сильного тела Шута и никогда никуда не отпускать его от себя.

— Он завидует молча, — улыбнулся Джастер мне в губы.

Из воды Шут вынес меня на руках. Солнце начинало красить всё вокруг длинными золотыми лучами, давая понять, что скоро наступит вечер.

Однако Джастер не спешил возвращаться. Мы лежали на расстеленном пологе, который Шут достал из седельной сумки, и опустошали корзину с едой. Овечий сыр, калёные яйца, колбаса, хлеб, свежая, хоть и слегка повядшая на жаре зелень. В бутылке оказалось лёгкое

яблочное вино, приятное и вкусное. Кружек не было, и мы пили прямо из горлышка, по очереди.

А ещё я любовалась обнажённым Шутом. Не так часто мне выпадала такая возможность.

Джастер же ел, довольно улыбался, поглядывал на облака и ничем не походил на мальчишку из зеркала.

Золотые волосы. Золотой загар. Серые смеющиеся глаза. Широкие плечи, узкие бёдра, длинные ноги, точёные мышцы. Никаких шрамов на животе и шее. Даже намёка на них. Только те два, что оставила я.

Странные шутки у этого зеркала.

— Это чудесная прогулка, — я протянула бутылку Джастеру и села, оглядевшись вокруг. — Здесь красиво и так тихо...

Он не ответил, и я обернулась, чтобы встретить глубокий и мягкий взгляд. Взгляд, полный такой неожиданной ласки и нежности, что я утонула в них и потянулась к нему всей собой...

— Тс... — Джастер легко приложил палец к моим губам. — Не шевелись. Ты очень красиво сидишь. Я хочу запомнить.

Вот как он так умудрился... Слова простые, а внутри так горячо и сладко стало, и щёки огнём горят...

— У меня с волос капает...

— Нет, не трогай. В них отражается солнце. Много-много солнечных искорок. И в твоих глазах тоже. Ты сама как солнце, Янига.

Окончательно смутившись, я потянулась убрать упавшую на лицо мокрую прядь, но моя рука натолкнулась на горячие пальцы Джастера, и наши губы снова слились в поцелуе, пахнущем вином, смолой, рекой и солнцем.

— Ты останешься, если Микай не вернулся?

Я обнимала Джастера, в который раз наслаждаясь его теплом и близостью.

Счастье. Вот оно, моё счастье. Шанак, Датри, я хочу, чтобы так было всегда.

Чтобы он всегда был со мной.

Был только моим.

— Кто ж от такого откажется, ведьма, — ухмыльнулся Шут, неожиданной грубостью возвращая меня с небес на землю. — Любой согласится, только позови.

Опять он за своё! Ещё бы Микая мне сватать начал!

Я сердито села, обхватив колени руками.

— Мне не нужен любой. И никакой другой тоже не нужен! Мне нужен ты! Ты сам знаешь. И не начинай про мою судьбу! И что я ведьма, я и сама знаю! Но я — не все!

— У тебя ещё всё впереди, Янига. Твоя жизнь только началась.

Что?

— А у тебя разве нет? Ты же не старик! А говоришь так, словно умирать собрался!

— Зависит от зависит. Я не бессмертный, ведьма.

Шут сел, обхватив колени руками и не глядя на меня. На губах не было и тени улыбки, лицо стало резким и сосредоточенным. Серые глаза смотрели на реку и в то же время — куда-то глубоко. Каждый раз, когда он был словно здесь и не здесь, мне становилось не по себе.

Но сейчас на меня как ведро воды вылили.

Игра.

Смертельный поединок, о котором я забыла, расслабившись после вина и любви.

«Нам с госпожой каждый мирный миг ценен хоть лепёшкой, хоть ночью спокойной, хоть крышей над головой...»

Эх, ты, ведьма...

Размечталась о всяком, а про его врага забыла. Забыла, что есть тот, кто гораздо опаснее Вахалы.

Я сжала браслет на запястье. Последняя бусина вполне может оказаться... чёрной. И намного раньше, чем нить закончится.

Это Джастер думает, что его враг далеко. А если он, как тот страшный тип в белом, засаду устроит?!

От осознания этого по спине пробежал холодок. Перед глазами ярко всплыла лесная поляна и мальчишка с разорванной шеей, всего миг назад улыбавшийся солнцу...

Нет, не мальчишка, а Джастер умирал от руки своего врага, выронив в траву Живой меч.

Нет! Нет-нет-нет-нет! Не хочу! Я так не хочу!

Я сморгнула, прогоняя страшное видение, к горлу подступил ком. Я стиснула кулаки, чтобы сдержать слёзы.

Просила Великих богов, чтобы он всегда с тобой был? Ха...

Глупая ты, Янига, глупая... Просить надо, чтобы он в Игре своей победил и жив остался!

— Джастер...

Воин посмотрел на меня, и вдруг улыбнулся, легко щёлкнув меня по носу.

— Что-то ты не о том думаешь, ведьма. Давай, собирайся, нам пора возвращаться. Мы далеко уехали, а в лесу темнеет быстро. Не хотелось бы лошадям ноги переломать. Да и пироги обещали на ужин. Хорошая в этом «Яблоке» хозяйка, вкусно готовит.

Он встал и пошёл к развешенной на ельнике одежде.

— Джастер... Обещай, что ты вернёшься ко мне живым!

Шут замер, а потом оглянулся на меня.

— Судьбу не обмануть, Янига. Если Микай не вернулся, я останусь. Это я могу обещать. А теперь умойся, а то у тебя глаза на мокром месте, и одевайся. Нам действительно пора.

Мне ничего не оставалось, как сделать то, что он сказал.

Как ни странно, от речной воды в мыслях и на душе неожиданно посветлело.

Судьба не судьба, а Джастер всегда знает, что делает.

Он не собирается проигрывать своему врагу. Он хочет победить.

Значит... Значит, всё не так плохо, как я себе напридумывала.

Всю обратную дорогу Джастер молчал, изредка останавливаясь, чтобы полюбоваться рекой и закатом. Глядя на него, я вдруг подумала, что он живёт совсем не как другие люди. И дело не в его даре, а в том, что он вот так наслаждается каждым мирным мгном, зная и помня, что он на войне и его могут убить.

В самом начале нашего знакомства он был другим.

«Я не вижу смысла жить... Мне скучно жить и бессмысленно умирать...»

Теперь у него есть смысл жизни. Игра. Только вот мне это совсем не нравилось.

Но что я могу с этим сделать? И могу ли вообще?

Никто не смеет вмешиваться в их поединок...

Интересно, Живой меч к этому «никто» относится? Наверное, нет. Игвиль ни за что не оставит своего настоящего хозяина в таком поединке одного.

Шут оглянулся на меня и весело подмигнул.

— Не отставай, ведьма!

Он ударил пятками, и Огонёк сорвалась в галоп.

Когда показались стены Шемрока, Джастер натянул поводья, переходя на шаг, и начал насвистывать какую-то задорную песенку. Я ехала чуть позади. Быстрая скачка мимо вечернего подола, где за заборами и запертыми на ночь воротами семьи собирались к ужину, развеяла моё настроение, и я уже думала о приятном вечере наедине с Шутом.

К городу мы подъехали как раз перед закрытием ворот. Стражники уставились на меня и Шута с ужасом, и я даже расслышала какое-то подобие молитвы Великим богам. Но всё же Заруба, хоть и с дрожью в голосе, спросил, и впрямь ли это госпожа ведьма-защитница, а не нечисть лесная.

— Говорят — я дурак, а выходит-то не так, — тут же посмеялся над ним Джастер. — Где же видано, чтобы нечисть верхом ездил, да ещё из лесу в город шлялась? А если б и шлялась, так бы в том призналась? Вы языки чешите меньше, а то караван мимо пройдёт, а вы не заметите, покуда сплетни собираете, как бабы базарные.

Стражники разом нахмурились, но я поспешила вмешаться. Прогулка вышла чудесная, впереди ждал ужин, к тому же я хотела обсудить с Джастером тайные знаки Микая, и вообще, самое вкусное ожидало после ужина...

А он тут опять стражников дразнит.

— Хватит, Джастер. Нам пора.

Шут немедленно отвесил мне поклон и проехал в ворота, нарочито громко напевая детскую песенку про уличного кота, таскавшего еду у болтливой кухарки.

Как я и надеялась, Микай всё понял верно и к ужину не вернулся. Впрочем, у него был свой повод задержаться в кузнице до утра.

Доверив прислуге и Джастеру Ласточку, я отправилась к себе. Шут появился довольнo скоро, но не один, а с хозяйкой «Золотого яблока», которая несла на подносе пышный пирог. Запах от пирога и в самом деле был чудесным. Джастер на втором подносе нёс миски с дымящейся ухой, закусками и кувшин с вином.

Да это не ужин, а праздник какой-то!

— От, госпожа! — Румяная от печного жара хозяйка поставила передо мной пирог. — Как вам?

Я вдохнула соблазнительный аромат и улыбнулась.

— Очень вкусно пахнет.

— Слюнки уже текут! — облизнулся Джастер. — Золотые руки у вас, хозяйюшка! Чудо, а не пирог вышел! Век бы такие ел!

— Ах ты льстец! — засмеялась женщина. — Знаешь, как угодить! Кушайте на здоровьице, госпожа!

Я кивнула в благодарность, и хозяйка ушла, довольнo улыбаясь.

Едва за ней закрылась дверь, как Джастер вонзил нож в пышущую жаром и ароматным духом золотистую корочку рыбного пирога.

Ужинали мы молча просто потому, что пирог и уха в самом деле удались на славу.

— Давно так вкусно не ел. — Довольный Шут облизнул пальцы и откинулся на спинку стула, пригубив кружку с вином. От ужина остались только рыбы кости, горкой лежащие на подносе.

Я согласно кивнула: в последний раз такие пироги мы ели у Вольты в гостях.

Сытная еда и яблочное вино окончательно развеяли моё беспокойство, зато подогрели любопытство. Говорить о делах не хотелось, а вот выяснить, что же такое я видела в зеркале, — очень.

Может, он меня и поругает, конечно, он же просил зеркало не трогать. Но если я промолчу сейчас — точно рассердится. И будет хуже, чем получилось на болоте с Вахалой.

— Джастер, а ты когда-нибудь слышал слово «брэн»?

Шут замер, но не успела я забеспокоиться, как он недоуменно свёл брови.

— Как-как ты сказала?

— Б-б-брэн... — едва проблеяла я. — П-п-рости...

— За что? — Он удивлённо изогнул бровь. — В первый раз такое слышу. Откуда ты это вообще взяла?

В первый раз слышит? Слава богам! Это было не его прошлое.

— Понимаешь, когда ты ушёл...

Когда я закончила рассказ, Джастер сидел с каменным лицом. За всё время он не произнёс ни слова, и я уже не была уверена, что поступила правильно, решив ему всё рассказать.

— Ясно.

Шут собрал пустую посуду на поднос и пошёл с ним к двери, даже не взглянув в мою сторону. Великие боги...

Он всё-таки на меня рассердился. Опять я всё испортила!

— Джа... стер?

Он взялся за ручку двери, но замер. Стоял, молчал, не оборачиваясь и не шевелясь, только пальцы сжались сильнее.

— Джастер...

— Как ни крути, а от судьбы не уйти, — вдруг негромко и с непонятной горечью сказал он. — Скоро вернусь, ведьма. Доставай зеркало. Научу, так и быть, пока ты опять чего не учудила.

Он вышел, не оглядываясь, а у меня с души рухнул не просто камень, а целая гора.

Джастер меня простил.

Теперь я окончательно уверилась, что увиденное в зеркале просто случайность. И никакого отношения к Шуту не имеет.

Довольная и счастливая, я пошла за шкатулкой, решив больше не вспоминать о несчастном мальчишке и его жутком убийце.

33. Госпожа Янига

Вернувшись из кухни, Джастер в самом деле объяснил, как через зеркало Митамира можно заглянуть в прошлое и даже в будущее. Секрет был в том, в каком порядке нажимать на камни в раме. Недостаток оказался только один: зеркало показывало, что хотело само, а не то, что у него просили.

— Не понимаю, зачем оно тогда? — Я окончательно убедилась в случайности

увиденного.

— Так его не для этого делали, — пожал плечами Шут. — Это побочный эффект магии.

Опять он странными словами говорит...

— Побо... что?

— Побочный эффект. Дополнительное свойство, которое неотделимо от основного. От твоих старых зелий, к примеру, голова утром трещит, хоть помирай. А зеркало улавливает образы прошлого и будущего.

Я хотела было обидеться на такое сравнение, но решила, что не стоит снова рисковать настроением Шута и портить вечер из-за ерунды. Мои зелья сейчас намного лучше, он сам говорил.

— И зачем эти зеркала делали?

— Митамир был известным волшебником. Он придумывал разные вещи и создал первые зеркала, чтобы разговаривать с женой, не отвлекаясь от работы. Это оказалось очень удобно, и он хорошо разбогател на продаже таких зеркал. Просто во время войны их почти все разбили, а эта пара уцелела. Удивительно... Хотел бы я знать, где эта карга их нашла.

— Пара?

— Именно. Зеркала всегда создавались парными. Точнее, это одно зеркало, которое магическим образом как бы растянута в пространстве и заключено в две рамы. Из-за этого растяжения оно и может улавливать отражения прошлого и будущего. Это как блики на воде. Чем больше расстояние, тем больше случайных образов. Когда одним зеркалом кто-то пользуется, то вторая часть пары тоже начинает работать. Помнишь, как оно светилось на болоте? Поэтому я просил его не трогать. Ни к чему этой карге раньше времени знать, что оно у нас.

— Я поняла... Подожди, ты же сам смотрел, что Микай на болоте делал?! А теперь говоришь, что...

Шут снисходительно покосился на меня, и я сердито замолчала. Ну конечно, опять какая-то его хитрость...

— Что?

— Она с зеркалом ночью всё, что хотела, сделала. Зачем ей в него в обед пялиться, сама подумай.

Я сердито подобрала ноги и обняла колени руками. Опять я глупость сказала, выходит... А он тоже хорош! Мог бы и сразу объяснить, а не просто: «не трогай, ведьма». И так ведь и не рассказал, как с Вахалой вместо Врана поговорил.

Одни сплошные тайны у него. И спрашивать бесполезно.

— Джастер... Думаешь, она могла в него смотреть, когда я...

— Кто знает, где у неё это зеркало спрятано, — хмуро буркнул он в ответ. — Может, и не смотрела. А если вдруг смотрела... Ей это ничем не поможет. Всё, прячь его.

Я кивнула, убирая волшебную вещь в шкатулку. Вот бы забрать у Вахалы второе зеркало и отдать его Джастеру! Тогда я всегда смогу его видеть, даже если он опять уйдёт на свою прогулку...

— Как твоя прогулка? Ты так ничего и не рассказал.

— Нечего рассказывать, — он неопределённо повёл плечами. — Я и уйти-то далеко не успел, когда ты всю реку вверх дном подняла.

— Прости...

— Хватит извиняться, Янига. Что сделано, то сделано. Тем более, это вмешательство

Датри. Так что иди сюда. Ночь коротка, а Микай утром вернётся. Или ты меня звала всю ночь языками чесать?

Конечно, я не стала спорить и с удовольствием забралась под одеяло.

Джастер ушёл от меня ещё до рассвета. Тихо и незаметно, как всегда. Я проснулась оттого, что стало холоднее, и услышала негромкий стук закрывшейся двери. В едва заметном утреннем свете закуталась в одеяло почти с головой, ловя от постели аромат клевера.

Ну и что, что Шут ушёл в их с Микаем комнату? Главное, Джастер здесь. Значит, всё будет хорошо.

С этими мыслями я снова уснула.

Завтрак у меня получился поздний.

Обрадовавшись, что Джастер вернулся и можно больше ни о чём не волноваться, я спала почти до обеда. Конечно, никто меня будить не стал.

Шут наверняка отсыпался сам, а вернувшийся Микай не решился тревожить ни меня, ни его.

Умывшись, одевшись и причесавшись, я посмотрела на солнце, высоко стоявшее в небе, и отправилась разыскивать своих «слуг».

Вообще, госпоже ведьме полагалось послать за ними кого-нибудь из прислуги, но мне хотелось как можно скорее самой увидеть Шута.

Дверь в комнату мужчин оказалась едва приоткрыта. Через узкую щель я услышала негромкий перебор струн и тихий разговор. Подойдя к двери на цыпочках, я замерла, прислушиваясь к беседе.

— Са-ба-та...

— Со-ба-ка.

— Со-ба-ка бе-жат...

— Бежит или лежит?

— А-а, демоново отродье! Опять испортил! Котору царапалку уже сломал! Не моё это, понимаешь?! Ты на руки мои глянь! Ну не могу я словеса пером калякать!

— Руки как руки, все пальцы на месте, голова тоже. Буквы писать не сложнее, чем молотом махать. Дело привычки. А перо можешь себе из железа сковать, не сломается тогда. Чем ты недоволен?

— Мож, скажешь госпоже нашей, а? Я по горну стосковалси, по молоту своему... Мож, опустит она меня в кузню обратно, а? Я ей тады таких царапалок накую сколь душе угодно!

— А что сам не скажешь?

— Боязно мне. Прогневается ищцо... Я же ж обещал ей, что учиться буду..

— Вот сиди и учись тогда, раз обещал. Госпожа и простым пером управится. Думаешь, тебе одному трудно? — хмыкнул в ответ Шут. — Мне вот песню сложить надо, а это посложнее, чем тебе. Тут и слова, и музыку подбирать в тишине нужно. А ты, как баба ворчливая, с утра над душой брюзжишь.

— Песню сложить? А ты и впрямь трубадуришь, штоль?

— А ты думал, я пёс брехливый?

— Да демоны тебя знают, — проворчал кузнец. — Я таких «псов» отродясь не видал.

— Вот и помалкивай тогда. А ещё лучше: делай, что госпожа велела.

Струны снова тихонько зазвенели, в ответ раздался тяжёлый вздох, а я на цыпочках отошла от двери и отправилась обратно к себе.

Попрошу кого из прислуги их позвать. Джастер наверняка знал, что я подслушивала, а вот Микаю так будет спокойнее.

И вообще, не подобает госпоже ведьме себя так вести.

Перо из железа сковать... Надо же такое придумать...

Позднего завтрака, ставшего обедом, долго ждать не пришлось.

Джастер и Микай принесли подносы с полными мисками. В кувшине была чистая вода. Хотя мне очень понравилось вино, которое мы пили вчера, я не стала просить его принести.

И дело было даже не в том, что негоже госпоже ведьме напиваться, едва проснувшись.

Просто после вчерашней прогулки это тоже стало... только наше.

Моё и Джастера.

Я думала, что обед пройдёт в привычном молчании, но к моему удивлению, Микай прокашлялся и обратился ко мне.

— Можя, я скажу кой-чего, госпожа?

— Говори, — я кивнула, подумав, что он всё-таки решился попроситься обратно в кузню,

— Я тут покуме... подумал, госпожа... Ежели вы... ну не вы сама, а госпожа Вахала могёт всяческое вредное на вещи колдовать, то, может, и вы колдовство тако можете, токмо пользительное сделать?

— Пользительное? Ты имеешь в виду полезное? И какое же?

Я с неподдельным интересом смотрела на кузнеца. Микай сумел меня удивить не хуже Джастера.

— А хучь от недоброго чего. Вы ж наверняка тако знаете. Ежели энто не сложно сробить, тако и продавать тады можно, аки зелья ваши.

Защитные знаки для... людей? На продажу? Хм...

Я задумчиво тронула бусины оберега через платье. А в этом что-то есть... Ведьма-защитница, которая продаёт магические подвески для защиты от злых сил... Микай хоть и простых кровей, а в торговых делах смекает. Подковы не сносить с батушкиными знаками...

— Дело говоришь! — Шут одобрительно похлопал парня по плечу. — Как считаете, госпожа?

— Я подумаю, — уклончиво ответила я.

Такую тему надо обсуждать с Джастером наедине. Он же умеет делать обереги и, раз поддержал Микая, значит, научит меня такому.

— Кады мы в дорогу тронемся, госпожа? — поинтересовался кузнец, заметно обрадованный поддержкой своей идеи.

— Завтра, — откликнулся Джастер. — Так что после обеда собираться будем.

— Как — завтра? — дрогнул у кузнеца голос. — Мы ж ищцо лошадь не купили...

— А не нужна лошадь.

Джастер спокойно облизал ложку, положил рядом с пустой миской, встал из-за стола и подошёл к сундуку, в котором хранилась наша добыча.

— Лишняя морока.

Шут открыл сундук и бросил узлы из него на кровать.

— Как так — не нужна? — Микай развернулся к нему так, что стул жалобно скрипнул. — Али ты опять на Воронка всё навьючить хошь? Ты ж сам молвил, что нам поспешать надобно...

— Вот ты с ним и поспешишь, и добро с собой повезёшь, — спокойно ответил Джастер. — По реке. А мы с госпожой по бережку поедем.

Я ничего не понимала, но молчала, ожидая, когда Шут сам всё расскажет. А вот Микай нахмурился и сжал кулаки, грозно поднимаясь со стула.

— Эвон как ты от меня избавится хошь... Госпожа меня не гонит, а ты собралси! Молви ужо прямо, чем я те не угодил да поперёк горла встал!

Джастер подбоченился, насмешливо глядя на кузнеца.

— Вот чудак ты, человек, не дослушал, а уже шумишь, как масло на угольях.

— Чой-то я шумлю... — насупился Микай. — И не шумлю я вовсе...

— Вот и не шуми, а дослушай. — Джастер спокойно сложил руки на груди. — Богатства у госпожи много?

— Много, — буркнул кузнец.

— Разбойникам такая добыча желанна?

Микай хмурился, не понимая, к чему клонит Шут. Да и я тоже не понимала, чего он добивается.

— Желанна. А ты что, госпожу бросить решил, почто таки речи молвишь?

— А где путь с таким добром безопаснее: по лесам да дорогам или по воде? — ответил вопросом на вопрос Джастер, и я начала понимать, к чему он клонит.

— По реке, молвишь... — Кузнец задумчиво тёр подбородок, поросший чёрной щетиной. — Энто ты дельно придумал... По воде, знамо, скорее да спокойнее, особливо теперича, кады госпожа реку заколдовала...

— Вот! — Джастер поднял вверх палец, — Можешь соображать, когда захочешь!

— И куды мы по реке двинемся? — Кузнец снова сел на стул, пропустив подковырку Шута мимо ушей.

Кажется, он тоже начал привыкать к такой манере разговора.

— Ты двинешься, — снова удивил нас Джастер. — Воронка возьмёшь, сундук с вещами и в Кронтуш поплывёшь.

— В Кронтуш? — не выдержала я. — Почему в Кронтуш?

— Дык осень ж скоро, госпожа, — Джастер невинно развёл руками, подражая речи Микая. — А там и зима не за горами. Надо о доме подумать, подготовить всё заранее. Покуда мы с вами по дорогам ходим, Микай как раз и сделает всё, как надо. Он парень хозяйственный, ему и добро, и такое дело доверить можно. Помните, как вас в Кронтуш звали на зиму? А теперь, когда госпожи Лиры нет, выходит, и вовсе это ваш город. Вот и пусть Микай вам там дом достойный подыщет да подготовит всё. И кузни там есть, не заскучает, пока вас ждёт. А мы с вами налегке по бережку прокатимся, чтобы добрые люди вас в лицо узнали...

Я молчала, поражаясь этому неожиданному объяснению. Отправить Микая самым безопасным путём с грузом золота, драгоценностей и дорогих тканей в Кронтуш, чтобы он там нашёл мне дом на зиму, пока мы с Джастером будем ехать по городам и деревням, чтобы госпожа ведьма успела как можно больше заявить о себе...

И как можно больше побыть с ним наедине.

Я вспомнила нашу прогулку и поняла, что безоговорочно поддерживаю эту идею.

Микай же с каждым словом Шута всё больше светлел лицом, а уж когда услышал, какое важное дело ему доверяют, и вовсе довольно заухмылялся.

— Во что добро-то складывать? — Он уже был готов собираться.

— Мягкое в тюки скатаем, а вот для остального сундук нужен добрый... — Джастер задумчиво посмотрел на сундук, стоявший в ногах кровати, и попинал его ногой. — Небольшой, чтобы в дороге удобно было, и крепкий, с замком хитрым, чтобы с одного разу не сломать, как на болотине твоей...

— Осташенок могёт! — Микай даже вскочил от возбуждения. — Госпожа, разрешите, мы с ним такой сундук сладим — сносу не будет! А уж запор приделаю — даже ты не сломаешь! — он обернулся к Шуту.

— Хорошо, — согласилась я, в очередной раз удивляясь, как легко и просто Джастер всё решил.

Даже уговаривать никого не пришлось: мы с Микаем с его предложением согласны и хоть сейчас в дорогу готовы...

— До завтра управишься? — Шут спокойно смотрел на кузнеца, у которого даже пальцы подрагивали от возбуждения. — Я слышал, что торговый корабль в Кронтуш завтра отходит.

— До завтра сложновато, — Микай зачесал в затылке. — Ежели у Осташенка всё нужное исть, то управимся, коли всю ночь робить... Тады я к нему поспешу, госпожа?

— Постой, не спеш. — Шут остановил смущённого кузнеца. — Это не последний корабль в городе. Через день-два ещё кто из торгового люда соберётся. А мы пока сил наберёмся перед дорогой.

— И то верно, — Микай снова сел. — Слышал я, что и по реке путь не близкий...

— Главное, ты там на слово людям не верь. — Джастер развязал узлы и стал перебирать наше добро, раскладывая по кучкам. — Торговцы — народ ушлый, а где деньги, там и ворьё промышляет. В Кронтуше и вовсе в оба смотри, о деньгах не болтай, да и кошелём зазря не звени. А то быстро и без денег, и без Воронка останешься. Это тебе не твоя деревня и даже не здесь, это город большой...

Микай хмуро слушал наставления, а я вспомнила, какое впечатление произвёл Кронтуш на меня, тогда ещё деревенскую девчонку. Но со мной был Шут, который помогал мне во всём. А Микай один, и ему, с его деревенской простотой, будет нелегко.

Но, оказывается, кузнеца волновало другое.

— Энто ты всё верно молвишь, — он нервно сцепил пальцы. — А с учёбой моей как быть-то? Нешто до осени ждать, покуда вы с госпожой воротаетесь?

— Зачем ждать? — спокойно ответил Шут. — Ты как с пристани сойдёшь, спроси дорогу в переулочек Кривой Ивы.

— Кривой Ивы?

— Да, запомни. Там найдёшь дом, где у забора эта самая ива растёт, и спросишь господина Эрдорика. Скажешь, что от госпожи Яниги, он тебе поможет устроиться. И заодно попросишь его тебя грамоте научить. К нашему приезду уже читать начнёшь.

— Кривая ива, господин Эрдорик, — несколько раз повторил Микай, запоминая. — Понял. Ишшо что молвишь?

— Как устроишься, найди торговца, господина Саризулу. Он очень богатый и известный человек, и тебя к нему так просто не пустят. Поэтому найди сначала его «пса», Визурию, он человек в Кронтуше известный. С другими «псами» не говори, только с этим. Тип мрачный и

не болтливый, но ему верить можно. Вот ему и скажешь, что от госпожи Яниги пришёл с просьбой. Он тебя к своему хозяину отведёт.

— А ежели не поверит он мне, что я от госпожи Яниги?

— Тогда скажи, что я вернусь и прилюдно зад ему надеру, второй раз жалеть не буду.

Так и передай.

Я не выдержала и хихикнула в кулак, вспомнив встречу двух «псов» на ристалище.

— Прямо так и молвить? — Микай покосился на меня и перевёл недоверчивый взгляд на Джастера. — Не шуткуешь?

— Так и молви, он поймёт. — Джастер даже бровью не повёл на моё хихиканье. — Саризуле скажешь, что госпожа просила тебя купить ей дом, и попросишь помочь в этом. Денег... денег, сейчас посмотрим, что на это дело отдать можно....

Он взял шкатулку с украшениями, открыл и высыпал драгоценности на кровать.

— Хм. Это дорого, это не то, это тоже не то... Этого мало... Это вообще фальшивка... Это... Ого, смотрите, госпожа, что нашёл!

Шут вытянул из сверкающей кучи тонкую серебряную цепочку, на которой красовалось серебряное сердечко, украшенное синим камнем.

— Не может быть! — Я встала и поспешила к нему. — Это же...

— Да, это она. — Джастер перевернул медальон, и я увидела надпись: «Малеска и Абрациус».

— Великие боги... — Я вернулась за стол, держа символ трагической любви в руках. — Джастер... мы должны его вернуть!

— Разумеется, — кивнул он. — Вот Микай и отвезёт.

— Чой-то? — кузнец осторожно взял на ладонь украшение. Подвеска на его ладони выглядела крохотной, как ноготок ребёнка.

— Потом расскажу, — Джастер снова перебирал драгоценности. — О, вот это возьмишь, его точно хватит.

В воздухе сверкнуло, и кузнец едва успел поймать массивное золотое ожерелье с красными камнями. Серебряная цепочка соскользнула с его ладони и упала на пол.

— Ох ты ж, простите, госпожа! — Микай положил ожерелье на стол и кинулся поднимать упавшее. — Эвон, мелкота кака...

— Береги её, — Джастер хмуро смотрел на кузнеца. — Она дороже этой побрякушки будет.

— Колдовска, что ль? — охнул парень.

— Нет, простая. Невеста её носила, жениху вернёшь. Он с Эрдориком дружен, его имя там написано.

— Понял, — кузнец помрачнел и бережно сжал подвеску в кулаке. — Ворочу, не сумлевайся.

Шут в ответ только кивнул и продолжил наставления.

— Дом ищи большой, с садом и грядками, чтобы было где госпоже хозяйство вести. Этого тебе с лихвой хватит и останется. Можешь сам там жить, кухарку или служанку найми, чтобы за домом присматривала, пока госпожа не приедет. Да в оба гляди, чтобы порядочная была, а не подолом у тебя под носом махала.

— Да что ж я — дитя малое?! — возмутился Микай. — Добру девку от худой не отличу?!

— Это здесь ты герой, а там будешь как малой, — отрезал Шут. — Другие люди там не

как здесь. И про силу свою не болтай до времени. Говори, что госпожа тебя в помощь взяла, дела управлять, покуда сама в дороге.

Кузнец кивал, ничуть не сомневаясь, что так и должна жить госпожа ведьма.

А я всё больше поражалась задумке Шута.

И ведь как он про Эрдорика вспомнил и про Саризулу... Не откажут ведь в помощи ни тот, ни другой. Конечно, Саризула поартачится, но это ожерелье увидит и согласится. Наверняка часть денег себе возьмёт, но ведь Джастер на это и рассчитывал, когда подходящее искал...

Но неужели он из меня настоящую богатую госпожу сделать решил? И наряды, и дом в Кронтуше, и служанка...

«Прикупите себе землицы у герцога, замок свой постройте, слуг наймите, как госпоже положено... Микая колдовству дальше учить будете... А люди сами к вам пускай на поклон идут! Вы ж госпожа, а не бродяжка какая...»

Так он что, не шутил?

Да ни одна ведьма никогда так не жила!

Впрочем, Джастера это, как обычно, не смущало.

Остаток дня прошёл в хлопотах и заботах. Точнее, я сидела в своей комнате, а Джастер и Микай занимались делами.

Сначала Микай сидел и старательно выводил буквы на дощечке, показывая, чему он научился. За это время Шут разослал с поручениями дворовых мальчишек, и скоро мы знали, что новый корабль в Кронтуш отплывает через день. Микай тут же сгрёб дощечку в ладонь и испросил у меня позволения поспешить к Остапенку, дабы успеть начать работу сегодня.

Конечно, я его отпустила, надеясь, что проведу время до ужина с Шутом. Но мои ожидания не оправдались.

Всё, что я успела, показать ему знаки, которые нарисовал кузнец.

— Джастер, смотри!

Я торопливо разворачивала пергамент.

— Вот видишь эти знаки? Их Микай написал! Сказал, что его отец этому научил!

— Хм... «крепость» и «мощь»? Неплохой тебе ученик достался, как я погляжу...

— Неплохой?! Ты шутишь? Он сказал, что выучится и ножны для Игвиля сделает! Это поэтому ты его спас? Такого кузнеца ты искал?

Шут с усмешкой посмотрел на меня и фыркнул.

— Поживём — увидим, ведьма. А сейчас мне пора.

— Ты куда?

— С капитаном договариваться, чтобы Микая с конём и грузом на борт взял. Или ты сама хочешь пойти его искать?

Я только вздохнула, понимая, что Джастер явно не этого от меня ждёт.

— Иди уж, — я села на стул, сворачивая пергамент и не глядя на Шута. — Раз собрался...

— Не переживай, Янига, — подошёл он ко мне и провёл рукой по волосам. — Всему своё время.

— Угу, — буркнула я в ответ, смиряясь с ожиданием.

— К ужину вернусь, — улыбнулся он и вышел из комнаты.

Я только вздохнула, закрывая глаза.

К ужину... Сегодня ужин и завтра, а потом Микай уплывёт, а мы с Джастером останемся вдвоём.

Всего-то день и две ночи потерпеть...

К ужину вернулся не только Джастер, но и Микай.

— Завтра всё готово будет, госпожа! — довольно отчитывался кузнец. — Мы с Остапенком усё нашли, что надобно, завтра к вечеру сробим!

— С капитаном я договорился, он отплывает утром, просил не задерживаться, — поделился своими новостями Шут.

Я только кивала, потому что мне рассказывать было нечего. Во дворе раздался какой-то шум, но быстро стих, и я не стала обращать на это внимания. Торговля снова началась, может, кто приехал...

Но не успели мы даже ополовинить миски с едой, когда новый шум уже в коридоре привлёк моё внимание.

— Где она?!

Громкий уверенный голос, обладательница которого не привыкла к отказам, заставил меня поперхнуться и закашляться от неожиданности.

— Которая дверь? Показывай живо, пока я всю твою лавочку не прокляла!

Нет. Не может быть?! Как она здесь оказалась?!

— Госпожа?

Микай встревоженно смотрел на меня, а Джастер тихо присвистнул, не сводя взгляда с двери.

— У нас гостя, — пояснила я, но больше сказать ничего не успела.

В дверь робко постучали, и почти сразу же она распахнулась, явив испуганного Синто и высокую женщину в дорожном плаще, чёрном платье и с копной чёрных кудрей. Подведённые цветной краской глаза цвета лесного ореха, полные вишнёвые губы, ухоженная белая кожа — за те месяцы, что мы не виделись, Холисса ничуть не изменилась.

Только теперь я видела ещё и её дар, который высоким тёмным костром вился вокруг фигуры своей хозяйки.

— Вот ты где! Прекрасно. — Она небрежно оттолкнула хозяина «Золотого яблока» в сторону и решительно пошла к столу, развязывая плащ и отдавая распоряжения на ходу: — Так, ты мне сейчас всё расскажешь, вы двое пошли вон, а ты, милейший, убрал со стола и принёс мне ужин! Живо!

Пока Микай испуганно и недоуменно приподнимался со стула, переводя взгляд с меня на Холиссу и обратно, Джастер успел подхватить брошенный плащ и что-то шепнул бледному Синто, закрыв за ним дверь.

— Прошу, госпожа. — Шут с поклоном указал на освободившийся стул.

— Ишь ты, воспитанный пустомеля, что ли? — Холисса покосилась на Джастера и перевела взгляд на стоявшего столбом кузнеца. — А ты кто такой? На лицо ещё молодой, а голова седа ...

В следующий миг она подалась вперёд, с прищуром изучая замершего Микая, и её брови изумлённо взлетели вверх, а глаза распахнулись.

— Мужчина с тёмным даром?! Это не выдумки?! Забытые боги, как такое возможно?!

Кузнец испуганно прижал растопыренную пятерню к широкой груди, словно пытался

спрятать тёмный огонь от яростных глаз опытной ведьмы, но Холисса уже обратила внимание на меня.

— Так, деточка, а ну-ка немедленно рассказывай, что всё это значит! — Она села на стул и закинула ногу на ногу, требовательно глядя на меня. — Я не видела тебя всего несколько лун, а слухи о тебе уже разошлись на полкоролевства! Забытые боги, на кого ты стала похожа?! Загар, веснушки... Ты столько лет старалась их вывести, чтобы сейчас выглядеть как деревенская девчонка? Такое красивое платье и... Это что, настоящий меч?! О-о, боги! Янига, ты сошла с ума?! Хочешь опозорить призвание ведьмы на всю Эрикию? Я что, плохо тебя учила?

Микай втянул голову в плечи и постарался стать как можно незаметнее. Джастер стоял у двери и смотрел в пол, но почему-то мне казалось, что его забавляет моя встреча с бывшей наставницей.

Только мне смешно не было. С каждым услышанным словом внутри закипал гнев. Ещё несколько седмиц назад я бы полностью согласилась с этими упрёками. Только сейчас...

Да как она смеет так обо мне говорить?!

«Привыкла быть в тени своей наставницы...»

Нет, Джастер. Уже нет.

Я давно уже не девочка, не ученица и, тем более, не деточка и не сумасшедшая!

Я — госпожа ведьма Янига!

Ведьма-защитница.

И всяких ужасов я за полторы луны повидала больше, чем Холисса за свою жизнь.

Никто не смеет так со мной обращаться! Никто!

Я встала так решительно, что стул едва не упал. Холисса удивлённо вскинула брови, но я не дала ей раскрыть рот.

— Во-первых, я давно уже не деточка и не твоя ученица, чтобы ты со мной так обращалась! — Я грозно сложила руки на груди, смотря на неё сверху вниз. — Во-вторых, для начала могла бы поздороваться, а не врываться в мою комнату, как к себе домой! Это мой город и мой надел, ты здесь гостя и будь добра вести себя как положено!

Холисса нахмурилась, стараясь осадить меня взглядом, но я не собиралась ей уступать. Мы смотрели друг другу в глаза, и мне казалось, что ещё чуть-чуть — и воздух между нами затрещит...

— Ужин для госпожи! — неожиданно возвестил Джастер, возникнув прямо между нами с подносом, на котором были миски с дымящимся рагу и свежими пирогами, кружки и большой кувшин с вином.

— Да как ты... — Холисса опешила от такой наглости, и я по опыту знала, что проклятия наглецу, посмевавшему вмешаться в разговор двух ведьм, не избежать.

Однако Джастер безмятежно поставил поднос на стол и стал наливать вино, ничуть не смущаясь своим положением.

— Госпожа Янига, зачем же вы со второй госпожой ссоритесь? — укоризненно сказал он. — Вы же так хорошо о вашей наставнице всегда говорили, что зелья у неё самые лучшие, что она госпожа сильная и умная. Помните, вы говорили, что она вам как матушка почти?

Совершенно неожиданно для себя я смутилась. И в самом деле, зачем мне с Холиссой ссориться? Она же всегда такая была, прямая и жёсткая, что думает, то и говорит...

— Вы же сами её найти хотели, посоветоваться по делам вашим колдовским... А госпожа сама вас нашла. Видите, как удачно всё складывается? Давайте вы присядете,

покушаете с госпожой и вина выпьете? Госпожа-то с дороги уставшая да проголодавшись. Да и вы тоже не ужинали ещё. Какие ж разговоры-то на такое? Отдохнуть сначала надобно да покушать хорошо, а потом и разговоры говорить можно. Пирог хозяйка тугошняя отменные стряпает! А вино здесь очень хорошее, госпожа, — с улыбкой повернулся он к Холиссе. — Зовётся «золотое яблоко». Вот, попробуйте, вам понравится.

Холисса прочистила горло и взяла поданную ей кружку, сделав вид, что ничего не случилось. Вторую Джастер подал мне и отступил, оставляя нас снова вдвоём. Но я уже успела прийти в себя и села на стул, который Шут мне подвинул.

— Гм, — Холисса пригубила вино и посмотрела на меня. — Кажется, в самом деле я слегка погорячилась. Рада тебя видеть, Янига.

— Я тоже рада тебя видеть.

Я отпила вино. То самое, яблочное. «Золотое яблоко», вот как...

Микай снова сел и робко пригубил поставленную перед ним кружку с вином. Свою миску и кружку Джастер забрал и уселся с ними прямо на пол возле стены, как раз между мной и Холиссой.

Холисса отставила ополовиненную кружку и пододвинула к себе тарелку с рагу.

— Так что здесь происходит, дорогая? Что это за странные слухи о могучей ведьме Яниге, её удивительных зельях, сражениях с демонами и прочей ерунде, которой я успела наслушаться за последнюю луну? Где ты нашла этих двоих и почему у седого тёмный дар?

— Это Микай, госпожа, — снова без спроса влез Шут. — Ученик госпожи Яниги.

— Вот тебя, балабола приبلудного, опять не спросили! — цыкнула на него Холисса. — Тебе уже повезло один раз, а ты во второй напрашиваешься?

— Так я же помочь хотел, госпожа, — жалобно захлопал глазами Джастер. — Вы бы с госпожой Янигой и Микаем кушали, а я бы вам про приключения госпожи поведал. Мне это дело привычное.

— Не сомневаюсь, — довольно усмехнулась Холисса. — Вашему брату только волю дай, до утра будете пить и языки чесать. А у тебя язык, я вижу, хорошо подвешен. Так и быть, рассказывай, да не ври! Ты не против, Янига?

Я покачала головой, понимая, что Джастер своим рискованным вмешательством спас нас обеих от ненужной ссоры. Сейчас он тоже выручил меня, избавив от необходимости думать, о чём и как рассказать Холиссе.

— Тогда я лютню принесу! — обрадовался Шут. — Под музыку-то оно сподручней сказывать!

Пока Джастер ходил за лютней, я решила сама начать разговор.

— Как ты здесь оказалась?

Холисса допила вино и потянулась к кувшину, чтобы налить ещё.

— Я же говорила, что до меня дошли странные слухи о тебе. Я думала застать тебя в Кронтуше, но, когда добралась туда, оказалось, что ты ушла оттуда давным-давно и где ты — никто не знает, зато сказок о твоих чудодейственных зельях и твоём диком «псе» я наслушалась досыта. Он в самом деле устроил поединок с лучшим мечником Кронтуша?

Я только кивнула, чем вызвала у Холиссы ещё больший интерес.

— Кстати, где он? Я бы хотела взглянуть на этого «пса». Болтали, что он молодой и вполне себе... Разве это не его оружие?

— Это мой меч. А где он — понятия не имею. — Я постаралась как можно равнодушнее

пожать плечами. — Я не видела его после Кронтуша.

Микай, не ожидавший от меня такого откровенного вранья, закашлялся и несколько раз ударил себя по груди. Холисса покосилась на него, и кузнец тут же испуганно вжал голову в плечи.

— Извиняйте, госпожа, не нарочно я...

Ко мне он привыкнуть успел, а вот Холисса его заметно пугала.

— Ты из деревни?

— Агась, госпожа, — поспешно кивнул кузнец. — Тута, недалече она была, покуда...

— Нет, не рассказывай, — Холисса жестом остановила его. — Ты ученик ведьмы, а ученики должны уметь помалкивать и держать рот на замке. С твоим «агась» — так особенно. Как ты заклятия учить собираешься?

Микай не ответил, виновато опустив голову ещё ниже. Я вспомнила, как он переживал за своё обучение, и мне стало его искренне жаль.

— Я учу Микая грамоте, — вступилась я за опустившего голову парня. — Он в учениках всего три дня и очень старается. Я верю, что у него всё получится.

От благодарного взгляда кузнеца неожиданно стало приятно. Впрочем, я не собиралась обсуждать с Холиссой его обучение. Меня интересовало другое.

— Так как ты здесь оказалась?

— Кронтуш ведь в наделе Лиры, поэтому я решила её найти и выяснить, что происходит. — Холисса тоже не стала продолжать спор. — Последние годы она жила где-то неподалёку отсюда. Я не ожидала встретить здесь тебя. Что с Лирой?

— Госпожу Лиру разбойники порешили, госпожа. — Джастер, вернувшийся с лютней за спиной, поставил на стол новый кувшин и услужливо налил Холиссе вино. — А госпожа Янига этих разбойников своей силой покарала и Микая от них спасла. Да я вам сейчас всё как есть расскажу!

Рассказ получился довольно долгим. Время от времени Холисса недоверчиво хмыкала, а вот Микай слушал, открыв рот. Джастер и в самом деле рассказывал о наших приключениях, но очень о многом умолчал. Всё волшебство в его рассказе творила исключительно я, справляясь с демонами и разбойниками силой магии и оружия. О волшебном мече и зеркале Митамира Шут даже не заикнулся.

Микай же последовал совету опытной ведьмы и помалкивал, лишь изредка бросая взгляды то на меня, то на Джастера, восхвалявшего мои подвиги. Он тоже понял, что Шут рассказывает далеко не всю правду.

— Хорошо, про седого мне всё понятно. — Холисса закинула ногу на ногу и покачивала концом туфельки. — Он таким родился, придётся его учить. А ты-то когда к моей девочке репьем пристал?

— Так с Пеггивилля, госпожа, — без заминки ответил Джастер. — Там же праздник был, я погулять хотел. А у них потом такая жуть началась, самого чуть не сожрали! Если бы не госпожа, даже не ведаю, что бы от деревни осталось... А вы, госпожа, про ведьму эту, Вахалу, может, знаете что?

— Нет, — покачала Холисса головой. — Это очень далеко от моего надела, но там точно не Вахала была. У меня в соседках Лира и Ронмари. Может, Лира что-то про эту Вахалу слышала, но у неё уже не спросить...

Скрывая разочарование, я покосилась на Шута. Джастер задумчиво перебирал струны, наигрывая тихую мелодию.

Холисса недовольно хмурилась, постукивая пальцами по столу.

— Знаешь, дорогая, эта твоя война многое объясняет... — Она снова пригубила вино. — Признаться, я очень сильно удивлялась, почему тебя ищут по всем дорогам, но теперь понимаю, что дело не чисто.

— Госпожу Янигу ищут по дорогам? О чём вы, госпожа? — вскинул голову Джастер.

— А ты разве не знаешь? Ты же не так давно к ней пристал, как репей к платью. Зачем только, хотелось бы мне знать...

— За песнями, конечно, — мило улыбнулся Шут. — Госпожа подвиги совершает, а я песни о том пою.

— Тьфу, балабол...

— Неужели вам мои песни не по нраву пришлись, госпожа? Так вы скажите, какие любите, я спою! Я много песен знаю!

— Вот-вот, — хмыкнула Холисса. — У вашего брата только одно на уме: языком почесать, брюхо за чужой счёт набить да под юбку залезть. Ни на что больше не способны.

— Холисса, хватит. — Мне не хотелось это слушать. — Не обижай Джастера.

— Я не обиделся, госпожа, — невинно улыбался Шут. — Госпожа умная очень, знает, что говорит.

— Вот именно! — согласилась Холисса. — Так что помолчи и не перебивай меня, пока я тебе язык не подкоротила. Бери пример с седого: не лезет в разговор и правильно делает. Так, о чём это я... А, про то, что тебя ищут.

Она с прищуром смотрела на меня.

— Ты сама знаешь, этим летом на дорогах даже ведьме стало небезопасно. Уж не знаю, чем тебе твой «пёс» не угодил, только зря ты от его услуг отказалась. Пока я сюда добиралась с торговыми караванами, несколько раз в тавернах от «волков» слышала, что они ищут рыжую молодую ведьму с «псом», который с собой огромный меч таскает. Это правда?

Я кивнула, подумав, что Вахала не теряла времени даром. Выходит, она начала меня искать ещё до того, как Джастер узнал про награду за мою голову...

— По какой нужде-то ищут, госпожа? — снова влез в разговор Джастер, но Холисса не обратила на это внимания.

— Знаешь, дорогая, — она постукивала по столу длинными красивыми пальцами. — Должна признаться, попервости я даже немного завидовала твоей славе. Я же подходила к ним и предлагала свои услуги, но они отказывались. Говорили, что им нужна именно ты, а не другая ведьма. Прости, что торговала в твоём наделе, я не знала, что он твой. С Лирой у нас не было споров по этому вопросу.

— Торгуй, мне не жалко, — махнула я рукой. — Лучше скажи, что ты сейчас думаешь про эти поиски?

Холисса удивлённо посмотрела на меня, а затем неторопливо кивнула.

— Спасибо за разрешение, дорогая. Сейчас я думаю, что дело не в зельях, а в твоей вражде с этой Вахалой. Если эта старуха, как ты говоришь, прибрала к рукам герцога, это очень скверно. Такого никогда не было! Это недостойно ведьмы! Использовать наёмников, чтобы... Забытые боги, как это низко и подло! Все ведьмы всегда выясняли отношения между собой!

— Госпоже стоит вместе с Микаем отправиться в Кронтуш, — внезапно сказал

Джастер. — Там безопасно.

— Что? — Холисса возмущённо оглянулась на Шута, нахмутив брови. — Опять ты без разрешения в разговор встреваешь?! Тебе-то откуда знать такие вещи?! С каких пор бродячие шуты вообще лезут в дела ведьм?! Без тебя разберёмся, красавчик!

Шут только опустил голову, выражая покорность, но я заметила, как сверкнули его глаза.

Играть на равных...

Два метавита сошлись в смертельной Игре. У каждого есть сильная ведьма, на которую он делает ставку. Но у одного, кроме ведьмы, есть деньги и власть, а у другого...

У другого есть только я.

И обуза в виде матёрой ведьмы, перед которой он не хочет откровенничать, и неопытного кузнеца.

Не слишком равная игра.

Но хоть как-то я могу ему в этом помочь.

— Джастер прав, — я посмотрела на бывшую наставницу. — В Кронтуше для вас с Михаем будет безопасно.

Глупо было ожидать, что Холисса сразу послушает.

Так и вышло.

— Янига, — она пренебрежительно фыркнула, сложив руки на груди. — С каких пор ты стала слушать всяких бродяг? Я что, плохо тебя учила? Ты же ведьма, а не деревенская дурочка, чтобы верить первому встречному за красивые глаза!

— Я не верю за красивые глаза!

Я ответно уставилась на Холиссу, не собираясь ей уступить.

— Я видела, на что способна эта старуха! Видела, что она сделала с Лирой! Ни одна ведьма ей и в подмётки не годится! Если ты хочешь остаться в живых, то поедешь в Кронтуш!

В ореховых глазах Холиссы полыхнули молнии не хуже, чем у Шута. Но прежде, чем она открыла рот, чтобы поставить меня на место, я поняла, что слегка перестаралась, доказывая свою независимость.

— Прости, но лучше сделать, как сказал Джастер, — я хмуро смотрела на бывшую наставницу, давая понять, что готова к примирению. — Так будет лучше всего. Я не хочу, чтобы ты рисковала своей жизнью из-за меня.

Холисса недовольно поджала губы, переводя взгляд с меня на Джастера, склонившегося над лютней, и обратно.

— Кронтуш принадлежит... принадлежал Лире, — хмуро сказала она. — А теперь получается, там может хозяйничать эта самая Вахала. С чего вдруг там безопасно?

Ошеломлённая неожиданным вопросом, я задумалась. Для меня истинность сказанного была само собой разумеющейся, но для Холиссы это были просто слова, которые требовали объяснений и доказательств.

— Но ведь Кронтуш принадлежит другому герцогу, госпожа, — ввернулся в возникшую паузу Шут. — Разве нет? Герцог Салаксхема же не будет нападать на герцога Кронтуша? Это же объявление войны? И разве госпожа Янига не должна сама разобраться с госпожой Вахалой, как настоящая ведьма?

Холисса задумчиво постукивала пальцем по губам, переводя взгляд с меня на Джастера и обратно.

— Ладно, — наконец сказала она, глядя на меня. — Я вижу, что ты выросла, Янига. По крайней мере, тебе хватило смелости и уверенности бросить вызов за надел. Надеюсь, силы победить тебе тоже хватит.

Она перевела взгляд на Джастера, который с любовью обнимал лютню и перебирал струны.

— Ну надо же... Ты не такой бесполезный дурак, каким кажешься на первый взгляд. Всё остальное, что положено вашему брату, ты тоже умеешь делать хорошо?

— Да, госпожа, — с едва заметной улыбкой Шуг склонил голову в вежливом поклоне.

— Тогда быстро убрали всё и ушли. Нам с госпожой Янигой надо поговорить без вас. Живо!

— Как скажете, госпожа!

Джастер вскочил на ноги, закинул лютню за спину и начал собирать со стола пустую посуду и кувшины. Кузнец, который за всё время разговора не произнёс больше ни слова, а только то краснел, то бледнел от услышанного, торопливо ему помогал. Бедняга Микай, наверно, только сейчас осознал, в какой истории оказался. Впрочем, его и Холиссу никто не искал, на корабле они доберутся до Кронтуша за несколько дней, и за них можно не волноваться.

Ещё я подумала о том, что «Золотое яблоко» — очень хорошее вино, и надо бы попросить Джастера взять с собой пару бутылок в дорогу...

Когда мужчины ушли, Холисса откинулась на спинку стула и посмотрела на меня.

— Наконец-то мы можем поговорить без лишних ушей. — Она довольно улыбнулась. — А теперь рассказывай, дорогая, что с тобой произошло на самом деле?

— Джастер всё рассказал, — спокойно встретила я её недоверчивый прищур. — Это правда.

— Вот как? — Холисса заинтересованно приподняла брови. — Тогда расскажи, как ты справляешься с демонами? Такому я тебя не учила.

— Я сама научилась. — Пришлось сделать усилие, чтобы голос не дрогнул. — Это случайно получилось, в Пеггивилле. Тогда я поняла, что у меня другой дар.

— Значит, говоришь, что у тебя дар не любовной магии...

Бывшая наставница задумчиво постукивала пальцем по губам. Количество выпитого ничуть не повлияло на её способность здраво мыслить.

— И как же ты с ним справилась? Я о такой магии никогда не слышала. Тебя кто-то научил? Но кто? В Эрикии нет людей с подобным даром. Что ты скрываешь, Янига?

Я неопределенно повела плечом. К подобным вопросам я оказалась совсем не готова.

— Так, научилась потихоньку, — невнятно пробормотала я, понимая, что эти жалкие потуги Холиссу не обманут.

Но мою бывшую наставницу интересовало другое.

— Хорошо, сама — так сама. — Она махнула рукой. — Только не красней, как девочка. Уж не знаю, кто тебя учил, но, кажется, ты дала обещание молчать и не выдавать этого человека. Весьма разумно с его стороны, учитывая, в какую историю ты попала. Я могу только пожелать тебе удачи, дорогая.

— Спасибо, — благодарно буркнула я в ответ.

— Прекрасно! Хватит с меня загадочных историй на сегодня. Мне интересно другое. Скажи, то, что говорят про зелья, — это правда?

— Да. — За это я не волновалась. — Я слегка переделала твои рецепты. Ты же знаешь, что моя бабка была травницей. Я тоже немного в этом понимаю.

В глазах Холисса загорелся неподдельный интерес.

— Покажешь? — жадно подалась она вперёд и тут же улыбнулась. — Не книгу, конечно. Зелья. Мне очень любопытно. И эти твои... как там они называются... которые приятно пахнут.

— Духи.

— Да-да, именно они. В Кронтуше мне про них все уши прожужжали. Хочу сама посмотреть, что это.

Немного подумав, я кивнула. В конце концов, от того, что я покажу духи или готовые зелья, Холисса не распознает их состав. И даже если рецепты скажу, такие травы в чащобах пойдешь, поищи...

Без Джастера я сама эти рецепты не повторю.

А из обычного «мусора» только старые зелья и сделаю.

От склянки с духами Холисса пришла в полный восторг.

— Забытые боги! Какая красота! Это же великолепно! М-м-м, как приятно пахнет... Как этим пользоваться?

— Сюда и сюда, — я показала, куда мазать духи.

Холисса тут же мазнула запястья, потёрла руки и принюхалась, прикрыв глаза.

— Великолепно, — она посмотрела на меня. — Теперь я понимаю, почему в Кронтуше ждут твоего возвращения. Ты нашла золотую жилу, дорогая! Это же прекрасное средство для соблазнения мужчин! Признайся, дорогая, ты своих красавцев этими духами приворожила?

— Я их не привораживала, — нахмурилась я, закрывая склянку. — Мне...

— Перестань мямлить, Янига! Я же пошутила! Разве я обычного мужика от привороженного не отличу? Лучше скажи, почему ты этими духами не пользуешься? Они чем-то опасны?

— Нет, не опасны. Мне было не до них в последнее время.

Я в самом деле забыла про духи, когда мы ушли из Кронтуша. Пока торговали на ярмарке, Джастер всё время напоминал, чтобы я ими мазалась.

А потом стало не до духов. И не до торговли.

— Дорогая моя, я всё понимаю, однако ты себя ведёшь очень непрактично. Неважно, какой у тебя дар, ты должна выглядеть достойно ведьмы! Нельзя быть настолько скромной! Нет, не убирай эту прелесть! — Холисса придержала склянку с духами. — Сколько ты за них хочешь?

— «Бутон», — не подумав, буркнула я, и брови бывшей наставницы оценивающе изогнулись.

— Хм, вот почему ты так быстро разбогатела ... Неплохо, неплохо... — она снова поднесла запястье к лицу, вдыхая цветочный аромат. — Ладно, уговорила, такое зелье я ни у кого не найду! Вот, держи.

Она полезла в кошелек и достала горсть серебра.

— Вот, десять «лепестков». И покажи мне остальные зелья.

Я смахнула серебро в сумку и поставила на стол несколько пузырьков. Подумать только, я продаю свои зелья Холиссе... Мне такое и присниться не могло!

— Любовное, приворотное, отворотное, от красной сыпи, от мокрицы, от...

Холисса брала склянки, рассматривала на свет, открывала и нюхала, изучала заклятия...

— Девочка моя... — в волнении она назвала меня, как звала всегда. — Это же очень и очень любопытно! О, не обижайся на «девочку», дорогая, я по привычке. Ты можешь дать мне образцы? Мне бы хотелось их самой проверить в действии.

По предвкушающей улыбке я поняла, какие образцы зелий её интересуют.

Впрочем, она всегда такой была.

— Бери, — я собрала остальные зелья. — Только имей в виду, они намного сильнее, чем обычные. Поэтому...

— Благодарю, дорогая! — Довольная Холисса спрятала фиалы за ворот платья. — Ну что ж, не буду больше тебе мешать. Хорошей ночи!

— Тебе тоже, — хмуро ответила я в закрывшуюся дверь и села на кровать.

Ну вот что я за невезучая такая...

Холисса сейчас развлекаться пойдёт, а я к себе Джастера позвать не могу.

Все же всё равно думают, что он мой любовник, а он опять за старое...

Ладно, комната у них с Микаем одна, слугам при госпоже так и положено.

Но мог бы ночью-то прийти, когда все спать лягут?

Я так по нему соскучилась...

Уснуть удалось с трудом. Холисса в общем зале веселилась от души, я слышала её смех, мужские голоса и музыку. Конечно, Джастеру не сбежать с этого веселья: он же шут и трубадур, петь и играть — это его работа.

Я лежала и думала, что когда-то давно очень любила такие развлечения и с удовольствием слушала бродячих музыкантов и смотрела на представления артистов. Но сейчас я не стала спускаться вниз.

Джастера я бы послушала с удовольствием, но вот смотреть, как пьёт и веселится Холисса, — мне не хотелось.

Я положила на ухо подушку, и звуки стали тише.

Ничего, всего лишь день потерпеть, а потом она и Микай уедут, а мы останемся с Джастером вдвоём. Только он и я. По дорогам мы точно не поедem, значит, из-за «волков» можно не беспокоиться.

Замечтавшись о нашем путешествии, я не заметила, как задремала и уснула.

Посреди ночи меня разбудил какой-то грохот. Я подскочила на кровати и села, пытаюсь понять, что происходит.

Демоны?!

Вахала?!

Разбойники?!

В комнате было темно, оберег на груди холодный, Живой меч дремал в ножнах. Джастер тоже не спешил меня спасать...

Так что случилось?

Подойдя к двери, я прислушалась. Неразборчивые голоса, женский смех...

Холисса всё никак не уймётся.

Великие боги, а я-то думала... Прошлёпав босыми ногами обратно к кровати, я забралась под одеяло и снова уснула.

34. На юг

Утром я встала с рассветом. Приведя себя в порядок, я оделась и вышла в коридор. Где-

то внизу на кухне гремела посуда, но постояльцы ещё спали. Я могла бы и сама сходить вниз и распорядиться про завтрак, но Джастер будет недоволен тем, что не изображаю госпожу как должно.

Он вчера так старался...

Подойдя к комнате Шута и Микая, я постучала в дверь.

— Кто там? — через некоторое время откликнулся хрипловатый голос кузнеца.

Выходит, Джастер ещё спит. Отсыпается перед новой дорогой...

— Это я, Микай.

За дверью раздались торопливые шаги, негромко стукнул засов, и парень высунул седую и лохматую голову в щель. Одет он был только в исподнее.

— Слушаю, госпожа. — Одной рукой он придерживал портки, а другой держался за дверь, словно прикрывая собой комнату.

Но даже так в полумраке комнаты я увидела, что вторая кровать пуста и нетронута.

— Мика-й... — сонно позвал из глубины женский голос. — Мика-ай...

— Простите, госпожа, — виновато опустил голову кузнец, теребя в руке завязки портков, пока я пыталась понять, что вообще происходит.

Они тут что, вдвоём со служанкой развлекались?!

— Где Джастер? — в моём голосе сам собой зазвучал гнев. — Где он?!

Кузнец испуганно вжал голову в плечи.

— Дык вторая госпожа нас вчерась вечером ищю вином угостила, а потом его к себе забрала... — забормотал он. — От я и подумал, что раз уж его нету, я тож, знамо, могу... Звиняйте, госпожа Янига...

Голос Микая становился всё тише, а испуг на лице всё яснее. Но мне было не до его любовных утех.

Солнечный день треснул, погас и разбился на осколки, падающие в глухую черноту.

И каждый из них резал в кровь сердце и душу.

Джастер ушёл к Холиссе.

Джастер. Ушёл. К Холиссе.

Джастер. Ушёл. К... к...

Подлец.

Мерзавец!

Да как он мог?!

Как он мог!!!

«...ты всё остальное тоже умеешь?»

— Да, госпожа...»

Я — не все...

Ложь. Всё — ложь!

Такой же, как все!

Обычный кобель и бабник!

Легко и просто сменял меня на... на Холиссу!

Ненавижу!

Обоих ненавижу!

Внутри поднимался чёрный вихрь ненависти и силы.

Боль. Обида. Гнев. Слезы. Боль.

Убить. Убить его.

Разнести всё вокруг! Уничтожить этот город!

Стереть с лица земли это место и никогда, никогда больше не вспоминать об этом!

Я ухватилась за косяк, стискивая дерево пальцами изо всех сил.

Чёрный вихрь бушевал внутри и требовал выхода.

Уничтожить... Стереть с лица земли их обоих!

Твари! Ненавижу!

Я прикусила губу, но даже кровь не помогала прийти в себя.

Держись, Янига, держись. Так нельзя. Нельзя.

Ты же ведьма-защитница, а не разрушительница!

Хватит с тебя Кронтуша... Не надо так больше. Ты — не Вахала!

Шанак, Датри... Больно-то как...

Великие боги... помогите...

— Г... госпожа? — Кто-то встревоженно звал меня, заглядывая в лицо. — Вам плохо, госпожа?

Я медленно перевела невидящий взгляд на испуганного светловолосого человека.

Джа... Нет. Не он.

Микай.

Бедняга кузнец, потерявший всё.

Он ни в чём не виноват.

Ни в чём.

Великие боги, помогите!

— Всё в порядке, — тихо и спокойно ответила я, чувствуя, как внутри стремительно разрастается чёрная ледяная глыба, вбирая в себя все бушующие чувства и стоящие комом слёзы. — Просто хотела попросить тебя позаботиться о завтраке. Это не срочно.

Я даже попыталась улыбнуться, стараясь удержаться на ногах. Именно так. Тихо и мягко. Иначе...

Иначе этот чёрный лёд треснет.

И тогда я не выдержу.

— Госпожа... — Кузнец завязал портки и встревоженно смотрел на меня. — Вы шибко бледная стали... Помочь вам до комнаты пройти?

— Всё хорошо, Микай. Ничего не нужно.

Плавню развернувшись, я направилась обратно в комнату, ступая так осторожно, словно несла в себе сосуд из очень хрупкого стекла, внутри которого бушевал разрушительный чёрный вихрь моего дара.

За спиной что-то торопливо говорил кузнец, ему кто-то отвечал, но я не слушала.

Я должна была донести чёрный вихрь до комнаты.

И позволить ледяной корке окрепнуть.

Всё остальное просто не важно.

Я не знаю, сколько времени сидела на кровати, бездумно подставляя лицо солнечным лучам, гревшим кожу, но не касавшихся ледяной глыбы, заполнившей меня всю.

Даже Микай, робко стучавший в дверь, а потом обнаруживший, что она не заперта, не отвлек меня от этого бездумного отрешения.

— Завтрак, госпожа. — Кузнец, уже одетый, поставил поднос на стол. — Чем ещё...

Чем ещё...

Ничем. Никто и ничем мне уже не поможет.

Мой мир рухнул.

Ничто больше не имело значения.

— Мы завтра уезжаем. — Я не смотрела на парня, снова закрыв глаза и подставляя лицо свету. — Будь добр, позаботься о припасах в дорогу. Больше ничего не нужно. И не беспокой меня сегодня.

— Как прикажете, госпожа, — отозвался кузнец. — Всё исполню.

Микай ушёл, а я ещё немного посидела, а потом встала, взяла сумку и спустилась вниз. На конюшне я велела оседлать Ласточку и поехала прочь из города.

Находиться в «Золотом яблоке» я больше не могла.

От Шемрока я уехала далеко.

Вдоль по берегу, в другую сторону, чем мы ездили всего день назад, — Великие боги, неужели это было так недавно?! — на прогулку.

Только когда река резко сузилась, я поняла, что добралась до того самого Щучьего острова. Спешившись, я привязала Ласточку к дереву, села на траву и позволила себе разрыдаться и прокричаться, выплёскивая боль и обиду.

Течение показалось мне тихим, дно было песчаным, и я решилась. Сняв платье, я вошла в воду.

Ласковая благословенная Волокушка окатила меня с головой. Теплая поверху и холодная в ногах, она подхватила меня и закачала, словно мать. Я лежала на её волнах, смотрела в небо, и боль в душе притуплялась, а чёрный вихрь укреплялся в своих оковах.

Только даже благословенная вода Датри не могла избавить меня от этого холода внутри.

Я сидела на берегу, греясь и обсыхая на солнце. Насколько ярко и красиво было вокруг, настолько чёрно и мрачно было на душе и в мыслях.

Больше всего мне хотелось умчаться по дороге куда глаза глядят, но я понимала, что это ничего не изменит. Это в начале лета деревенская ведьма Янига могла позволить себя такое ребячество.

И дело было даже не в том, что Микай кинется меня искать.

И не в том, что я бросила вызов Вахале.

И не в том, что за моей головой будут охотиться разбойники и «волки». Это Джастеру триста «роз» — ни о чём. Для всех других это ого-го, какие деньги.

Просто...

Госпожа ведьма Янига, снявшая проклятие с Пеггивиллля, спасшая караван домэров, уничтожившая нечисть и нежить на Гнилушке, «покаравшая» опасную банду разбойников во главе с атаманом, снявшая проклятие с Волокушки и принявшая Шемрок под своё покровительство, так поступить не могла.

Значит, мне придётся вернуться в «Золотое яблоко», смотреть в глаза Холиссе и делать вид, что мне всё равно. Мне придётся дотерпеть до завтра, чтобы Микай спокойно отправился в Кронтуш.

А потом... Потом я уеду. Одна.

Всё равно, что я не успела выучить эти самые глифы. Не важно, что я бросила вызов Вахале и она сильнее меня. Какая разница, сколько там награда за мою голову.

Это всё больше не важно.

С моим везением в одиночку я до соседнего города не доберусь.

А он... Он пусть делает, что хочет.

Кобель паршивый!

Ненавижу его!

— И не нужны мне твои подарки! — Я сорвала с шеи оберег и, широко размахнувшись, зло швырнула его в воду. — Ничего мне от тебя не надо! Ничего!

Коготь кхвана без плеска опустился на дно протоки. Бисерную нитку на глазах заносило песком. Но мне этого показалось мало.

— Не хочу! Ничего от тебя не хочу! И подавись ты своей судьбой!

Я с силой дёрнула браслет, но мокрые нити сплелись между собой и не желали рваться или развязываться. Разозлившись, я схватила пояс, выдернула из ножен кинжал, поддела кончиком нити браслета и дёрнула лезвие на себя.

Заточенный Шутом клинок не подвёл. Разноцветные бусины брызнули в стороны, теряясь в прибрежной траве. Перерезанные нити отлетели в воду, и только тихо плеснуло где-то в камышах.

В следующий миг я почувствовала себя не просто голой, а очень беззащитной и одинокой.

Я села на траву, обхватила колени и снова зарыдала, но уже от глубокой жалости к себе.

Вернулась обратно я только к вечеру.

Опустошённая, голодная и уставшая. Купания в Волокушке и благословения Датри хватило ненадолго. Чем ближе я подъезжала к городу, тем сильнее во мне вскипали злость и обида.

Стражники у ворот даже не посмели меня ни о чём спрашивать, только порскнули за раскрытые створки ворот, но мне не было до них никакого дела.

«Золотое яблоко».

Вот куда я не хотела, но вынуждена была ехать. Улицы Шемрока по вечернему часу были пустыни. Ласточка звонко цокала подковами, а я молила Великих богов о том, чтобы до завтрашнего утра не встретить ни Шута, ни Холиссу.

Прислуга на постоялом дворе была тише воды, ниже травы. Спешившись, я бросила поводья Ласточки, оставляя её на попечение слуге, закрывавшему за мной ворота, и пошла к себе.

Первое, что я увидела, открыв дверь в комнату, — стоявший у окна Джастер.

Он ждал.

Не говоря ни слова, я прошла в спальню, подошла к кровати и бросила на неё сумку.

Джастер обернулся.

И я поняла, что, если посмотрю ему в глаза, если он скажет хоть слово, — я не выдержу.

Просто не выдержу.

И тогда...

Тогда вместо ведьмы-защитницы будет ведьма-разрушительница.

— Я не желаю тебя больше ни видеть, ни слышать. — Я отвернулась от него, с трудом сдерживая поднимавшуюся внутри ярость и ненависть. — Завтра утром я уезжаю. А ты делай что хочешь. Мне ничего от тебя не надо! И меч свой тоже забери!

Несколько мгновений стояла тишина, а затем я услышала тяжёлые шаги и звук

закрывшейся двери.

Живого меча на стуле не было.

Я упала на кровать, обняла подушку и снова зарыдала.

Утром меня разбудил Михай, принёсший завтрак. Я так и уснула вчера, не раздеваясь и наревевшись в досталь. Наверно вид у меня был помятый, но Михай смотреть на меня боялся.

— Всё готово, госпожа, — он неловко сжимал в кулаки края рубахи и смотрел в пол. — Как велено, собрано всё. Капитан молвил, шоб не шибко задерживались, покуда ветер попутный.

— Ты готов? — Я хмуро ковырялась в миске каши.

За весь вчерашний день я не ела, и, хотя в животе едва не забурчало от голода, настроение у меня было скверное.

— Готов, госпожа. Токма вас с госпожой Холиссой ждём...

— Хорошо, — я махнула рукой, с трудом подавив новую волну злости и раздражения. — Иди. Я поем и спущусь.

Кузнец неловко кивнул и торопливо выскочил в коридор, облегчённо выдохнув за дверью.

Спустя некоторое время в дверь постучали. Я решила, что это прислуга пришла забрать посуду.

Но вместо служанки дверь открыла Холисса.

— Доброе утро, дорогая.

Она прошла в комнату и беззастенчиво уселась за стол.

— Вижу, ты уже позавтракала?

— Да. — Я постаралась ответить ровно и спокойно.

Ещё не хватало перед ней себя позорить из-за какого-то... какого-то... кобеля. Балабола приبلудного.

Не дождуся! Ни он, ни она!

— Что-то ты не очень хорошо выглядишь. — Холисса внимательно прищурилась. — Не заболела?

— Не выспалась, — сердито буркнула я в ответ.

— Это потому что ты до сих пор одна, дорогая. Не будь такой привередливой, Янига. Заведи уже себе любовника, в конце концов! — Бывшая наставница снисходительно улыбнулась, глядя на меня. — И не смотри на меня так, весь город знает, что ты никого к себе не подпускаешь. Это ж подумать только, прибрать к рукам таких красавцев, и ни один тебе не интересен как мужчина! Ты же ведьма, чего ты ждёшь, я не понимаю...

Да как она смеет... говорить мне... такое!

Я стиснула зубы и изо всех сил сжала кулаки под столом, с трудом сдерживая поднявшийся гнев.

Терпи, Янига! Терпи! Немного осталось! Совсем скоро всё закончится!

— Или первый раз тебя так сильно разочаровал? Так я же говорила тебе, что надо выбирать опытного мужчину, а не...

— Что ты хотела? — резко и грубо перебила я.

Впрочем, мою бывшую наставницу это ничуть не тронуло.

— Хм, — Холисса задумчиво накручивала на палец локон. — Это звучит довольно странно, но, наверное, я должна извиниться перед тобой.

— За что? — мрачно спросила я.

— Вот и думаю, что не за что. — Она откинулась на спинку стула и закинула ногу на ногу. — Но ты всё-таки уже не моя ученица, а настоящая ведьма. А ведьмы решают вопросы между собой открыто.

— И какой вопрос ты хочешь решить? — нахмурилась я, стараясь унять поднимающуюся внутреннюю бурю.

Спокойно, Янига. Спокойно. Ты — госпожа ведьма, а не девчонка деревенская, чтобы при опытной ведьме истерики из-за любовника закатывать.

— Вынуждена признать, что твои зелья и в самом деле очень хороши, дорогая. — Холисса разглядывала ногти на руке. — Не ожидала. Я думала, люди врут, как обычно, но ты меня очень удивила.

— Ты о чём? — в полном недоумении я смотрела на бывшую наставницу.

Я-то думала, что она за Джастера или за свою грубость про любовников хочет извиниться, а она про зелья говорит! Да какое мне дело до того, чьи зелья лучше?! Я вообще не ведьма любовной магии!

— Об твоём балаболе, разумеется. Грешным делом, я решила поначалу, что он твой любовник. А он признался, что ни разу с женщиной не был, потому что от волнения ничего не может, а на твоё зелье у него денег нет.

Холисса весело рассмеялась, глядя на моё вытянутое лицо.

— Янига, дорогая, конечно, твои торговые дела идут хорошо, но нельзя же быть настолько... неуступчивой ведьмой!

Неуступчивая ведьма? Я?!

От такого неожиданного заявления я поперхнулась и закашлялась. Холисса терпеливо дожидалась, когда я приду в себя.

— Надо быть добрее к людям, дорогая. Неужели ты не могла пожалеть беднягу и продать ему зелье подешевле? Раз уж он тебе, как любовник, не интересен, пусть бы со служанками развлекался. Подумать только, бродячий шут — и невинный, как дитя...

Я слушала и не могла поверить тому, что слышала. А Холисса продолжала, уже не обращая внимания на меня.

— Конечно, я решила ему помочь по доброте душевной, ты же меня знаешь. Он так мило краснел, отнекивался и смущался! Говорил, что ты будешь сердиться, и это очень дорого, и он такой милости с моей стороны не заслуживает... Он даже не знает, как ошибается!

— Ошибается? В чём ошибается? — голос получился немного хриплым, и я поспешно взяла кружку с водой. В душе и мыслях у меня творилось невесть что.

— В том, что ты на него рассердишься, разумеется! — Холисса рассмеялась. — Надо же придумать такую чушь! Он же тебя совсем не знает! Знаешь, я думаю, что он с тобой вовсе не из-за песен.

— Не из-за... А почему?!

— Я-то вчера решила, что он хитрит, но, кажется, я ошиблась. Этот бедняга в тебя попросту влюбился. Впрочем, для такого юнца это обычное дело: найти красивую девушку и вздыхать в стороне, вместо того чтобы вести себя как мужчина! А этот и вовсе оказался мечтатель, каких поискать!

Я смотрела на неё, едва ли не открыв рот. Она сейчас вообще о ком говорит?!

— Что ты так удивляешься, Янига? Конечно, я знаю, почему ты его подобрала. Ты всегда любила этих бродячих пустомелей слушать, но никогда не позволяла им ничего больше! Хотя должна заметить, поёт он весьма не дурно. Нет, не подумай, я тебя не осуждаю! У каждого свои причуды. Нравятся тебе его сказки — слушай! В конце концов, он на самом деле хорош в своём ремесле. И не только в нём...

Холисса довольно улыбнулась, проведя пальцем по губам.

— Мне его даже немного жаль. Он так и не понял, что ведьмы никогда не будут ссориться из-за любовника, каким бы смазливый он ни был. Ты представляешь, я к нему и так, и этак, а он упёртый, как камень. «Не смею», — говорит, и всё! Пришлось пригрозить ему проклятием, чтобы он всё выпил.

Я смотрела на бывшую наставницу и не верила своим ушам. Холисса легко и просто рассказывала о том, что она делала, словно я по-прежнему её ученица, а она объясняет, как должна вести себя ведьма с понравившимся ей мужчиной.

Ведьмы не ссорятся из-за любовников...

В следующий миг я вдруг подумала, что между мной и Холиссой целая пропасть.

Она в самом деле ничего не понимает в любви. И даже не хочет понимать. Для неё все отношения сводятся к тому, чтобы опоить любовным зельем того, кто ей приглянулся, и развлекаться с ним, пока не надоест.

Холиссе никогда не заботили ни чувства этих мужчин, ни их дальнейшая судьба, ни те женщины, у которых она отбирала себе любовников.

Кто смеет перечить ведьме? Кто хочет получить проклятие?

Никто.

Зато многие хотели получить помощь ведьмы в сердечных делах. И ведьмы помогали зельями, приворотами и проклятиями.

«...любовь травами не лечится. Она или есть, или её нет. Иногда человеку может помочь магия, а иногда важнее и нужнее мудрый совет...»

Джастер был прав. Ведьмы забыли своё мастерство. Забыли свою силу, забыли всё, что делало их настоящими ведьмами.

Всё, что они умели, — скверные зелья из «мусора» на одну ночь, после которых голова трещит, хоть помирай.

Всё, что я умела до того, как встретила Шута.

Так. Стоп. Что она сделала?!

— Ч-что? — Я спросила так тихо, что сама не услышала своего голоса. — Ты напоила его...

— Я дала ему своё лучшее зелье. — Холисса сердито поджала губы. — Лучшее! И ничего не получилось. Ни-че-го! Представляешь?! Я была очень раздосадована. Очень.

Она нахмурилась и недовольно стрельнула на меня глазами.

— В общем, мне пришлось дать ему твои.

Чёрный лёд внутри затрещал и дал трещину.

Великие боги...

— Мои?

— Да, твои зелья. — Она стучала пальцами по столу. — В первый раз такого упрямца вижу. Но, должна признать, всё прекрасно получилось. Мало того, под нами даже кровать сломалась! Никогда такого не было...

Грохот и женский смех посреди ночи.

«Обычное зелье можно перетерпеть...»

В голове что-то сдвинулось, но Холисса ещё не закончила делиться впечатлениями.

— Кстати, ты правильно его не подпускаешь. Он, конечно, тот ещё затейник, но тебе совсем не подходит. Слишком пылкий. К тому же ему с тобой будет неудобно, ты для него маленькая. Не обижайся, дорогая, но это правда. Поверь мне на слово.

От таких слов у меня от смущения заалели щёки, а к концу тирады от возмущения полыхали даже уши. Я знаю, какой он затейник! Джастер мне подходит! Во всём подходит! И... и он ни разу не говорил, что я для него маленькая!

— Не красней, как девочка, Янига, ты взрослая ведьма. — Холисса покосилась на меня и вздохнула. — Признаться, я этого наглеца к утру сама чуть не прокляла. Его счастье, что у меня сил даже говорить не было! Это ж какую наглость надо иметь, чтобы творить такое и извиняться при этом...

Она замолчала, и я с изумлением впервые в жизни наблюдала, как на её щеках появился румянец.

— Кстати, скажи ему, пусть не прячется, я больше не сержусь. У меня до сих пор всё болит, но мне даже не жаль, что я потратила на него твои зелья.

«Твоего зелья теперь пять капель на всю ночь хватит...»

«Сама меня напоила, сама всё и получишь».

С моего разума окончательно спала какая-то пелена.

Чёрный лёд рассыпался кусками, и эти куски таяли, готовые течь слезами внезапного облегчения.

Дура.

Великие боги, какая же я дура!

Холисса всегда получала в свою постель любого, на кого положила глаз. И она никогда не стеснялась использовать для этого свои зелья. Или проклятия.

«Ты знаешь, на что способно проклятие ведьмы. А есть ещё проклятие некроманта... Представляешь разницу в силе?»

Да, Джастер, после Чернецов очень хорошо представляю.

Холисса не оставила ему выбора.

Джастер не мог проигнорировать её угрозу проклятием, не раскрыв тайну своего дара, и ему пришлось выпить любовное зелье. Моё зелье, которое во много раз сильнее тех, что делала Холисса.

Шут не хотел спать с ней. И, если бы не моё зелье, которое я сама дала бывшей наставнице, у него бы всё получилось.

И, может быть, он бы даже пришёл ко мне, как тогда...

«Сама меня напоила, сама всё и получишь...»

Так, стоп. Она потратила на него... мои зелья?!

— Два? Ты споила ему два зелья? Оба сразу? Все до капли? Любовное и приворотное?!

— Дорогая, что с тобой? Ты с утра плохо слышишь? — Холисса недовольно покосилась на меня. — Или я разучилась говорить на эрикском? Разумеется, оба и до капли, как иначе? Кстати, дорогая, а не могла бы ты дать мне ещё парочку твоих зелий?

Великие боги... Любовное и приворотное.

Я закрыла лицо руками, потому что слёзы из глаз всё же потекли.

Да я радоваться должна, что он ко мне вернулся, а не за Холиссой сейчас послушной

собакой бегает! А не рычать на него и не...

Не прогонять снова.

Великие боги, я даже в Пеггивилле не была такой дурой, как в этот раз!

Зная Холиссу, зная Джастера, я поверила в то, что он предпочёл её мне. Поверила настолько, что даже не дала ему шанса объяснить, что произошло. Носилась со своей обидой и не желала ничего знать.

Тогда, после Пеггивилля, несмотря на глубокую боль и обиду, он выслушал меня. Дал мне шанс.

А я...

Я даже не захотела его слушать.

Просто прогнала.

Ведьма... Стыд и позор...

— Девочка моя, что с тобой?

Я торопливо проморгалась, стараясь незаметно вытереть навернувшиеся на глаза слёзы. Хватит реветь. Нужно найти Джастера и немедленно перед ним извиниться.

— Всё в порядке, в глаз что-то попало.

Холисса недоверчиво хмыкнула, но допытываться не стала.

— Так ты мне дашь...

«Госпожа, продайте мне ещё вашего зелья!» — призраком из прошлого возникло воспоминание о служанке-неудачнице, и я невольно помотала головой, избавляясь от видения.

— Нет? — удивлённо переспросила Холисса. — Почему?

— Прости, эти были последние, — изобразила я виноватую улыбку. — И кстати, раз уж ты их использовала, не могла бы ты вернуть мне фиалы?

— Какая ты стала расчётливая, — хмыкнула она и встала, поправляя платье. — Раньше я за тобой такого не замечала.

— Раньше всё было по-другому. — Я уже совершенно спокойно встретила её взгляд. — Эти фиалы — работа известного мастера и стоят «лепесток» за штуку. А зелья я продаю за «бутон» каждое. Можешь купить фиалы отдельно, если хочешь.

Чёрные брови удивлённо взлетели вверх, а затем бывшая наставница довольно улыбнулась.

— Хм, — она смерила меня внимательным взглядом. — Несмотря на все твои странности, ты действительно повзрослела и стала настоящей ведьмой, Янига. Я верну тебе фиалы. И заплачу «розу» за твои зелья.

Она вышла из комнаты, а я села за стол и всё же расплакалась от облегчения, чтобы почти сразу испуганно вскочить, вытирая рукавом лицо.

Шанак, Датри, что же я на самом деле натворила...

«Я не хочу, чтобы ты жалела о своём выборе... Я не уверен, что смогу отпустить тебя, когда... если ты захочешь уйти.

... Подумай хорошо, ведьма... Подумай хорошо, чего ты хочешь на самом деле. Это очень и очень важно, Янига. Ты даже не представляешь — насколько».

Я чуть не взвыла от отчаяния, прикусив рукав.

Ой, дура... Великие боги, какая же я дура!

Мало того, что я ему опять наговорила! Я выбросила его оберег и разорвала браслет наших судеб!

Ещё и Игвиля отдала!

Хорошо подумала, Янига, молодец...

Свобода воли...

Это не глупость деревенской девчонки, по незнанию сказанная в сердцах. Это... это были обдуманые слова взрослой ведьмы. И дела.

Сказанные и сделанные из моей тьмы.

Тогда, в Пеггивилле, Джастер смог сдержаться и не ударить в ответ. Смог найти в себе силы и перешагнуть то, что нельзя забыть.

А я... Я забыла про это. И уже осознанно сказала то, что говорить было нельзя.

Он этого не простит.

А значит... Значит, госпоже ведьме Яниге жить осталось совсем ничего.

Ровно до встречи с теми, кто решит получить триста «роз» за мою очаровательную рыжую голову.

Нет! Я должна попытаться!

Это же Джастер! Он должен меня понять!

Я решительно встала, вытирая слёзы, и побрызгала в лицо водой из таза для умывания.

Великие боги! Шанак, Датри! Умоляю вас, пусть он меня выслушает!

Хотя бы выслушает!

Схватив сумку, я поспешила во двор.

Наши лошади были осёдланы, а Шут и Микай навьючивали Воронка.

— Почти всё готово, госпожа, — доложил мне кузнец.

Шут же не поднимал глаз и только вежливо поклонился, как положено слуге, ничем не показывая, что между нами что-то произошло.

Только меня этим уже не обманешь. Я знала, как он умеет сдерживать свои чувства, и легко отличала его искреннюю улыбку от холодной вежливой.

Но подойти и хоть что-то ему сказать я не успела. Во двор вышла хозяйка «Золотого яблока» с большим свёртком в руках и направилась ко мне. Её муж открывал ворота.

— Вы уж берегите трубадура вашего, госпожа.

Женщина с улыбкой протянула мне свёрток из небеленого полотна. Судя по горячей тяжести и запаху, в нём были свежие пироги. И пекла она их не для меня, а для Шута.

— Не пушайте его в драки-то! Он же хучь ростом да лицом вышел, а душой совсем дитя ищцо! — продолжала женщина, пока я старалась держать лицо госпожи ведьмы. — Добрый тако да ласковый, што теля. Каждому улыбнется, каждому доброго слова найдет и в делах с охотой помогает. Сказки чудны да диковинны сказывают, а коли шуткует — со смеху покатывасси! А уж поет — заслушасси, аж душа в небо улетает...

— Энто верно, — рядом с женой остановился Синто. — Душевно поёт, не часто такое услышать можно.

— Ох, согласился б жить остаться, как сына бы любили, — женщина смотрела на Джастера с материнской нежностью, пока я второй раз за утро пыталась прийти в себя от услышанного.

— Энто верно, — кивнул Синто. — Неглупый парень, даром что бродяжить решил да песни по дорогам петь. Авось, одуматься да вернётся. Песни-то петь под крышей да у очага всяко лучше, чем по дорогам бродяжить!

— И вы возвращайтесь, госпожа! — снова улыбнулась мне хозяйка. — Мы вам завсегда рады!

Во двор вышла Холисса и хозяйева поспешили попрощаться со второй госпожой ведьмой. Я же под короткими и опасливыми взглядами Микая пошла к Ласточке, обнимая свёрток с горячими пирогами.

Вместе с пологом был приторочен к передней луке седла меч в полуножнах. И это был не Игвиль.

Значит... Значит, Шут воспринял мои слова серьёзно.

Свобода воли...

Великие боги, что мне делать?!

Как объяснить ему, что всё не так?!

Джастер спокойно проверил крепления поклажи, подошёл ко мне, явно желая забрать то последнее, что ещё у меня оставалось. На меня он по-прежнему не смотрел.

— Я больше не сержусь, — негромко и поспешно сказала я ему, протягивая пироги.

— Хорошо, госпожа, — ровно и холодно ответил он, снова склонившись в вежливом поклоне.

— Ты меня проводишь, дорогая?

Подошедшая Холисса довольно улыбалась, протягивая мне пустые фиалы и «розу».

Я вздрогнула, а Джастер, мазнув взглядом по сверкающим склянкам и золоту, забрал из моих рук пироги, но уйти не успел.

— А ну постой, балабол. — Холисса смотрела на склонившегося в поклоне Шута, как сытая кошка на сметану. — Я вот никак не пойму: ты или на редкость везучий дурак, или очень ловко водишь всех за нос.

— Дурак, госпожа, — с едва заметной горечью тихо ответил Джастер, не поднимая головы. — Как есть дурак.

В ответ Холисса только покачала головой.

— Проклясть бы тебя как следует за всё, что ты тогда сделал. Впрочем, я ведьма добрая, поэтому так и быть, прощаю. Ещё не помешало бы тебя манерам поучить, но это не моя забота. Ты мне и так в целую «розу» обошёлся. Слишком дорого за такого бродягу, как ты.

— Благодарю за вашу щедрость, госпожа, — тихо ответил Джастер, не поднимая глаз.

— И запомни: обидишь мою девочку — проклянута так, ни одна ведьма не поможет. Ступай, хитрец, — милостиво махнула рукой Холисса и Шут, снова поклонившись, ушёл к Огоньку.

Передо мной же так ясно встали давние воспоминания, что даже в глазах потемнело.

«Когда в следующий раз решишь таким образом нажиться за мой счёт...»

Великие боги, стыдно-то как... Я же не наживалась, Джастер! Ты всё не так понял! Всё совсем не так!

Джастер, пойми меня! Пожалуйста!

— Не подпускай его к себе, дорогая. — Холисса смотрела, как Шут убирает свёрток в поклажу. — Чует моё сердце, он не так прост, как кажется... Янига, ты меня слышишь? С тобой всё в порядке?

Холисса тронула меня за рукав, приводя в чувство.

— Да, конечно.

Мне ничего не оставалось, как убрать фиалы и золотой в сумку, взять Ласточку под уздцы и направиться к открытым воротам.

На пристани былолюдно, несмотря на ранний час. Заканчивалась погрузка на корабль, капитан-хозяин судна ждал у трапа.

— Хорошей дороги тебе, дорогая, — улыбнулась Холисса. — Рада была с тобой повидаться. За твоим первым учеником я, так и быть, пригляжу.

— И тебе хорошей дороги, — кивнула я в ответ. — Спасибо за заботу о Микае.

Холисса снова довольно улыбнулась, кивнула и отправилась к кораблю. Капитан вежливо ей поклонился и помог зайти на борт.

— Чой мне делать-то, госпожа? — негромко спросил Микай. — Ежели госпожа Холисса командовать чем решит?

— Делай, что тебе велено, — спокойно и холодно ответил Джастер, не глядя на кузнеца. — Ты не госпоже Холиссе служишь, а у госпожи Яниги ученик. Госпожа Холисса захочет, сама себе прислугу найдёт.

— Понял, — посерьёзней Микай. — Всё исполню, как велено, госпожа, не сомневайтесь.

— Будь осторожен, — сказала я, и кузнец повёл навьюченного Воронка на корабль.

Ещё недавно я бы переживала за Микая и ХолиССу, но сейчас все мои мысли были о другом.

Как вернуть Джастера.

Проводив их взглядом, я развернулась к Ласточке, чтобы сесть верхом, когда Шут возник рядом. Он до последнего играл свою роль слуги госпожи ведьмы, но множество людей вокруг не давало мне шанса объясниться с ним.

Закончив с помощью «госпоже ведьме», Шут легко вскочил на Огонька и поехал прочь с пристани.

На меня он так и не взглянул.

Я ехала следом за Джастером и думала, что его уже второй раз зовут к себе люди, о которых я ничего не знала, хоть и жила с ними рядом столько времени.

Шут умел понимать других и помогать им так, что завоёвывал не только их доверие, но и искреннюю симпатию и уважение.

Всё то, что я так неразумно потеряла.

Мой единственный шанс поговорить с Джастером открыто и всё исправить — за стенами Шемрока.

Вопреки моим ожиданиям, выехав в ворота, Шут не поехал по дороге, а сразу свернул к берегу, направляясь в ту же сторону, куда вчера ездила я.

Только вот он держался не берега реки, а смотрел в лес.

В свой любимый лес, где его никто не найдёт.

— Джастер, подожди!

Я осмелилась заговорить, когда огороды остались позади, а лошади перешли на шаг под сенью берез и клёнов.

— Нам надо поговорить! Выслушай меня!

Он даже не обернулся и не замедлил Огонька.

— Джастер, пожалуйста! Я прошу тебя!

Шут спешился и повёл Огонька под уздцы, оставляя Волокушку за спиной. Я торопливо сверзилась с Ласточки и поспешила за ним, путаясь в подоле и стараясь не запнуться за

корни.

— Подожди, пожалуйста! Ты всё не так понял!

Я порывисто попыталась остановить его и тут же охнула, когда он перехватил и поднял мою руку вверх, обнажая запястье, на котором больше не было браслета двух судеб.

— Что я неправильно понял, ведьма? Это? Или ту цену, за которую ты меня продала?

Под ледяным стальным взглядом потемневших глаз я только беззвучно открывала рот, понимая, что мне нечего сказать в своё оправдание.

Джастер же не просто отпустил, а оттолкнул мою руку, отвернувшись и снова продолжив путь. Я невольно коснулась груди там, где под платьем ещё вчера был его оберег.

Знает. Он всё знает.

Мне нечего сказать в своё оправдание. И не заслужить его прощения. Но всё-таки я попытаюсь.

— Джа...

— Ты сказала, что тебе от меня ничего не нужно, ведьма. Что не хочешь меня ни видеть, ни слышать. Ты приняла решение и сделала выбор. Зачем ты опять идёшь за мной?

Каждое холодное и суровое слово заставляло меня ниже опустить голову. Он был прав. Я сама сделала этот выбор. Сделала, потому что...

— Я была не права. — Я смотрела в землю. Слезы капали из глаз, но я даже не старалась их вытирать. Джастера этим не проймёшь.

— Я ошиблась, я всё неправильно поняла и поэтому наделала много глупостей. Я знаю, ты меня не простишь, но хотя бы выслушай! Я обещаю!..

— Зачем, ведьма? Что толку в словах, которые ты всё равно не сдержишь?

Поражённая услышанным, я вскинула голову, и внутри меня всё похолодело от ужаса.

Джастер, весь в чёрном, стоял возле Огонька. Лицо мужчины напоминало маску, только уже не юного менестреля, а опытного, матёрого воина. Хотя фламберга не было, я чувствовала сталь огромного меча во взгляде серых глаз. Лютня за спиной не добавляла облику Шута даже капли доброты. Джастер смотрел на меня с таким холодом и отторжением, какого не было даже в начале нашего знакомства.

Стальная стена вернулась именно для меня. Только к боли, что когда-то я пообещала исцелить, добавились гнев и глубокая обида.

В душе Джастера бушевала буря, и я видела отблески её молний в потемневших глазах Шута.

Живой меч укрылся в потрёпанных ножнах, однако я понимала, чувствовала, что Игвиль тоже обиделся на глупую ведьму.

Я поступила несправедливо с ними обоими. Драксе вообще досталось ни за что.

— Нельзя быть рядом с тем, в кого ты не веришь и кому не доверяешь, ведьма. Разве я не говорил?

Единственная надежда, которая меня питала, рассыпалась на осколки, разбившись о несокрушимую сталь его взгляда.

Говорил. Только я про это совсем забыла.

Он мне верил и доверял. С самого начала. Сразу. Только мне он доверил Живой меч. Только я знала о его даре.

Джастер мне доверял. И потому прощал, каждый раз прощал все мои выходки.

А я...

Я хотела его приворожить, чтобы он остался со мной. Хотела узнать его прошлое, чтобы

занять место той, которую он любил. Я не верила его словам и искала подвохи в каждом. Я не хотела его слушать и идти туда, куда он меня вёл. Я не хотела учиться у него и прогоняла его. Я промолчала про зеркало Митамира на болоте. Я дважды продала любовные зелья другим женщинам, чтобы они напоили Шута. Я не захотела даже выслушать его вчера, уверовав в свою боль.

Я отказалась от всего, что он мне давал.

Снова.

Обещала слушаться его во всём, быть с ним всегда, а сама...

Как мне, такой, верить?!

Никак.

Не в силах стоять, я опустилась на землю.

— Я... я люблю тебя, — жалко пробормотала я последнее, что могла сказать в своё оправдание.

Шут негромко хмыкнул.

— Ты спрашивала, чем небесная любовь отличается от обычной. Тем, что другого ты любишь больше, чем себя. Это главное отличие, ведьма. Я думал, ты давно это поняла.

— А как же судьба?! Ты же говорил...

— Даже великая любовь ни к чему не обязывает. Право свободной воли священно. Это я тоже говорил.

Он отвернулся и пошёл в лес, ведя следом Огонька. Я без сил, совершенно опустошённая, сидела на земле и даже рыдать не могла.

Впервые я не думала об опасностях, которые меня ждали. Потеря Шута заслонила собой всё остальное.

Сделала выбор...

«Я всегда даю шанс, ведьма. Но. Только один».

— Джастер... — еле прошептала я одними губами, отчаянно молясь всей душой, чтобы он услышал. — Пожалуйста... дай мне шанс...

— Склеенное никогда не станет целым. Но потерянное можно вернуть, — глухо отозвался Шут. — Если сумеешь найти, ведьма.

Если смогу найти... Он про...

— Я найду! — Я так рьяно вскочила на ноги, вновь окрылённая надеждой, что Ласточка фыркнула, отшатнувшись от меня. — Я всё верну, Джастер!

— Удачи, ведьма, — не оборачиваясь, холодно бросил он, исчезая среди деревьев.

Оберег я нашла быстро. Примерно к полудню. Я долго искала, где вчера изливала свою злость, потому что не запомнила обстановку вокруг. Мне пришлось дважды проехать вдоль острова, прежде чем я опознала нужное место.

Сначала я пыталась высмотреть оберег с берега, потом нащарить веткой, а потом скинула платье и полезла в воду, вознося молитвы Шанаку и Датри, прося о помощи в поисках.

Глубина протоки оказалась такой, что пришлось нырять, обшаривая дно руками и пропуская песок сквозь пальцы. Я сильно замёрзла, когда мне, наконец, повезло, и я нащупала бисерную нить.

Оберег глубоко затянуло в песок, и достала я его только со второго раза.

Выбравшись на берег, я надела его на шею, только тепла это не добавило. Видимо, магия Джастера перестала действовать, когда я отказалась от его защиты.

— Ничего, — я погладила кривой и острый коготь кхвана, растирая себя руками, чтобы скорее согреться. — Мы его попросим, и он снова всё вернёт, как было. Правда?

Конечно, мне никто не ответил. Игвиль остался у своего хозяина, а больше из волшебных вещей разговаривать никто не умел. Да и таких вещей у меня не осталось, если не считать сумки и зеркала Митамира. Только Ласточка негромко фыркала, время от времени вскидывая голову и прислушиваясь к чему-то.

Мне же оставалось самое сложное. Найти бусины и браслет двух судеб.

— Шанак, Датри, помогите! — снова взмолилась я своим небесным покровителям. — Обещаю, я всегда буду ему верить... Всегда-всегда!

Ответом был только негромкий плеск Волокушки о берег. Я вздохнула, отжала воду с волос и полезла в камыши.

Поиски затянулись до вечера. Я обшарила все камыши, изрезала прибрежной осокой руки и ноги, прежде чем нашла в тине перерезанные нити, на которых чудом уцелела первая бисерина. Чтобы найти остальное, мне пришлось осмотреть все кусты и исползать всю траву вокруг.

К вечеру берег напоминал вытоптанное пастбище. На платье было жалко смотреть, зато я нашла оставшиеся бисерины и почти все бусины. Только «зелёная радуга», символ нашего с Джастером примирения, никак не желала находиться.

— Всё, не могу больше...

Я без сил легла на землю, понимая, что придётся ночевать здесь одной. Без костра и без еды. Все наши припасы вёз Джастер, как положено слуге госпожи ведьмы. У Ласточки в перемётных сумах был только овёс. К моему стыду, даже об этом мне не пришло в голову позаботиться перед отъездом. Хорошо, хотя бы полог он мне оставил...

На меч в качестве защиты я не рассчитывала. Как бы мастерски он ни был сделан, без помощи Игвиля моего умения сражаться хватит разве что крестьянина напугать...

В животе давно бурчало от голода, но я напилась, заглушив бурчание водой. Ласточке повезло больше — ей перепала торба с овсом. Я бы сварила себе горсть зерна, если бы могла.

Солнце почти ушло за лес на том берегу, и под деревьями сгущались сумерки. Только край берега ещё красило последними косыми лучами.

Скоро с воды поднимется туман, и лучше уйти от реки подальше. Хоть с водяником я и «договорилась», не стоит лишний раз искушать судьбу. Я и так с ней не сильно в ладу.

Оберег тоже меня больше не защищает.

А ведь ещё надо найти бусину. И потом найти Джастера.

Эта задачка куда сложнее ныряния и ползания по траве...

Со вздохом я поднялась и подошла к лошади.

— Пойдём, поищем место для ночлега. Надеюсь, тут хотя бы волки не ходят...

Я отвязывала повод, когда Ласточка фыркнула, переступая ногами. И в тот же миг в косых лучах заходящего солнца под передними копытами что-то сверкнуло.

— Стой, не шевелись!

Забыв обо всём, я упала на колени, высматривая последнюю бусину среди ивовых веточек и потоптанной копытами травы. Ласточка снова фыркнула: ей не понравилось моё поведение.

— Хорошо, хорошо, не фыркай.

Я встала и, взяв её за повод, отвела к соседнему дереву.

— Постой здесь, я сейчас.

Вернувшись обратно, я зашарила руками, пропуская сквозь пальцы сухие листья, веточки и травинки. Ну, где же она, где?! Это ведь была она...

Глухой звук шагов заставил меня обернуться. Непривязанная Ласточка воспользовалась моей оплошностью и спустилась к воде. Она шумно пила и махала хвостом, отгоняя проснувшихся комаров. Я покосилась на место поисков, но едва собралась встать и пойти за лошадью, как краем глаза снова уловила отблеск!

В этот раз я не стала торопиться и постаралась запомнить, где именно заметила искру. Спокойно, Янига. Спокойно. Глупостей ты всегда наделать успеешь...

Кажется, это было здесь...

Я раздвинула опавшие листья и со слезами на глазах смотрела на маленький грязный шарик, облепленный землей и песком. Только крохотный зелёный бок едва блестел радужной искрой.

Слава богам...

— Вот же ты где... — подняла я «зелёную радугу», вытирая рукавом мокрые от счастья глаза. — И не узнать тебя совсем...

Ласточка снова фыркнула, подняв голову и насторожив уши, и я поспешно поднялась на ноги, зажав бусину в кулаке. Ещё не хватало без лошади остаться...

— Тихо, тихо, всё хорошо...

Ласково разговаривая, как учил Шут, я подошла к встревоженной Ласточке и крепко ухватила её за мокрый повод.

— Всё хорошо, не бойся...

Ласточка снова подёргала ушами, прислушиваясь к чему-то, но вырваться и сбегать не спешила. Не отпуская повод, я присела и сполоснула свою находку в воде, не разжимая кулак, чтобы снова не потерять.

— Вот так, — я убрала последнюю бусину в мешочек, где лежали остатки браслета.

Умывшись, попив воды и кое-как почистив платье, я взяла Ласточку под уздцы и огляделась, думая, куда теперь идти.

Обратно в Шемрок мне дороги нет. Не в таком обтрёпанном виде точно. Или подумают невесть что, или, что хуже, и вовсе за спиной смеяться начнут. Мол, бродячий шут ведьму обманул, со всем добром сбежал, и вернулась могучая ведьма, как нищая побирушка...

Нет! Нет-нет-нет! Ни за что такого не допущу!

Надо найти Джастера.

Он дал мне шанс, значит, я должна с этим справиться, чего бы это ни стоило.

— Давай вернёмся туда, где он ушёл в лес, — обратилась я к лошади. — Переночуем там, а утром пойдём его искать.

Ласточка только встряхнула гривой, отгоняя комаров, и мы отправились под сень деревьев.

К месту нашего расставания с Джастером я добралась, когда небо над головой лиловело последними отблесками вечерней зари, а внизу, среди деревьев, стало совсем темно.

Выбрав местечко поровнее, я привязала Ласточку, почти на ощупь ослабила подпругу и отвязала полог. Надевать пояс с мечом я не стала, потому что не была уверена, что моего

везения хватит, чтобы не пораниться во сне. Это же не Игвиль, который умел обходиться без ножен.

Закутавшись в свой плащ, а сверху ещё и в полог, я устроилась между корней сосны, подвинула меч поближе и постаралась уснуть.

...на столе передо мной стояла чашка, полная наваристой, дымящейся похлёбки. Под кружочками жира плавали кусочки овощей и мяса, рядом стояла миска с пирогами. Аромат от этого шёл такой, что я чуть слюной не подавилась.

Великие боги, как вкусно пахнет...

Я взяла ложку, когда в животе заурчало так, что я проснулась.

Вокруг было темно. Где-то высоко над головой шумел ветер, и в просветах между ветвями я видела звёзды. Живот снова громко забурчал, и я проглотила голодную слюну, вспоминая сон.

Какой был он яркий, даже сейчас кажется, что похлёбкой пахнет...

Я села, кутаясь в полог и понимая, что с таким бурчанием уснуть уже не удастся. Шутка ли, всего одна миска каши вчера утром... И то я не столько ела, сколько злилась на Джастера, потому что...

Потому что любила себя, а не его.

И Холисса любила себя, а не других.

Я покачала головой, понимая, что на самом деле ничем не отличаюсь от своей бывшей наставницы.

Просто она брала себе разных мужчин, а я хотела только Джастера.

«...для любой ведьмы мужчины — просто игрушки...»

Стыдно-то как... Как я доказывала ему, что не такая, как все ведьмы, только вот Шут оказался прав.

Мнила я о себе много, а оказалось, что ничем от Холиссы не отличаюсь. Горько-то как...

Любишь другого больше, чем себя...

Он любил. Любил неизвестную мне женщину больше себя и поэтому отпустил её к другому.

И меня не стал удерживать.

Потому что свобода воли — священна.

«Люди живут, как завещали им боги. Датри решала, хочет она быть с Шанаком или нет. И он принимал её решение...

...Я рад, что встретил тебя... не хочу, чтобы ты ушла. Но, если ты вдруг решишь иначе — я не стану тебе мешать...»

Мне захотелось взвыть от этих воспоминаний. Ну почему, почему я не вспомнила этого вчера?! Почему думала только о своей обиде?!

«Тот, кто идёт против судьбы, живёт недолго и несчастливо».

Ох, Янига, Янига, что ж ты за невезучая и глупая ведьма?

Ничему тебя жизнь не учит...

Ночной ветер снова зашумел в ветвях, и до меня долетел запах дыма и...

Я вскочила, оглядываясь вокруг и пытаюсь понять, откуда дул ветер.

Запах костра и еды мог означать только одно.

Джастер был где-то неподалёку.

Я торопливо свернула полог, нашарила в траве пояс с мечом и надела, чтобы не потерять.

— Пойдём, пойдём, — я тихо погладила по шее Ласточку, на ощупь отвязывая повод и старательно принюхиваясь к слабому ветерку. — Надо его найти! Это наш шанс, понимаешь?

Ласточка только мотнула головой, но послушно пошла следом за мной.

Шли мы медленно. То ли луна уже зашла, то ли терпение и милость Датри на сегодня для меня закончились, но дорогу приходилось искать почти на ощупь. К счастью, ветер не только шумел в кронах над головой. Он уверенно доносил до меня тонкий аромат горячей похлёбки, и я от всего сердца молила Великих богов, чтобы ветер не сменил направление и не затих.

Прежде чем сделать шаг, я проверяла дорогу рукой и ногой, чтобы не упасть в яму или не натолкнуться на ветки. Приходилось думать не только о себе, но и о Ласточке.

Ни я, ни она не обладали способностью Шута видеть в темноте, как кошки. И всё же, спустя какое-то время, запах стал сильнее, и я смогла разглядеть между деревьев свет.

Идти стало намного легче. Только чем ближе я подходила, тем больше внутри поднимался страх.

Вдруг я опять всё неправильно поняла?

Может, он имел в виду что-то другое, а не оберег и браслет?

Запах еды кружил голову, рот наполнялся слюной, в животе бурчало, но с каждым шагом я подходила к костру всё медленнее.

Когда до крохотной полянки оставалось несколько шагов, я остановилась. Стоит ли выходить туда сейчас, или лучше остаться здесь и дожидаться утра?

Джастер, накинув на плечи плащ, сидел, прислонившись спиной к сосне, и вырезал из веточки очередную игрушку. Неподалёку была привязана рассёдланная Огонёк. Над костром булькала похлёбка в котелке, а рядом с Шутом лежал Игвиль во всей своей красе.

Призрачный змей обвивал хозяина хвостом и смотрел на огонь, сложив крылья на спине и по-кошачьи щуря чёрные глаза. Только вот кончик хвоста, напоминавший конец копья или острие меча, предупреждающе ударял по земле, оставляя заметные следы.

Я вздохнула, понимая, что оба давно меня заметили. Только Шут не подавал вида, а Игвиль не стеснялся показать, что сердится на меня.

Вместе с этим я вдруг поняла, что утром будет поздно.

Моя судьба решается сейчас.

Вздохнув, я перехватила повод Ласточки и пошла на полянку.

Увидав подружку, Огонёк радостно фыркнула и я не стала мешать лошадям радоваться встрече, привязав Ласточку рядом с лошадью Шута.

Хоть кому-то пусть сейчас будет хорошо...

Я сделала шаг вперёд, и тут же передо мной появился отливающий голубым пламенем кончик хвоста драксы. Остриё Живого меча, нацеленное мне в лицо.

— Игвиль, прости меня, — я смотрела в чёрные глаза с жёлтыми щелями зрачков. — Я ни за что тебя обидела. Я была зла и наговорила глупостей. Я была не права.

Хвост несколько раз сердито ударил о землю передо мной, взбивая хвою и пыль. Дракса был полностью согласен с моими словами, но извинений было недостаточно, чтобы вернуть его расположение.

— Ты мне очень нравишься. — Я протянула руку, но призрачный змей недоверчиво прищурился. — Ты мне нужен, Игвиль. Правда, нужен. Вы оба мне нужны. Очень.

В один короткий миг огромная голова драксы вдруг оказалась перед моим лицом. Чёрные глаза призрачного змея щурились, язык в приоткрытой пасти едва трепетал. А я думала о том, что в самом деле соскучилась по этому волшебному существу и он действительно мне очень нравится...

— Игвиль, — спокойно произнёс Шут, и дракса в один миг исчез, возвращаясь в Живой меч.

Я тихо вздохнула, так и не поняв: простил меня дракса или нет. Впрочем, сейчас важнее было другое.

— В-вот... — я достала из сумки мешочек с остатками браслета и сняла с шеи оберег. — Я нашла...

Джастер отложил поделку и нож в сторону и, не глядя, протянул открытую ладонь. Я поспешно отдала свои находки. Он зажал их в кулаке и сунул в свою торбу.

По-прежнему молча и не удостоив меня даже взглядом, Шут взял в руки недоделанную игрушку.

У меня внутри всё оборвалось.

Я ошиблась.

Опять поняла неправильно и сделала не то, что было нужно.

— П-прости... — тихо прошептала я, пока мир вокруг в очередной раз расплывался от слёз. — Я опять...

В животе громко забурчало и мне стало невыносимо стыдно. Я вдруг подумала, как это выглядит со стороны. Пришла ведьма к костру и просит прощения у «пса» и его волшебного меча, потому что без них ей не выжить. А ещё хочет поесть и погреться...

Никто не поверит, что я сюда пришла совсем не за этим.

— Великие боги, глупо-то всё как...

— Да, — неожиданно тихо ответил Шут. — Глупо.

Я поспешно вытерла глаза и посмотрела на него. Воин, отложив поделку, встретил мой взгляд.

В серых глазах вместо стальной стены были грусть и ожидание.

«Любовь или есть, или её нет, ведьма...»

Только сейчас я поняла его слова.

Не умом. Душой и сердцем.

Любовь просто есть.

И пусть она не небесная, а земная... Но я люблю его таким, какой он есть.

Вредным, обидчивым, вспыльчивым, упрямым, мрачным, недовольным... Со всем его прошлым и настоящим, с непростым характером и тёмными тайнами...

Я просто его люблю.

Он мне дороже всего на свете.

И он тоже принимает меня такой, какая я есть. Со всеми моими глупостями, слезами, капризами, страхами...

— Иди сюда.

Джастер протянул руку, и я приняла его приглашение. Подошла, села рядом, обняла и прижалась щекой к его груди.

Горячий, сильный и такой родной.

Он вздохнул и обнял меня, заодно укрывая своим плащом. Тепло. Великие боги, как же хорошо и тепло рядом с ним.

— Я такая дура...

— Да я сам не лучше, — тихо сказал Шут, перебирая мои волосы пальцами и выпутывая из них хвою и листья.

— Ты серьёзно? — Я недоверчиво посмотрела на него.

— Конечно, — с заметной грустью улыбнулся он уголком рта. — Любой может ошибиться. Только признавать свои ошибки умеет не каждый. Я рад, что ты пришла.

Рад, что я пришла... Великие Боги, ничего лучше он не смог бы сказать.

Я снова прижалась щекой к его груди, слушая, как ровно и спокойно стучит сердце. Джастер умел прощать и признавать свои ошибки. И как-то незаметно научил этому и меня.

И он меня ждал. Устроил лагерь, готовил ужин и ждал одну упрямую и глупую ведьму.

Великие боги... Какой же он... невероятный.

Шанак, Датри, да как мне в голову могло прийти, что я смогу жить без него?

— Джастер...

— М?

— Я очень боялась, что ничего не найду.

— Я видел.

— Видел?

— Не ты одна голову святой водой остужала, ведьма.

Вот почему Ласточка голову вскидывала и ушами стригла... Но Джастер не вышел ко мне, потому что... Нет, не буду ничего придумывать. Лучше спрошу.

— А если бы я не нашла?

— Так нашла же.

Я чуть было не возмутилась, что он не помог, но тут же прикусила язык, останавливая саму себя. Правильно не помог. Это была моя ошибка, моя вина, и я сама должна была всё исправить.

— А если бы я тебя не нашла?

Он хмыкнул, зарывшись лицом в мою макушку. От тёплого дыхания по телу пробежали приятные мурашки.

— Разве я зря ветер посылал?

Вместо ответа я только крепче обняла Шута. Ветер с ароматом похлёбки, который безошибочно привёл меня сюда. Он и такое может, оказывается...

Мы недолго сидели в обнимку в уютном молчании. От бурлящего на огне котелка пахло так, что в животе снова забурчало, и не только у меня.

Джастер выпрямился и тепло улыбнулся, отпуская меня.

— Давай поедим, ведьма. Ты со вчерашнего дня не евшая, да и я тоже.

Похлёбка была вкусной, а мы оба — очень голодны, потому что ужин прошёл в молчании. Горячая еда окончательно разморила меня, и я начала клевать носом прямо над миской с добавкой.

Когда я доела, Джастер забрал у меня пустую посуду и помог дойти до расстеленного на земле полога.

— Ложись.

Я послушно вытянулась, чувствуя, как по телу растекаются тепло и усталость. Глаза закрывались сами собой, но я вдруг вспомнила важное ихватила Шута за рукав:

— Джастер! Я тебя не продавала! Всё было совсем не так!

— Я знаю, Янига, — тихо ответил он и еле заметно улыбнулся, проведя ладонью по моей голове. — Спи.

Он укрыл меня своим плащом, и я сразу уснула.

Утром я проснулась оттого, что Шут что-то весело насвистывал возле костра, над которым в котелке закипала вода. Выглянув из-под плаща, я несколько мгновений не могла понять, что не так, а затем села, удивленно уставившись на Джастера и протирая глаза.

Чёрная рубаха с широкими рукавами, стянутыми на запястьях кожаными наручами. Поверх неё кожаная жилетка с железными заклёпками. Свободные штаны заправлены в высокие сапоги, Живой меч и кинжал в ножнах на поясе. Лютни нет, зато к стволу сосны прислонен знакомый фламберг.

— И тебя с добрым утром, ведьма, — насмешливо сказал светловолосый наёмник, почёсывая короткую щетину на щеках. — Вставай завтракать, дел сегодня много.

Я торопливо выбралась из-под плаща и встала, одёргивая потрёпанное платье. В утреннем свете стало видно, что оно пострадало намного сильнее, чем я думала. Кружева истрёпаны и оборваны, во многих местах прорехи и пятна, а кое-где на юбке даже швы разошлись...

— Не переживай, — Джастер протянул мне миску с кашей. — Всё равно здесь тебя никто не видит.

Вздыхнув, я взяла миску и села у костра, украдкой разглядывая воина. Наряд наёмника Джастеру очень шёл, а короткая щетина сразу добавила лет.

Теперь ни у кого не возникло бы сомнений в его возрасте и боевых умениях. Но почему он вдруг так оделся? Неужели, что-то случилось?

— Ты думаешь, с Микаем всё будет в порядке?

— С твоей бывшей наставницей не пропадёт, — хмыкнул воин, выскребая всю кашу из котелка в свою миску. — Она его многому научит. Во всех смыслах.

— Джастер!

— Что? Она опытная женщина. Или ты его ревнуешь?

— Джастер!

— Не пропадёт он, не волнуйся.

Некоторое время мы ели в молчании. Слова Шута неожиданно задели меня. Опытная женщина... С одной стороны, он, конечно, прав, но с другой... Прозвучало так, словно я ничего в постели не умею.

— Тебе понравилось?

Шут покосился на меня.

— Я не терплю принуждения, ведьма. Особенно в этом. Говорил уже.

Говорил... И это его «сама всё и получишь» я на всю жизнь запомнила. И Холисса наверняка тоже.

— Хочешь сказать, она тоже получила, как я тогда? Даже кровать сломалась?

Джастер положил ложку и посмотрел на меня.

— Что ты хочешь услышать, Янига?

— Правду, — я упрямо закусил губу. — Пожалуйста.

— С тобой мне нравится больше. Но опыта тебе не хватает.

Он снова начал есть, пока я краснела, чувствуя себя и польщённой, и задетой сразу. Вот

как так ему это удаётся?!

Нравится ему со мной... но опыта не хватает...

И почему мне так стыдно? Он ведь в постели со мной такое делает, а я...

«Ты для него слишком маленькая...»

Нет, не правда! Или...

— Джастер...

— М?

— А я... я для тебя не маленькая?

Впервые на моей памяти Джастер поперхнулся и закашлялся, стуча себя по груди. А я смутилась и растерялась настолько, что не знала, что делать.

— И что ещё тебе твоя ненаглядная наставница наговорила? — хмуро поинтересовался Шут, когда прокашлялся.

— Что... что ты мне не подходишь поэтому... — окончательно смутилась я под его пронзительным взглядом. — Это правда?

— Меня всё устраивает, ведьма, — буркнул Джастер, взял миску и начал есть.

Я ковырялась в своей каше и думала, что он опять ушёл от ответа.

Может, его и устраивает, только вот Холисса — опытная женщина, а мне опыта не хватает. И ведь не спросить больше ничего, вон как покосился, все вопросы в горле застряли...

Эх, Янига, Янига... Джастер для меня столько всего сделал и делает. Сколько раз я слышала: «Чего ты хочешь, ведьма?» А я... Я ни разу не спросила, чего хочет он сам.

Вот! Вот оно! Наверняка он про это говорил!

Великие боги... Какая же я ещё неопытная на самом деле...

— Джастер...

— Что ещё, ведьма?

— Ты... ты меня научишь?

Он коротко покосился, но продолжил есть, сделав вид, что не заметил моего смущения и красных щёк.

— Джа...

— Тебе очень многому предстоит научиться, Янига. — Шут поставил миску на землю и посмотрел на меня совершенно серьёзно. — На твоём месте я бы думал о деле, а не о постели. Времени у нас не так много.

Я испуганно ухватила за левое запястье, но браслета там не было.

— Немного? Сколько?!

— Если не терять зря, то всё успеем. — Он встал, отряхивая руки и сделав вид, что не заметил моего испуга. — Так что ешь — и поедем. Дорога предстоит длинная.

Дорога длинная, а времени немного... Почему мне кажется, что он не про Кронтуш сейчас сказал? И как тревожно стало на душе...

Остаток завтрака прошёл в молчании. После еды Джастер собрал посуду и вручил мне, указав в сторону видневшейся между сосен клёновой поросли.

— Вон там ручей, сходи, помой и умойся заодно. А я пока остальное соберу.

Когда я вернулась с чистой посудой, костёр был потушен, лошади осёдланы, а Шут приторачивал фламберг к упряжи Огонька.

— Куда мы сейчас?

— Ты же помнишь, что герцог Салаксхема любит представления? — ответил Джастер,

убирая котелок и миску с ложкой в торбу. — Через месяц праздник урожая, и он позовёт музыкантов и певцов.

— Что?! Ты хочешь ехать в этот замок? Поэтому ты так оделся?!

— Нет, — спокойно сказал он. — Но с этой каргой пора кончать.

— Ты же говорил, что это очень опасно! Что ты ничего не знаешь про неё!

— Вот и выясним на месте.

Джастер проверял надёжность крепления фламберга. Я смотрела на воина и понимала, что игры и в самом деле закончились. Шут принял решение, и никакие предсказания и чудища его не остановят.

— Когда ты решил?

— Когда ты реку милостью Датри благословила, — ухмыльнулся он, встряхивая и сворачивая полог. — Лучше границы для твоего надела не придумать. Кстати, ты ещё и кусок герцогства Салаксхема таким образом отхватила. Весьма приличный, между прочим.

Великие боги... Кусок её герцогства... Я невольно потёрла шею, чувствуя, что цена за мою голову заметно повысится, как только Вахала об этом узнает.

— Ты поэтому отправил Микая в Кронтуш, да?

— Разумеется. Толку от него в этом деле не будет, пусть лучше учёбой займётся.

— То есть про дом в Кронтуше ты не шутил?

— А ты против, ведьма?

Я только покачала головой. Джастер был невероятен.

Только Вахала дурой тоже не была.

— Думаешь, тебя в этой одежде не узнают? Ты же слышал, что Холисса рассказывала! Меня уже ищут по дорогам!

— Они ищут рыжую ведьму и наёмника, вот и пусть ищут. — Джастер ухмыльнулся, как обычно уйдя от ответа.

— Что ты задумал на самом деле? — Я внимательно смотрела на него.

— Увидишь, — усмехнулся Шут. — Всеми своё время.

Я только досадливо цокнула языком. Опять он за своё...

— Ты можешь хотя бы сказать, куда мы сейчас поедем?

— На юг, — он посмотрел в сторону утреннего солнца, чьи лучи золотили макушки деревьев, и улыбнулся. — Купим тебе в Сураие новую одежду. А ещё я хочу показать тебе море.

Больше книг на сайте - Knigoed.net